Т. М. СУДНИК

ДИАЛЕКТЫ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

ОЧЕРКИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. М. СУДНИК

ДИАЛЕКТЫ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

ОЧЕРКИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1975

Монография посвящена описанию и типологическому сравнению фонологических систем литовских, белорусских и польских говоров на территории литовско-белорусского языкового и этнического пограничья (северо-запад Белоруссии, юг Литвы).

Ответственный редактор

В. Н. ТОПОРОВ

С $\frac{70101\text{-}197}{042\ (02)\text{-}75}$ 341-74

ВВЕДЕНИЕ

Эта работа представляет собой опыт описания и типологического сравнения фонологических систем белорусских, литовских и польских говоров, сосуществующих в четырех сельских населенных пунктах: Лаздуны, Гервяты, Дятлово (Гродненская обл. Белорусской ССР), Девенишки (Эйшишкский р-н Литовской ССР).

Названные пункты принадлежат территории нынешнего литовско-славянского пограничья. Поэтому прежде чем перейти к изложению специальных вопросов, полезно будет хотя бы в общих чертах охарактеризовать здесь эту территорию, тем более, что некоторые ее особенности имеют прямое отношение к задачам и методу предпринятого нами исследования.

Языковая ситуация, сложившаяся к настоящему времени на литовско-славянском пограничье (конкретно речь идет о смежных районах Литвы, Белоруссии и отчасти Польши), в систематическом плане до сих пор не изучалась, поэтому представленная здесь попытка обзора неизбежно будет носить лишь предварительный и во многом далекий от желательной точности и полноты характер.

Если собрать воедино все имеющиеся материалы по этому вопросу, то перед нами вырисовывается картина сложного и чрезвычайно своеобразного в лингвогеографическом отношении пространства, не знающего в ряде мест четких языковых рубежей и часто приближающегося к мозаичной схеме расположения диалектов разных языков.

Вот примерный, но вполне красноречивый перечень такого рода явлений.

1. Как известно, ареал белорусских говоров в ряде случаев пересекает административную границу Литвы и Белоруссии и иногда довольно глубоко вдается в литовский языковый массив. При этом разграничение литовского и славянского ареалов в силу сложной языковой ситуации в данной области (об этом отчасти будет говориться дальше) оказывается довольно трудной задачей: «восточная граница территории литовского языка очень не ясна» пишет З. Зинкявичюс [1].

По современным наблюдениям, белорусский язык является общераспространенным на значительной территории Виленского

---

[1] Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр. 24.

края, включающей часть Вильнюсского р-на, восточную часть Тракайского, Эйшишкский р-н [2].

Известно также, что континуум белорусских говоров образует компактную область вдоль восточной границы Польши. С севера эта область ограничена Августовским каналом, с юга Бугом (между Наревом и Бугом локализуются уже переходные говоры белорусско-украинского типа), западная граница этой области, установленная на основе речи старшего поколения, идет от дер. Волкуш к Штабину, далее по р. Бебже до Бжозувки, затем достигает р. Супрасли под Васильковом и по Супрасли идет до р. Нарева, сворачивая далее к юго-востоку по линии Страбля—Боцьки—Семятиче—р. Буг несколько к западу от Семятич [3].

2. Вдоль всей границы Литвы и Белоруссии, от северо-востока к юго-западу, тянется цепочка островных литовских говоров, окруженных ныне белорусской средой [4].

В частности, диалектологические экспедиции Института литовского языка и литературы 1956 и 1958 гг. засвидетельствовали литовский язык примерно в 50 деревнях Браславского и Видзовского р-нов Витебской области БССР [5], сконцентрированных главным образом возле местечка Опса (Apsas).

Литовский язык сохраняется и в Поставском р-не Витебской обл. — в деревнях, прилегающих к пунктам Лынтупы (Lentupis)

---

[2] В частности, А. Видугирис в сообщении на XVII Республиканской конференции по литовской диалектологии и топонимике в декабре 1966 г. наметил западную границу белорусского ареала по линии Руднинки—Тракай—Майшягала—Пабярже. См. также: E. Grinaveckienė. Lietuvių ir slavų kalbos gramatinio kontaktavimo reiškiniai pietryčių Lietuvoje. — Lietuvių kalbos gramatikos tyrinėjimai. «Lietuvių kalbos klausimai» (далее LKK), XI, Vilnius, 1969; и старые работы: Н. Н. Дурново. Краткий очерк русской диалектологии. Харьков, 1914; Он же. Введение в историю русского языка. Брно, 1927 (переиздание — М., 1969), карта; Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915; Е. Ф. Карский. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

[3] S. Glinka. Granica językowa i przykłady zróżnicowania fonetycznego gwar białoruskich Białostocczyzny. «Sprawozdania Wydziału Nauk Społecznych Polskiej Akademii Nauk», z. 5. Warszawa, 1960; E. Smułkowa. Szkic systemów fonologicznych ruskich gwar Białostocczyzny wschodniej. «Slavia Orientalis», rocz. XVII, № 3, 1968; W. Kuraszkiewicz. Najważniejsze zjawiska językowe ruskie w gwarach między Bugiem i Narwią. «Sprawozdania Komisji Językowej TNW», wydz. 1, t. 2 Warszawa, 1939. Ср. также: J. Tokarski. Gwara Serpelic. Fonetyka. Fleksja. Wrocław, 1964. Из числа старых работ см.: Е. Ф. Карский. Заметки по белорусским говорам. — РФВ, Варшава, 1901, № 3—4.

[4] Z. Zinkevičius. Указ. соч., стр. 25—27; М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 531.

[5] E. Grinaveckienė. Kai kurios Apso tarmės būdingesnės ypatybės. «LTSR Mokslų Akademijos darbai» (далее — MAD), ser. A (2), Vilnius, 1960.

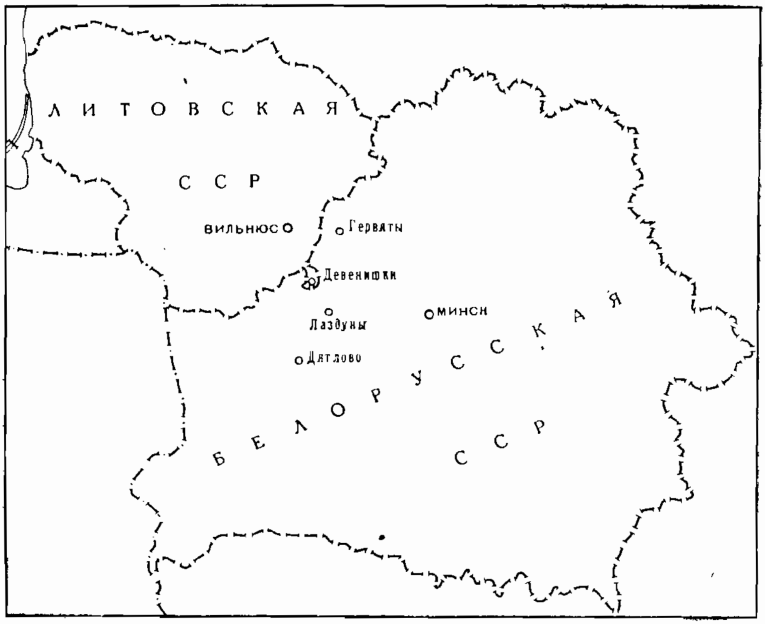

Рис. 1.

и Комаи (Kamojys), а также в окрестностях местечка Свирь (Минская обл. у границы с Гродненской) [6].

На территории Гродненщины, в 70 км к востоку от Вильнюса, расположены Гервяты (Gervėčiai) — значительный литовский остров, образуемый десятком деревень, прилегающих к этому пункту (Островецкий р-н) [7].

На территории Ивьевского р-на в 100 км к юго-востоку от Вильнюса литовский говор сохраняет старшее поколение жителей деревни Лаздуны (Lazūnai) и нескольких соседних деревень [8].

Как установили экспедиции 50-х годов, литовскую речь все еще можно услышать в нескольких деревнях (Ромашканцы, Дайнава, Белюнцы и др.) той части Вороновского р-на, которая примыкает к девенишкскому «полуострову» [9].

---

[6] Z. Zinkevičius. Указ. соч., стр. 25.

[7] P. Arumaa. Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend. Dorpat, 1931, а также: Т. М. Судник. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят). «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964.

[8] P. Arumaa. Указ. соч.; J. Senkus. Kai kurie Lazūnų tarmės ypatumai. — MAD, ser. A (1), 1958; Он же. Lazūnų tarmės tekstai. — LKK, II, 1959; E. Grinaveckienė. Tarmių medžiagos rinkimas lietuvių kalbos atlasui. — LKK, III, 1960.

[9] J. Šukys. Būdingesnės Ramaškonių tarmės ypatybės. — LKK, III, 1960.

Почти в каждой деревне в окрестностях местечка Радунь (Rodūnia) — Жирмуны, Бастуны, Пеляса, Заболотье и др. — можно найти стариков, говорящих по-литовски, а от Радуни к югу, почти достигая Лиды, тянется более или менее компактная полоса деревень, сохраняющих литовский говор [10].

Гораздо южнее этих мест, в 50 км к югу от Лиды, в 80 км от литовской границы и в 150 км от Вильнюса, расположен островок, известный в литуанистике под названием Зетела [11] (Дятлово). Это наиболее удаленный от литовского «материка» остров. В настоящее время осталось менее 30 хранителей литовского языка в дер. Засетье и Погири.

Ближе к Гродно говорящих по-литовски можно встретить в окрестностях Поречья [12]. Летом 1965 г. мы записывали литовскую речь переселенцев из дер. Озерки, проживающих в настоящее время в Гоже и Привалках.

Компактная зона литовских говоров располагается вдоль северо-восточной границы Польши, в Сувалкском крае, по линии Пуньск—Сейны [13].

3. Что касается польского ареала, то он так или иначе представлен, по-видимому, на всей рассматриваемой нами территории. Известно, что в западных областях Белоруссии старшее, а иногда и среднее поколение наряду с белорусским обычно владеет и польским языком. Степень владения польским языком заметно убывает в направлении с запада на восток и сходит на нет, достигая, по всей вероятности, условной линии Освея—Бегомль — Логойск — Руденск — Слуцк — Старобин — Давыд-Городок, вокруг которой группируются меридиональные изоглоссы белорусских говоров [14].

Польский язык распространен также на территории Литвы и особенно в Виленском крае, где он существует обычно в условиях двуязычия или многоязычия [15]. В окрестностях же Пабраде, Неменчине, Пабярже, Майшягала польский язык доминирует, выступая в качестве основного средства общения [16].

---

[10] A. Vidugiris. Nauji darbai apie lietuvių kalbos tarmes. — LKK, II, 1959; O. Broch. Zum Litauischen südlich von Vilna. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. XIX, 1958.

[11] P. Arumaa. Указ. соч.; Chr. S. Stang. Die litauische Mundart von Zasėčiai im Gebiet von Wilna. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. XVIII, 1958; а также кандидатская диссертация «Зетельский говор литовского языка» (Вильнюс, 1962) и др. работы А. Видугириса.

[12] Z. Zinkevičius. Указ. соч., стр. 27.

[13] Z. Zinkevičius. Указ. соч.; T. Zdancewicz. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966, карта.

[14] «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1968, стр. 163—177, 277—307; «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1969, карты № 65—68.

[15] E. Grinaveckienė. LKK, XI, 1969; H. Turska. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Wilno, 19(39).

[16] Z. Zinkevičius. Указ. соч., стр. 24

Говорящих и понимающих по-польски можно встретить и в селениях юго-запада Литвы.

Такова в общих чертах современная лингвогеографическая картина территории соседства литовского, белорусского и польского языковых ареалов. Разумеется, она может быть уточнена и дополнена, но, по всей вероятности, лишь за счет присоединения новых свидетельств лингвистического разнообразия этой области.

Вполне закономерно, что территория, отличающаяся столь многочисленными взаимопроникновениями ареалов, должна служить и служит ареной интенсивных и разнообразных языковых контактов. В настоящее время об этом трудно судить со всей определенностью, и не только по причине недостатка соответствующих исследований, но также и потому, что языковые отношения в этом районе чрезвычайно изменчивы и динамичны.

Попытаемся все же наметить общую схему языковых контактов в интересующем нас районе, вполне осознавая ее несколько упрощенный характер и необходимость последующих дополнений и корректив.

Максимальным вариантом контактной ситуации применительно к территории литовско-славянского языкового пограничья следует считать, по-видимому, те случаи, когда в пределах одного и того же речевого коллектива имеет место повседневный контакт диалектов трех языков — литовского, белорусского и польского. Насколько нам известно, подобная ситуация характерна для литовских островов Гродненщины, а также для некоторых мест Виленского края (в частности, Эйшишкский р-н) [17].

Сосуществование трех языков в пределах одного пункта, как правило, сопряжено с активным трехъязычием по крайней мере части населения, дифференциация же остального контингента говорящих связана с устранением (точнее, ослаблением) либо одного компонента (двуязычие), либо двух компонентов (одноязычие, т. е. активное владение лишь тем диалектом, который в условиях данного коллектива является межъязыковым средством общения), при этом, разумеется, не может быть и речи о дву- или одноязычии в чистом виде.

При описании максимального типа контактной ситуации нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что в современных условиях (роль школы, средств связи и сообщения и т. п.) более или менее влиятельными участниками контакта становятся фактически и литературные варианты литовского, белорусского и польского языков. Для говоров на территории Белоруссии и Литвы следует учесть кроме того и довольно заметное русское влияние.

---

[17] То же, по всей вероятности, следует предположить и для некоторых пунктов северо-восточной Польши. Ср.: T. Zdancewicz. Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami. «Acta Baltico-Slavica», t. I. Białystok, 1964.

Этот тип контактной ситуации имеет локальные варианты, обусловленные (при сохранении того же максимума компонентов контакта) уже конкретными и индивидуальными обстоятельствами функционирования языков: например, тем, какой именно из трех языков в условиях данного пункта выходит на первый план, выполняя роль главного средства общения (и соответственно — какой именно из литературных языков получает наибольшую сферу влияния), или тем, какая последовательность усвоения языков характерна для данного коллектива, какими возрастными категориями представлены трех-, дву- или одноязычные группы, каково их количественное соотношение, и т. д. Вот один из возможных примеров географического варьирования максимальной контактной ситуации: если в трехъязычных пунктах Белоруссии посредствующим языком является белорусский, то в некоторых местностях Эйшишкского и Вильнюсского р-нов Литвы (таких, как Девенишки, Сенейи Мацяляй, Бутримонис, Мариямполис и др.) на эту роль в равной мере претендуют два языка — литовский и белорусский; в трехъязычных пунктах Виленщины, вплотную приближенных к сплошному литовскому диалектному массиву, ведущим, по всей вероятности, является литовский язык, а, скажем, в Лаваришках, окрестностях Неменчине или Пабраде — польский.

На некоторых участках рассматриваемой территории в отношения повседневного контакта вовлечены два языка (причем иногда это является результатом постепенной редукции и утраты одного компонента максимальной контактной ситуации), что сопровождается двуязычием по крайней мере части населения. Так, в западных областях Белоруссии (если не иметь в виду островные литовские селения) и в смежных районах восточной Польши взаимодействуют белорусский и польский языки. На северо-восточной окраине Польши, прилегающей к Литве, и в некоторых пунктах Виленщины в рамках одного и того же коллектива функционируют литовский и польский языки. Что же касается литовско-белорусских контактов, то для описываемой территории характерно, что в чистом виде они, пожалуй, нигде не представлены, а развертываются обычно при участии так или иначе обозначенного польского фона.

Наконец, следует сказать о возможных на данной территории приближениях к условиям одноязычия (редукция двух компонентов максимальной контактной ситуации). Важно заметить, что в этих случаях чаще всего имеют место скрытые языковые контакты. Они могут обнаруживаться, например, в том, что говорящие нередко владеют некоторыми фрагментами другого языка (песни, фразеологизмы, отдельные слова), понимают, хотя бы частично, произносимое на другом языке или во всяком случае оказываются в состоянии безошибочно определить принадлежность сказанного к тому или иному языку.

Постоянно возобновляющиеся языковые контакты приводят к тому очевидному уже при предварительном знакомстве положению, что лингвистическое сознание говорящих, населяющих данную область, носит несколько особый характер, безусловно отличный от ситуации на смежных территориях. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что члены многоязычного коллектива, оказываясь перед необходимостью выбора одного из двух или нескольких возможных языков, обычно руководствуются некоторыми общими для всех правилами языкового поведения, предписывающими однозначный выбор языка в зависимости от конкретной ситуации речевого общения (существенную роль при этом могут играть такие факторы, как однородность или неоднородность ситуации относительно родного языка говорящих, количество участников или даже тема разговора и т. д.). Таким образом оказывается, что облик каждого языка в сознании говорящих осложнен некоторым представлением о его престиже, которое само по себе также подлежит географическому варьированию.

Наблюдения над лингвистическим сознанием говорящих в этой области дают возможность проследить (иногда даже в условиях одного коллектива) диапазон различных типов структуры языкового знака, намеченных в работах Л. В. Щербы и У. Вайнрайха [18]. Разумеется, пока что эти вопросы остаются лишь задачей исследований, но уже сейчас в этом плане обращает на себя внимание то, что говорящие в данной области, как правило, склонны отмечать и осознавать скорее сходство в структуре знакомых им языков, нежели расхождения между ними, а в своей практике дву- или многоязычия они реализуют некоторые правила соответствий между элементами употребляемых языков, в известном смысле аналогичные системам соответствий в сравнительно-историческом языкознании.

Об интенсивном характере контактов свидетельствует и этническая предыстория этой области, поражающая быстротой и радикальностью процессов ассимиляции. Сошлемся на этнографические исследования М. Я. Гринблата [19], который прослеживает

---

[18] Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I. Пг., 1915; Он же. Sur la notion de mélange des langues. «Яфетический сборник», Л., 1925; U. Weinreich. Languages in contact. N. Y., 1965.

[19] М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I. М., 1959; Он же. Белорусы. Минск, 1968. В дополнение к топонимическим и антропонимическим аргументам М. Я. Гринблата укажем работу: М. В. Бірыла, А. П. Ванагас. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск, 1968. Некоторые сведения об этнолингвистической истории этой области содержатся в статье: J. Lipskienė, A. Vidugiris. Dieveniškių tarmė. Lietuvių kalbos gramatinė sandara (LKK, IX). Vilnius, 1967. Ср. также данные об антропологической общности населения юго-восточной Литвы и северо-западной Белоруссии в работах: М. В. Витов. Антропологическая характеристика населения восточной Прибалтики. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I.

этническую эволюцию нынешней северо-западной Белоруссии, начиная с того периода, когда литовский (или балтийский) элемент был там, по-видимому, единственным, и далее показывает, основываясь на материалах старых демографических отчетов и данных о распространении литовского языка, что на протяжении последних ста лет литовский этнический элемент почти полностью растворился в славянском, т. е. белорусском (уцелели лишь остаточные островки, где процесс ассимиляции завершается на наших глазах). Естественно, что столь быстрые и кардинальные перемены мыслимы лишь на фоне интенсивных и многообразных языковых и этнических контактов.

Все, что было здесь сказано о характере языковой ситуации на территории литовско-славянского пограничья, дает основания предполагать, что литовские, белорусские и польские говоры, локализующиеся в этой области, обнаруживают в своей структуре значительное и, вероятно, продолжающее расти число типологически сходных черт, отличаясь от смежных территорий более высокой концентрацией подобных схождений и образуя лингвогеографическое единство, близкое языковым союзам. Некоторые из этих общих типологических особенностей литовских, белорусских и польских говоров уже были отмечены [20], однако это самый предварительный перечень. Он учитывает лишь те примеры, которые очевидны уже при теперешнем состоянии исследований. Но примечательно, что и эти факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что тенденция к типологическому сближению так или иначе затрагивает различные уровни контактирующих говоров.

Так, при несомненном единстве фонетической, материальной базы есть основания говорить и о наметившемся выравнивании фонологических систем, касающемся как парадигматического, так и синтагматического плана (ср. некоторые общие особенности функционирования признаков палатальности и напряженности в литовских и белорусских говорах, деназализацию в польском

М., 1959; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики. М., 1959.

[20] См.: Т. М. Судник, С. М. Толстая, В. Н. Топоров. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. «Советское славяноведение», 1967, № 2. Косвенным свидетельством в пользу вероятного типологического уподобления говоров являются приведенные в этой статье признаки сложившегося на данной территории единого культурного комплекса: например, общие для Белоруссии и восточной Литвы типы жилища и хозяйственных построек, детали строительной техники, общие черты в покрое одежды, в пище, утвари и других элементах материальной культуры, а также сопоставимые особенности надъязыковых систем — мифологии, обрядности, фольклора. Этот перечень может быть значительно обогащен и конкретизирован за счет тех новых фактов, которые стали известны в итоге комплексной литовской экспедиции в Девенишкский край (см. сб. «Dieveniškės». Vilnius, 1968).

вокализме, сходные явления начала слова в литовских, белорусских и польских говорах и т. д.).

В области морфологии характерны факты заимствования морфологических элементов, возникновения креолизованных форм, материальной адаптации морфов, а также явления перегруппировки собственных различительных средств языка и предпочтительного употребления тех из них, которые находят материальную или структурную аналогию в другом языке. Еще не совсем ясно, насколько подобные явления затрагивают план содержания (систему грамматических категорий), но по всей вероятности преобразования возможны и здесь.

Что касается синтаксиса, то обращает на себя внимание преобладание в говорах этой области наиболее простых и нивелированных с точки зрения языковых различий конструкций. Унифицирующие тенденции наиболее очевидны в синтаксисе падежей, предложных конструкций, глагольном управлении; замечено, что с особой свободой переходят из языка в язык устойчивые, приближающиеся к фразеологизмам словосочетания.

Вполне понятно, что в данной области чрезвычайно активны также процессы лексического взаимодействия. Об их мощности можно судить хотя бы по словарю славянских заимствований в литовском тверечском говоре, составленному Я. Отрембским [21]. В непрерывной практике заимствования у говорящих выработался четкий механизм фонетической и морфологической адаптации иноязычных слов, а это в свою очередь делает более простыми и освоенными пути дальнейшей лексической интерференции.

Надо полагать, что во многих случаях подобные изменения словаря бывают сопряжены с преобразованиями и в плане семантических противопоставлений.

Словообразовательные отношения также подчиняются общей тенденции. Уже сейчас можно сослаться на примеры заимствования словообразовательных элементов и на частые в данной области случаи калькирования.

Таковы в самом общем виде те признаки конвергентного развития диалектов литовско-славянского пограничья, которые могут быть намечены на основе переосмысления известных в настоящее время диалектных материалов. Если еще принять во внимание, что наблюдения такого рода постоянно возобновляются и накапливаются в диалектологической практике, то становится очевидным, что для адекватной лингвистической интерпретации названной диалектной области необходимо изучение ее в ареально-типологическом плане.

Смысл такого подхода состоит в том, что он, во-первых, ориентируется на сплошное планомерное обследование литовских, белорусских и польских говоров, относящихся к данной территории,

---

[21] J. Otrębski. Wschodniolitewskie narzecze twereckie, cz. II. Kraków, 1932.

и, во-вторых, предполагает полное и единообразное описание диалектных систем, подлежащих сравнению. Только при соблюдении этих условий показания говоров окажутся сопоставимыми и предстанут в обозримой форме, пригодной для окончательных типологических выводов.

В настоящее время территория литовско-славянского пограничья в этом плане еще очень мало изучена. Достаточно сказать, что по некоторым диалектам или целым диалектным комплексам попросту отсутствуют какие бы то ни было материалы. Так, совершенно не исследованы белорусские говоры на территории Литвы [22]. Что касается польских говоров в западных районах Белоруссии и Литве, то до самого последнего времени [23] их библиография исчерпывалась статьями К. Нича [24] и Я. Отрембского [25], а также чрезвычайно ценными довоенными работами Г. Турской по виленской польщизне [26]. Остаются неисследованными некоторые литовские говоры на территории Литвы, а также продолжение литовского диалектного массива в северо-восточной Польше [27].

Не менее существенно и то, что сведения об указанном круге диалектов, которыми мы все же располагаем в настоящее время, чаще всего далеко не полны и лишь частично сопоставимы. Это легко объяснить, если учесть, что литовско-славянское языковое пограничье было пространством, где издавна граничили между собой и разные диалектологические традиции. Естественно, что различие описательных и классификационных процедур, применявшихся при этом к литовским и славянским диалектам, вело к известной разрозненности результатов работы и содействовало тому, что вопрос о сходстве, зависящем от смежного положения в пространстве, почти не вставал.

Правда, отдельные языковые факты сопоставлялись между собой, и такие сопоставления известны уже давно. Так, Я. Роз-

---

[22] Известно лишь, что некоторые изоглоссы, выделяющие северо-западный ареал белорусских говоров, продолжаются и на территории Литвы. Это подтверждают материалы совместной литовско-белорусской экспедиции 1966 г. (см.: «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». Мінск, 1968, стр. 274).

[23] Современное состояние исследований отражено в сборнике «Польские говоры в СССР». Ч. 1. Исследования и материалы 1967—1969 гг.; ч. 2. Исследования и материалы 1969—1971 гг. (В ч. 1 содержится составленный В. Л. Вереничем исчерпывающий список литературы, касающейся периферийной польщизны).

[24] K. Nitsch. Język polski na Wileńszczyźnie. «Przegląd Współczesny», № 33, 1925.

[25] J. Otrębski. Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie. «Język polski», XVI, 1931.

[26] H. Turska. Język polski na Wileńszczyźnie. «Wilno i ziemia Wileńska». Wilno, 1930; Она же. Język Jana Chodźki. Wilno, 1930; Она же. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Wilno, 19(39).

[27] См. теперь: «Teksty gwarowe z Białostocczyzny z komentarzem językowym». Pod red. A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1972, где приводятся транскрипции текстов, записанных в литовских селах на территории Польши.

вадовский писал о фонетическом тождестве дифтонгов в смежных белорусских и литовских говорах [28], Е. Ф. Карский отмечал лексические литуанизмы в белорусском [29], а А. Салис обратил внимание на то, что изофона дзуканья охватывает как раз те литовские говоры, которые примыкают к территории белорусов [30]. Такие совпадения отмечались и впоследствии, но они не могли объединиться в общую непротиворечивую картину, поскольку для сравнения выбирались разрозненные факты, к тому же сама правомерность межъязыковых сопоставлений часто вызывала сомнения, так как на первом плане преждевременно оказывались вопросы генетической интерпретации.

Интерес к языковой ситуации литовско-славянского пограничья резко вырос в самые последние годы.

К изучению литовско-белорусских языковых контактов вплотную подошли белорусские диалектологи, завершив комплекс исследований по лингвистической географии Белоруссии [31]. На основе белорусского диалектологического атласа и по материалам литовско-белорусской экспедиции 1966 г. уже появилось несколько работ, посвященных северо-западной зоне белорусских говоров, прилегающей к литовскому диалектному массиву [32]. Более активно стали разрабатываться в последние годы проблемы ономастики и лексики литовского происхождения в Белоруссии [33].

Вопросам современных языковых контактов литовцев и славян уделяют внимание и литовские исследователи. В обобщающем труде З. Зинкявичюса отмечены инновации в периферийных литовских говорах, вызванные славянским влиянием [34]. На эти

---

[28] J. Rozwadowski. Uwagi o dyftongach *ie*, *uo* w południowo-zachodniem narzeczu białoruskiem. «Materjały i prace Komisji językowej AU w Krakowie», t. 1, 1904.

[29] Е. Ф. Карский. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. — РФВ, XLIX, 1903.

[30] A. Salys. Kelios pastabos tarmių istorijai. «Archivum Philologicum», IV. Kaunas, 1933.

[31] «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». (Пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч). Мінск, 1963 (далее ДАБМ); «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». (Пад рэд. Р. І. Аванесава). Мінск, 1963; «Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак». (Пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч). Мінск, 1968 (см., в частности, стр. 274—277), и под тем же названием второй том, содержащий атлас изоглосс (1968 г.; см., в частности, карту № 77).

[32] А. У. Арашонкава и др. З лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. «Весці АН БССР». (Серыя грамадскіх навук), № 4, 1969; І. П. Кавальчук. Да характарыстыкі гаворак беларуска-літоўскага моўнага пагранічча. Лінгвістычныя даследаванні. Мінск, 1968; Е. И. Гринавецкене, И. П. Ковальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович. Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья. «Балто-славянский сборник». М., 1972.

[33] М. В. Бірыла, А. П. Ванагас. Указ. соч.; «Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. Матэрыялы для абмеркавання». Мінск, 1969.

[34] Z. Zinkevičius. Указ. соч., стр. 29—31.

темы появилось и несколько специальных работ [35]. Интерес к литовским говорам, соседящим со славянами, неизменно разделяют А. Видугирис, Е. Гринавецкене, И. Шукис и другие диалектологи. В. Урбутис, использовав материалы белорусского диалектологического атласа и последних словарей, опубликовал итоговый обзор литуанизмов в белорусской лексике [36]. Диалектные материалы, относящиеся к территории литовско-славянского пограничья, исследуются в кандидатской диссертации Ю. Лаучюте [37].

Довольно много за последние годы сделано польскими учеными в области изучения языковой ситуации на территории восточной и северо-восточной Польши. Больше других на эту тему писали Т. Зданцевич и Э. Смулкова [38].

Все эти исследования вскрывают все новые и новые факты, свидетельствующие о типологическом сближении диалектов литовско-славянского пограничья, объединенных общностью «месторазвития» [39]. Тем очевиднее становится задача изучения данной диалектной области с ареально-типологической точки зрения.

Решение этой задачи важно не только для адекватной лингвистической характеристики данной территории. В статье В. Н. Топорова «К характеристике балто-славянских языковых отношений» [40], где область на стыке балтийского и славянского миров впервые была интерпретирована в плане теории языковых союзов, говорится о том, что данная языковая ситуация вызывает интерес и с точки зрения более широких балто-славянских и общетеоретических проблем.

Прежде всего, можно предполагать, что знание современного развития языковых контактов литовцев и славян даст возможность путем типологической конфронтации более реально представить характер и динамику ассимилятивных процессов, имевших

---

[35] E. Grinaveckienė. Lietuvių ir slavų gramatinio kontaktavimo reiškiniai pietrycių Lietuvoje; Она же. Некоторые явления контактирования литовского и славянского говоров. «Балто-славянский сборник». М., 1972. См. также: В. Гринавецкис. Две заметки по литовской диалектологии. «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964.

[36] V. Urbutis. Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. «Baltistica», V (1), V (2), Vilnius, 1969.

[37] Ю. Лаучюте. Лексические балтизмы в славянских языках. Л., 1972.

[38] Основные работы: T. Zdancewicz. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966; E. Smułkowa. Słownictwo z zakresu uprawy roli w gwarach Białostocczyzny wschodniej na tle wschodniosłowiańskim. Изд-во «Ossolineum», 1968. См. также: S. Glinka. Указ. соч.; T. Buch. Zur phonologischen Wertung von lit. *ie*, *uo* und lit. *ė*, *ē*. «Lingua Posnaniensis», XII/XIII. Poznań, 1968.

[39] Об этом понятии см.: Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. — В кн.: R. Jakobson. Selected Writings, I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 147.

[40] См.: «Актуальные проблемы славяноведения. (Материалы координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения)». М., 1961, стр. 211—218.

место на данной территории в прошлом [41]. Кроме того, оно в какой-то степени сможет содействовать уяснению и более общей картины балто-славянских взаимоотношений, которая в исследованиях последнего времени приобретает относительно конкретные черты [42].

Языковая ситуация литовско-славянского пограничья интересна и с точки зрения общей типологии. Дело в том, что если само наличие зависимости между пространственным расположением языков и их типологическими особенностями в принципе вполне обосновано [43], то еще очень неясны конкретные формы подобной зависимости. В большей или меньшей степени изучались лишь случаи классических, ярко выраженных языковых союзов, характер же лингвистической интерференции в зонах контакта генетически близких языков, не имеющих традиции типологического изучения, пока что наименее ясен.

Обращаясь к диалектной области литовско-славянского пограничья, необходимо иметь в виду и еще одно обстоятельство. Дело в том, что языковые отношения здесь, как уже говорилось, чрезвычайно изменчивы, и языковая ситуация в таком виде, как сейчас, в скором времени, вероятно, перестанет существовать. Поэтому нельзя не признать, что ареально-типологическое изучение данной области является неотложной задачей.

Совершенно ясно, что при ориентации на фронтальное полевое обследование диалектов уже на первоначальной стадии работы на первом плане оказываются методологические вопросы, и прежде всего те из них, которые касаются принципов собирания диалектного материала. И, по всей вероятности, для выяснения этих вопросов (составление программы и вопросников, надежно выявляющих черты конвергентного развития контактирующих диалектов, установление сетки пунктов, подлежащих обследованию, приемы записи и каталогизации наблюдений и т. д.) исходным материалом могут послужить опыты описания контактных ситуаций в отдельных пунктах, относящихся к территории литовско-славянского языкового пограничья.

В центре внимания данной работы — языковая ситуация четырех пунктов: Лаздуны (бел. Лаздуны, лит. Lazūnai, польск. Łaz-

---

[41] Ср. хотя бы: Я. Отрембский. Язык ятвягов. «Вопросы славянского языкознания», 1961, № 5.

[42] Из последних работ: D. Brozović. O važnosti baltičkih jezika za slavistiku, osobisto za našu dijalektologiju. «Jezik», VII, 1959—1960; F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967; Ф. Безлай. Опыт работы над словенским диалектологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4; Он же. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistika», VIII/1, Ljubljana, 1966—1968.

[43] Первые и основные работы на эту тему: Н. С. Трубецкой. Вавилонская башня и смешение языков. «Евразийский временник», III. Берлин, 1923; Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза; см. также: U. Weinreich. Languages in contact. N. Y., 1963; Он же. Four riddles in bilingual dialectology. «American contributions to the fifth congress of slavists». The Hague, 1963.

duny) — Ивьевский р-н Гродненской обл. БССР, Гервяты (бел. Гервяты, лит. Gervėčiai, польск. Gierwiaty) — Островецкий р-н Гродненской обл., Дятлово (бел. Дзятлава, лит. Zíetela, польск. Zdzięcioł) — Дятловский р-н Гродненской обл., Девенишки (бел. Дзявенiшкi, лит. Dievenіškės, польск. Dziewieniszki) — Эйшишкский р-н Литовской ССР.

Этот подбор пунктов известен в литуанистике по собранию литовских диалектных текстов П. Арумаа. Основным мотивом выбора было для нас то, что каждый из названных пунктов представляет примерно те условия, в которых окажется диалектолог при полевом обследовании данной области. Было важно, что во всех пунктах так или иначе реализуется максимальная контактная ситуация, состоящая в том, что один и тот же коллектив использует (или может использовать) в повседневном общении три языка — белорусский, литовский и польский. Учитывалось и другое: в Лаздунах, Гервятах и Дятлове литовский и польский говоры исчезают на наших глазах, быстрые перемены происходят и в Девенишках, окраинном пункте литовского диалектного массива.

Основной задачей работы является описание и типологическое сравнение фонологических систем белорусских, литовских и польских говоров, сосуществующих в указанных пунктах. Выбор фонологического аспекта исследования определялся тем, что именно фонология располагает наиболее разработанными методами описания и типологического сравнения языков, вследствие чего именно в этом плане ожидаются первоначальные типологические результаты. К тому же фонологическая типология может максимально использовать накопленные диалектологией материалы, поскольку существующие диалектологические классификации основаны на критериях, учитывающих прежде всего фонетико-фонологические факты. Наконец, есть все основания полагать, что в интересующих нас пунктах процессы фонологической интерференции и типологического выравнивания чрезвычайно активны, так как языковые контакты осуществляются здесь почти исключительно в устной форме.

Материалом для описания послужили известные собрания литовских диалектных текстов (прежде всего публикации П. Арумаа, А. Видугириса, Ю. Сенкуса, Е. Гринавецкене), а также наши собственные наблюдения и записи белорусской, литовской и польской речи, собранные во время поездок в Лаздуны, Девенишки, Гервяты, Дятлово в 1963—1970 гг.

Очеркам фонологических систем, которые составляют первые четыре главы работы, предпосланы краткие описания языковых ситуаций исследуемых местностей. В условиях трехъязычия эти наблюдения необходимы, поскольку на их основании решается вопрос о выборе информантов, отвечающем цели исследования. В данном случае объектом изучения была, во-первых, белорусская речь говорящих, для которых родным и активно используе-

мым с рождения языком был белорусский, во-вторых, литовская речь тех, кто рос в литовской семье и с детства говорил по-литовски, и в-третьих, польская речь лиц, более или менее активно владеющих польским языком. Во всех случаях это были представители старшего поколения, поскольку именно они являются основными хранителями угасающей ныне традиции трехъязычия. Кроме того, в данной работе описываются особенности белорусской речи говорящих с родным литовским языком, т. е. особенности «вторичной» версии белорусского языка, наслоившегося на литовский субстрат.

Возможность типологического сравнения фонологических систем обеспечивается единообразием процедур описания, примененных к различным говорам. Оно выразилось уже в том, что во всех случаях мы старались использовать единую систему транскрипции. Далее, при установлении инвентаря фонем исходным был один и тот же дистрибутивный критерий, а именно: функциональность транскрипционного знака (фонематичность) считалась установленной при условии его встречаемости в позициях, которые в равной мере служат контекстом различения других знаков.

Идентификация фонологических единиц (в данной работе рассматривается уровень сегментного различения) осуществлялась с помощью одного и того же набора различительных признаков:

1) гласность
2) согласность
3) компактность
4) диффузность
5) периферийность
6) напряженность
7) назальность
8) непрерывность
9) яркость
10) звонкость
11) палатальность.

При сохранении терминологии Р. О. Якобсона и его соавторов, разработавших теорию бинарных различительных признаков применительно к акустической субстанции, указанные признаки используются в данной работе скорее как логическая система идентификации фонем [44]. Это означает, что, не располагая экспериментально-фонетическим диалектным материалом и опираясь исключительно на слуховой анализ, мы основывались при отождествлении различительных элементов на теоретическом и общепризнанном соотношении между акустической, артикуляционной, и перцептивной сторонами звуков речи.

Единообразие процедур идентификации обеспечивается постоянной во всех случаях иерархией признаков и единым порядком идентификации классов фонем.

---

[44] См.: М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. «Славянское языкознание (V Международный съезд славистов)». М., 1963, стр. 427.

При описании парадигматического плана мы сочли целесообразным, имея в виду последующее типологическое сравнение, вывести некоторые количественные показатели, характеризующие статистическую структуру матриц, а именно, коэффициенты мощности и симметричности различительных признаков.

Очерки фонологических систем включают описание распределения фонем в исследуемых говорах. Уделяется внимание особенностям построения вокалической схемы слова, дистрибутивной структуре упорядоченных сочетаний двух и более фонем, а также подсистемам фонологических единиц, оформляющих начало и конец слова.

Результаты исследования рассматриваются в последней, пятой главе, посвященной типологии фонологических систем описываемых говоров.

К работе прилагаются образцы диалектных текстов, записанных нами в Лаздунах, Девенишках, Гервятах, Дятлове.

За большую помощь в работе приношу глубокую благодарность сотрудникам сектора истории и диалектологии литовского языка Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР и сотрудникам сектора диалектологии Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР.

ОЧЕРКИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ЛАЗДУНЫ

Лаздуны (лит. Lazūnai, польск. Łazduny) находятся приблизительно в 100 км к юго-востоку от Вильнюса и по нынешнему административному делению относятся к Ивьевскому р-ну Гродненской обл. БССР. По старым демографическим сведениям [1], Лаздуны в конце прошлого века характеризовались неоднородностью этнического состава и соответственно многоязычием: в этом селении и некоторых близлежащих деревнях, условно объединяемых (в данной работе, как и в литовских диалектологических исследованиях) под общим названием «Лаздуны», сосуществовали славянский (белорусско-польский) и литовский элементы [2]. Сейчас, спустя 70 лет, в Лаздунах еще живы немногие, говорящие по-литовски и по-польски, и хотя для всех поколений постоянным средством общения стал белорусский диалект, здесь пока все еще можно выявить интересующую нас ситуацию литовско-белорусско-польского трехъязычия.

Из трех диалектов, на которых говорят в Лаздунах, предметом специальных лингвистических наблюдений был пока что только литовский, интересовавший литуанистов главным образом архаическими особенностями, уцелевшими благодаря особой географии говора, содействующей ретардации, — островному положению в славянской среде и значительной удаленности от основного диалектного массива. Кроме П. Арумаа, опубликовавшего собрание записанных им текстов, говором Лаздун интересовался Э. Френкель, в частности, некоторые наблюдения приводятся в его известной статье «Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen» [3].

---

[1] «Obszar języka litewskiego w gubernii Wileńskiej. Skreślił Anonim». W Krakowie, 1898 (в то время Лаздуны входили в Ошмянский повет Виленской губ.).

[2] Опираясь на тот же демографический источник, можно предположить, что некоторые из интересующих нас деревень населяли только литовцы. См., в частности, «Obszar języka litewskiego. . .», стр. 60, где приведены статистические сведения о населении деревни Дэверги, целиком литовском (801 человек). Однако, видимо, и для подобных случаев приходится восстанавливать в прошлом ситуацию многоязычия, учитывая полилингвистическое окружение говора и интенсивность контактов с соседними селениями.

[3] См.: Balticoslavica. Biuletyn instytutu naukowo-badawczego Europy Wschodniej w Wilnie, t. II. Wilno, 1936.

Затем, спустя двадцатилетие, лаздунский говор исследовался по программе литовского диалектологического атласа (1952—1955 и 1959 гг.), в результате чего появились статья [4] и две публикации текстов [5].

Сведения, содержащиеся в перечисленных исследованиях, были использованы в данной работе в качестве материала при написании литовского раздела, наряду с собственными транскрипциями автора, выполненными во время двух экспедиций в Лаздуны — в 1964 и 1968 гг. Что касается белорусского и польского говоров, то в этом случае не было возможности опереться на предшествующие наблюдения [6], и описание белорусской и польской фонологической систем полностью основывается на записях автора данной работы.

* * * * *

По нашим наблюдениям и по свидетельству информантов, литовский язык и, следовательно, навык литовско-белорусско-польского трехъязычия сохранился до сих пор в следующих деревнях [7]: Посали (бел. pósal'i, лит. pásal'ei̯), Бобровичи (бел. bóbrav'ičy, лит. b'abrénai̯), Дэверги (бел. dévarg'i, лит. ʒ'iev'arg'ai̯, dérvag'ai̯), Гуденята (бел. guʒ'an'áta, лит. guʒ'an'ón'is), Вольдики (бел. vól'ʒ'ik'i, лит. vál'ʒ'ikai̯), Лаздуны (бел. lazdúny, лит. lazúnai̯), Довнары (бел. dau̯náry, лит. do̯unórai̯, do̯urón'ai̯), Шашки (бел. šašk'í, лит. šaškái̯), Яськовичи (бел. jás'kav'ičy, лит. jás'kav'ičai̯, joškúnai̯), Замоши (бел. zamóšy, лит. zamášos), Бежемцы (бел. b'ažémcy, лит. b'ažámn'ai̯).

Языковую ситуацию, сложившуюся в названных деревнях к настоящему времени, можно представить в табл. 1 (знак + означает, что существует группа населения, владеющая двумя соответствующими языками, причем язык, помещенный в строке, усваивался этой группой в семье и является для нее родным, «первым», тогда как язык, помещенный в столбце, был усвоен

---

4 J. Senkus. Kai kurie Lazūnų tarmės ypatumai. — MAD, ser. A (1) Vilnius, 1958.

5 См.: J. Senkus. Lazūnų tarmės tekstai. — LKK, II, 1959; E. Grinaveckienė. Tarmių medžiagos rinkimas lietuvių kalbos atlasui. — LKK, III, 1960.

6 Следует сказать, что описываемый пункт (точнее, дер. Бобровичи) обследовался по программе ДАБМ, где он значится под № 426 (см. также образцы текстов, приводимые в кн.: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1962, стр. 135—136). Некоторые расхождения между сведениями по говору, содержащимися в атласе, и нашими материалами объясняются, по-видимому, тем, что наблюдения над идиолектной дифференциацией говора, которые были существенны для нас, не входили в задачу составителей атласа.

7 Порядок перечисления соответствует степени сохранения литовского языка в направлении от большей к меньшей. В дер. Бежемцы никто литовским языком не пользуется, но некоторые его понимают.

впоследствии; знак — (минус) означает, что в данном коллективе нельзя усмотреть соответствующей двуязычной группы).

Таблица 1

«Второй» язык / Родной язык	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский		+	+
Белорусский	—		+
Польский	—	—	

В двух клетках первой строки отмечена фактически одна, теперь уже малочисленная группа населения — немногие оставшиеся в живых представители самого старшего поколения, выросшие в литовских семьях. Живя в иноязычном окружении, они овладевали белорусским языком и польским, который был для них языком власти, религии и грамоты. Определить эту группу численно довольно трудно, так как литовскую и польскую речь можно теперь услышать только в особых ситуациях, а потому дву- и трехъязычие населения в условиях Лаздун носит, можно сказать, потенциальный характер. Но все же приблизительное представление об этом числе получить можно: так, в одной из наиболее «литовских» деревень — Бобровичах, состоящей из 50 дворов, в той или иной степени владеют литовским не более 30—40 человек.

Белорусско-польская двуязычная группа гораздо многочисленнее, ее составляют все или почти все жители Лаздун старшего и среднего (40—50 лет) поколения, что же касается младшего поколения, то оно во всяком случае понимает по-польски.

В настоящее время в Лаздунах, безусловно, преобладает белорусский язык. Литовский язык можно услышать в ситуациях довольно исключительных: разговор лаздунца с исконным литовцем, разговор о языковом прошлом Лаздун между людьми преклонного возраста, исполнение песен, воспроизведение прямой речи. К литовскому прибегают и в тех случаях, когда возникает потребность скрыть содержание разговора от присутствующих, не понимающих по-литовски: jak‿xóča kaγó abγavarýc' z‿druγói̯ v'ósk'i tadý pa‿žagunsku [8] c'áγn'a.

Пожалуй, столь же редки и аналогичны названным ситуации, в которых используется польский язык. Надо лишь заметить, что лет 40—50 назад многие учились польской грамоте и до сих пор

[8] Местный литовский диалект сами лаздунцы называют «жагунским», а его носителей — «жагунами». Жители соседних мест (Ивье, Бакшты) распространяют это название вообще на всех лаздунцев.

умеют писать по-польски, так что польский диалект, можно сказать, используется в Лаздунах в его устной и письменной форме (см. Тексты).

Еще лет 20 назад ситуация была иной. Литовскую речь, как вспоминают информанты, можно было услышать на улице довольно часто, и в семьях, где были живы родители ныне здравствующих «жагунов», говорили по-литовски. Сфера использования польского языка в прошлом также была шире (костел, школа, общение с сельской интеллигенцией и властью). Отголоски прежней языковой ситуации сохранились в песне, воспроизводящей двуязычный (литовско-польский) диалог и не утратившей для лаздунцев и поныне поэтического эффекта:

f‿c'ómnym l'és'a pšy‿ták'ei̯ dol'ín'e
c'ónai̯ ryŋko m'arg'ále vog'áles
— púi̯ʒ'am dál'ai̯ mlóda ʒ'au̯čynáčka
— n'ái̯s'u n'ái̯s'u jáu̯nasai̯ b'arn'ál'is
— da‿v'iʒén'a mlóda ʒ'au̯čynáčka
—súʒ'eu̯ súʒ'eu̯ jáu̯nasai̯ b'arn'ál'is.

Как и следовало ожидать, вся микротопонимическая лексика в интересующих нас селах остается литовской. Вот некоторые ее примеры: дер. Лаздуны — sóntak'i (сенокос), kum'ál'ina (сенокос), dan'ún'iška (центр деревни), pábrac' (поле); дер. Боровичи — tal'èja (дальний сенокос), rušk'ín'en'e (сенокос, где рос щавель), kúpsas (песчаная гора); дер. Бежемцы — ažuk'ál'e (поле за дорогой); дер. Вольдики — b'áržynas (сенокос), l'iʒ'im'ál'is (поле); дер. Посали — pab'áržu (поле), pazakápus (поле), kl'ap'ál'is (поле), p'av'ál'e (сенокос), iŋkal'n'ále (пастбище) и т. д.

Основными информантами автора были «жагуны», сохранившие вполне отчетливое представление о не столь давнем языковом прошлом Лаздун и хорошо владеющие всеми тремя интересующими нас диалектами: Станислав Степанович Плякин (65 лет), Юзефа Мартиновна Плякина (61 год) — из Бобрович; Мария Степановна Берник (72 года), Мальвина Викентьевна Тулько (74 года) и Владислав Тулько (70 лет) — из Лаздун.

* * * * *

Приступая к очеркам фонологических систем литовского, белорусского и польского говоров Лаздун, остановимся на тех схождениях, которые интересующие нас диалекты обнаруживают уже в чисто материальном, фонетическом плане. Внимание фонолога прежде всего останавливает поразительная близость диалектов в этом отношении.

Не имея целью подробное и точное описание явлений супер-сегментного уровня, упомянем все же тот факт, что все различия в этом плане, которые a priori можно было бы себе представить,

Таблица 2

Артикуляционная схема согласных литовского, белорусского и польского говоров Лаздун

Способ образования	Участие голоса	Место образования				Место образования					
		Губные		Губно-зубные		Переднеязычные		Среднеязычные		Заднеязычные	
		палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные	палатальные	непалатальные
Смычные	Звонкие	b' lob'ál'is b'az'm'én b'ály	b bóba búl'ba vrúbal'			d' ʒ'íd'al'is — —	d dᵘóc', daróγa déšč	j jóu̯ jáblyna jaskúlka		g' m'arg'ála réz'g'iny dlúg'e	g m'argá gának gén's'
	Глухие	p' p'alé p'ékla p'ásek	p páršas pál'cy pán'stwo			t' rut'áte — —	t tadú táta téras			k' k'óu̯le k'ísly k'íl'ka	k kójos kám'an' káčka
Фрикативные	Звонкие			v' v'ál'n'as v'ály v'ánek	v vákar vadá vápna		z mazgái̯ záras zémby	z' kaz'úkas z'aml'á z'ém'a	ž žagúnas žáb̯a žál'	γ' maγ'íl'n'ikas nóγ'i —	γ paγúrkl'is γórla γodóvac'
	Глухие			f' paráf'ija af'ára f'iráŋka	f patagrafᵘóć' fútar fatýga		s saldús sála sáʒa	s' s'an'éi̯ s'ém s'áno	š šókc' šés'c' šáfa	x' — x'ítry s'x'íl'ic'	x — xáta ščéxa
Аффрикаты	Звонкие						ʒ ʒá ʒýŋkac' sáʒa	ʒ' m'áʒ'as ʒ'írka ʒ'écko	ǯ ižǯov'ína uxaǯór ǯéva		
	Глухие						c cagónas cymbály có	c' c'onái̯ c'al'átka c'óŋgl'e	č čabatas čabór čósnyk		
Дрожащие							r rýtas réčka rók				
Латеральные						l' l'al'íja l'akái̯ l'ás	l lúŋgas láva ládny				
Носовые		m m'áʒ'as m'an'é m'ála	m mán mác'i múi̯			n' n'éko n'és'c'i n'éx	n namó nárty nóc				ŋ lúŋgas báŋka réŋka

Таблица 3

Артикуляционная схема гласных литовского, белорусского и польского говоров Лаздун

Ряд / Подъем	Передний		Средний	Задний	
	слоговые	неслоговые		слоговые	неслоговые
Верхний	i v'is'í v'ír v'íʒ'ec'	i̯ žyváî̯ mói̯ múî̯	y kapýtas pýɫ pýtac'	u búvo γúɫ'ica rúža	u̯ dôu̯nárai daȗ̯nóry kréȗ̯ny
Средне-верхний	ê(^{i}e, ie) n'ế́ko(n'^{i}éko, n'iéko) ɫ'ế́s(ɫ'^{i}és, ɫ'iés)			ô(^{u}o, uo) važôc'(važ^{u}óc', važuoc') dvố́r(dv^{u}ór, dvúor)	
Средний	e v'éjas ʒ'én' ʒ'écko		•	o bróɫ'is vós'en' móže	
Нижний	æ m'ærg'áɫe			a ánas mátka pán	

зная привычное звучание литовской, белорусской и польской речи, в лаздунских диалектах устранены. По таким признакам, как характер словесного ударения, ритм и интонационный рисунок фразы (интонация вопроса, утверждения, отрицания, сомнения, удивления и т. д.), а также по просодическому облику отрезков речи бо́льших, чем фраза, рассматриваемые диалекты трех языков не представляется возможным разграничить.

Что касается собственно звукового уровня, то он также обнаруживает далеко зашедшее выравнивание диалектных систем. Как видно из приводимых артикуляционных таблиц (табл. 2, 3), для записи текстов на белорусском, литовском и польском диалектах может служить по существу единый набор транскрипционных знаков (если не считать некоторых различий в зоне заднеязычных согласных и переднеязычных палатальных, а также специфически литовского æ).

Особо поясним звучание s', z', c', ʒ'. Все три лаздунских диалекта объединяет «шепелявый» характер этих звуков, артикулируемых средней частью спинки языка [9] (при пассивном, рас-

[9] См.: И. Волк-Левонович. Еще к вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике. «Slavia», 1930, IX, 3, стр. 506.

слабленном кончике), сближающейся с передней частью среднего нёба (О. Брок называет подобную артикуляцию «краепалатальной» [10]). Отличая это произношение от более умеренной палатализации (типа, например, русской) и от палатализации типа «континентальной» польской (ś, ź, ć, ʒ́), было бы справедливее транскрибировать наблюдаемые в Лаздунах звуки особым образом (обозначив их, скажем, s'', z'', c'', ʒ'', как это делает при описании белорусской диалектной территории В. Н. Чекман [11]). В наших транскрипциях это, однако, не сделано, а сохранено обозначение s', z', c' ʒ', наиболее простое в условиях полевой работы, однако в каждом отдельном случае такая запись передает звуки описанной выше артикуляции (см. также артикуляционную схему согласных, где s', z', c', ʒ' помещены в зону среднеязычных).

Белорусский диалект

Вокализм (V^{+})

В ударной позиции некоторые идиолекты различают семь гласных фонем, образующих треугольник:

i u

ê ô

e o

a

Комментарий к семичленному (максимальному) вокалическому инвентарю:

i — b'íc', býc', m'íla, mýla, jíx
ê — b'ếly, ʒ'ếu̯ka, ȷ̇aršế, skažếc'a, tab'ế
e — ʒ'én', n'és'c'i, b'érax, s'érp, l'andérka
a — γádras, l'akái̯, γalavá
o — nóvy, ból'ai̯, ʒ'óržyc' v'adró, c'óplaγo
ô — kốn', c'ốtka
u — dúp, ʒ'ac'úk, maγú, vúl'ica.

Более или менее последовательное употребление ê (на месте старого и «нового» ě) и ô (на месте этимологического *о* и *о* < *е* в новых закрытых ударяемых слогах) характерно для самого старшего поколения и, пожалуй, даже не для всех его представителей, а лишь для идиолектов сугубо консервативных [12]. Причем даже

[10] О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 24.
[11] В. Н. Чекман. К развитию особенностей белорусского консонантизма. — ВЯ, 1969, № 2.
[12] В ДАБМ (карты 34, 35) для пункта 426 (Бобровичи) в соответствующих позициях отмечено произношение [e], [o] : [l'e]s, x[l'e]b, [b'e]ly, na na[z'e], d[o]m, к[o]n', v[o]l. См. также: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», карта на стр. 20, где Лаздуны оказываются на территории с пятифонемным составом ударных гласных.

для этой категории говорящих относительная регулярность различения ê, ô соблюдается только в размеренной внятной речи (andante-стиль). В таких случаях ê, ô реализуются в виде гласных средне-верхнего подъема, характеризующихся напряженностью артикуляции, по акустическому же впечатлению ê, ô иногда (редко) близки к дифтонгам типа ^{i}e, ^{u}o (см. Тексты).

Вообще же для большинства говорящих (среднего и младшего поколения в особенности) ê, ô свободно чередуются с *e*, *o*, причем иногда из уст одного и того же информанта в одних и тех же лексемах слышатся то ê, ô, то *e*, *o* : l'és—l'ês, s'n'éx — s'n'ế x, kón' — kố n', móst — mốst и т. п.

Характеризуя лаздунский вокализм, семичленную систему гласных все же нельзя не учитывать, поскольку она свойственна части говорящих, сохраняющей в наиболее первозданном виде архаический облик говора, и, кроме того, как нам показалось, эта вокалическая система в известной степени типична как раз для трехъязычной группы населения.

Данный тип вокализма (V^{+}) описывается с помощью четырех фонологических признаков в табл. 4.

По признаку компактности идентифицируется гласный нижнего подъема *a*.

Среди некомпактных фонем по признаку диффузности гласные верхнего подъема i, u отличаются от e, ê, o, ô.

Признак периферийности отличает лабиализованные гласные o, ô, u от нелабиализованных e, ê, i.

Наконец, по признаку напряженности различаются гласные средне-верхнего подъема ê, ô, произносимые с заметным напряжением органов речи, и гласные среднего подъема *e*, *o* (табл. 4).

Таблица 4

Признак	*e*	*ê*	*o*	*ô*	*i*	*u*	*a*
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

Дополним матричное описание данной вокалической системы некоторыми количественными показателями, представляющими статистическую структуру каждого противопоставления с точки зрения его мощности (равной отношению числа фонем, для которых данное противопоставление релевантно, к общему числу фонем) и симметричности (равной отношению числа положительных знаков релевантности к числу отрицательных) (табл. 5).

Приведем также сосуществующую с описанной выше пятифонемную систему гласных, имеющую тенденцию стать общеприня-

той в условиях Лаздун (и совпадающую с системой литературного языка и языка большей части белорусского диалектного массива) (табл. 6).

Таблица 5

Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17
Диффузность	0,86	0,50
Периферийность	0,86	1
Напряженность	0,57	1

Таблица 6

Признак	*e*	*o*	*i*	*u*	*a*
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Консонантизм (Cs⁺, Cs⁻)

Система согласных фонем белорусского говора Лаздун более стабильна, т. е. относительно меньше подвержена идиолектному варьированию, чем система вокализма. Типичный консонантный инвентарь насчитывает 37 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'.

Комментарий к белорусскому консонантному инвентарю:

r — rán'ica, rḗčka, vaŋgór
l — láva, lyγác', kól
n — nárty, karšunḗ, šynél'
n' — n'aʒ'él'a, mn'ḗ,n'érf
m — máįstra, ménčyc' s'ḗm
m' — m'ašók, b'az'm'én
j — já, majá, b'jé
t — tárka, xáta, kṓt
d — dačká, γaradḗ, l'andérka
c — caγán, spadn'íca, ks'ónc
ʒ — ʒýŋkac, pasaʒén'a
s — sát, súsla, v'éras
z — zájac, marazḗ
p — pán, slupḗ, snóp
p' — p'ác', p'ḗč, p'éršy
b — bác'ka, bába, bel'g'íi̯ka
b' — b'az'm'én, b'ḗly
f — fél'iks, grýfa, pufái̯ka, fýrkac'
f' — f'érma, paráf'ija
v — vás, kaválak, výšai̯
v' — v'ánuc', γav'áčy, v'idél'ac
š — šáryk, jaršḗ, zámuš
s' — s'áʒ'am, baš'ák, s'ívy, skrṓs'
ž — žác', žagún, žýta
z' — z'aml'á, z'imá, z'ác'
č — čápun'ka, karčḗ, p'ḗč
c' — c'áška, býc'
ǯ — uraǯái̯, uxaǯór, xaǯú
ʒ' — ʒ'ac'úk, ʒ'ác'ka, ʒ'írka, xaʒ'íc
k — kám'an, pakúl, akýš (междометие, которым отгоняют кур)
k' — k'arújucca, k'ísly, γavurk'ḗ;
g — gárn'ac, gának;
g' — g'arg'éčuc', g'ésta, réz'g'iny, g'ac'íška (микротопоним)
γ — γádras, γéty, baγáty, γýl'a (междометие, которым отгоняют гусей)
γ' — žγ'arý (<z'v'arý), nóγ'i, maγ'ila
x — xáta, xóraša, x'ítry.

Расхождения между идиолектами касаются слабых, маргинальных звеньев консонантной системы. Так, известны идиолекты, элиминирующие f, f' (субститутами этих звуков являются, как правило, p, p': pasól', patagráp'ija). Нередки, однако, даже в пределах этих же идиолектов, и гипернормализмы, также свидетельствующие о маргинальности указанных фонологических единиц: grýfa, fac'ifón.

Следует пояснить также статус k', g', γ' [13]. Включение этих единиц в консонантный инвентарь на правах самостоятельных фонем мотивируется пусть небольшим, но все же достаточным списком примеров, относящихся к тому же пласту общеупотребительной и частой в условиях Лаздун лексики, ср. пары: karóva — k'arúje (ср. польск. kierówać), akýš — k'íšk'i, gárn'ac — g'arg'éčuc'; gatóvy — g'ac'íška, γýl'a — maγ'íla, zγarýc' — žγ'arý (< z'v'ary).

Примеры употребления ʒ единичны, они исчерпываются несколькими звукоподражаниями типа ʒýŋkac' (ср.: paʒýŋkac' — padzyvác') и польскими заимствованиями.

Система белорусского консонантизма описывается с помощью восьми различительных признаков: согласность, компактность, периферийность, назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность (табл. 7).

По признаку согласности класс сонорных (r, l, l', n, n', m, m' j) отличается от класса шумных (t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ').

Признак компактности выделяет класс средне- и заднеязычных (j, š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'), противопоставленный согласным, образуемым в передней части рта. Как явствует из матрицы, согласные s', z', c', ʒ' отнесены к классу компактных фонем. Это объясняется стремлением показать на уровне типологической процедуры характерную черту белорусского (и не только белорусского, как будет видно) консонантизма Лаздун. Имеется в виду «шепелявое» звучание этих согласных, соответствующее «краепалатальной» (по О. Броку) артикуляции (см. артикуляционную схему).

Признак периферийности противопоставляет губные и заднеязычные согласные (m, m', p, p', b, b', f, f', v, v' k, k', g, g', x, γ, γ') передне- и среднеязычным (r, l, l' n, n' t, d, c, ʒ, s, z, š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ').

Действие признака назальности ограничено классом сонорных фонем и сводится к противопоставлению n, n'—r, l, l'.

Признак непрерывности отличает фрикативные (l, l', s, z, f,

---

[13] Наличием этих единиц (а также ʒ) инвентарь согласных нашего диалекта отличается от того максимума (33 согласных фонемы), который принимается для белорусской диалектной территории в «Нарысах па беларускай дыялекталогіі» (см. стр. 102).

Таблица 7

Матрица идентификации согласных (Cs^+, Cs^-) фонем белорусского диалекта Лаздун

Признак	*r*	*l*	*l′*	*n*	*n′*	*m*	*m′*	*j*	*t*	*d*	*c*	*ʒ*	*s*	*z*	*p*	*p′*	*b*	*b′*
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	−	+	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+

Признак	*f*	*f′*	*v*	*v′*	*š*	*s′*	*ž*	*z′*	*č*	*c′*	*ǯ*	*ʒ′*	*k*	*k′*	*g*	*g′*	*x*	*γ*	*γ′*
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	+	+
Палатальность	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	−	+

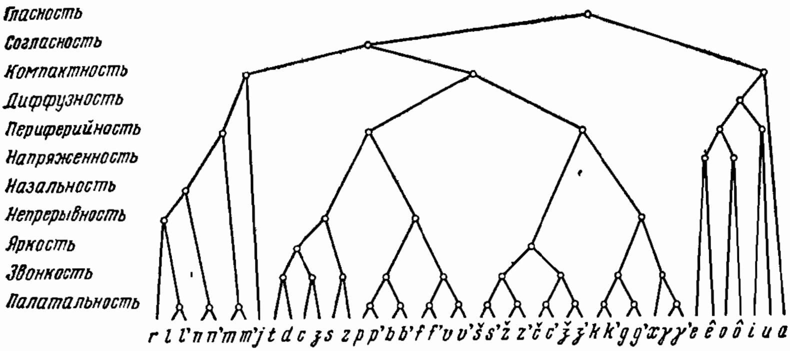

Рис. 2. Фонологическое «дерево» белорусского диалекта Лаздун

f', v, v', x, γ, γ') от смычных и аффрикат (r [14], t, d, c, ʒ, p, p', b, b', k, k', g, g').

Признак яркости характеризует аффрикаты c, ʒ, č, c', ǯ, ʒ', противопоставляя их соответствующим смычным и фрикативным: t, d, š, s', ž, z'.

Признак звонкости дифференцирует шумные всех способов образования по участию голоса: t, c, s, p, p', f, f', š, s', č, c' k, k', x — d, ʒ, z, b, b', v, v', ž, z', ǯ, ʒ', g, g', γ, γ'.

Признак палатальности, не касаясь переднеязычных шумных согласных, а также r, j и x, различает l, n, m, p, f, v, š, ž, č, ǯ, k, g, γ и l', n', m', p', b', f', v', s', z', c', ʒ', k', g', γ'.

Ниже приводятся статистические характеристики парадигматической модели белорусского консонантизма Лаздун — сведения о мощности и симметричности действия различительных признаков в сфере согласных (табл. 8).

Таблица 8

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,76	Яркость	0,32	1
Периферийность	0,97	0,89	Звонкость	0,78	1,07
Назальность	0,13	0,67	Палатальность	0,76	1
Непрерывность	0,65	0,69			

Изложенные выше описания гласных и согласных фонем по различительным признакам легко объединяются в общую модель фонологического пространства белорусского диалекта Лаздун

[14] Дрожащий сонант r в известном смысле можно назвать смычным, так как при произнесении этого звука происходит попеременное смыкание и размыкание кончика языка и альвеол.

(это достигается с помощью признаков вокальности V и консонантности Cs: признаками V^+, Cs^0 характеризуются гласные, согласные противопоставлены им отрицательным значением V и положительным или отрицательным — в случае сонантов — значением признака Cs).

Эту общую модель мы приводим в виде фонологического «дерева», являющегося другой записью матрицы (ветви, направленные влево, соответствуют отрицательному значению признака, вправо — положительному). Для целей типологического сравнения, преследуемых в данной работе, целесообразно объединить «архаическую» (максимальную) модель вокализма с описанной консонантной моделью, что реально соответствует фонологической системе (44 фонемы) представителей старшего поколения лаздунцев, нередко сохраняющих навык литовско-белорусско-польского трехъязычия и почти не изменивших традиционный облик говора.

Имея в виду типологические задачи работы, выведем из общей модели статистические индексы, характеризующие структуру признаков гласности и согласности (табл. 9).

Таблица 9

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,19
Согласность	0,84	3,62

Дистрибуция фонем

Из относящихся к этому разделу вопросов здесь будут рассмотрены те, которые представляются существенными с типологической точки зрения и актуальными в условиях акающей территории, на которой расположен говор. Предполагается, во-первых, проследить те ограничения, которые накладываются структурой белорусского текста на возможности построения вокалической схемы слова, во-вторых, описать дистрибутивную структуру упорядоченных сочетаний, состоящих из двух и более фонем, и, в-третьих, рассмотреть подсистемы фонологических единиц, оформляющих начало и конец слова.

1) Распределение гласных в слове

В лаздунском говоре последовательность гласных слова, в соответствии с известной особенностью белорусского вокализма, находится в зависимости от суперсегментного уровня. Это означает, что количество различаемых в каждой данной позиции гласных и их функциональная нагрузка определяются тем, является ли

рассматриваемый слог ударным или же он безударен, и в последнем случае — тем, каким образом (в смысле направления и разделяющей дистанции) он располагается по отношению к ударному слогу.

В безударных позициях, к рассмотрению которых мы сейчас приступаем, реализуется меньшее в сравнении с позицией ударной количество противопоставлений, с другой же стороны, допускается бо́льшая свобода вариаций в идиолектном плане.

Полное единообразие идиолекты обнаруживают лишь в одном отношении, если речь идет о безударном вокализме — безусловно исключая для безударных позиций напряженные гласные (ê, ô).

Редукция подсистемы безударных гласных идет, однако, дальше, и для современного говора Лаздун можно назвать обычной простейшую трехфонемную систему безударного вокализма, исключающую диффузные единицы и различающую в разных безударных (предударных и заударных) слогах лишь два крайних уровня подъема языка — верхний и нижний:

i u

a

Будет лишь небольшим упрощением сказать, что эта система безударных гласных, воплощающая норму «полного» недиссимилятивного аканья—яканья, в соединении с пятифонемной ударной системой представляет собой заметно преобладающий ныне в условиях Лаздун тип белорусского вокализма. Характеризуя таким образом этот тип идиолектов, следует отметить, пожалуй, одно обстоятельство: если ограничение встречаемости *o* в безударной позиции абсолютно, то *e* в такого рода идиолектах все же является иногда в качестве свободного варианта (’)*a*: b’alaγalóvy—b’elaγalóvy, z’al’anaváty—z’el’enaváty, vós’an’—vós’en’ и т. д.

Если обратиться к идиолектам, так сказать, архаического традиционного типа (старшее поколение), то для них при определении подсистемы безударных фонем существенно, какой из безударных слогов имеется в виду: первый предударный, непервый предударный, заударный (конечный или неконечный). Инвентари, определяющие вокалическую схему многосложного слова, в этом случае таковы (в скобках обозначены подлежащие свободному варьированию единицы):

Непервый предударный слог	Первый предударный слог	Ударный слог	Заударный слог	Заударный конечный слог
i u	i u	i u	i u	i u
(e) (o)	(o)	ê ô		(e) (o)
a	a	e o	a	a
		a		

Наиболее слабой различительной позицией является неконечный заударный слог, различающий простейший треугольник, а также первый предударный слог, безусловно исключающий *е*, но все же допускающий (факультативно) *о*. Что же касается конечного заударного и непервого предударного слогов, то в этих положениях могут (опять-таки факультативно) различаться три подъема гласных.

Отступления от нормы «полного» недиссимилятивного аканья—яканья, приводящие к этой схеме слова, таковы:

допускается различение *о* и *а* в конечном открытом слоге и, пожалуй, лишь в прилагательных единственного числа муж. и ср. рода (*о* в существительных ср. рода типа s'éno и в наречиях типа mnóγo не замечено): z‿ból'šaγo, da‿γétaγo, s‿takóγo, n'ičóγa c'óplaγo [15];

допускается различение *о—а* в непервом предударном слоге сложного слова типа: os'emsót, kolou̯rót;

о появляется в предударном (в том числе при определенной манере произношения и в первом предударном) слоге в сочетаниях с последующим u̯ (когда слоговые законы синтагматики оказываются сильнее суперсегментных требований к вокализму слова): krou̯cá, tou̯ščéi̯šy, vou̯čan'ó и в сложных словах: pou̯γalavý, pou̯l'ítra, vou̯načóska;

е может встретиться в заударном конечном закрытом слоге: xlóp'ec, vós'en, ból'ei̯, l'ép'ei̯;

е иногда сохраняется в непервом предударном слоге в сложных словах и приставочных образованиях с p'era-: b'elaγalóvy, p'eraγaróǯana, p'eral'étavac' (но: v'as'al'éja, v'ačaréja).

Наблюдения показывают, что подобные отступления от произносительной нормы «полного» аканья—яканья слышатся, однако, все реже и реже и даже в речи старшего поколения представляют собой остатки все разрушающейся и почти уже разрушившейся традиции. В настоящее время лаздунский говор во всей пестроте его идиолектов — на пути к трехфонемному безударному вокализму.

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Общую картину дистрибутивных свойств белорусской фонологической системы см. в табл. 10, устанавливающей упорядоченные пары фонем [16]. В таблице учтены (знак +) двухфонемные сочета-

---

[15] В ДАБМ (карта 14) Лаздуны (Бобровичи) характеризуются полным отсутствием *о* в конечных открытых безударных слогах.

[16] Упорядоченной парой называется сочетание двух элементов с фиксированным порядком их следования (см.: F. Harary, H. H. Paper. (Toward a general calculus of phonemic distribution. «Language», 1957, v. 33, № 2. Русск. перев.: Ф. Херари, Г. Пейпер. К построению общего исчисления распределения фонем. «Математическая лингвистика». М., 1964).

ния, встретившиеся в белорусских словах. Знаком — (минус) отмечены сочетания, запрещенные фонологической системой. Знаком $\pm$ обозначены те комбинации, в которые соответствующие фонемы могут вступать, но так, что при этом возможно варьирование (например, $\pm$ для сочетания pl' обозначает, что такое сочетание встретилось, но в иной речевой ситуации в тех же морфемах комбинация может звучать иначе, в данном случае — p'l' : pl'ё̆сy—p'l'ё̆сy)[17]. Наконец, отсутствие знака свидетельствует о том, что соответствующее сочетание не отмечено, но при этом не запрещено, так что впоследствии клетка может оказаться заполненной знаком $+$ или $\pm$ (в некоторых случаях, однако, это маловероятно).

В таблице упорядоченных сочетаний наглядно противопоставлены, с одной стороны, класс гласных и сонантов, характеризующийся максимальной валентностью элементов в плане их дистрибутивных возможностей, и класс согласных, подлежащий существенным ограничениям сочетаемости, — с другой.

Для более подробного описания картины распределения фонем целесообразно воспользоваться процедурой, разработанной в указанной работе Ф. Херари и Г. Пейпера. В основе этой процедуры лежат понятия α- и β-полей, причем α-полем данной фонемы называется множество фонем, предшествующих данной в возможных сочетаниях, а β-полем — множество последующих фонем по отношению к данной. Сведения о структуре α- и β-полей белорусских фонем приводятся в табл. 11, построенной на основе таблицы упорядоченных пар. Соответствующие сведения об α- и β-полях снабжаются списком примеров, реализующих указанные сочетания, цифра в скобках показывает полноту α- и β-полей (число элементов, входящих соответственно в α- и β-множества).

Для задачи типологического сравнения целесообразно получить количественные характеристики описанных комбинаторных возможностей фонем. В частности, существенным типологическим критерием может быть степень α-полноты и β-полноты каждой фонемы, вычисляемая по формулам Ф. Херари и Г. Пейпера:

$$K_\alpha x = \frac{n_\alpha x}{nP}, \qquad K_\beta x = \frac{n_\beta x}{nP},$$

где через $K_\alpha x$ и $K_\beta x$ обозначаются соответственно коэффициенты α- и β-полноты фонемы (x), n заменяет выражение «число элементов в. . .», а P — множество всех фонем данной системы.

[17] В таких случаях, как этот, становится очевидным, что при описании синтагматического плана мы исходим из матрицы, исключающей нули и приписывающей знаки релевантности всем дифференциальным признакам фонемы. Такой способ идентификации фонем при анализе их синтагматики позволяет учитывать «избыточные» (интегральные) признаки, активно участвующие в фонологических процессах (см.: В. К. Журавлев. Двухступенчатая теория фонологии и методика моделирования фонологических процессов. «Исследования по фонологии». М., 1966) и играющие сугубо значимую роль в ситуации диалектного смешения.

Таблица 11

α-поле	Фонема	β-поле
m, t, d, s, z, p, b, f, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (19) pamrúc', tróxa, dróva, srébny, zrab'íc', próu̯da, bráma, frónt, króu̯, gramaz'ʒ'íc', xrómavy, γróšy, b'érax, v'ếra, γóra, bốr, šýrai̯, burák, bazár	r	l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', x, γ, γ', e, ê, o, ô, i, u, a (40) c'érla, márl'a, v'ếrna, dúrn'a, kốrm, karm'íc', var'ját, várta, c'v'órdy, sérca, pýrskac', k'ír-zavyja, s'érp, c'arp'éc', tórba, γórb'ic, tórf, tarf'án'ik, rvác', rv'écca, p'éršy, pars'úk, iržác', karz'ína, kórč, parc'izány, barǯéi̯, s'marʒ'éc', ʒ'írka, ʒ'írk'i, pórxau̯ka, šmorγac', dévarγ'i, rél's, rếčka, róvar, rốdny, rýba, rúx, rády
r, m, t, d, c, s, z, p, b, f, š, ž, č, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (24) γórla, mlýn, tlúšč, pádla, vac-láu̯, slabý, zlóʒ'ei̯, plóšča, blúdny, flót, išlá, žúžla, člúŋk'i, klópat, cégla, xlóp'ac, γlux'í, v'idélcy, γarêlka, kóla, kốlca, m'íla, γulá, γalúpka	l	n, (t), d, c, p, p', b, k, x, e, ê, o, ô, i, u, a (16) p'ilnavác', altóbus (au̯tóbus), šap'aldún, kốlca, nálpa, nálp'i, k'ilbásy, γarêlka, kalxós, lép, stalê, lóv'ic, kalốm, lýč, lúx, láva
r, l', (n—n'), (m—m'), t, d, (p—p'), (b—b'), (f—f'), š, s', z', č, (k—k'), g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (24) márl'a, γal'l'á, γamanl'ívy (γaman'l'ívy), šuml'ívy (šum'-l'ívy), bútl'a, adl'íγa, rupl'ívy (rup'l'ívy), bl'ín (b'l'ín), fl'ánsy (f'l'ánsy), šl'ógac', s'l'íva, z'l'éva, načl'ez'nik, kl'ámka (k'l'ámka), cagl'ány, xl'ếp, γl'ína, γél'ka, pagarêl'i, dól'a, vốl'ka, γýl'a, γul'ác', kal'á	l'	l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, b, b', f, (v), v', š, s', č, k, k', x, γ, γ', e, ê, o, ô, i, u, a (31) γal'l'ó, ból'na, patél'n'a, šél'ma, v'él'm'i, l'jú, γul'tái̯, bul'-dózar, pál'cy, rél's, zak'élzany, búl'ba, bul'b'ány, al'fóns, fal'várak (fal'ivárak), kal'v'ín, bốl'šy, p'íl's'c', pálčyk, bél'ka, v'él'ki, ól'xa, n'él'γa, vốl'γ'i, pól'e, l'ếs, gal'óšy, kl'ốn, l'ipá, kl'úč, l'ál'ka

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', n, m, t, d, c, s, z, p, b, š, ž, č, k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (26) márna, p'ilnavác', p'íl'na, paʒ'ʒ'ónny, mnóγa, markótny, dnó, mócny, snế, pózna, vápna, padóbny, strášny, ražnế, pračnúcca, knót, bágna, túxnuc', γnói̯, drénny, s'ếna, z'al'óny, kl'ốn, aʒ'ín, mal'ú-nak, pán	n	(l'), n, t, d, c, ʒ, s, z, p, v, š, ž, č, ǯ, k, k', g, g', e, ê, o, ô, i, u, a (25) γamanl'ívy (γaman'l'ívy), kốn-na, kantóra, kal'ándra, kan-cavý, nénʒa, fl'ánsy, bran-zal'éty, kanpót, kanvért, jínšy, inžyn'ếr, s'v'inčó, vénǯany, báŋka, s'v'íŋk'i, vaŋgóry, vaŋg'érka, nérf, v'ijunế, nó-žyk, nốč, nýrk'i, u̯núk, náš
r, l', n', (m—m'), t, d, c, (p—p'), (b—b'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, (γ—γ'), e, ê, o, ô, i, u, a (25) pračkárn'a, patél'n'a, na-s'én'n'a, mn'ế (m'n'ế), utn'é, dn'á, macn'éi̯, pn'ế (p'n'ế), drabn'éi̯ (drab'n'éi̯), smašn'éi̯, s'n'íc', žn'éi̯ka, kúz'n'a, prač-n'écca, kn'íγa (k'n'íγa), prag-n'óny, (prag'n'óny), maxn'é, γn'óny (γ'n'óny), ʒ'én, v'ế-n'ik, s'ón'n'a, kốn', k'ín', usún', kóran'	n'	(l'), n', m, m', b, b', s', c', ʒ', (k), (g'), e, ê, o, ô, i, u, a (18) san'l'ívy, s'ón'n'a, γl'án'ma, kốn'm'i, γán'ba, γán'b'ic' su-strén's'a, γán'c'a, ván'ǯ'a, n'án'ka (n'áŋka), van'g'érka, (vaŋg'érka), n'és'c'i, mn'ế, γn'ózdy, n'ốs, n'íska, kan'ú, n'óman
r, l', n', (m—b), d, s, z, š, ž, č, ʒ', g, x, e, ê, o, ô, i, u, a (20) karman, šél'ma, stán'ma, am-mýc' (abmýc'), padmázac', smák, zmačýc', šmát, žmyxá, kučmár, ʒ'múc', gmáx, xmára, jém, s'ếm, dóma, dốm, dým, šúm, sám	m	r, l, (l'), n, (n'), (m), s, z, p, (p'), b, (b'), š, (s'), č, k, (k'), γ, e, ê, o, ô, i, u, a (25) c'émra, mlýn, ml'ếc' (m'l'ếc'), mnóγa, mn'ế (m'n'ế), amma-róžany (abmaróžany), os'emsót, rýmzac', l'ámpa, kump'ák (kum'p'ák), bómba, bamb'íu̯ (bam'b'íu̯), imšá, adams'c'íc' (adam's'c'íc'), imčýc', zam-knúc', zamk'ế (zam'k'ế), im-γlá, métr, damế, móra, mốdny, mýš, múxa, mác'i

Таблица 11 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l', n', d, (b—b'—m'), š, s', ž, z', č, c', ʒ', (k—k'), (g—g'), x, e, ê, o, i, u, a (21) karm'íc', v'él'm'i, kő̂n'm'i, adm'ë́ryc', abm'ë́ryc' (ab'm'-ë́ryc', am'm'ë́ryc'), vušm'í, s'm'ë́x, žm'én'a, z'm'ë́ryc', jačm'én, ʒ'éc'm'i, ʒ'm'é, km'én (k'm'én), gm'ína (g'm'ína), xm'ë́l', b'arém'a, n'ém'ac, dóm'ik, jím'a, šum'íc', kám'an'	m'	(l'), (n'), (m'), (p'), (s'), (k'), e, ê, o, ô, i, a (12) šum'l'ívy (šuml'ívy), m'n'ë́ (mn'ë́,) am'm'ë́ryc' (ab'm'ë́-ryc', abm'ë́ryc'), kum'p'ák (kump'ák), adam's'c'íc' (adam-s'c'íc'), zam'k'ê (zamk'ë́), n'am'éck'i, m'ês'ac, pam'ór, m'ő̂t, m'íly, m'ála
r, l' (m—m'), d, (p—p'), (b—b'), z' e, ê, o, i, u, a (13) varját, l'jú, s'amjá (s'am'já), djábal, pjú (p'jú), bjú (b'jú), z'jë́l'i, n'éjak, xvaréja, karóju, mýju, túju, máju	j	e, ê, o, ô, i, u, a (7) l'jéš, jë́lka, tvajó, jő̂n, jíx, júška, jáblyna
r, (l), (l'), n, t, c, s, p, f, š, x, e, ê, o, ô, i, u, a (18) várta, altóbus (au̯tóbus), pál'ta (pál'ita), kantóra, nátta, actu-p'íc', rő̂st, ráptam, náfta, póšta, xtó, ɣéty, s'v'ë́t, bóty, kő̂t, pab'íty, fútar, xáta	t	r, l, l', n, n' t, p, p', v, k, k', x, e, ê, o, ô, i, u, a (19) tréba, tlúšč, šap'atl'ívy, tnúc', utn'é, nátta, atpus'c'íc', pat-p'ë́čak, tvói̯, tkác', rë́tk'i, txór, patél'n'a, katê̂, tórba, tôk, tý, tút, ták
r, l, l', n, d, z, b, ž, e, ê, o, ô, i, u, a (15) c'v'órdy, šap'aldún, il'dá, ju-ryndá, addác', ɣn'azdó, ab-dur ýc', káždy, pavédluk, v'ë́-dac', xódu, mő̂dny, v'ídna, vúda, rády	d	r, l, l', (n), (n'), m, m' j, d, z, b, b' v' ž, ɣ, e, ê, o, ô, i, u, a (22) dróva, pádla, ɣandl'ár, adná (anná), pad'n'ós (pan'n'ós), admóčvac', adm'ë́ryc', djá-bal, addác', adzyvácca, n'ad-bály, padb'ë́xčy, dvá, adžýu̯, adɣarác', padéšva, ɣaradê̂, dóma, dő̂m, dým, dúran', dáx

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l’, n, m, e, s, p, k, e, o, ô, i, u, a (15) sérca, kôlca, pál’cy, sónca, n’êmcy, l’ícca, xlópcy, m’éi̯sca, l’ékcyja, krav’éc, vócat, môcny, b’ícca, b’júcca, mácac’	c	l, n, n’, t, c, s, k, k’ e, ê, o, i, u, a (14) vacláu̯, môcny, macn’éi̯, actupác’, γrêcca, acsaʒ’íc’, cácka, vól’ʒ’ick’i, cébar, cêp, z’al’ancóvy, xlópcy, cúkar, caγán
n, a (2) nénʒa, pasaʒén’a	ʒ	e, ê, i, u, a (5) pasaʒén’a, ks’anʒê, ʒýŋkac’, nénʒu, nénʒa
r, l’, n, m, c, s, p, k, e, ê, o, ô, i, u, a (15) bérsac’, rél’s, kansérvy, kamsá, pacsaʒ’íc’, ssác’, apsýpac’, taksáma, bés, l’ês, kalxós, môst, l’ís, pústa, pásak	s	r, l, n, m, t, c, s, p, v, k, k’, x, e, ê, o, ô, i, u, a (19) srók, slabý, snê, smák, stó, m’éi̯sca, ssác’, spác’, svajó, skazác’, vúsk’i, sxap’íc’, sérca, alasê, sóram, sôl’, sýty, súxa, sám
n, m, d, z, b, e, ê, o, ô, i, u, a (12) branzal’éty, rýmzac, adzyvácca, zzá, abzyvác, bézam, rêzac’, marózu, barôzny, b’izún, vúz’ic, gáza	z	r, l, n, m, d, z, b, v, g, g’, γ, e, ê, o, i, u, a (17) zrab’íc, zlóʒ’ei̯, znác’, zmačýc’, zdôr, zzá, zbanók, zvác’, rózga, réz’g’iny, zγóda, zédal’, marazê, zólata, zúp, záras, padzyvác’
r, l, n, m, t, s, š, e, ê, o, ô, i, u, a (14) k’irpáty, nálpa, kanpót, l’ámpa, atparóc’, spác’, špáryc’, šépča, s’v’irêpa, kópany, snôp, xrýpka, kúpa, kápa	p	r, l, (l’) n, (n’), j, c, s, š, (s’), č, (c’), k, (k’), e, ê, o, ô, i, u, a (21) pračkárn’a, plôt, pl’únuc’ (p’l’únuc’), vápna, pn’ê (p’n’ê), pjaný (p’janý), xlópcy, psavác’, l’êpšy, ps’ína (p’s’ína), pčóly, γrépc’i (γrep’c’i), šápka, apk’ídac’ (ap’k’ídac’), péu̯na, snapê, pós’ik, pôst, pýl, puk, pásak

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, (m—m'), t, s, (k—k'), e, ê, o, i, u, a (12) c'arp'ếc' nálp'i, kump'ák (kum'p'ák), atp'ór, šp'ijón, kp'íny (k'p'íny), l'ếp'ai̯, xo-p'ic', k'ip'íc', kup'íc' nap'ícca	p'	(l), (n), (j), (s), (c), (k), e, ê, o, ô, i, a (12) p'l'únuc' (pl'únuc'), p'n'ế (pn'ế), p'janý (pjaný), ap's'ík (aps'ík), sap'c'í (sapc'í), ap'k'i-dac' (apk'ídac'), ap'éŋk'i, p'ếč, s'p'óka, nap'ốk, s'p'iná, p'ác'
r, l, l', n, n' m, d, z, z', ʒ', e, ê, o, ô, i, u, a (17) tórba, k'ilbásy, búl'ba, kan-báḁn, γán'ba, bómba, n'ad-bály, zbanók, kaz'bá, xaʒ'bá, tréba, xl'ếba, xvaróba, drốbny, rýba, kúbak, žába	b	r, l, l' n, (n'), (m), (m'), (j), d, z, v, (v'), ž, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (21) brát, blyxá, bl'úska, drốbny, drabn'éi̯ (drab'n'éi̯), abmán (ammán), abm'ếryc', bjú (b'jú), abduryc', abzyvác', abvóʒ'ic, abv'óu̯ (ab'v'óu̯), abžác', ab-γarác', bél'ka, γrybế, bóža, bốp, býc', búʒ'a, bába
r, l', n', (m—m'), d, z', ʒ', e, ê, o, i u, a (13) γórb'icca, al'b'ína, γán'b'ic', kamb'inát (kam'b'inát), adb'i-rác', z'b'irác', xaʒ'b'ế, tréba, n'ếb'i, rób'ic', rýb'i, zγúb'ic', tab'ế	b'	(n'), (m'), (j), (ʒ'), e, ê, o, i, a (9) ab'n'ác' (abn'ác'), ab'm'ếryc' (abm'ếryc', amm'm'ếryc'), b'jú (bjú), ab'ʒ'irác' (abʒ'irác'), b'érax, b'ély, b'íc', žarab'ó, rób'ac'
r, l, n, t, e, o, i, u, a (9) arfavác', al'fúk, kanfús, pat-fars'íla, juzéfa, kófta, grýfa, kúfar, saksafón	f	r, (l'), t, e, o, i, u, a (8) frónt, fl'ánsy (f'l'ánsy), kófta, fést, fórma, fýrkac, fútar, grýfa
r, e, o, i, u, a (6) tarf'án'ik, juzéf'in, šóf'ar, l'í-f'ik, šufl'áda, fataγráf'ija	f'	(l'), e, i, a (4) kartóf'l'i (kartófl'i), f'érma, f'íkus, tarf'án'ik

α-поле	Фонема	β-поле
r, (l’), n, t, d, b, z, s, ž, č, ʒ, k, g, x, e, ê, o, i, u, a (20) rvác’, fal’várak (fal’ivárak), kanvért, tvói̯, dvajóx, abvóʒ’ic’, názva, šváɡ’er, žváčka, nóčvy, papravóʒvana, kvášany, gvált, axvóta, dévarγ’i, ʒ’ếvačka, načóvačka, s’ívy, abuvác’, káva	v	e, ê, o, ô, i, u, a (7) pavédluk, švế, vóstry, vôs, vý, vúsy, vášy
r, l’, (b—b’), s’, z’, c’, (k—k’), (g—g’), x, e, ê, o, i, u, a (15) b’arv’énca, kal’v’ín, abv’és’c’i (ab’v’és’c’i), s’v’in’á, z’v’ếr, c’v’ík, kv’ếtki (k’v’ếtk’i), gv’ázda (g’v’ázda), xv’íγa, drév’i, p’ếv’an’, lóv’ic’, s’iv’én’k’i, u̯v’éčary, krav’éc	v’	e, ê, o, ô, i, a (6) v’éčar, v’ếdac’, v’ódry, v’ố s, v’íly, v’ánuc’
r, l’, n, m, p, š, č, k, x, e, ê, o, ô, i, u, a (16) γốršy, bốl’šy, m’énšy, imšá, l’ếpšy, xaróššy, malóčšy, bákšty, l’óxšy, n’as’éš, z’v’ếšac’, lóška, n’ab’óščyk, v’íšn’a, vúšy, vášy	š	l, l’, n, n’, m, m’, t, v, š, č, (c’), k, k’, e, ê, o, ô, i, u, a (20) išlá, išl’í, strášny, smašn’ếi̯šy, šmugl’avác’, vušm’í, kaštavác’, šváɡ’er, pan’ốššy, n’abốščyk, rếšc’a (rếs’c’a), dóška, m’ašk’ế, k’išén’a, vyšếi̯šy, šóf’ar, kašốu̯, šýc’, šukác, šápka
r, l’, (m—m’), (p—p’), s’, c’, (k—k’), e, ê, o, ô, i, u, a (14) patfars’íc’, p’íl’s’c’, adams’c’íc’ (adam’s’c’íc’), ps’ína (p’s’ína), s’s’é, pac’s’éu̯, taks’í (tak’s’í), n’és’c’i, šếs’c’, nós’ic’, γốs’c’, k’is’él’, ukus’íc’, pás’v’ic’	s’	l’, n’, m’, p’, v’, s’, c’, k, k’, e, ê, o, ô, i, u, a (16) s’l’apý, s’n’íc’, s’m’ếx, s’p’íc’, s’v’in’á, s’s’é, nés’c’i, jás’kav’ičy, s’k’ínuc’, vós’en’, s’ếm, v’as’óly, pas’ốlk’i, s’ívy, pars’úk, s’ádu

Таблица 11 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
r, (l), d, b, z, e, ê, o, ô, i, u, a (12) ʒ'aržác', ilžé (lyžé), padžác', abžác', zbóžža, l'éžačy, rě̂ža, móža, mő̂žna, bl'ížai̯, mužýk, káža	ž	l, n, n', m, m', d, v, ž, ǯ, (γ'), e, ê, o, ô, i, u, a (17) žúžla, žnúc', žn'ajárka, žmyxá, žm'én'a, káždy, žváčka, zbóžža, dažǯú, žγ'arý́ (z'v'arý́), žértka, nažě́, žóu̯ty, nažóu̯, žýc', kažú, žál'
r, z', e, ê, o, ô, i, u, a (9) karz'ína, z'z'ác', b'aréz'ina, l'ě́z'a, vóz'ic', vóz'm'aš, n'íz'e, lúz'e, γraz'í	z'	l' n' m', j, b, b' v' ʒ', g', γ', e, ê, o, ô, i, u, a (17) raz'l'ivác', z'n'ík, z'm'an'íc', z'jadác', kaz'bá́, z'b'irác', z'v'azác', z'z'ác', z'ʒ'irác', réz'g'iny, z'γ'ínuc', v'az'éš, naz'ě́, az'óry, az'ő́r, z'imá, z'az'úl'a
r, l' n, m, p, š, č, x, e, ê, o, ô, i, u, a (15) kórč, pál'čyk, kančác', imčýc', xlópčyk, c'éšča, aččap'ís'a, kvóxča, v'éčar, rě́čka, xóča, nóčvy, kl'íča, kúča, báčyš	č	l, l', n, n', m, m', v, š, č, k, k', x, e, ê, o, ô, i, u, a (19) člúnk'i, načl' éžn'ik, v'éčna, vúčn'a, kučmár, jačm'én', nóčvy, pačšýc', lúččai̯, dačká, dačk'í, čxác', čérc'i, karčě́, s'v'inčó, karčóu̯, čýsty, čúc', částa
r, (l'), (p—p'), š, s', c', (k—k') x, e, ê, o, ô, i, u, a (15) s'm'érc', pal'c'é, (pal'ic'é), kapc'úr (kap'c'úr), póšc'e, n'és'c'i, pryxóc'c'a, lókc'i, (lók'c'i), báxc' réc'ka, v'ě́c'ar, c'óc'a, p'íc, idúc', p'ác'	c'	m', v', s', c', k, k', e, ê, o, ô, i, u, a (13) ʒ'éc'm'i, c'v'ík, pac's'ěu̯, zaxóc'c'a, bác'ka, bac'k'é, s'c'éška, c'ě́sta, kas'c'ól, c'ő́tka, c'íxa, c'áška, ʒ'ac'úk
r, n, ž, o, i, u, a (7) barǯě́i̯, vénǯany, dažǯě́, vyxóǯu, v'íǯu, buǯú, xaǯú	ǯ	v, e, ê, o, ô, u, a (7) papravóǯvana, dražǯě́i̯, dažǯě́, uxaǯóry, dažǯóm, xaǯú, uraǯái̯

Таблица 11 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l' n', (b—b'), z', ʒ', (g—g'), e, ê, o, i, u, a (13) órʒ'an, vól'ʒik'i, vánʒ'a, abʒ'irác' (ab'ʒ'irác'), z'ʒ'irác', paʒ'ʒ'ónny, v'al'ígʒ'en' (v'al'íg'ʒ'en), réʒ'ačka, s'ēʒ'ačy, xóʒ'ic', bûʒ'a, saʒ'íc', prýʒ'a	ʒ'	m, m', b, b', v', ʒ', e, ê, o, i, u, a (12) ʒ'múc', ʒ'm'í, malaʒ'bá, malaʒ'b'ē, ʒ'v'ēry, paʒ'ʒ'ónny, ʒ'én', ʒ'ēu̯ka, ʒ'ón, ʒ'írka, γaʒ'úka, ʒ'ákavac'
r, l, l' n, (n'), m, t, c, s, p, š, s', č, x, e, ê, o, ô, i, u, a (21) γôrka, γarêlka, bél'ka, báŋka, n'án'ka (n'áŋka), brámka, mátka, cácka, káska, šápka, lýška, stás'ka, rēčka, króxkaja, p'ékla, v'ēk, vóka, tôk, býk, šukác', γakno	k	r, l, (l') n, (n'), (m'), c, s, (p'), v, (v'), š, s', c', o, ô, i, u, a (19) króu̯, klópat, kl'inók (k'l'inók), γaknó, kn'íγa (k'n'íγa), km'én (k'm'én), l'ékcyja, taksáma, kp'íny, kvaxtác', kv'ētka (k'v'ētka), bákšty, ks'ónc (k's'ónc), lókc'i (lók'c'i), kóran', kôt, akýš, kúry, kám'an'
r, l, l' n, n', (m—m'), t, (p—p'), š, s', č, c', e, ê, o, i, u, a (18) γôrk'i, γarêlk'i, bél'k'i, ap'énk'i, mal'én'k'i, zamk'ē (zam'k'ē), mátk'i, γúpk'i (γúp'k'i), tróšk'i, stás'k'i, vóčk'i, bác'k'i, dal'ók'i, v'al'ík'i, rēk'i, kal'éki, ʒ'ac'uk'ē, špak'ē	k'	(l'), (n'), (m'), (p'), (v'), (s'), (c'), e, ê, i, a (11) k'l'inók (kl'inók), k'n'ás' (kn'ás'), k'm'én (km'én), k'p'íny (kp'íny), k'v'ētk'i, k's'ónc (ks'ónc), lók'c'i (lókc'i), k'épska, barav'ik'ē, k'ísly, k'arújucca
n, z, e, o, u, a (6) vaŋgóry, rózga, cégla, šl'ógac', šmugl'avác' (šmug'l'avác'), žagunē	g	r, l, (l'), n, (n'), m, (m'), z, v, (v'), (ʒ'), o, u, a (14) grýfa, cégla, cagl'ína (cag'l'ína), prágnuc', pragn'óny (prag'n'óny), gmáx, gm'ína (g'm'ína), vagzál, gvált, gv'ázda (g'v'ázda), mágʒ'a, vaŋgóry, gúz'ik, gának

σ-поле	Фонема	β-поле
r, l' (z—z'), e, u, a (6) g'arg'éčuc', bel'g'ííka, mazg'ế (maz'g'ê), cég'l'i, šmug'l'avác' (šmugl'avác'), pragn'ónaja (prag'n'ónaja)	g'	(l'), v', n', m', e, ê, i, a (8) šmug'l'avác' (šmugl'avác'), g'v'ázda (gv'ázda), prag'n'ónaja (pragn'ónaja), g'm'ína (gm'ína), g'ésta, mazg'ế, g'íman, g'ac'íška
r, l, l', t, s, p, č, e, ê, o, ô, i, u, a (14) mórxva, kalxós, γól'xa, txốr, sxavác', apxóʒ'ic', čxnúc', réxa, s'm'ếx, l'óxk'i, vúxa, bl'áxa, γarốx, l'íxa	x	r, l, l', n, n', m, m', t, v, v', š, č, c', k, k' e, o, i, u, a (20) xrómavy, xlóp'ac, xl'ếu̯, čxnúc', čxn'é, xmára, xm'ếl', xtó, xvốst, xv'íγa, l'ốxšy, pamaxčý, báxc', króxkaja, l'óxk'i, xéu̯ra, xóraša, x'ítry, xudý, xamút
r, l', m, d, z, b, e, ê, o, i, u, a (12) tarγavác' n'éu'γa, imγlá, padγul'ác', zγub'íc', abγarác', céγla, b'ếγla, bóγu, kn'íγa, púγa, smáγa	γ	r, l, (l'), n, (n'), e, o, ô, i, u, a (11) γras', γlybók'i, maγl'í (maγ'l'í), γnác', γn'ếu̯ (γ'n'ếu̯), γéty, γórat, γốt, γýl'a, γús'i, γádras
r, d, (b—b'), (ž), (ê), o, i, u, a (9) dévarγ'i, adγ'inác', abγ'inác' (ab'γ'inác'), žγ'arế (z'v'arê), b'êγ'l'i (b'ếγl'i), nóγ'i, kn'íγ'i, púγ'i, maγ'íla	γ'	(l'), (n'), ê, i, a (5) γ'l'ína (γl'ína), γ'n'ếu̯ (γn'ếu̯), pluγ'ế, maγ'íla, žγ'arế (z'v'arê)
r, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k', g', γ (32) rél's, l'éγla, nérf, n'és'c'i, métryka, n'am'éck'i, l'jé, patél'n'a, l'andérka, cégla,	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, g', x, γ, i, u (35) b'érax, v'idélcy, γél'ka, drénny, drén', jém, b'arém'a, γéta, pavédluk, krav'éc, bés,

α-поле	Фонема	β-поле
pasaʒén'a, sérca, zédal', péu̯n'a, p'ékla, bél'ka, b'érax, fést, partf'él', vénǯany, v'éčar, k'išén'a, vós'en', žértka, v'az'éš, čérc'i, s'c'éška, dražǯéi̯, v'aʒ'éš, k'épska, g'ésta, γéty	e	bézu, šépča, l'ép'ai̯, tréba, patréb'i, juzéfa, juzéf'i, dévarγ'i, drév'i, n'as'éš, n'és'c'i, l'éžačy, b'aréz'ina, v'éčar, réc'ka, réʒ'ačka, p'ékla, kal'éki, cégla, cégl'i, l'éγla, réxa, v'arab'éi̯, kréu̯ny
r, l, l', n, n' m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', c', ǯ, ʒ', k', g' (29) rếčka, stalế, xl'ếp, vijunế, mn'ế, damế, m'ếryc', jếlka, platế, γaradế, kascế, ks'anʒế, valasế, m'antuzế, snapế, p'ếč, γrybế, b'ếly, švế, v'ếc'ar, jaršế, s'ếu̯, daražếi̯šy, naz'ế, s'c'ếŋka, dažǯế, ʒ'ếu̯ka, c'v'ik'ế, mazg'ế	ê	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, s, z, p, p', b, b' v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', x, γ, i, u (31) v'ếra, b'ếly, s'ếl'i, s'ếna, v'ến'ik, s'ếm, n'ếm'ac, xvarếja, pav'ếtka, v'ếdac', l'ếs, l'êzuc', l'ếpš, l'ếp'ai̯, xl'ếba, xl'ếb'i, ʒ'ếvačka, p'ếv'an', v'ếšac', šếs'c', rếža, l'ếz'a, v'ếčna, ʒ'ếc'i, s'ếʒ'ačy, v'ếk, rếk'i, s'n'ếx, s'n'ếγam, dau̯žếi̯šy, xl'ếu̯
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, g, x, γ (32) rób'ic', lov'ic', z'al'óny, nóvy, γn'óny, móža, m'óu̯, znajómy, tói̯, dóma, z'al'ancóvy, sóram, zóry, póšta, s'p'óka, bóram, žarab'ó, fórma, vóšy, v'ódry, šóf'ar, vas'óly, žóu̯ty, az'óry, u̯čóra, c'óc'a, uxaǯóry, ʒ'ón, kóla, vaŋgóry, xóča, γóra	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', v, v', f, f', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, x, γ, γ', i, u (37) γóra, γóly, sól'ic, sal'óny, kón'i, dóma, lóm'ic', naγóju, axvóta, zγóda, vócat, kósy, kózy, xlópcy, xlóp'ac, xvaróba, rób'ic', dróva, karóv'i, kófta, šóf'ar, γróšy, kós'ic', vóžyk, vóz'ik, vóčy, c'óc'a, papravóǯvana, vóʒ'ic, vóka, dal'ók'i, šl'ógac', tróxa, daróγa, nóγ'i, stói̯, krou̯cá
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, v, v', š, s', ž, z', č, c', k, ẋ, γ (28) drốbny, plốt, kl'ốn, nốs,	ô	r, l, l', n, n', m, t, d, c, s, z, p, b, š, s', ž, z', č, k, x, i, u (22) γốrš, stốl, sốl', sốn, kốn',

α-поле	Фонема	β-поле
n'ốs, mốst, m'ốt, jốn, tốk, dốm, kraụcốm, ks'anʒốm, sốl', mazốl', pốst, p'ôk, bốr, vốs, v'ôs, jaršốụ, pas'ốl'k'i, žốŋka, az'ốr, karčốụ, c'ốtka, kốn', txốr, γốt	ô	dốm, γốt, rốdny, mốcny, vốs, barốzny, krốp, drốbny, nốs, skrốs', nốžny, vốz'm'aš, nốč, bốk, arốx, mốị, snapôụ
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g', x, γ, γ', e, ê, ô, i, u, a (41) rýba, lýsy, l'íxa, nýrk'i, n'íska, mýla, m'íly, jíx, týx, dyván, cyγán, ʒýŋkac', sýn, padzyvác', pýšny, p'íša, býụ, b'íụ, fýrkac', f'iráŋka, výraị, v'íly, šýla, s'íla, žýla, z'imá, čýsta, c'íxa, ʒ'ík'i, akýš, k'ísly, g'íman, x'ítry, nóγ'i, γýl'a, v'arab'éị, daražéịšy, mốị, mýị, ratúị, dáị	i	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', x, γ, γ', i, u (36) ǯ'írka, m'íly, m'íl'a, m'ína, s'v'in'á, z'imá, z'im'ế, šýja, b'íty, l'ída, b'ícca, k'ísly, b'izún, l'ipá, k'ip'íc, rýba, rýb'i, grýfa, l'íf'ik, s'ívy, s'iv'én'k'i, p'íša, v'is'íc', l'íža, n'íz'an'k'i, kl'íča, s'p'íc', v'íǯu, prýʒ'a, krýk, krýk'i, starýx, kn'íγa, kn'íγ'i, mýị, xaʒ'íụ
r, l, l', n, n', m, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, b, f, v, š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, g, x, γ, e, ê, o, ô, i, u, a (36) rúx, lúx, l'úby, tnúc', n'úxam, múxa, júška, tút, dúp, cúkar, nénʒu, súxa, zúby, púγa, búra, fútar, vúšy, šúm, pars'úk, žúžla, z'az'úl'a, čúc', ʒ'ac'úk, dažǯú, γaʒ'úka, kúča, gúma, xútka, γúby, kréụny, xl'ếụ, króụ, snapốụ, b'íụ, abúụ, dáụ	u	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', x, γ, γ', i, u (35) búry, γulá, vúl'ica, žaγún, vún', gúma, um'éc', starúju, fútar, rudý, bjúcca, vúšy, kúzaụ, kúpa, kup'íc', γrubý, l'úb'ic', kúfar, abuvác', ụv'és', γrušá, ukus'íc', pužác', kúz'n'a, kúča, púc', buǯú, búʒ'a, γukác', γúk'i, rúx, púγa, púγ'i, p'íụ, čúụ
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ,	a	r, l, l', n, n' m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ,

Таблица 11 (окончание)

α-поле	Фонема	β-поле
ʒ', k, k', g, g', x, γ, (γ'), (a) (38) rády, lápa, l'ápac', nášy, n'as'í, mác'i, m'ála, já, tábar, dác', caγán, nénʒa, sála, záras, pálka, p'ác', bába, rób'ac', fartúx, tarf'án'ik, vášy, v'ánuc', šápka, s'ádu, žába, z'az'úl'a, čás, c'al'á, uraǯái̯, ʒ'ác'ka, kám'an', k'arújucca, gának, g'arg'éčuc', xáta, γádras, žγ'arê (z'v'arê), paabmyvác' (pabmyvác')	a	ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ', i, u, (a) (40) γuščár, pálka, žál', zbán, γan'í, tám, kám'an', majá, sát, rádam, práca, pasaʒén'a, bás, rázam, ráptam, sxap'íc', žába, zab'íu̯, šáfa, fataγráf'ija, láva, láv'íc', nášy, nas'í, káža, az'ôr, báčyc', bác'ka, uxaǯôr, γl'aʒ'í, ták, tak'í, bágna, prag'n'ónaja, bl'áxa, naγá, naγ'í, dái̯, dáu̯, paabmyvác'

Таблица 12

Количественная оценка степени α- и β-полноты белорусских фонем

	r	*l*	*l'*	*n*	*n'*	*m*	*m'*	*j*	*t*	*d*	*c*
K_α	0,43	0,54	0,54	0,57	0,57	0,45	0,48	0,29	0,41	0,34	0,34
K_β	0,91	0,36	0,70	0,57	0,40	0,57	0,27	0,16	0,43	0,50	0,32

	ʒ	*s*	*z*	*p*	*p'*	*b*	*b'*	*f*	*f'*	*v*	*v'*
K_α	0,04	0,34	0,27	0,32	0,27	0,39	0,29	0,20	0,13	0,45	0,34
K_β	0,11	0,43	0,36	0,45	0,27	0,48	0,20	0,18	0,09	0,13	0,13

	š	*s'*	*ž*	*z'*	*č*	*c'*	*ǯ*	*ʒ'*	*h*	*h'*	*g*
K_α	0,36	0,36	0,27	0,20	0,34	0,34	0,16	0,29	0,45	0,41	0,13
K_β	0,45	0,34	0,39	0,39	0,43	0,29	0,16	0,27	0,43	0,25	0,32

Таблица 12 (*окончание*)

	g'	x	γ	γ'	e	ê	o	ô	i	u	a
K_α	0,13	0,32	0,27	0,20	0,73	0,66	0,73	0,64	0,95	0,82	0,86
K_β	0,18	0,45	0,25	0,13	0,79	0,70	0,84	0,50	0,82	0,79	0,91

Как видно из табл. 12, наибольшей валентностью обладает класс гласных фонем: коэффициент α-полноты для гласных — не ниже 0,60 и может достигать 0,95 (фонема i является почти α-полной), а степень β-полноты колеблется от 0,50 до 0,91. Дальше следуют сонорные согласные (исключая антевокальный j), для которых коэффициент α-полноты колеблется в диапазоне от 0,43 до 0,57, а β-полноты — от 0,27 до 0,70. И, наконец, различные шумные, у которых нижний порог степени α-полноты — 0,04, верхний — 0,45, а соответствующие показатели β-полноты — 0,09 и 0,50.

Теперь попытаемся сформулировать основные закономерности построения α- и β-полей фонем белорусского диалекта. При этом мы имеем в виду не только положительные правила, но и ограничения (запреты) сочетаемости, которые носят регулярный характер (и формируют, так сказать, «отрицательные» α- и β-поля фонем).

Наиболее универсальные правила, касающиеся целых групп фонем, связаны с тенденцией к однородности сочетаний относительно значения двух различительных признаков — звонкости (Vc) и палатальности (S).

(1) $\urcorner$ (Cs^+, Vc^+) & (Cs^+, Vc^-); $\urcorner$ (Cs^+, Vc^-) & (Cs^+, Vc^+) (читается: запрещено следование за звонким (или глухим) шумным шумного с противоположным значением признака звонкости). Исключение: фонемы v, v' (примыкающие к сонорным по поведению в подобных позициях), которые могут занимать β-положение в сочетаниях с шумными, характеризуемыми отрицательным значением Vc (tvój̯, c'v'órdy).

(2) $\urcorner$ ((Cs^-, G^+, S^+)$\vee$(Cs^+, G^+, S^+)) & ((Cs^-, S^-) $\vee$ (Cs^+, S^-)) (читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

(3) $\urcorner$ ((Cs^-, G^+, S^-) $\vee$ (Cs^+, G^+, S^-)) & ((Cs^-, S^+) $\vee$ (Cs^+, S^+)) (читается: запрещено следование палатального сонанта или шумного за непалатальным периферийным сонантом или шумным).

Касаясь комбинаций тех же, что и правило (2), классов фонем, но только при ином распределении между ними палатальности, это правило в форме столь категорического запрета, разумеется, не приложимо ни к одному идиолекту. Оно существует как тенденция (статистически достаточно представительная) к регрессивному уподоблению губных и заднеязычных последующим пала-

тальным шумным и сонантам по признаку палатальности (в таблице упорядоченных пар сочетания, к которым относится данное правило, отмечены двойным знаком $\pm$).

(4) ⌉ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁺) & ((Cs⁺, S⁺) (Cs⁻, S⁺)) (читается: запрещено следование за непериферийным непрерывным некомпактным шумным (свистящие s, z) палатального шумного или сонанта). Исключение из правила составляют сочетания s с суффиксальным k' (lazdúnsk'i, vusk'i, kásk'i). Обычно же: s'k'ínuc, žálas'l'ivy, z'γ'ínuc', z'n'imác', z'w'ḗr и т. п.

(5) ⌉ (Cs⁺, Cp⁻, St⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, Vc⁺, S⁺) (читается: запрещены последовательности tv', dv'). Лаздунцы произносят: l'itvá — l'ic'v'é, l'ic'v'ín; dvá — ʒ'v'é, uʒ'v'óx.

Характеризуя в общем функционирование палатальности в парных консонантных сочетаниях, можно сказать, что для белорусского диалекта типичны сочетания согласных, унифицированные по значению признака палатальности. Тенденция выравнивания (преимущественно регрессивного) согласных пар по этому признаку столь активна, что иногда ее действию подвергаются и те неоднородные относительно палатальности сочетания, которые, однако, вполне допускаются системой. Например, при том, что в Лаздунах совершенно нормальны сочетания l'c, n'k, n'š, нами замечено в нескольких случаях: v'idélcy, n'áŋka, mámaŋka, ma'léŋkaja, ránšai̯, m'énšy.

Некоторые ограничения связаны с построением консонантных α-полей непериферийных компактных — š, s', ž, z', č, c', ʒ' (ǯ здесь не упомянуто ввиду того, что лексемы, содержащие эту фонему с консонантным предшествованием, уникальны и к рассматриваемым ситуациям не относятся):

(6) ⌉ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻) & (Cs⁺, Cp⁺, G⁻) (читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Это ограничение относится преимущественно к позициям морфемных границ, и наиболее частый случай — встреча приставок, оканчивающихся на t(d), s(z), с корневыми морфемами, начинающимися шипящими звуками. В результирующих сочетаниях согласные ассимилированы по признаку компактности, при этом выступающие в α-позиции прерывные (Ct⁻) элементы перекодируются в яркие компактные, а непрерывные — в неяркие (aččap'ícca, ac's'aʒ'éc', pačšýc', pac'c'érc'i, paǯžác', aʒ'ʒ'ḗl'na, paššyvác', žžynác', raščésvac' и т. п.).

Следующее правило касается известной особенности белорусского консонантизма:

(7) ⌉ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, Vc⁺) & (Cs⁺ ∨ Cs⁻) (читается: запрещено следование согласного, сонорного или шумного, за согласными v, v'[18]). В виде исключения иногда vl проскальзывает в поль-

---

[18] Что касается сочетаний f, f' + согласный, то они отмечены в заимствованиях: frónt, frýc, fl'ánsy (f'l'ánsy).

ском собственном имени vladýslau̯ или русизме vlás'c' (но произносят и: u̯ladýslau̯, u̯lás'c').

Обращаясь к сочетаниям вида CV, поясним те случаи, когда V — гласный *e*. Характерно следующее ограничение:

(8) ¬ (Cs⁺, Cp⁺, G⁺, Ct⁻, S⁻) & (V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁻) (читается: запрещено следование *e* за *k* или *g*). Заметим, что если для большинства других согласных различение по признаку палатальности перед *e* выполняется, то обеспечивается это в значительной степени списком заимствований (в основном полонизмов), например, nénʒa, métr, péu̯n'a, pavédluk и т. д.

Для говора характерны гласные тавтосиллабические сочетания с i, u в β-позиции:

(9) ∃ ((V⁺, T⁻) ∨ (V⁺, T⁰)) & (V⁺, D⁺). Исключение: двусложное c'iún. При других комбинациях гласных в слове говор использует различные пути к устранению зияния: стяжение (pabmyvác', paddavác'); появление эпентетических согласных (pavúk, navúka или naγúka); причем иногда в этой роли выступает гортанная смычка (za'ukác', pa'ul'ác')[19].

Говоря о трехэлементных последовательностях фонем[20], заметим, что в белорусском диалекте сочетания трех гласных запрещены, а число трехфонемных консонантных сочетаний несравненно меньше числа двухфонемных. Приведем список встретившихся нам трехфонемных сочетаний согласных, различая при этом позиции группы CCC относительно первой и последней гласной слова (считая от данного сочетания) и позицию интервокальную (середина слова).

CCC в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — strḗčny, γastrýc'
spr — správa, pasprabavác'
skr — skrýdla, paskrép'c'i
sxr — sxrón
skl' — skl'ép, paskl'éi̯vac'
spl' — spl'učý, paspl'ú
sxn — sxnúc', pasxnúc'
sxn' — sxn'é, pasxn'é
skv — skvárka, zaskváryc'
pxn — pxnúc', uvapxnúc'
tkn — tknúc', zatknúc'
tkn' — tkn'é, zatkn'é
škl — škló
škl' — škl'áŋka
čxn — čxnúc', pračxnúcca (pračnúcca)
zbr — zrbója, uzbrójic'
stv — stvarýc', paskústva
čxn' — čxn'é, pračxn'écca

---

[19] В соответствующем разделе, ниже, особо рассматриваются дистрибутивные возможности гласных во «вторичном» белорусском идиолекте двуязычных информантов («жагунов»), представляющем интересные в этом отношении отличия.

[20] Имеются в виду последовательности элементов, относящихся к классу согласных (CCC), либо к классу гласных (VVV).

ССС в интервокальной позиции:

rsn	— pýrsnuc'	nsk	— laždúnska
rs'n'	— pýrs'n'a	nsk'	— m'ínsk'i
rzn	— m'érznuc'	mkn	— zamknúc'
rz'n'	— m'érz'n'a	mkn'	— zamkn'óny
rsk	— pýrskac'	ms'c'	— adams'c'íc'
rkn	— γórknuc'	mšč	— adamščácca
rkn'	— γórkn'a	tkl	— patklátka
rkv (rxv)	— mórkva	tkl'	— patkl'éi̯vac'
rs'n'	— s'v'irs'n'á	tkv	— patkvášany
ršš	— zam'órššy	pkl	— apkladác'
l'sk	— pól'ska	pkl'	— apkl'éi̯vac'
l'sk'	— pól'sk'i	stk	— kóstka
ndr	— kal'ándra	stk'	— kóstk'i
ndl'	— γandl'avác'	kšč	— bakščán'e.
ngl'	— c'óŋgl'a		

ССС в конечной (и интервокальной) позиции:

ršč — bóršč	nsk — m'ínsk
l'šč — pól'šč	kšt — bákšt (род. п. топонима bakšty).
l's'c — p'íl's'c'	

Этот перечень, разумеется, может пополниться с расширением объема текста, но некоторые наблюдения могут быть сделаны уже сейчас. Как видно, трехфонемные созвучия согласных менее всего характерны для конца слова, чаще они встречаются в начале слова, и, наконец, в интервокальном положении (середина слова) реализуются все представленные в данном диалекте трехчленные консонантные последовательности.

Подавляющее большинство антевокальных (начальных) последовательностей ССС строится по схеме STR, где S — представитель класса длительных (непрерывных) некомпактных (s, z), R — сонант (или иногда v), T — шумный (t $\vee$ d $\vee$ p $\vee$ k $\vee$ x $\vee$ $\vee$ γ). Отступают от схемы примеры, где в начале t, p. В поствокальных (конечных) последовательностях сонант также контактирует с гласным (как это происходит и в начальной позиции), занимая соответственно первое место в сочетании: RST (R — сонант, S — незвонкие шипящие или свистящие, T — смычный или аффриката). В литовском топониме встретилось сочетание шумных (kšt). Наконец, для интервокальных (и только) последовательностей достаточно типична схема RSR (s $\vee$ z $\vee$ s' $\vee$ z' $\vee$ $\vee$ š $\vee$ d $\vee$ k в окружении сонантов), но также распространены сочетания с одним сонантом (на первом или последнем месте в группе) и парой шумных, способной функционировать в диалекте в качестве самостоятельного двухфонемного сочетания (sk, s'c', šč, tk и т. д.).

Скопления более чем трех согласных крайне редки и, по-видимому, появляются лишь в позиции стыка морфем: apstrél'vac',

apskrabác’, žórstka, žórstk’i. При встрече приставок, оканчивающихся на t, с трехчленными сочетаниями, в которых s на первом месте, звучат обычно аффрикаты: pactrél’ic, ackrép’c’i, packvárуc’.

3) *Подсистемы начальных и конечных фонем*

К числу фонологических явлений, имеющих значение при сопоставлении лаздунских диалектов, относятся особенности оформления начала и конца слова. Особый характер этих двух фонологических позиций состоит в том, что они определенным образом ограничивают фонемный инвентарь и, кроме того, характеризуются специфическими правилами сочетаемости фонем.

Между начальной и конечной позицией существует резкое расхождение в составе различаемых фонологических единиц.

Начальный инвентарь состоит из 41 фонемы: r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ʒ’, k, k’, g, g’, x, γ, γ’, e, o, i, u, a (rê̌čka, láva, l’ês, nášy, n’és’c’i, mác’i, m’ôt, jés’c’i, tórba, dóma, cúkar, ʒу́ŋkac’, sála, zôrka, pádla, p’ác’, bél’ka, b’êly, fútar, f’íkus, vášy, v’ánuc’, šу́ba, s’ádu, žába, z’ác’, části, c’êsta, ʒ’ê̯uka, kám’an, k’ísly, gáza, g’ésta, xáta, γará, γ’arói̯, éty, os’emsót, imčác’, ubáčyc’, aγón’).

Конечный инвентарь почти наполовину меньше и состоит из 23 фонем: r, l, l’, n, n’, m, t, c, s, p, f, š, s’, č, c’, k, x, e, ê, o, i, u, a (bôr, kas’c’ól, stól’, mlу́n, kôn’, šúm, xamút, n’ém’ac, l’ês, slúp, tórf, kôš, skrôs’, p’êč, sanažác’, ʒ’ac’úk, arôx, n’as’é, barav’ik’ê, aknó, žn’í, b’aγú, naγá).

Как видно, в абсолютном начале слова встречаются все согласные, кроме ǯ, а из гласных безусловно исключаются напряженные ê, ô. Что касается e, o, i, u, a, то их допустимость в начальной позиции нуждается в пояснении. Дело в том, что для лаздунского говора характерны протетические согласные, однако произносительные нормы, связанные с их функционированием, при этом чрезвычайно расшатаны, и судьба гласных в начальной позиции, как показывают наблюдения, несколько сложнее той, которая представлена для данного пункта в ДАБМ [21]. В частности, и для картографируемых в атласе фонетических позиций мы отметили свободные вариации: vúγal’—γúγal’, vúl’ica—γúlica, vóz’era—γóz’era, vús’—γús’ и т. д.

В общем же картина явлений, связанных с употреблением протетических согласных, выглядит следующим образом. В качестве протетических элементов выступают v, γ (γ’), j. Протетическими элементами снабжаются не только ударные *o*, *u*, но также *a*, *i*, *e* (при этом безударное начало характеризуется не-

[21] Соответствующие карты ДАБМ (47—49) характеризуют лаздунский говор следующим образом: перед начальными ударными *о*, *и* произносится протетический v ([в] *озера*, [в] *уха*), слово «вуліца» произносится [в]*уліца*, а указательные местоимения — (γ)*эты*, (γ)*эны*.

редко той же регулярностью протезы, что и ударное, в особенности если речь идет о формах, принадлежащих одной парадигме: vúšy — vušéi̯, vóčy — vačéi̯). Примерное распределение: j чаще всего перед i (jíu̯ja, jiván, jiv'én'ac, jíx, jínšy), γ — перед е, а (γéty, γél'ka, γántak, γáṇ'a, γarác', γanúča, γav'éčka, γavurók, γalátki, γai̯čým), v — перед o, u (vós'im, vóstry, vúšy, vúl'ica). Однако это распределение достаточно условно, и в некоторых случаях отмечены вариации: jón — γ'ón, γárm'ija — várm'ija, ср. также упомянутые выше примеры γúγal' — vúγal' и др.[22]

Дополнительное осложнение вносят идиолекты (преимущественно старшее поколение), разрешающие в качестве факультативного варианта произношение без протезы: ós'im, ól'γa, éty (пожалуй, лишь этим случаем и выражается допустимость *е* в начальной позиции, сформулированная выше). Несомненно, в связи с этой манерой произношения существует еще одно любопытное явление, характеризующее начало слова: подвижность непротетического согласного γ, причем, как нам показалось, регулярнее в диалекте выступает вариант с утратой γ, чем с сохранением. Последовательное опущение отмечено в следующем списке слов: avarýc', avórka, aʒ'ín'n'ik, aspadár, asudár, asudárstva, alavá, arôx, ará, andl'ár, arbáty, aktár, órla, óršy, uʒ'éc', ul'tái̯.

На конце слова инвентарные ограничения гораздо более значительны, они касаются целых классов согласных: $\urcorner$ (Cs$^+$, Vc$^+$) & $\#$ (читается: запрещается появление звонких шумных на конце слова); $\urcorner$ ((Cs$^-$, G$^+$, S$^+$) $\vee$ (Cs$^+$, G$^+$, S$^+$)) & $\#$ (читается: запрещено появление на конце слова палатальных периферийных сонантов или шумных).

Кроме того, на конце слова запрещены v и гласный ô.

Что касается дистрибутивных ограничений, то для начальной позиции они минимальны, так что почти все известные диалекту сочетания CV и CCV возможны в начале слова. Специальной оговорки требуют лишь сочетания с сонантом: для начала слова характерны сочетания вида CR, тогда как немногочисленные возможные сочетания вида RC подвержены варьированию (ržýšča — iržýšča — ryžýšča, ržé — iržé, lγác' — lyγác', lžé — ilžé — lyžé, l'ʒ'ína — l'iʒ'ína, l'v'íca — l'iv'íca и т. п.)

На конце слова, напротив, допустимы лишь немногие сочетания согласных (rm, rt, rf, rs, rc, rc', rx, l's, l'ś, nt, sk, ft, št, šč, xc'), причем для сочетаний с сонантом характерно следование RC.

Представление о начальных и конечных трехфонемных последовательностях согласных уже дано в разделе, касающемся упорядоченных сочетаний согласных в диалекте.

---

[22] Кстати, факультативное варьирование v—γ (v'—γ') замечено и в неначальной позиции: avurók-aγurók, bavatýr—baγatýr, avúl'n'a—aγúl'n'a и даже после согласных: žγ'arê—z'v'arê, (na)l'idγ'e—(na)l'ic'v'é.

Четырехфонемных (и бо́льших) скоплений согласных в начале и на конце слова как будто нет.

Особенности белорусского идиолекта двуязычных информантов

Белорусская речь лаздунцев, для которых родным (и до некоторого времени основным, по крайней мере в семье) языком был литовский [23], имеет чрезвычайно характерные приметы, главные из которых мы укажем здесь.

Фонологическая система белорусского диалекта на литовском субстрате состоит из 39 фонем, различаемых одиннадцатью признаками (см. табл. 13).

Как видно, отличие от диалектной «нормы» коренится в сужении сферы признака непрерывности: утрачены противопоставления p, p'—f, f'; k, k', g, g'—x, γ, γ'. Что касается противопоставления p, p'—f, f', то оно спорадически не выдерживается и в исконно белорусских идиолектах, в данном же случае происходит регулярная замена f, f' на p, p' — prónt, pútar, paráp'ija и т. п., x последовательно заменяется на k: káta, kl'ếu̯, kažúk, kryp'íc' (это произношение сразу режет слух, а сами лаздунцы используют его как постоянный повод для иронии: kamút na‿krápu n'e‿l'éz'a, v'él'k'i, kal'érja). Субститутом γ, γ' обычно является нуль звука, в результате чего возникают скопления гласных, малохарактерные для исконно белорусского говора: mnóa (<mnóγa), karóšao (<xaróšaγo), aón' (<aγón'), druí (<druγ'í), naú (<naγú), maíla (<maγ'íla), vý́an (<vý́γan). Иногда в качестве протезы, разделяющей гласные слоги, возникает гортанная смычка (появляющаяся также в начале слова): 'órka'o (<γórkaγo), u'ós'c'ic' (<uγós'c'ic'), 'ús'i (<γús'i).

Как будет видно из дальнейшего изложения, инвентарь фонем «вторичных» белорусских идиолектов является ядерным по отношению к исконно белорусскому и литовскому (т. е. представляет собой теоретико-множественное произведение этих инвентарей), а указанные особенности дистрибуции гласных сопоставимы с соответствующими нормами литовского диалекта.

Литовский диалект

Как уже говорилось, изучение лаздунского литовского диалекта имеет свою историю (см. упомянутые выше работы П. Арумаа, Э. Френкеля, Ю. Сенкуса, Е. Гринавецкене), что в известной степени позволяет проследить эволюцию говора на протяжении сорока лет. По традиционной классификации литовских диалектов, восходящей к концепции А. Салиса [24] и еще раньше К. Яв-

---

[23] Разумеется, речь идет о «жагунах» преклонного возраста, причем о тех из них, чье языковое сознание отличается консерватизмом.

[24] A. S a l y s. Kelios pastabos tarmių istorijai. «Archivum Philologicum», IV. Kaunas, 1933.

Таблица 13

Матрица идентификации фонем белорусского диалекта двуязычных информантов

Признак	*r*	*l*	*l'*	*n*	*n'*	*m*	*m'*	*j*	*t*	*d*	*c*	*ʒ*	*s*	*z*	*p*	*p'*	*b*	*b'*	*v*
Гласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Согласность	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Периферийность	—	—	—	—	—	+	+	0	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Назальность	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	+	+	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—	+	—	—	+	+	0
Палатальность	0	—	+	—	+	—	+	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—

Признак	*v'*	*š*	*s'*	*ž*	*z'*	*č*	*c'*	*ǯ*	*ʒ'*	*k*	*k'*	*g*	*g'*	*e*	*ê*	*o*	*ô*	*i*	*u*	*a*
Гласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Компактность	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	0	0	0
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Палатальность	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	0	0	0	0	0	0	0

ниса [25], Лаздуны относятся к дзукам-пунтининкам, по современной классификации З. Зинкявичюса—А. Гирдяниса [26], лаздунский литовский представляет собой восточноаукштайтский говор виленского типа.

Описывая фонологию говора, мы основываемся на материалах названных исследований Лаздун, а также на наших собственных наблюдениях, собранных во время экспедиций в Лаздуны в 1964 и 1968 гг.

Вокализм (V^{+}) [27]

Непостоянство произносительных норм, на которое указывают исследователи и которое осознают сами носители говора, характеризует в первую очередь вокализм. Нередко произношение гласных варьируется не только от идиолекта к идиолекту, оно бывает изменчиво в одних и тех же позициях и даже в одних и тех же словах в устах одного информанта.

По этой причине инвентарь различаемых в говоре гласных фонем предпочтительнее всего представить в виде диапазона колебаний от максимальной к минимальной совокупности фонем.

Максимальный вокалический инвентарь представляет собой четырехступенчатую четырехугольную систему (восемь фонем):

i	u
ie	uo
e	o
æ	a

Комментарий к максимальному инвентарю [28]:

i —i.tas, viśi., ažmы.śl'ii̯o (A); ìtus, visà, kapыtump (S); rыñks (G)

ie —nie·ko, gi·ėma (A); kiẽni, śniegaũs (S); vienà, namiẽ (G)

e —b·ėgo, nulзn·do, žm·ɔnės (A); kãsė, pàmirė, vė́jas (S); éma (G)

æ —ǵɛru., a.tvɛdė, bɛrnė·ku (A); brólei, mẽdzian (S); nuvẽj (G)

u —sūnu., u·gdo (A); bùvo, ũtarija(S); upẽlы, dungùj (G)

uo —adduɔ·ma, ažaruɔsui· (A); (uñ)vúožuolo, vuodegà (S); žmuõj, úožuolo (G)

o —po·nas, go·dnas, ɔ·dźinom (A); namõ, Onà, bóbos (S); mõmula, kõl (G)

a —a·ni, ǵäru, ka.s (A); ãnas, árc, važãvo (S); anà, tracià, žamėn (G).

---

[25] К. Явнис. Грамматика литовского языка. Пг., 1916.

[26] См.: A. Girdenis, Z. Zinkevičius. Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos. «Kalbotyra», XIV, Vilnius, 1966, а также: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija.

[27] В данной работе рассматривается уровень сегментного различения, тогда как просодический план представлен условно — фиксируется лишь место ударения.

[28] Здесь и дальше примеры, взятые из записей П. Арумаа, Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене, воспроизводятся в той форме, в которой они фигури-

Специального пояснения требует трактовка гласных дифтонгического образования ie, uo, так как вопрос о фонологическом статусе этих звуков решается в литуанистике по-разному. Л. Ельмслев [29] (так же как впоследствии Э. П. Хемп [30] и В. Р. Шмальштиг [31]) считал их сочетаниями двух элементов (i+e, u+o). В последнее время в пользу этой точки зрения высказывался И. Казлаускас [32]. Напротив, монофонематически интерпретировал ie, uo Н. С. Трубецкой [33]. Фонологическую самостоятельность этих единиц признает и В. Вайткевичюте [34], объединяя их, однако, в этом плане с другими так называемыми чистыми дифтонгами (ai, au, ei, eu, ui, ŏi).

Все же если подытожить свидетельства в пользу особого характера ie, uo, то окажется, что существуют серьезные, как нам представляется, основания для того, чтобы в отличие от других дифтонгов считать их самостоятельными монофонематическими единицами.

Прежде всего можно сказать, что ie, uo лишь условно членятся на два компонента [35] (произнесение этих гласных состоит в более или менее напряженном изменении уровня подъема языка в пределах одного ряда). Компоненты эти во всяком случае не противопоставлены друг другу по признаку центральной или маргинальной роли в слоге (тогда как остальные «чистые» дифтонги могут быть представлены как сочетание слогообразующего

руют в контексте, и сопровождаются соответствующей пометой — (A), (S), (G). Несколько замечаний о системах транскрипции, используемых названными авторами. Транскрипция П. Арумаа чрезвычайно и тщательно детализирована. Транскрипции Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене в некоторых отношениях отступают от принципов фонетического письма, сближаясь с орфографией (в частности, используются знаки носовых гласных į, ų; диалектные модификации æ (открытого гласного переднего ряда нижнего подъема), в том числе и в начальной позиции, скрыты под традиционным в литовской графике знаком *e*; не отмечается позиционное смягчение согласных, так же как и некоторые другие явления синтагматики). Это, видимо, определяется преимущественным интересом к другим уровням диалекта — морфологии, синтаксису, лексике, о чем, кстати, и писал Ю. Сенкус (см.: J. Senkus. — LKK, II, 1959, стр. 215). Во всех случаях обращения к этим записям мысленно делается поправка на современное звучание.

[29] «Studi Baltici», VI, 1936—1937, стр. 28.

[30] E. P. Hamp. Buividze Lithuanian Phonemes. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1959, I/II, стр. 200.

[31] W. R. Schmalstieg. Primitive East Baltic *uo-*, *ie-* and the 2nd Sg. Ending. «Lingua», 1961, X, 4, стр. 369.

[32] J. Kazlauskas. Lietivių literatūrinės kalbos fonemų diferencinių elementų sistema. «Kalbotyra», t. XIV, 1966.

[33] N. S. Troubetzkoy. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. — TCLP, I, 39—67 (1929).

[34] «Lietuvių kalbos gramatika», I. Vilnius, 1965, стр. 57.

[35] Кстати, Ф. Куршат считал ie, uo сложными (смешанными) гласными, отличая их от дифтонгов (см.: F. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876). Точно так же рассматривал их и М. Н. Петерсон в «Очерке литовского языка» (М., 1955).

гласного с неслоговым). Эту особенность называет и В. Вайткевичюте [36], различая составные дифтонги (sudėtiniai) и слитные (sutaptiniai), которыми являются ie, uo.

В том же исследовании В. Вайткевичюте (стр. 57—58) можно найти факты просодического плана, которые также могут быть истолкованы как приметы особого характера ie, uo. Речь идет о различном поведении дифтонгов в зависимости от интонации: если в акутовых или циркумфлексных дифтонгах ai, ei, au, ui, ŏi, eu удлиняется соответственно первая или вторая часть, то ie, uo стоят в этом отношении особняком — продление, связанное с интонацией, для них нехарактерно.

Убедительный аргумент против отождествления ie, uo с остальными дифтонгами, связанный с пространственной модификацией литовской фонологической системы, приводит Т. Бух [37]: в дзукском диалекте в районе Сейн (Польша) монофтонги утратили интонационные различия, в то время как дифтонги (и дифтонгические сочетания типа ER) их сохранили; в этой ситуации ie, uo разделили судьбу монофтонгов, утратив противопоставления интонации.

Лаздунский говор в свою очередь представляет дополнительный довод в пользу обособления и монофонематической интерпретации ie, uo: в нем развита тенденция к монофтонгизации этих звуков (ср.: duona—dūna—dona, kluonas—klūnas—klonas, šienas—šynas—šenauce, diena—dyna—denẽla [38]). Возникающие при этом варианты монофтонгов иногда представляют собой звуки, кажется, той же фонетической природы, что и описанные нами выше белорусские напряженные гласные, условно обозначенные ê, ô.

Максимальная вокалическая модель литовского диалекта Лаздун базируется на четырех противопоставлениях (табл. 14).

Таблица 14

Признак	*e*	*ie*	*o*	*uo*	*i*	*u*	*æ*	*a*
Компактность	—	—	—	—	—	—	+	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	—	+
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0	0

[36] V. Vaitkevičiūtė. Lietivių literatūrinės kalbos priebalsinių fonemų sudėtis. — LKK, I, 1957, стр. 59.
[37] T. Buch. Zur phonologischen Wertung von lit. *ie*, *uo* und lit. *ė*, *ê*. «Lingua Posnaniensis», XII—XII, Poznań, 1968.
[38] Примеры процитированы по Ю. Сенкусу (см. MAD, ser. A (1), 1958, стр. 185).

По признаку компактности гласные нижнего подъема æ,*a* противопоставлены остальным гласным.

По признаку диффузности среди некомпактных гласных различаются гласные верхнего подъема i, u и гласные среднего подъема e, ie, o, uo.

Признак периферийности противопоставляет лабиализованные гласные o, uo, u нелабиализованным e, ie, i, а также гласный заднего ряда *a* более переднему æ.

По признаку напряженности различаются ie, uo — гласные средне-верхнего подъема, возможно, дифтонгического характера, произносимые с некоторым напряжением органов речи, и гласные среднего подъема *e*, *o*.

Статистические индексы, характеризующие данные противопоставления с точки зрения их мощности и симметричности, см. в табл. 15.

Таблица 15

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,33	Периферийность	1	1
Диффузность	0,75	0,50	Напряженность	0,50	1

Строго говоря, описанная выше модель вокализма не может быть безоговорочно соотнесена ни с одним идиолектом, она условна в том смысле, что адекватна максимуму различительных возможностей, который устанавливается на основании анализа определенных фрагментов различных идиолектных текстов. Поскольку, как уже сказано, понятие произносительной нормы в лаздунском диалекте чрезвычайно расшатано и колеблется в диапазоне от максимума к некоторому минимуму различаемых единиц, необходимо рассмотреть здесь также характерные тенденции к упрощению вокалической системы.

В текстах П. Арумаа уже отмечено смешение æ — *a* («расширение» æ до *a*), и в том числе в позиции, считающейся для данной корреляции сильной (перед слогом, содержащим палатальный согласный и гласный переднего ряда): ńεga·l'u., ńεgīv́ä·no, ńεraǵėtś, ńεguḃii̯ — ńäpasa·ko, ńäga·l'i; pô mεdźu.s — iš mä·dźo, už mä·dźu, ǵεru — ǵäru; v́εzais — v́ä·zi, źmεi̯a — źmäi̯u; śεkmú· — śä·kmi; nuvεi̯au· — nuv́ä·i̯o и т. д. По нашим наблюдениям, есть основания думать, что в настоящее время дефонологизация æ, наметившаяся в идиолектах, записанных П. Арумаа, состоялась, ср. последовательное произношение: apušé, aglé, ážaras, ái̯na, s'an'éi̯, nuv'ajóu̯, nuv'ájom, t'al'ičái̯t'e, g'aréi̯, g'arklé, m'arg'ála, m'ás, l'il'ajála, atn'ášy, g'agúže, rut'ále, b'arn'ál'is, vuod'agá и т. д.

Дефонологизация æ повлекла за собой преобразование вокалической системы в треугольную модель:

i u

ie uo

e o

a

Эту разновидность вокализма, пожалуй, можно считать наиболее типичной для говора. Она строится на четырех противопоставлениях (табл. 16).

Таблица 16

Признак	*e*	*ie*	*o*	*uo*	*i*	*u*	*a*
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

Статистические показатели мощности и симметричности данной системы см. в табл. 17.

Таблица 17

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17	Периферийность	0,86	1
Диффузность	0,86	0,50	Напряженность	0,57	1

Монофтонгизация ie, uo, о которой уже шла речь, касается самых различных позиций — ударной и безударной, начала, конца, середины слова — и представляет собой, несмотря на свою непоследовательность, одну из фонетических примет лаздунского диалекта, сразу же поражающую слух. Возникающие монофтонги могут сопровождаться иногда некоторым напряжением органов артикуляции, но могут (чаще всего) и не быть напряженными. Вот некоторые примеры: v'ená, v'énu, ʒ'ená, n'éko, l'etús, s'v'étas, ʒ'evúl'is, nam'é, dóna, dós'u, vóžolas, važós'im, undói̯, sasói̯ и т. д. (по нашим наблюдениям, основными заместителями дифтонгов в диалекте выступают *e*, *o*) [39].

[39] Следует здесь заметить, что в лаздунском диалекте существует также манера дифтонгического произношения *e*, *o* ([*ie*], [*uo*]), впрочем, крайне непоследовательная, как пишут исследователи см.: J. Senkus. —

Результатом действия этих двух тенденций является пятичленная треугольная вокалическая система, основанная на трех противопоставлениях (табл. 18).

Таблица 18

Признак	*e*	*o*	*i*	*u*	*a*
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Сосуществованием описанных трех систем и определяется облик литовского вокализма Лаздун.

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Для современного лаздунского диалекта характерен консонантный инвентарь, насчитывающий 35 фонем: r, l, l' n, n' m, m', j, t, t', d, d' c, ʒ, s, z, p, p', b, b' v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', ɣ.

Комментарий к консонантному инвентарю:

r — trác'as, rágana
l — lašká, lódnas
l' — l'atut'ál'is, l'il'ajála
n — nakc'ís, c'onái̯
n' — s'v'iršn'á, šul'n'ál'is
m — máno, ái̯ma
m' — m'áʒ'as, m'an'ál'is
j — jám, jiu̯já
t — tadú, tvártas
t'[40] — rut'ále, t'al'ičái̯t'e
d — dáȓžas, dabár
d'[40] — ʒ'íd'al'is, un'd'an'ál'is
c — caɣónas, cybul'á, s'in'ícos
ʒ — dzá, ižʒovina (S)

s — sáko, sánas, sasói̯
z — záras, zbon'ális, marózas
p — páršas, pódlas, pančókas
p' — p'áles, p'aréz'imkas, p'irágas
b — bul'bá, bobá, baz'ní'ča
b' — lob'ál'is, vob'alé
v — várna, vál'ʒ'ikai̯
v' — v'ažýmas, v'aršál'is, karv'ále
š — šárka, šáu̯kštas, šókc'
s' — s'an'éi̯, bús'ala, dúos'u
ž — žám'a, ážaras, žurou̯l'ís
z' — kaz'úkas, baz'ní'ča

MAD, стр. 184, а также: Z. Zinkevičius. Lietivių dialektologija, стр. 71. Учитывая это явление, можно было бы получить еще одну мутацию (термин Л. Ельмслева, используемый им при описании жемайтского вокализма в статье «Études de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien». «Scando-Slavica», II, 1956, стр. 62—86) вокалической системы:

i	u
ie (< e)	uo (< o)
e (< ie)	o (< uo)
(æ)	a

[40] О возможной дефонологизации этих единиц см. в разделе о дистрибуции.

č — častavóc’, vái̯kščoc’, t’al’i-čái̯t’e
c’ — c’á, boc’á, γéi̯c’ šyl’c’óu̯
ǯ — ǯáu̯ksmas; valdžója, džiauksmų (S)
ʒ’ — ʒ’írpc’, vál’ʒ’ikai; dzium (G)
k — káktas, kác’inas, káp, akýš
k’ — k’aušýn’ai̯, k’óu̯la, šók’a
g — gai̯ʒ’ís, gardús, grušá
g’ — g’agúže, g’arklé, m’arg’ála
γ — plūhùs (S); baγótas, γýl’a, γéi̯k.

Поясним прежде всего отсутствие r’, š’, ž’, č’, ǯ’, являющееся, как показывает сравнение транскрипций, позднейшей инновацией. П. Арумаа последовательно различает в этом случае палатальные и непалатальные согласные (ср.: nė^{i}ra, ráiˑká — iśšiśpˑiŕau, aŕtši, aˑšaru, mu.šasi — a.tnεš’au, pɔu.kš’tės; žaˑidźa, žûˑkai — ž’ämêˑn, naigraž’áśńu.s, padvaž’aˑvô, tšeˑrtas, tšiˑstas — vaˑkštš’oi̯a, tš’ėsu, pal’ektš’ėˑńos и т. д.)[41]. У Ю. Сенкуса и Е. Гринавецкене передано, по-видимому, факультативное палатальное произношение (ср.: geraũ, šымtù, žãmes, váikščoj, bažnýča, melnyčon — gerioũ, žemẽlәn, dvidešimt, vaikščioj, mélnyčia, melnyčion и т. д.). В настоящее время процесс диспалатализации r’, š’, ž’, č’, ǯ’, по нашим наблюдениям, завершился, во всяком случае нам уже не встретились ни факультативные, ни индивидуальные палатальные варианты.

γ выступает в общеупотребительном междометии γýl’a и в заимствованиях: plúγas, baγótas, иногда является в начале слова в качестве протезы: γéi̯k, иногда (все же редко) может вытеснять g: paγúrkl’is.

x, x’ в заимствованной лексике регулярно заменяется на k, k’: kmorá, kvóras, k’v’iγá (белор. x’v’íγa). Отступления все же возможны: samachòdas (S); araxv’ínos.

f, f’ обычно подлежат замене на p, p’, но иногда встречаются в заимствованиях: fatagrafúoc’ (patagrapúoc’), paráf’ija.

ǯ, ʒ’ отмечены лишь в нескольких лексемах.

При описании литовского консонантизма Лаздун используются восемь различительных признаков: согласность, компактность, периферийность, назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность (табл. 19).

По признаку согласности класс шумных (t, t’, d, d’, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, γ) противопоставлен классу сонорных (r, l, l’, n, n’, m, m’, j).

По признаку компактности выделяется класс средне- и заднеязычных (j, š, s’, ž, z’, č, c, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, γ), противопоставленный остальным согласным, образуемым в передней части

---

[41] Для ǯ, кажется, примеров нет, но, видимо, следует предполагать полную аналогию с č. Спорадически диспалатализация все же появлялась и в то время (ср. draˑba, padvažuˑɔdźinėi̯o при постоянном padvaž’àˑvô, važ’uˑɔi̯a).

Таблица 19

Матрица идентификации согласных фонем литовского диалекта Лаздун

Признак	*r*	*l*	*l'*	*n*	*n'*	*m*	*m'*	*j*	*t*	*t'*	*d*	*d'*	*c*	*ʒ*	*s*	*z*	*p*
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	−	−	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	−	−	+	+	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	−	+	−	+	−
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	−	+	−	+	0	0	0	0	−

Признак	*p'*	*b*	*b'*	*v*	*v'*	*š*	*s'*	*ž*	*z'*	*č*	*c'*	*ǯ*	*ʒ'*	*h*	*h'*	*g*	*g'*	*γ*
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+
Яркость	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0
Звонкость	−	+	+	0	0	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	0
Палатальность	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0

рта. Заметим, что, как и при описании белорусского консонантизма, к классу компактных фонем здесь причислены s', z', c', ʒ', морфонологически соотносимые с s, z, c, ʒ, но по особому «шепелявому» звучанию сближающиеся скорее с š, ž, č, ǯ (утратившими уже прежнюю корреляцию по палатальности с š', ž', č', ǯ')[42].

Признак периферийности противопоставляет губные и заднеязычные согласные (m, m', p, p', b, b', v, v', k, k', g, g', γ) передне- и среднеязычным (r, l, l', n, n', t, t', d, d', c, ʒ, s, z, š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ').

Признак назальности действует лишь в классе сонантов, различая n, n' и r, l, l'.

Признак непрерывности противопоставляет фрикативные согласные (l, l', s, z, v, v', γ) смычным и аффрикатам (r, t, t', d, d', c, ʒ, p, p', b, b', k, k', g, g').

Признак яркости отличает аффрикаты (c, ʒ, č, c', ǯ, ʒ') от соответствующих смычных и фрикативных (t, t', d, d' š, s', ž, z').

Признак звонкости характеризует шумные различных способов образования, дифференцируя их по участию голоса: t, t', c, s, p, p', š, s', č, c', k, k'—d, d', ʒ, z, b, b', ž, z', ǯ, ʒ', g, g'.

Признак палатальности позволяет различать l', n', m', t', d', p', b', v', s', z', c', ʒ', k', g', с одной стороны, и l, n, m, t, d, p, b, v, š, ž, č, ǯ, k, g — с другой (не касаясь лишь r, j, c, ʒ, s, z).

Статистические показатели, характеризующие парадигматическую модель литовского консонантизма Лаздун с точки зрения мощности и симметричности действия различительных признаков, представлены в табл. 20.

Таблица 20

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,67	Яркость	0,40	0,75
Периферийность	0,97	0,61	Звонкость	0,68	1
Назальность	0,14	0,67	Палатальность	0,80	1
Непрерывность	0,63	0,47			

Общую модель фонологического пространства литовского диалекта Лаздун представим в виде фонологического дерева, которое является графической записью матрицы, объединившей вокалическую и консонантную модели. Из трех вариантов вокалической системы предпочтена семичленная треугольная модель, которая в соединении с 35-фонемной консонантной системой образует, пожалуй, наиболее типичную для литовского диалекта Лаздун фонологическую систему (42 фонемы).

[42] Это произношение отразилось в появлении таких спорадических транскрипций, как bočià, čielu (S) и т. п.

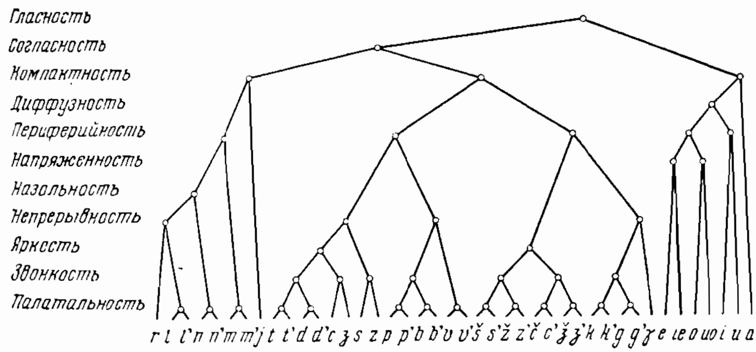

Рис. 3. Фонологическое «дерево» литовского диалекта Лаздун

Построение объединенной модели фонологического пространства осуществляется с помощью признаков вокальности и консонантности, идентифицирующих и различающих три класса фонем: гласные (V^+, Cs^0), согласные (V^-, Cs^+) и сонанты (V^-, Cs^-). Статистические характеристики этих признаков см. в табл. 21.

Таблица 21

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,20
Согласность	0,83	3,37

Дистрибуция фонем

В этом разделе предполагается рассмотреть некоторые аспекты распределения литовских фонем в тексте, интересующие нас прежде всего в плане типологического сравнения диалектов, сосуществующих в Лаздунах. В частности, будут изложены наблюдения из распределения гласных в фонологической схеме слова; кроме этого, здесь будет описана дистрибутивная структура упорядоченных сочетаний из двух и более фонем, а также будут рассмотрены подсистемы фонем, оформляющих начало и конец слова.

1) Распределение гласных в слове

Вокализм литовского диалекта в общем устойчив относительно различных просодических условий в пределах слова. Это означает, что один и тот же набор вокалических единиц различается как в ударной, так и в любой безударной позиции.

Известно как будто одно отступление от общей закономерности. Мы имеем в виду довольно распространенное неразличение *о*, *е* в безударном окончании, на которое указал Ю. Сенкус [43]: isigunda (iššigando), brolia (brolio), žame (žemė) (S) и т. п. Архифонемой в этих условиях является *а* (примеры с нейтрализацией *е* в настоящее время следует, на наш взгляд, транскрибировать уже как žám'a, kárv'a.

Ю. Сенкус усматривает в этом произношении сохранение «древних (балтийских), только уже несколько сократившихся или кратких гласных (ā > а, ē > е)», что, однако, весьма сомнительно, если принять во внимание безукоризненные в фонетическом отношении записи П. Арумаа, регулярно передающие *о*, *е*, (ср. pr̃agīv̂ä·no, iššigun·do, suširəŋ·ko, nulзn·do, iša·i̭o, bi·tė, môtêrə.škė, ga·udė) [44]. Скорее всего в этом случае мы имеем дело все же с позднейшей инновацией — не вполне еще завершившимся неразличением гласных среднего подъема на безударном конце слова, представляющим собой некоторое подобие той редукции, которую претерпевает в безударной позиции белорусский вокализм.

Здесь уместно будет упомянуть и записанные нами примеры: m'an'ál'is, l'atut'ál'is, m'as't'ál'is, s'ad'éjo, s'ad'édamu, — поддавшиеся влиянию со стороны белорусской вокалической схемы слова (два последних примера, впрочем, могут быть сочтены лексическим фактом, ср. бел. s'aʒ'éc').

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Дистрибутивные свойства литовской фонологической системы отражает табл. 22, в которой сообщаются следующие сведения: отмечены знаком + встретившиеся в литовских словах двухфонемные сочетания; знаком — (минус) обозначены действующие в литовском диалекте Лаздун запреты сочетаемости; знаком ± снабжаются допустимые, но подлежащие варьированию пары; наконец, для тех сочетаний, которые в тексте данной протяженности не встретились, но вместе с тем не запрещены системой, клетка оставлена пустой.

Как показывает табл. 22, в литовской фонологической системе выделяются следующие классы фонем, различающиеся по дистрибутивным свойствам элементов: класс гласных, характеризующийся максимальной валентностью единиц; класс шумных согласных с гораздо более ограниченной свободой комбинаторики; класс сонорных, занимающий промежуточное положение между первыми двумя.

---

[43] См.: J. Senkus. Указ. соч., стр. 184.

[44] В некоторых примерах П. Арумаа использует в этой позиции знак ê («*е* среднее между ɛ и ė»), ср.: nə.ńäšê, ušpu·əlê, su.rəšê, ž'å·mê; транскрипция ė все же регулярнее.

Таблица 22

Упорядоченные пары фонем в литовском диалекте Лаздун

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	t'	d	d'	c	ʒ	s	z	p	p'	b	b'	v	v'	š	s'	ž	z'	č	c'	ǯ	ʒ'	k	k'	g	g'	ɣ	e	ie	o	uo	i	u	a	-#
r	−			+	+	+	+	−	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
l	−	−	−	+		+	−	−	+	−	+	−			+			−	+	−	+	−		−		−		−		−	+	−	+	−		+		+	+	+	+	+	+
l'	−	−		+	+	+	+	−	+	+	−	+	−	−	+	−	−		+	+		+		+	−			+	+	+	+	+	−	+	−	+	+	+	+	+	+	+	+
n	−		−	−	−		−	−	+	−	+	−	+	+	+			−		−		−		−		−	+	−		−	+	−	+	−		+		+	+	+	+	+	+
n'	−	−		−	+	−		−	−	+	−	+	−	−	−	−	−		−		−		−	+	−		−	+		+	−	+	−	+	−	+	+	+		+	+	+	+
m	+		−	+	±		−	−	+	−		−			+		+	±		−		−		±		−		±		−	+					+		+	+	+	+	+	+
m'	−	−		−	±	−		−	−		−		−	−	−	−	−	±	−		−		−	±	−		−	±	−		−		−		−	+	+			+		+	−
j	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+
t	+			+	±	+	−	−	+	−	−	−		−	−	−	+	±	−	−	+	±		−	−	−		−	−	−	+	±	−	−	−			+	+	+	+	+	+
t'	−	−		−	±	−		−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	±	−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−	−	−	±	−	−	−	±	−			−	±	±	−
d	+	+	±	+	±		±	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	+	±	+	±	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	±		+		+	+	+	+	+	−
d'	−	−	±	−	±	−	±	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	±	−	±	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	±	−	±	−			−		±	−
c				+			−	−	+	−	−	−		−	+	−		−	−	−				−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−			+	+	+		+	+
ʒ						+	−		−	−		−	−	−	−	−	−	−		−		−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−						+				+	−
s	+	+	−	+	−	+	−	−	+	−	−	−		−	+	−	+	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−			+	+	+	+	+	+
z	+	+	−	+	−		−	−	−	−	+	−	−		−		−	−	+	−	+	−	−	−	−	−	−	−		−	−	−	+	−				+		+	+	+	−
p	+	+	±	+	±	+		±	+		−	−		−	+	−		−	−	−		±	+	±	−	−	+	±	−	−	+		−	−	−			+	+	+	+	+	+
p'	−	−	±	−	±	−		±	−		−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	±		±	−	−	−	±	−	−	−		−	−	−	+	+			+	+	+	−
b	+	+	±		±				−	−	+	±	−		−		−	−	+	±			−	−			−	−		−	−							+	+		+	+	−
b'	−	−	±	−	±	−			−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−	±	−		−	−	−		−	−	−		−	−	−		−	+	+			+	+	+	−
v	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−			+	+		+	+	−
v'	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+		+	+	+	−
š	+	+	+	+	+	+	+	−	+	+	−	−		−	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	−	+	+	+		+	+	+	+
s'	−	−	+	−	+	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−	−	+	−	−	±	+	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	−
ž	+	+	+	+	+	+	+	−	−	−	+	+	−	+	−	−	−	−	+		+	+	−	−		−	−	−	+	+	−	−	+	+		+	+	+	+	+	+	+	−
z'	−		+	−	+	−	+	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	+	−	+	−	−	−	+	−	−		+	−	−	−	+	−					+	+		−
č					+			−			−	−	−	−	−	−			−	−					−	−		−	−	−	+	+	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	
c'	−	−		−		−		−	−	−	−	−	−	−	−	−	−		−	−	−	+	−		−	−	−		−	−	+		−	−	−	+	+	+		+	+	+	+
ʒ								−	−	−		−	−	−	−	−	−	−					−	−		−	−	−										+		+	+	+	−
ʒ'	−	−		−		−		−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−		−	+	−	−	−		−	−	−		−	−	−		−	+	+	+		+	+	+	−
k	+	+	±	+	±	+	±	−	+	±	−	−		−	+	−			−	−	+	±	+	±	−	−	+	±	−	−	−	−	−	−	−	−		+	+	+	+	+	+
k'	−	−	±	−	±	−	±	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−		−	−	−	±	−	±	−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−	+	+			+	+	+	−
g	+	+	±	+	±			−	−	−	+	±	−		−	+	−	−				±	−	−	+		−	−		±	−	−	−	−	−	−		+	+		+	+	−
g'			±		±	−		−	−	−	−	±	−	−	−	−	−	−	−		−	±	−	−	−		−	−	−	±	−	−	−	−	−	+	+			+		+	−
ɣ								−	−	−			−		−		−	−					−	−			−	−			−	−	−	−	−	+		+	+	+	+	+	
e	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+			+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+	+		−	−	−	−	+	+		−
ie	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+			+		+			−	−	−	−	−	−	−	±
o	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+		+	−	−	−	−	+	+	−	+
uo	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+			+		+	+	+	+		+	+	+	+			+			+	+	+			−	−	−	−	±	−	−	
i	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+		−	−	−	−	+	+	±	+
u	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	±	−		−	+	+	−	+
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	−	−	−	−	+	+	±	+
#-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	−	±	±	±	±	+	////

Более полное представление о распределении литовских фонем дано в следующей ниже табл. 23, составленной в соответствии с принятой процедурой [45] (дистрибуция фонем описывается с помощью понятия α-поля и β-поля; сведения о структуре полей сопровождаются списком примеров, реализующих соответствующие сочетания; цифра в скобках обозначает полноту α- и β-полей, равную числу элементов, входящих соответственно в α- и β-множества).

На основании анализа сведений, представленных в табл. 23, о структуре α- и β-полей, попытаемся вывести основные закономерности распределения различительных признаков в литовских фонемных парах, осознавая при этом тот факт, что в условиях известного разнобоя диалектных произносительных норм эти закономерности иногда лишь условно могут быть сформулированы в виде строгих правил.

Наибольшей универсальностью обладают правила, связанные с функционированием звонкости:

(1) $\neg\,(Cs^{+}, Vc^{+})\ \&\ (Cs^{+}, Vc^{-})$; $\neg\,(Cs^{+}, Vc^{-})\ \&\ (Cs^{+}, Vc^{+})$ (читается: запрещено следование за шумным звонким или глухим шумного, противоположного по звонкости). Отметим, что если иметь в виду матрицу без нулей, то исключение из правила составляют лишь v, v' (характеризующиеся нефонологической звонкостью), относительно которых могут занимать α-позицию шумные как с положительной, так и с отрицательной звонкостью (tvártas, svótas, išv·idau (A)).

Распределение палатальности также регулируется достаточно универсальными правилами:

(2) $\neg\,((Cs^{+}, S^{+}) \vee (Cs^{-}, S^{+}))\ \&\ ((Cs^{+}, S^{-}) \vee (Cs^{-}, S^{-}))$ (читается: запрещено следование непалатального шумного или сонанта за палатальным шумным или сонантом). Вкрапления иноязычной лексики нарушают эту закономерность: vál'sas, bul'bá, šel'má; ul'tó·i̯us, val'·no, botškoftšinu (A) и т. п. В других случаях обычно произносят: puśn'inas, uń·d'ₑni, śvie·tas, ńₑnuźdźivii̯o, god'ńi, bal'tśi (A) и т. д. Сюда же относятся примеры: iśśigun·do, iśśirəŋ·ko, aśśi.lₑŋkė и т. п., где на границе морфем встречаются компактные š и s', различающиеся лишь палатальностью.

(3) $\neg\,((Cs^{+}, S^{-}) \vee (Cs^{-}, S^{-}))\ \&\ ((Cs^{+}, S^{+}) \vee (Cs^{-}, S^{+}))$ (читается: запрещено следование палатального шумного или сонанта за непалатальным шумным или сонантом). Исключением из правила могут быть лишь губные и заднеязычные (m, p, b, k, g), которые часто не ассимилируются по палатальности (ср.: pl'u·skai̯a, śekḿu, d'ašim.tś (A)). Однако факультативно некоторое смягчение появляется иногда и в этом случае: ʒ'ášym'c', sap'n'ú, úg'n'is и т. д. (в таблице упорядоченных пар сочетания губных и заднеязычных с палатальными отмечены знаком ±).

---

[45] См.: F. H a r a r y, H. H. P a p e r. Указ. соч.

Таблица 23

α-поле	Фо-нема	β-поле
t, d, s, z, p, b, š, ž, k, g, e, ie, o, uo, i, u, a (17) trãcias, koũdrų, susriñko, pazrokovótou, aprãšė, brólei, išriñkce (S); ažreŋ·ktś (A); krūgù, grãšų, nėrà, pieriñko, tvorãłы. (S); nuorágai̯, p'irágas; tuřgun, pakaȓs (G)	r	n, n', m, m', t, t', d, d', s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ʒ', k, k', g, g', e, ie, o, uo, i, u, a (33) várna, duȓnius, pírma (S); kirmä·lês (A); tvártas; i·švɛrt'au (A); pardúosi, girdėjau, liẽkarstos, barzdõs, dýrpcie, veȓpia (S); dzírbasi, tarbẽlen (G); karváite, kárvį, marškináičius, gérsim, diȓžų, goȓčų, árc, gýrdzysiu, veȓkt, pirkioñ, mergá, mergẽla (S); rəñk (G); riẽzvas (S); sudũro (G); kruopų, dvarì (S); krūvẽłы (G), kmorà (S)
d, s, z, p, b, š, ž, k, g, e, ie, o, uo, i, u, a (16) pódlas, preslòvija, kãzlų, plúksnas, blogà, išlazdãvo (S); ažláidziau (G); kláusiasi, agłẽ, utėłẽ, ariẽlkos, žołała, vúožuolo, paspýłė, momùla, malankà (S)	l	n, m, t, d, c, s, b, v, k, g, e, o, uo, i, u, a (16) pýlnus, kélmo (S); šýltas, saldús; málc, nuil̃so, kal̃ba, galvõn, vil̃kas, válgo, burkłėja, lopù, klúonan, tvorãłы·; lúngas, lašinių̃ (S)
(t—t'), (d—d'), (p—p'), (b—b'), (k—k'), (g—g'), š, s', ž, e, o, i, u, a (14) ìtlium-pìtlium (G); rìdlių (S); šupl'etá; bliáuna, árklį, angliẽzas, bãšlikų, sliñkščio (S); ažl'íjo, rietimėliùs, žolių̃ (S); priskìlyc (G) gulì, nègaliu (S)	l'	n, n', m, m', t, t', d', s, b, b', v', c', ǯ, ʒ', s', k, k', g', e, ie, o, uo, i, u, a (25) val'·no (A); kalnẽlis, šel̃ma (G); kelmẽlis (S); ul'tóius (A); šyl'téc'; pagul̃dė (S); vál'sas, bul'bá; kalbė́jom, kalvẽn, bálcince, valdžója, atpildzinẽsim, švýrkštelsi (S); mətыl'ka. (A); sil̃kį, suválgė, kalẽdos, liežùvio, vesẽlion, kluonẽliuos, lìksi, nègaliu, bróliam (S)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', m, t, d, s, z, c, š, ž, p, k, g, e, ie, o, uo, i, u, a (21) burnosù, pílnas (S); val'·no (A); razumnum̃p (S); smutná; negòdnas, plúksnas, praznõčijo (S); mõcnai (G); strošna. (A); ažnorẽjo, prisisapnãvos (S); jáknos; dùgno (G); mẽno, diẽnų, namõn, dúonos, pasodìno (S); lazúnai̯, áuas	n	t, d, c, ʒ, s, b, č, k, g, e, o, uo, i, u, a (15) gyvéntuvė, unduõj, pancuõkas, lañdz, uñsuke (S); kanbái̯nas; parkleñcij, suñku, lúngu (S); kornétas; senõs, Lazũnuosi (S); nýrkos; anũkes, ãnas (S)
r, l', n', (m—m'), (t—t'), (d—d') (p—p'), (b—b'), š, s', ž, č, (k—k'), (g—g'), e, ie, o, uo, i, u, a (21) dur̃nius, pil̃nyt (S); rumäń·ńi (A); razumnì, àtneša, radnìckai, sapnių̃, rabnỹčos (S); v'išn'á, didèsnis, stýčn'us; černoknẽžnikump, ugnìs, mėnẽlis, dzienẽl̃ių, (S); raudonickà, duonẽl̃ės, moterỹnė, šùnį, anỹs (S)	n' •	n', t', d', s', c', ʒ', k', g', e, ie, o, i, u, a (14) rumäń·ńi (A); pún't'u; úndenio (S); gīväńśit (A); givénc (S); prəu̯utarəńdźin·ėtśi (A); piñkeliusį, lungẽli, nėrà, sniegaũs, kloniojasi, anỹs, lašinių̃ (S); skrīnä·lês (A)
r, l, l', t, s, p, š, ž, k, ie, o, uo, i, u, a (15) pírma, kélmas (S); šel̃ma (G); atmaĩnė, džiauksmas, apmùcina (A); šmótas; žmogùs, kmorà, žiemà, lopõm, dúoma (S); važúos'im; medum̃, namaĩ (S)	m	r, n, (n'), t, s, p, (p') (s'), (c'), k, (k'), e, o, uo, i, u, a (17) smra·das (A); razumnum̃p, razumnì, šытtų (S); sutem̃s, jum̃p, kumpì, im̃siu, dzvìdešimc, pẽrezimkas (S); jím'-k'it; mεtrų, morkvà, kamuoláciu (S) ažmы·śl'iįo (A); mũsei, mãciuška (S)
r, l', (d—d'), š, s', ž, z', (k—k'), e, ie, o, uo, i, u, a (15)	m'	(n'), (p'), (s'), (c'), e, ie, i, u, a (9) razumnì, trumpèsnį, kimsẽlio,

α-поле	Фонема	β-поле
kirmä·lês (A); kelmẽlis, pàdmeta (S); ášm'ana; giesmių̃, ažmèsc (S); źmɛi̯a (A); akmenaĩs, žmonė̃mi (S); visuomet; brom'ála; piemenai̯čius (S), šun'im'i, kum'ále, žám'a	m'	dzvìdešimc, mėnẽlis, miẽgo, mùmi, giesmių̃, èmiaũ (S)
(p—p'), e, o, uo, i, u, a (7) pjáuce, norė̃jo, stojõs, važúojam, ũtarija, sujúnkį, atãjo (S)	j	e, ie, o, uo, i, u, a (7) jélav'iča; jíem, rasklójo, rasijúose, jaunóji, jū́s, jam (S)
r, l, l', n, m, t, s, c, p, š, k, e, ie, o, uo, i, u, a (18) čértas, baltaĩ (S); ul'to·i̯us (A); gyvéntuvė, šымtų̃ (S); na.tta (A); stãlo, bahoctva, aždir̃ptai, pakaštavójo, pirktái, šėtojos, svíetų, svõtų, dúot, pil̃nyt, ũtarija, atãj (S)	t	r, n, (n'), t, p, (p'), v, (v'), k, (k'), o, uo, i, u, a (15) trỹs (S); markátnas, smutn'ícka; na.tta (A); padpúołė, atpildzinė́sim, tvártas, àtvežė, àtkasė, Petkẽvičius (S); s'v'íeto; var̃tuosui (S); tы·šätši (A); tuinù, atãj (S)
r, l', š, s', (k—k'), ie, o, uo, i, u, a (11) i·švɛrt'au (A) šyl't'óu̯; švýrkštelc (S); gaspadori·štės (A); daiktì, rietimėliùs, moterų̃, dúotie, avỹtių, sutem̃s, siratẽla (S)	t'	(n'), (p'), (v'), (k'), e, u, a (7) a·tńɛš'au (A); atpildzinė́sim, àtveža, Petkẽvičius, tėvùli, avỹtių (S); i·švɛrt'au (A);
r, l, n, d, z, b, ž, g, e, ie, o, uo, i, u, a (15) ažgir·do (A); praskáldai (S); iššigun·do, adduɔ·s, l'izdu·s, abdêⁱrən·ėts, aždau·štś, u·gdo, bėdo·s (A); biednas, lòdnas, juodam̃p (S); pérskrыdo (G); grū̃du (S); tadu. (A)	d	r, l, (l'), n, (n'), (m'), d, v, b, b', g, (g'), e, o, uo, i, u, a, (18) drabezà (S); pɔ·dlas (A); mandliùs, lòdnas, susiedniuĩ̯, pàdmeta (S); adduɔ·s, padvaž'a·vo (A); àdbrauko, adbė̃go, Udgudinonysi (S); padgí·ŕdė (A); dévarg'ai̯; gaspado·rus, du·ɔśu, gaspadыńá.p, tadu· (A); dabár

α-поле	Фонема	β-поле
r, l', n', (b—b'), ž, z', (g—g'), e, ie, o, uo, i, u, a (14) girdėjau (S); gul·dėši, uń·d'ɛni, abdėi·re (A); aždekc (S); prazdėdźinėio, u·gdė (A); suvẽde (G); sustríedė, parodyk, vuodegà, dzidełė (S); insikliudiau (G); pàdema (S)	d'	(l'), (n'), (m'), (b'), e, a (6) rìdlių, susiedniuĩ, pàdmeta, adbėgo (S); prad·eio, d'ašim·tś (A)
n, o i, a (4) pancuõkas, bahóctva, maskickañ, acãkė (S)	c	n, t, k, o, uo, i, u, a (8) mócnas; bahóctva, gárdickų (S), čarn'ícos; pancuõkas (S); cybul'á, cúkras; acãkė (S)
ž, o (2) iždzovìna (S); žodzo (G)	ʒ	a, o (2) dzà, iždzovìna (S)
r, l, n, m, c, s, p, k, e, ie, o, uo, i, u, a (15) nuiĩso, liẽkarstos, uñsukė, sėdėdams, pács (S); assakin·ėiá (A); apskabìno, plũksnas, nesuvẽst, ciesá, momõs, nastruosù, trỹs, jũs, pãsakoj (S)	s	r, l, n, m, t, s, p, v, k, o, uo, i, u, a (14) prisriñko, preslòvija, nesnorẽs, smuškà, stãlo (S); assakin'ėiá (A); raspusnì (S); svótas; maskoliùs, sodì, krosúoja (S); dzivijosы (G); sūnùs, sãko (S)
r, g, e, ie, o, i, u, a (8) bar̃zdos (S); agzám'inas; nėzgados (A); angliẽzų, maròzas (S); lìzdų (G); su‿muzýkom; razumnì (S)	z	r, l, n, d, b, v, g, o, i, u, a (11) razrəšê (A); kãzlų, praznõčijo, bar̃zdos, razbaidzỹs, riẽzvas, zgodnaĩ (S); zo·sɔukas (A); su‿muzýkom; razumni, zãras (S)
r, m, t, s, š, ie, o, uo, i, u, a (11) dýrpcie, jum̃p, padpúołė, vuodegósp, ušpuołé (S); dzieviẽp (G); namóp, kruõpų, manìp,	p	r, l, (l'), n, (n'), (j), t, s, (v'), š, č, (c'), k, o, uo, i, u, a (18) prõ, plũksnas, plýšo, sapnavaũ, sapniũ, pjáunam, kaptõnu, apskabìno, àpvertė, lopšių,

α-поле	Фонема	β-поле
kùpčius, káp (S)	p	kupčeĩ, dýrpcie, apklója, lopõm, puodẽly (S); ры·lû (A); kum̃pų, pasãkė (S)
r, (m'), (t—t'), š, s', e, ie, o, uo, i, u, a (12) dýrpcie, kumpì, atpildzinẽsim (S); àšpina (G); daspėdzinẽja, sùkepė (S); l'iep'ále, lóp'ic'; pákuopė (S); l'ip'in'e; actùpis (G), papilnia (S)	p'	(l'), (n'), (j), (s'), (v'), (c'), e, ie, i, u, a (11) plýšo, sapnių̃, pjáunam, apsisèkc, àpvertė, dýrpcie (S); sukepė (G); piẽ, pil̃nyt (S); úp'u, p'áčus
r, l, l', d, z, b, ž, e, ie, o, uo, i, u, a (14) dzírbasi (G); kal̃ba (S); bul'bà, àtbrauko, razbaidzỹs, abbraũkį, lžbálciua, riebus, serebrų (S); bóba (G); búobom (S); kìba, zabavliocis (G); rubáškoį̂	b	r, l, (l'), (n'), (d'), b, (b'), ž, o, uo, u, a (12) abrùčų, blusà (G); bliáuna, rabnỹčos (S) abdê[i]rən·ėtś (A); abbraukį, a(p)bėgit, apžãnysiu (S); bóba (G); búobom (S); bùvo, baznýča (G)
r, l', d, z', e, ie, o, uo, i, u, a (11) tarbẽlы, kal̃bi (G); adbẽgo, stotų̃sbi, nebėdavoi (S); lob'ál'is; duõbį, gėrybių (S); nubyrẽj, apskabìno (S)	b'	(l'), (n'), d, (b'), e, ie, i, u, a (9) bliáuna, rabnỹčos (S); abdê[i]rən·ėtś (A); a(p)bėgit; bėdà, biednõp, bitės (G); gėrybių (S); lob'ál'is
r, l, t, d, s, z, š, ž, k, e, ie, o, i, u, a (15) karváite, gálvų, tvárti, dvaran, svõtu, išvarinẽja, riẽzvas, žvãkės, kvarà, tėvùli, diẽvas, stõvai, gyvas, bùvo, kavólkų (S)	v	o, uo, u, a (4) bùvo, vuodegà, savùs, važuoja (S)
r, l', (t), (d), (p—p'), š, s', ž, c', ʒ', (k—k'), (g—g'), e,	v'	e, ie, o, i, u, a (6) suvẽdė, víenų, (be)kir̃vio,

α-поле	Фонема	β-поле
ie, o, uo, i, u, a (19) (be)kir̃vio (S); ka·l'v́u (A); àtvežė, dvejùs, àpvertė (S) švintà (G); sveikà, ažver̃čia, cviẽtas, dzvýlika, kvietkù, ižgvẽro (S); c'ev'ál'is; diẽve, stoveliùs (S); pragiv́ä·no (A); suvẽde, tavi (S)	v'	visái (S); ka·l'v'u, pragiv'ä·no (A)
r, p, š, k, e, ie, o, uo, i, u, a (11) viršùs, lopšių (S); išš·ɔko (A); paváikščoj (S); su.rəšê (A); jíeškoc, košałы, gruošeĩ, išãj, bãciuška, aš (S)	š	l, l', n, n', m, m', t, t', p, p', v, v', š, č, c', k, k', e, ie, o, i, u, a (23) išłыndañ, išliẽčija (G); strošna., stro·šńėi (A); išmokė, s(i)ekšmių (S); ištaisinẽjo (G); pɔu·kštės, ušpuɔlê (A); àšpina, švintà (G); išvarinẽja (S); išš·ɔko (A); paváikščoj (G); rê·štśini (A); jíeškoc, kìškis, šel̃ma, šienáuce, šónas (G) šыm̃tų (S); šuvà, pašal̃s (G)
r, l', (n—n'), (m—m'), (p—p'), s', (k--k'), e, ie, o, uo, i, u, a (14) numirsiù (S); padvilsì (G); pasodzínsim, im̃siu, apsisèkc (S); iśśirəŋ·ko (A); šóksim, suvẽsiu, ciesiõnin (S); stośis (A); važuosim, ugdýsiu, susiedùs, juokiasi (S)	s'	l', n', m', t', p', v', c', k', e, ie, o, i, u, a (14) sliẽpas, sniegaũs, giesmių̃ (S); m'as't'ál'is; daspėdzinẽja; sviédė, vẽseloscios, maskickan, kasẽ, susiedùs, apsioũc, sirãtos, ateisiù, kláusia (S)
r, b, ž, g, e, ie, o, uo, i, u, a (11) diržaĩs, apžãnisiu (G) išžìvyti (S); degžõlɛ (G); černoknẽžnikump, liežùvio (S); mòža, úožuolų, ižgaĩšį (G); gegužẽłы	ž	l, l', n, n', m, m', d, d', ʒ, b, v, v', ž, ǯ, g, g', e, ie, o, uo, i, u, a (23) ažláidziau (G); ažl'íjo; ažnorέj, možnẽt, žmuõj, ažmiẽkc (G); aždoũžė, aždekc, iždzovìna,

α-поле	Фонема	β-поле
(S); neažãj (G)	ž	ižbálcina, žvãkės (S); neužvysių (G); išžìvyti (S); nepamiržďžinẽj, ižgaĩšį, neišgirsiù, žɛdnam̃p (G); žiẽmų (S); rasižójį, uóžuolų, nežѝno, žužáitės, žãmėn (G)
e, u, a (3) pẽrezimkas (S); ku·źńoi, v́ä·ži (A)	z'	n', m', d', b', ʒ', g', i (7) baznýča (G); źmä·i̯ėi, prazdėdzin·e̯o (A); zbitkavótis (S) nɛnuźdźi·vi̯o (A); ·pazgýrė, mùzikai (S)
r, n, p, š, k, ie, o, i, u, a (10) serčìkų, prikleñčija, kapčeĩ, suváikščiotai (S); pal'ėktšė·ńos (A); nesiliẽčijo, bõčei, rabnỹčos, bučiúot, pãmačies (S)	č	k, e, ie, o, uo, i, u, a (8) bãčkų, popeč̃ės, pãmačies, pẽčio, bučiúot, prikleñčija, višteláičius, mélnyčia (S)
r, l', n', (m—m'), (p—p'), š, s', (k—k'), e, ie, o, uo, i, u, a (15) árc, bálcince, ižduñcija, dzvìdešimc, dýrpcie, nepamiršč, ràsci, apsisèkc, akėciàs, kvieciùs, bociõs, važuoc, mokýci, trupuciùką, trãcias (S)	c'	v', k, ie, o, i, u, a (7) cviẽtas (S); bôtśkofś·inu (A); ciesà, bociõs, mokýci, bãciuška, trãcias (S)
l', ž (2) valdžója (S); aždžir̃bo (G)	ǯ	o, i, u, a (4) džovìna, nepamiržďžinẽj (G); džũsta, džiauksmų (S)
r, l' n', z', (g—g'), e, o, i, u, a (10) gýrdzysiu (S); vál'ʒ'ikai̯; prəu̯utarəńdźin·ėtśi, ńɛnuździ·-vii̯o (A); ļaškingdinẽja, sẽdziu (G); rõdzijo (S); žyʒ'únai̯; pabùdzin', padzírba (G)	ʒ'	v', e, ie, o, i, u, a (7) dzvì (G); n'aʒ'ėl'on; dziẽvas (G); pavãdziom (S); dzírbasi, mẽdzių, ažláidziau (G)

Таблица 23 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, n, t, c, s, p, š, c', e, ie, o, uo, i, u, a (16) pirktái, vil̃kas, runkàs, àtkasė, gárdicku, dàskasė, apklója, jíeško (S); bôtśkoftś·inu (A); bernėkai (G); niẽko, vailokùs, svietúok, dzvýlika, dũkas, sãko (S)	k	r, l, n, t, s, v, š, č, o, uo, i, u, a (13) prikráuna, kláusia (S); jáknos; pirktái, plũksnas, kvarà, paukštełы (S); pal'ėktšėńos (A); sãko, pàkuopė (S); akýš, kuȓ, kap (S)
r, l', (n—n'), t, š, e, o, uo, i, u, a (11) pirkiõn, sil̃kės (S); piŋki. (A); susietkẽłės, kìškis, rẽkė, šóki (S); i̯uɔ·k̓áśi (A); reĩkia, anũkės, pasãkė (S)	k'	(l'), (m'), (v'), (s'), (c'), e, ie, o, i, u, a (11) árklį, akmenáitį, kvietkù, lìksi, nakcìs, pasãkė, kiẽni, piȓkion, kišeniùs, piȓkių, reĩkia (S)
r, l, n, d, z, ž, e, ie, o, uo, i, u, a (13) mergà, válgai, lúngu, Udgudinonysi, zgãdoj, úžgųscio, adbẽgo, sniegaũs, žmogùs (S); uogáite (G); acigul̃s, krūgù, ragum̃p (S)	g	r, l, n, d, z, ž, o, uo, u, a (10) grùvo (S); ãglы; u.gdo (A); bõgnon, mergznà, degžə̃lɛ (G); goȓcių, aguonà, ragum̃p, gálvų (S)
r, l', (n—n'), (b—b'), ž, i, u, a (8) kuȓgi (G); suválgė, angliẽzų (S); tèpgi (G); ižgẽrė (S); lýgiai (G); nu·gi (A); ragẽjį (S)	g'	(l'), (n'), (d'), (v'), (ʒ'), e, ie, i, a (9) angliẽzų (S); ùgnes (G) u.gdė (A); ižgvẽro, askingdzinẽja, gẽriau, gíema, gýrdzyt, daugiaũ (S)
o, u, a (3) bohóta, plūhùs (S); caγónas	γ	e, o, uo, i, u (5) γéi̯k; bohóta (S); pluγuos'a, γýl'a; plūhùs (S)
r, l, l', n, n', m, m', j, t', d', p', b', v', š, s', ž, k', g', γ, u (20) ɪəñk (G), buȓkłėja, kalẽdos	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, z, b, b', v, v', š, s', ž, z', c', ʒ', k, k', g, g', i (29)

α-поле	Фонема	β-поле
(S); kornétas; nėrà, mεtrų, rietimėliùs (S); jélav'iča; pàmetė, nedélion, sùkepė, bėdà, nesuvėst (G); šėtojos (S) sėdz, neažεjaĩ (G); isikėlε, ragėjį (S); γéįk; nu'êmê (A)	e	nėrà, isikėłε, rietimeliùs (S); rəñk (G); mėnẽlis (S); ẽma (G); žmonẽmi, buřkłėja, šėtojos (S); pragaiždinėtie, kalẽdos (S); suvẽdiau, suvėstà, Jėzusų, serebrų (G); nebėdavoi, tėvùli (S); c'ev'ál'is; su.rəšê (A); suvẽsiu (G); černoknẽžnikump (S); réz'g'inos; padẽc, sẽdziu, bernẽkas (G); ɹê·kė (A); adbẽgo (S); vos'eg'íry, méįk'al'is
r, l', n', m', j, p', b', v', š, s', č, c', ʒ', k', g' (15) sustríedė (S); liẽčyc, niẽkas, namiẽ (G); jieškoc, piẽ (S); biẽduas, vienõn, šienáuce, sienų (G); pãmačies (S); pauciẽnį, dziẽvas (G); kiẽni, giéma (S)	ie	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t' d, d', s, z, p, b, b', v, v', š, s', ž, č, c', k, g (26) pieriñko (S); mielóji, mielickój, vienõn (G), kvieciẽnių (S); mùmiem (G); piemenáičius, razumníejei (S); lietutẽlis (G); rietimėliùs (S); biẽdnas (G); svíedė (S); ciesà (G); riẽzvas (S); dzieviẽp; dziẽvas, dzieškà (G); riebus; ciesiõnin, liežùvio, kvieciùs (S); liẽčyc, niekõ, neažmiegotų (G)
r, l, l', n, n', m, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, b, v, v', š, s', ž, č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, γ (28) brólei, stãlo, vesẽlion, burnosù, vandenio, namõ, varinẽjos, stojìs, rãdo (S); čarn'ícos; ižǯovìna, kloũso (S); marozo; põ, bociõs, galvõn, kiřvio, šokt, ciesiõnin, žoliũ, pẽčio, bociõs, valdžója, pavãdziom, sãko, piřkioj, ažmìgo, bohóta (S)	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ʒ', k, k', g, γ, i, u (34) orė, kavólkų, bróliam, Jujõn, žmoniũ, momà (S); brom'ála; kóju, motùłы, moterũ, põdlas (S); sod'ály; mõcnai (G); žõdzo, momõs, maròzas, namóp, popečẽs, bóba, lobẽlis, stõvai, lovių, kermošei, pauliavósiu, nemòžna, bõčiump, bõciap, rõdzijo, vailokùs, tokiũ, žmogùs, bohóta (S); undóį; loũko (S)

Таблица 23 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', n, m, j, t, d, c, s, p, b, v, ž, č, k, γ (17) nastruosù, kluonẽliuos, nuõg, namuõ (S); juodasai (G); var̃tuosui, duõbį, pancuõkas, krosúoja, puodẽly, búobom, vuodegà, važúosim, bučiúot, pàkúopė (S); aguõnos (G); caγ^{u}ónas	uo	r, l, n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, p, p', b, b', š, s', ž, c', ʒ, k, k', g, i (25) nuorágas, ušpúołė, duonų, kluonẽliuos, dúoma, visuomet, važúoja, dúot, dúotie, teduoda, vuodegà, var̃tuosui, pàkuopta, pàkuopė, duõbį, búobom, gruošeĩ, važúosim (S); úožuolų (G); ižduoci (S); padvažu·ɔdźinėi̯o (A); nedúok, asìjuokė (S); uogáitė (G); ruduõj (S)
r, l, l', n, n', m, m', j, t, z, c, p, p', b', v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g', γ, e, o, uo, i, u, a (33) trỹs (S); išlыsc (G); árklį (S); nýrkos, án'is; ažmы·śl'ii̯o (A); ažmìgo, jisaĩ (S); mɔtыl'ka (A); su‿muzýkom, cybul'á; kapыtump, pil̃nyt, duõbį, visà, šымtų, šóksim, vežimų, pẽrezimkas (S); neliẽčij, (G); nakc'ìs; aždžírbo, dzírbasi (G); akýš; kìtų, gyvà (S); γýl'a, γėi̯k, undói̯; unduõj (S); neliẽčij (G); var̃tuosui, buvaĩ (S)	i	r, l, l' n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ʒ', k, k', g, g', i, u (33) ir̃, nuil̃so (S); g'il'ús; pasodzìno, lãšinius, vežыman (S); šun'ím'i; žыvija, ìtas, avỹtių, žydas (S); dzi.d'ɛlê (A); gražìckà, trỹs, lìzdų, manìp, l'ip'in'e; kìba (G); (S); gėrýbių, gyvà, žыvija, lìš, ugdýsiu, iž, melnyčia (S); mokýci (G); žyʒ'únai̯; prikráuna, neusikel̃s, ažmìgo (S); lýgiai, neliẽčij (G); c'iúnas
r, l, l', n, n' m, j, t, t', d, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, γ, e, o, i, u, a (35) rukavẽtis, plūhùs, žolių̃, tuinù, lašinių̃, mús, jum̃p, tù, avỹtių (S); dunguñ (G); sūnùs, razumnì (S); pún'c'is, úp'u; bùvo, gėrybių, savùs (S); ka·l'v'u (A); grãšų, suvẽsiu,	u	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', s, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, g', γ, e, i, u (34) dur̃nius, nuláido, dūliàs, un (S); su‿šun'ím'i; jum̃p (S); kum'ále; Jujõn, ũtarija, dziedzienùtės (S); abùdu; insikliudiau (G); jūs, trupuciùką (S); úp'a; rubáškoi̯; nub·ėgo (A); bùvo,

α-поле	Фонема	β-поле
diržù (S); kaz'úkas; bãciuška, džũsta, mẽdzių, kùpčius, pir̃kių, ragũ, plūhùs (S); pêu·nas (A); kloũso (S); c'iúnas, núų; jaũ (S)	u	krūvelàs (G); bãciuška, kláusia, gegužẽły (S); ńənuždźi·viįo (A); bučiúot, trupuciùką (S); buʒ'íno; ũkoja, anũkės, sugãvo (S); nu.gi (A); plũγùs (S); nu'.êmê (A); tuinù (S) nùų
r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', γ, (a) (35) trãcias, lašinių̃, bróliam, namuõ (S), šul'n'ál'is; mãciuška (S); žam'a, jaũ; tadù (S); méįt'al'is; daiktì (S); ʒ'íd'al'is; cãtų, dzà, sãko, zãras, páršas, (S); p'áčus; bãciuška (S); b'árnas; var̃tuosui (S); pragiv́äno (A); šárka; sia·lõn (A); žám'a; čár̃tas (G); c'á, džiauksmų (S); ažláidziau (G); kárv'a; raĩkia (S); gárdickų, daugiaũ (S); plùγas, paárc (G)	a	r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, g', γ, i, u, (a) (36) árklį, gálvų, nègaliu, ãnas, ãny, pãmačies, žãmi, atãjo, siratẽla, àdavė, pàdema, acãkė, pasãkė, razumnì, kàp, papilnia, dabár, apskabìno, savùs, tavì, aš, juokiasi, ažmìgo, pazgýrė, pãmačies, mãciuška, padzírba, sãko, pasãkė, ragũ, ragẽji (S); caγónas, atãj (S); aũgs, paárc (G)

Характерно оформление консонантных групп, однородных по компактности, в частности:

(4) $\urcorner$ (Cs$^+$, Cp$^+$, G$^-$, St$^-$, Vc$^-$, S$^-$)&(Cs$^+$, Cp$^-$, G$^-$, Gt$^+$, Vc$^-$) (читается: запрещено сочетание šs[46]). Ср.: assakin·ėįà, a.ssukau, issodźi.no (A).

(5) $\urcorner$)(Cs$^+$, Cp$^-$, G$^+$, Ct$^+$)&(Cs$^+$ $\vee$ Cs$^-$) (читается: запрещено следование за согласными v, v' шумного или сонорного); zabavliócis (G), sovsim (S), по нашим наблюдениям, произносятся zabaų̂l'óc'is (zaboul'óc'is), sousím.

(6) $\urcorner$ (Cs$^+$, Cp$^-$, G$^-$, Ct$^-$, St$^-$, S$^+$)&((V$^+$, D$^+$, G$^-$) $\vee$ (V$^+$, D$^-$, G$^-$, T$^+$)) (читается: запрещено следование гласных i, ie за согласными t' или d'). Это ограничение соответствует произносительной норме дзукского диалекта, каким является в контексте литовской

[46] То же можно по аналогии ожидать и от сочетания žz, но в силу редкого использования z в известных нам текстах соответствующее соседство морфем просто не зафиксировано. Транскрипцию iždzovìna при dzovìna (S), кажется, нужно проверить.

Таблица 24

Коэффициенты α- и β-полноты литовских фонем, вычисленные по формуле Ф. Херари и Г. Пейпера

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	t'	d
K_α	0,40	0,38	0,33	0,50	0,52	0,36	0,36	0,17	0,43	0,26	0,36
K_β	0,81	0,38	0,59	0,36	0,33	0,40	0,21	0,17	0,36	0,17	0,43

	d'	c	ʒ	s	z	p	p'	b	b'	v	v'
K_α	0,33	0,09	0,05	0,36	0,19	0,26	0,28	0,33	0,26	0,36	0,45
K_β	0,14	0,19	0,05	0,33	0,26	0,43	0,26	0,28	0,21	0,09	0,14

	š	s'	ž	z'	č	č'	ǯ	ʒ'	k	k'
K_α	0,26	0,33	0,26	0,07	0,24	0,36	0,05	0,24	0,38	0,26
K_β	0,52	0,33	0,55	0,17	0,17	0,17	0,09	0,17	0,31	0,26

	g	g'	γ	e	ie	o	uo	i	u	a
K_α	0,31	0,19	0,07	0,43	0,36	0,43	0,45	0,78	0,83	0,86
K_β	0,24	0,21	0,12	0,69	0,62	0,81	0,59	0,76	0,81	0,86

диалектологии говор Лаздун (ср. tru.putši, žɔ·dźi, tśiesa., dźie·vas (A))[47]. Следует заметить, что в лаздунском говоре существует манера произношения, более или менее факультативно исключающая t', d' и в других позициях (Ю. Сенкус отмечает это явление как «гипернормализмы дзуканья»), ср.: sveceliai, dzidzelio, cecervinas, dzėkui (S); un'ʒ'an'ál'is, gaiʒ'ál'is, žyʒ'únai и т. п.

[47] Данное правило действует даже в том случае, если t, d и i, ie разделены промежуточным v' (что также соответствует норме дзуканья). Иначе говоря, можно сформулировать следующее ограничение: $\neg$(Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁻, St⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, S⁺) & ((V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁺) $\vee$ (V⁺, Cp⁻, (D⁺, G⁻)) (читается: запрещена последовательность, состоящая из t $\vee$ t' $\vee$ d $\vee$ d', согласного v' и гласных i $\vee$ ie). Примеры: dzvi, dzvylika, cvinkt (S). Ср. правило (5) дистрибуции фонем белорусского диалекта, запрещающее группы tv', dv' во всех позициях.

В крайнем ее выражении эту тенденцию можно было бы представить как устранение t', d' из консонантного инвентаря и, следовательно, как сосуществование описанной выше 35-фонемной системы консонантизма с упрощенной 33-фонемной [48].

Если говорить далее о консонантном α-поле фонемы i, то следует обратить внимание на тот факт, что в лаздунском диалекте данная позиция различает парные по палатальности фонемы, причем различение осуществляется за счет диспалатализации l (išlýs'c', up'ály), а также за счет заимствований лексики (ažmýs'l'ic', nýrkos, kapýtas).

Из других правил, распространяющихся на сочетания CV, укажем:

(7) $\urcorner\,(Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-, S^-)\ \&\ (V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^-)$ (читается: запрещены последовательности *ke* и *ge*). Появление в данной позиции (перед *e*) непалатальных коррелятов других согласных засвидетельствовано в списке заимствований (métras, kornétas и т. п.) и в примерах диспалатализации l (łɛdas, balałė (S)).

Характеризуя сочетаемость гласных (пары типа VV), констатируем:

(8) $\exists\,((V^+, T^-) \vee (V^+, T^0))\ \&\ (V^+, D^+)$ (читается: допустимы сочетания всех гласных, исключая ie, uo [49], с диффузными i, u, занимающими β-положение). Сочетания эти тавтосиллабичны (при неслогообразующей роли i, u), в виде исключения отмечено c'iúnas. При встрече других гласных заметна тенденция к предотвращению зияния, выражающаяся, в частности, в появлении интервокальной гортанной смычки. Так, П. Арумаа регулярно записывает: ńɛ'atstoi̯o, nú'êmê, da'a·i̯o, raśši'a·ugo (последний пример включает последовательность уже трех гласных [50]). В эллиптической речи зияние иногда устраняется, по нашим наблюдениям, с помощью γ: paγárc', paγáu̯go.

Переходя к трехфонемным сочетаниям согласных, приведем список встретившихся в рассматриваемых транскрипциях групп CCC, различая при этом следующие возможные позиции относительно гласных: антевокальную (перед первой гласной слова, считая от данного сочетания), интервокальную (середина слова), поствокальную (после последней гласной слова).

---

[48] В диалекте намечен и иной путь исключения t', d' — неразличение (спорадическое) t', d' — k', g': tėvas—kėvas, Gudenioniai—Gugenioniai. Это явление Я. Отрембский («Gramatyka języka litewskiego», cz. 1. Warszawa, 1958, стр. 355, 357) связывает с ятвяжским субстратом, что, однако, подвергает сомнению З. Зинкявичюс («Lietuvių dialektologija», стр. 140—141), очерчивая для неразличения t', d'—k', g' в отдельных лексемах довольно широкий ареал.

[49] uo на конце слова, кажется, всегда монофтонгизируется; undói̯, rudói̯, sasói̯.

[50] Подобные скопления гласных довольно редки и обычно, как в этом случае, образуют двусложную последовательность с гортанной смычкой (или γ) на границе слогов.

ССС в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — strágžd'ė; nastruosà (S)	spr — spragelùs (S)
skr — skrýdo, apskrìst (S)	zbr — zbrìdijos (S).
smr — smra·das (A)	

ССС в интервокальной позиции:

rbl' — žvirbl'ìs	ngʒ' — susirəŋgdźin·etś (A)
rkl — g'arklé	ngv' — lɛŋgv́ä·śńo (A)
rkl' — arkl'ìs	dbr — àtbrauko (S)
rpr — pérprause (G)	bbr — abbraukį (S)
rgr — pargrùvo (S)	ckr — stskrə.dė (A)
rfc — čérfcuį̂	štr — aštrús
ršn' — s'v'iršn'á	zgl — suzglãsijo (G)
ndr — vundravót (S)	pkl — apklója (S)
ndl' — mandliuos (S)	ksm — žu·ksmu (A)
ngl' — angliẽzų (S)	psm' — župsmẽlį (S)
mpr — neimprãšė (S)	kšm' — s(i)ekšmių (S)
rzd — barzdõs (S)	tpj — atpjaudzinẽjo (S)
rsc — pamir̃šč (G)	špj — išpjauna (S)
ršk' — márškinius (S)	stv — bõstvos (S)
rz'ʒ' — atkiŕźdźin·ėtś (A)	skv — maskvõn (G)
rpt — aždir̃ptai (S)	ctv — bahóctva (S)
rpc' — dýrpcie (S)	štv' — aštv'árc'
rps' — ver̃psim (S)	žgv' — ižgvẽro (S)
rkt — pirktái (S)	kst — tūkstantis (S)
rkc' — v'érkc'a	kšt — lakštaĩ (G)
rks' — pirksiù (A)	gžd' — strágžd'e
rgʒ' — pir̃kdzina (G)	s's'p' — ažspýrė (S)

ССС на конце слова:

rks — var·ks (A)	nkc' — гынkc (G)
rkt — ver̃kt (S)	rs'c' — pam'írs'c.
rpc' — dzyrpc' (S)	

Приведенный список, полный лишь относительно данного объема текста, позволяет вывести некоторые заключения о структуре трехфонемных сочетаний в литовском диалекте. Так, очевидно, что трехэлементные консонантные сочетания малохарактерны для начальной и конечной позиций, тогда как в интервокальной позиции они довольно многочисленны.

Начальные последовательности ССС строятся по схеме STR, где S — представитель класса длительных непериферийных некомпактных, T — прерывный или непрерывный периферийный шумный, R — сонант (отмечено лишь r).

Конечные сочетания ССС на первом месте, контактирующем с гласным, располагают обычно сонант, далее следует прерывный

периферийный компактный (встретилось также в виде исключения s') и на конце s \/ t \/ c'.

Примерно $^1/_4$ общего числа интервокальных трехэлементных сочетаний составляют группы, построенные по схеме RTR, где R — сонант, а T — представитель класса прерывных шумных (t \/ p \/ b \/ k \/ g) или š (в ršn'). Наиболее же характерны для интервокальной позиции (больше половины возможных сочетаний) последовательности, состоящие из сонанта, занимающего первое или последнее место в группе, и пары шумных, способной самостоятельно употребляться в той же позиции. Кроме этого, употребительны сочетания, располагающие на последнем месте v или v', а также сочетания, содержащие свистящий или шипящий элемент в окружении смычных или длительного или смычного (как в s's'p').

Встретившиеся четырехфонемные сочетания согласных (в интервокальной позиции) сводятся к двум типам:

1) комбинация длительного и смычного в окружении сонантов:

rskr — perskrыdo (G)	l'ks'n' — al'ks'n'ís
rksn — var̃ksnos (S)	nksn — jiŋksnós.
rgzn — mergznà (G)	

2) последовательность «сонант—смычный—длительный—смычный (или аффриката)» или «смычный—длительный—смычный—сонант»:

r̃kšč — v'ĩrkščos	nkšč — sliñkščio (S)
rkšt' — švyrkštelc (S)	pskr — apskrìst (S).
nks'c' — anksci (G)	

Бо́льших, нежели четырехфонемные, скоплений согласных в известных нам текстах, кажется, нет.

3) *Подсистемы начальных и конечных фонем*

В позиции абсолютного начала слова лаздунский диалект различает 40 фонем: r, l, l', n, n' m, m', j, t, t' d, d' c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', (γ), (e), (o), (uo), (i), (u) a (rabnỹcios, laškà, lìš, namõ, nenãto, mãskickas, mergẽla, jaũ, tadù (S), t'al'ičáit'e; duonų, degù, cãta, dzà, sáu, zãras, pãcia (S), p'ãčus; baznyčia (G), b'árnas; vãsara, vẽlias (S); šáukštas; sialà, žáisti (S); čarn'ícos; ciociula, džovìna (S); dziùm (G); kàp, kelináites, gãtava, gérc (S); éik (γéik), oré (voré); úožuolo (vúožuolų) (G); iujon (jiujon), úp'a (vúp'a, γúp'a); ãnas (G).

На конце слова выступает вдвое меньшее число фонем — 19: r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, š, c', k, e, ie, o, i, u, a (kur̃, vèl (S); kõl', mán, nebùdzin' (G); tekalbẽjom, nematýt, bahoc, ãnas, žmogop, àtneš (S); važuoc', svietúok, aždoñžė, ciẽ, namõ, sapcynì, vidù, mergà (S)).

Таким образом, в начале слова встречаются почти все согласные (не засвидетельствовано лишь z') и гласные (исключая æ). Вокалическое начало слова обнаруживает иногда склонность к протезе, причем в роли протетических согласных могут выступать j (обычно перед e, i, ie), v (перед o, uo, u), γ (перед e, u): jeráįc'is (eráįc'is), jiųjá, jieškóc', vúp'a (úp'a, γúp'a), vútaryc', (γútaryc', utaryc'), vúožuolas (úožuolas), vúogos, γéįk. Факультативность протетических j, v, γ перенимают, очевидно, и случаи: undóį ('vanduõ'), rabnỹčios (S) (< gramnỹčos, бел. γramn'ícy)[51].

Абсолютный конец слова — позиция существенных ограничений, которые относятся к целым классам согласных:

(1) ¬ (Cs⁺, Vc⁺) & # (читается: запрещено появление звонких шумных на конце слова). Этот запрет распространяется и на v (характеризующееся нефонологической звонкостью).

(2) ¬ ((Cs⁺, G⁺, S⁺) ∨ (Cs⁻, G⁺, S⁺)) & # (читается: запрещено появление на конце слова палатальных периферийных).

Кроме этого, на конце слова не встретились t' (в инфинитивах обычно c'), s', č, uo[52].

В плане дистрибутивных возможностей позиции начала и конца слова различаются, если иметь в виду парные консонантные сочетания, количеством засвидетельствованных сочетаний: в начале слова — 35, на конце — 21. По своей структуре начальные и конечные консонантные пары в значительной степени зеркальны друг другу: для начальной позиции характерны сочетания CR, где C — смычный или фрикативный шумный, а R — сонант (19 из 35 пар: tr, dr, pr, br, kr, gr, sl, pl, bl, s'l', kl, kl', zn, kn', sm, žm, km, s'm', pj), тогда как для конечной позиции характерна комбинация шумного и сонанта в последовательности RC (rs, rt, rc', ls, l'c', ns, nk, n'c', mt, ms, mc'); в начальных парах фрикативный элемент предшествует смычному (st, sp, sk, šk, šč), в конечных же (исключая sp, а также šc, s'c') — наоборот (ks, kc', ps, pc'). Своеобразие начальной позиции составляют сочетания с v, v' (tv, dv, dv', c'v', ʒ'v', zv, šv', žv, žv', kv').

Трехфонемные последовательности согласных, известные в начальной и конечной позиции, рассмотрены в предыдущем разделе, касающемся структуры упорядоченных сочетаний.

Бо́льших, нежели трехфонемные, скоплений согласных в данных позициях в известных нам текстах, кажется, нет.

Польский диалект

В настоящее время в Лаздунах польский диалект, подобно литовскому, не используется в повседневном общении. Польская речь звучит лишь в устах старшего поколения и при этом в ситуациях

[51] Ср. также взаимозаменяемость v—γ в интервокальном положении в заимствованиях; b'éraγas—b'éravas, b'eraváį; baγótas—bavótas.

[52] uo, впрочем, может появиться иногда в результате дифтонгизации o, ср.: namuõ(S). Что касается номинативной и вокативной формы

достаточно редких; по-польски поддерживается разговор с исконным поляком, во время торжеств исполняются польские песни и различные обрядовые тексты, в реминисценциях прошлого обычно цитируется польская прямая речь. Кроме того, польский остается для людей преклонного возраста языком молитв и грамоты, в какой-то степени усвоенной несколько десятилетий назад.

С уходом старшего поколения польский язык в этих местах, видимо, подлежит забвению. Поэтому представляется чрезвычайно полезным обратиться, пусть только сейчас, к описанию этого почти уже бездействующего диалекта, составляющего наряду с другими диалектами polszczyzny kresowej эпизод истории польского языка и играющего свою роль в судьбе интересующего нас многоязычного района.

Предлагаемое описание фонологии лаздунского польского диалекта основывается на материалах, собранных автором данной работы во время двух экспедиций в Лаздуны — в 1964 и 1968 гг.

Предваряя описание фонологической системы, отметим, что фонетические нормы польской речи лаздунцев крайне неустойчивы, они зависят от стиля речи (в большей или меньшей степени консервативного), от индивидуальной манеры произношения, и, более того, они бывают непостоянны в рамках одного стиля и даже одного идиолекта. В этом плане чрезвычайно интересно хоровое пение — ситуация, в которой пестрота произносительных норм выступает с особенной очевидностью [53].

Дополнительное осложнение в фонетику польского диалекта вносит то обстоятельство, что нередко роль образца в произношении начинают играть некогда приобретенные (а ныне полузабытые и также крайне индивидуальные) орфографические навыки говорящих, в результате чего может встретиться, например, произношение типа mul'áržy (r—ž), отсюда же и частые гипернормализмы (bénden, zróm'b'on, młúčšy и т. п.).

Вокализм (V́)

Фоном для многочисленных звуковых вариаций в польском говоре остается пятифонемная вокалическая система

i u

e o

a

i — jíc' býc', žýv'i   o — ókno, otpočýnek
e — éxo, króve, naroʒén'e   u — úšy, kukúlka
a — áł'e, pan'éŋka

ед. числа существительных с согласными основами, то они обычно произносятся: undói̯, sasói̯, m'énoi̯.

[53] Ср. тексты, где приводятся записанные нами фонетические варианты песни, исполнявшейся двумя голосами. См.: «Балто-славянский сборник». М., 1972, стр. 112—113.

Данная система построена на трех противопоставлениях (табл. 25).

Таблица 25

Признак	e	o	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Статистическую структуру основных характеристик этих противопоставлений см. в табл. 26.

Таблица 26

Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,25
Диффузность	0,80	1
Периферийность	0,80	1

В систему не включены носовые гласные. Это обстоятельство заслуживает пояснения в связи с тем, что назальность гласных является существенным типологическим признаком, характеризующим польскую фонологию в различных пространственных и диахронических ее ипостасях. Исходя из того, что для различных модификаций польской назальности релевантны следующие признаки позиции: 1) конец—середина слова; 2) прерывность—непрерывность последующего согласного, — судьбу носовых в нашем диалекте можно представить в табл. 27.

Как показывает табл. 27, общепольские ę, ǫ во всех позициях устранены путем преобразования либо в «чистый» гласный (как

Таблица 27

Позиция / Носовой	Конец слова	Середина слова: (&) Ct+	Середина слова: (&) Ct−	Позиция / Носовой	Конец слова	Середина слова: (&) Ct+	Середина слова: (&) Ct−
*ę	e ∨ (e + n)	e + n e + n′	e + n e + n′ e + m e + m′	*ǫ	o + n	o + n o + n′	o + n o + n′ o + m o + m′

в случае конечного ę[54]: bende, pojade, podloge), либо в бифонемное сочетание «чистого» гласного с n, n’ (перед согласными негубного образования: žénsy, vónsy, gén’s’, otpočén’l’i, són’s’at, p’énta, sónt, pám’en’c’, bén’ʒ’eš, а также на конце слова: rób’on, pojádon z‿mátkon), либо с m, m’ (перед губными согласными: zémby, zómp, golém’b’i, kóm’p’e‿s’e).

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Система польского консонантизма включает 35 фонем: r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, x.

r — rádos’c’, vróna, kúfar
l — ládny, mlódy, lép, múv’il
l’ — l’átac, l’épšy, sl’úp
n — nákšyš, nérvy, jádon
n’ — súkn’a, n’éma, kín’
m — mamún’a, métryka, l’ásem
m’ — m’ásto, m’és’onc
j — jaskúlka, pojádon
t — tátus’, tes’c’óva, ób’at
d — dáx, déšč, móndry
c — cály, cégla, nóc
ʒ — sáʒa, naroʒén’e
s — sám, sérek, v’ósna, l’ás
z — začýnac’, zémby, zlóta
p — pásak, pélny, slúp
p’ — p’ásek, p’éc, s’p’éšyc’
b — bárʒo, bél’ka, zbés’c’ic’
b’ — b’ály, b’él’ic’, z’b’érac’
f — fal’várak, fést, v’áŋkuf
f’ — of’ára, f’iráŋka
v — vápna, zdróve
v’ — v’ánek, zdróv’e
š — šáfa, šél’ma, kšýš
s’ — s’áno, s’éʒ’ec’, són’s’at
ž — žalóvac’, žégnac’ bóža
z’ — z’árno, z’el’óny, kóz’ol
č — čékac’, čárny, člóv’ek
ǯ — ǯéva, dróžǯy
c’ — c’álo, c’íxo, xóc’
ʒ’ — ʒ’ásny, ʒ’en’kújen
k — kám’en’, báike (вин. п. ед. ч.) akýš;
k’ — k’édy, k’íška, k’p’íny
g — gánek, gén’s’, cégla
g’ — drúg’e, cag’élka, z’g’ínon’c’
x — xáta, kóxac’, c’íx’i, márx’ef, s’m’éx.

Данная система основана на действии восьми различительных признаков.

Признак согласности противопоставляет класс сонорных (r, l l’, n, n’, m, m’, j) остальным согласным, образующим класс шумных.

Признак компактности различает согласные средне- и заднеязычного образования (j, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’ x) и согласные, образованные в передней части рта (r, l, l’, n, n’, m, m’, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’)[55].

[54] На конце слова возможно в качестве свободного варианта и e+n: pojáden, tráf’en, podlógen. Этот вариант преобладает в текстах более или менее консервативного характера (в частности, в песнях).

[55] Как видно из матрицы, согласные s′, z′, c′, ʒ′ (среднеязычного, или, вернее, «краепалатального» образования) сопоставлены по признаку компакт-

Таблица 28

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p′	b
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	−	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	−	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−

Признак	b′	f	f′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	g′	x
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+
Яркость	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0
Звонкость	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	0
Палатальность	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0

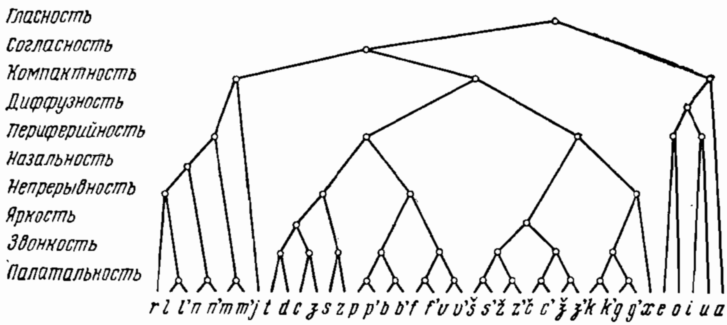

Рис. 4. Фонологическое «дерево» польского диалекта Лаздун

Признаком периферийности характеризуются губные и заднеязычные согласные (m, m', p, p', b, b', f, f', v, v', k, k', g, g', x), в отличие от передне- и среднеязычных (r, l, l', n, n', t, d, c, ʒ, s, z, š, s', ž, z', ǯ, ʒ').

Признак назальности релевантен для класса сонорных, в пределах которого он выделяет носовые n, n'.

Признак непрерывности противопоставляет фрикативные согласные (l, l', s, z, f, f', v, v', x) смычным (r, t, d, p, p', b, b', k, k', g, g') и аффрикатам c, ʒ.

Признак яркости существен для противопоставления аффрикат (c, ʒ, č, c',ǯ, ʒ') соответствующим смычным (t, d) и фрикативным (š, s', ž, z').

По признаку звонкости различаются согласные, произносимые при участии голоса (d, ʒ, z, b, b', v, v', ž, z', ǯ, ʒ', g, g') и без участия голоса (t, c, s, p, p', f, f', š, s', č, c', k, k'). Признак палатальности различает совпадающие по всем остальным признакам l—l', n—n', m—m', p—p', b—b', f—f', v—v', š—s', ž—z', č—c', ǯ—ʒ', k—k', g—g'.

Статистическое выражение мощности и симметричности этих различительных признаков (исключая согласность, о которой будет сказано дальше) приведено в табл. 29.

Таблица 29

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,67	Яркость	0,34	1
Периферийность	0,97	0,78	Звонкость	0,74	1
Назальность	0,14	0,67	Палатальность	0,74	1
Непрерывность	0,63	0,69			

ности с шипящими š, ž, č, ǯ и противопоставлены по этому признаку свистящим s, z, c, ʒ (что совпадает со способом идентификации белорусских и литовских «краепалатальных»).

С помощью признаков гласности и согласности описанные выше вокалическая и консонантная системы объединяются в общую модель фонологического пространства польского диалекта Лаздун (40 фонем). Эта модель приводится в виде фонологического дерева, адекватного матричному представлению (рис. 4).

Статистические характеристики признаков гласности и согласности, идентифицирующих классы гласных, согласных и сонантов, см. в табл. 30.

Таблица 30

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,14
Согласность	0,87	3,37

Дистрибуция фонем

Имея в виду тот достаточно аргументированный факт, что «polszczyzna kresowa», ответвлением которой является лаздунский говор, на протяжении своей истории постоянно соотносилась с общепольским культурным диалектом [56], мы вправе, по-видимому, сопоставить особенности нашего говора с нормами литературного польского языка. Говоря упрощенно, литературный язык можно интерпретировать как предыдущую стадию развития нашего говора. Такое представление тем более корректно, что оно реконструируется и из анализа самого говора: элементы литературной фонетики функционируют в речи лаздунцев как варианты, сохраняющие значение произносительной нормы (далеко не всегда, однако, соблюдаемой) [57].

Заметим, что в плане дистрибуции соотнесение с литературным языком обнаруживает интересующие нас особенности говора, свидетельствующие о типологическом выравнивании лаздунских фонологических систем.

1) Распределение гласных в слове

Гласные в слове распределяются независимо от суперсегментного уровня, это означает, что ударные и безударные слоги одинаково различают гласные верхнего, среднего и нижнего подъемов:

i u

e o

a

[56] Начиная со времени первоначальной экспансии (см. указанные работы Г. Турской).

[57] Существенно, что эти элементы наиболее часты в песнях, различных обрядовых текстах, молитвах, т. е. в текстах более или менее канонического, консервативного характера.

Примечательно, однако, частое в быстрой разговорной речи неразличение гласных среднего подъема в безударной позиции и замена их гласным нижнего подъема. Вот некоторые примеры «аканья»: ǯéva, zlóta, óka, ját̯ka, jápka, s'ána (им. п. ед. ч.), mnóga, týl'ka, púz'na (наречия); zabáčyc', dagóǯ'ic', kanóp'e, k'arúnak, v'ečóram, bóram, l'ásam, kaválak, kúbak, ogúrak, dája, úm'am и т. п.

Акающее произношение чрезвычайно характерно для говора, оно отражается и в письменной речи информантов, но остается все же факультативным (показательны в этом отношении фонетические варианты одной песни, см. Тексты).

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем

Общая картина дистрибутивных возможностей польских фонем дана в таблице упорядоченных пар, которая наглядно позволяет выделить класс гласных и сонантов (максимальная валентность единиц) и класс шумных согласных (существенно ограниченная сочетаемость единиц) (табл. 31).

Более подробные сведения о дистрибутивных свойствах польской фонологической системы приводятся в таблице α- и β-полей фонем, составленной в соответствии с процедурой Ф. Херари и Г. Пейпера (табл. 32).

Вычислим коэффициенты α- и β-полноты каждой фонемы (табл. 33).

Перечислим основные правила, которым подчинена дистрибуция фонем, а иногда целых классов фонем польского диалекта:

(1) $\neg$ (Cs$^+$, Vc$^+$) & (Cs$^+$, Vc$^-$); $\neg$ (Cs$^+$, Vc$^-$)&(Cs$^+$, Vc$^+$) (читается: запрещено сочетание шумных с противоположным значением признака звонкости). Примечательное исключение из этого правила составляют сочетания с v, v' в β-позиции, не допускающие прогрессивной ассимиляции по глухости: tvúi̯, tvárdy, tváš, svúi̯, s'v'át, kv'át, xvýtac', čvárty и т. д.[58]

(2) $\neg$ ((Cs$^-$, G$^+$, S$^+$) $\vee$ (Cs$^+$, G$^+$, S$^+$)) & ((Cs$^-$, S$^-$) $\vee$ (Cs$^+$, S$^-$)) (читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

Что касается сочетаний губных и заднеязычных с последующими палатальными, то и они подчиняются тенденции к однородности относительно признака палатальности. Для говора, кажется, более типично произношение zém's'c'ic', k'p'íny, p'l'écy, нежели zéms'c'ic', kp'íny, pl'écy.

---

[58] Как известно, прогрессивная ассимиляция по звонкости в этих сочетаниях (tfúi̯, tfárdy, s'f'át и т. д.) является орфоэпической нормой литературного языка, а также Малопольши и Мазовшья (за исключением той части сувалкского диалекта, которая основывается на белорусском субстрате, см.: K. N i t s c h. Dialekty języka polskiego. Wrocław—Kraków, 1957).

Таблица 31

Упорядоченные пары фонем в польском диалекте Лаздун

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p'	b	b'	f	f'	v	v'	š	s'	ž	z'	č	c'	ǯ	ʒ'	k	k'	g	g'	x	e	o	i	u	a	-#
r		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
l			-	+	+			-	+		+				+	+	+							+	+	+		+			+	+				+	+	+	+	+	+
l'		-		+	+	+	+		+		+		+				+	+	+		+	+	+	+	+		+			+	+	+			+	+	+	+	+	+	+
n			-		-		-	-	+	+	+	+	+	+		-		-		-		-	+	-	+	-	±	-	+	-	+	±	+	±	+	+	+	+	+	+	+
n'	-	-	+	-	+	-	+				±		-				+						-	+	-	+	±	+	-	+	±	+		+		+	+	+	+	+	+
m	+	+	±	+	±		-			+	+		+		+	±	+	±					+	±	+						+	±				+	+	+	+	+	+
m'	-	-	±	-	±	-			-	-	-	-	-	-	-	±	-	±	-		-		-	±	-		-		-		-	±	-		-	+	+	+	+	+	+
j	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-
t	+	+	+	+	+				+	-	-	-	-	-	+	+	-	-			+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+
d	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-		-		-	-		+	-	-	+	-	-	-		-	-	-	-	-	-	-	+		-	+	+	+	+	+	-
c		+		+	+				+	-		-	+	-		-	-	-				+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-		+	+	+	+	+	+
ʒ									-		-	-	-		-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-			-	+	+	+		+	-
s	+	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
z	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-		-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
p	+	+	±	+	±				+	-	+	-	+	-		-	-	-				-	+	±	-	-	+	±	-	-	+	±	-	-	+	+	+	+	+	+	+
p'	-	-	±	-	±	-			-	-	-	-	-	-	-		-	-	-		-	-	-	±	-	-	-	±	-	-	-	±	-	-	-	+	+	+	+	+	-
b	+	+	±	+	±	+	±		-	+	-		-		-	-			-	-	+	±	-	-	+	±	-	-		±	-	-	+		-	+	+	+	+	+	-
b'	-	-	±	-	±	-	±		-	-	-	-	-	-	-	-	-		-	-	-	±	-	-	-	±	-	-	-	±	-	-	-		-	+	+	+	+	+	-
f	+		±	+	±				+	-	+	-		-			-	-		-		-	+	±	-	-	±		-	-	+	±	-	-	+	+	+	+	+	+	±
f'	-	-	±	-	±	-			-	-	-	-	-	-	-		-	-	-		-	-	-	±	-	-	-		-	-	-	±	-	-	-	+	+	+		+	-
v	+	+	±	±	±				-	+	-		-	+	-	-			-	-			-	-	+	±	-	-		±	-	-			-	+	+	+	+	+	-
v'	-	-	±	-	±	-			-	-	-	-	-	-	-	-	-	±	-	-	-		-	-	-	±	-	-	-	±	-	-			-	+	+	+		+	-
š	+	+	+	+	+	+			+	-		-	-	-	+	+	-	-			+	+	+	-	-	-	+		-	-	+	+	-	-		+	+	+	+	+	+
s'	-	-	+	±	+	-	+		-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-		-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
ž	+	+	+	+	+				-	+	-		-		-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+		-	-			-	+	+	+	+	+	-
z'	-	-	+	±	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-		+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	+	+		+	-
č		+	+	+	+	+	+		+	-	-	-	-	-			-	-			+		+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+
c'	-	-		-		-	+		-	-	-	-	-	-			-	-				+	-	+	-	-	-	+	-	-			-	-	-	+	+	+	+	+	+
ǯ									-		-	-	-	-	-	-			-	-			-	-	+	-	-	-		-	-	-			-	+		+		+	-
ʒ'	-	-		-		+	+		-	-	-	-	-	-	-	-			-	-		+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-			-	+	+	+	+	+	-
k	+	+	±	+	±				+	-		-	+	-		±	-	-			+	±	+	±	-	-		±	-	-	+	±	-	-		+	+	+	+	+	+
k'	-	-	±	-	±	-			-	-	-	-	-	-	-	±	-	-	-		-	±	-	±	-	-	-	±	-	-	-	±	-	-	-	+		+			-
g	+	+	±	+	±	+	±		-	+	-		-		-	-			-	-	+	±	-	-			-	-		±	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-
g'	-	-	±	-	±	-	±		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	±	-	-	-		-	-	-	±	-	-	-	-	-			+			-
x	+	+	+	+	+	+	+		+	-	+	-		-			-	-			+	+			-	—		+	-	-			-	-	-	+	+	+	+	+	+
e	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+		+
o	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+			+
i	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+			+			+
u	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+			+			+
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+			+			+
#-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	±	+	

Таблица 32

α-поле	Фонема	β-поле
m, t, d, s, z, p, b, v, š, k, g, x, e, o, i, u, a (17) mrús, tráva, drúg'i, sróka, zrób'ic', upráv'ac', brát, vrúb'al', šráma, kréf, grác', xrýpka, sérek, kóra, žv'ír, múr, kartóf'l'e	r	l, l' n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, p, p', b, b', v, v', f, f', š, ž, č, ʒ', k, k', g, g', x, e, o, i, u, a (34) umárla, umárl'i, čárny, márn'a, nórma, kárm'ic', várjat, n'evárto, gárdlo, sérca, bárʒo, l'ekárstvo, šárpac', šárp'e, tórba, tórb'e, tórf, tórf'e, nérvy, rv'é, γóršy, ʒ'éržy, kurčénta, gárʒ'ic', pastérka, cúrk'i, targóvac'‿s'e, tárg'i, márx'ef, v'ečórem, zdróvy, rýba, rúža, rády
m, t, d, c, s, p, b, f, v, š, ž, č, k, g, x, e, o, i, u, a (21) mlódy, s'v'átlo, pavédluk, václaf, slóv'ik, zlóto, plákac', bleŋk'ítny, flóta, vlóčyc'‿s'e, pšýšla, žlúp, člóv'ek, žékla, glós, xlópcy, cag'élka, góly, xoʒ'íla, jaskúlka, b'ály	l	n, n', t, c, p, p', b, s', ž, c', k, k', e, o, i, u, a (17) vélna, zupéln'a, žúlty, cag'élcy, nálpa, nálp'e, k'ilbáska, zaz'el'én'il‿s'e, malžénstvo, gválc'ic', jaskúlka, jaskúlk'i, zapom'n'álem, v'esólo, c'éply, slúxac', pásla
n', (m—m'), t, d, (p—p'), (b—b'), (f—f'), (v—v'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (21) otpočén'l'i, ml'éko (m'l'éko), tl'éc', dl'a, pl'écy (p'l'écy), bl'ín (b'l'ín), fl'ánsy (f'l'ánsy), vl'évo (v'l'évo), kášl'ac', mýs'l'ic', možl'ívos'c', z'l'é, žyčl'ívy, kléněyc' (k'l'énčyc'), gl'ína (g'l'ína), ruxl'ívy, v'él'k'i, ból'ec', mýl'ic'‿s'e, matúl'a, mal'óvac'	l'	n, n', m, m', t, d, c, s, b, b', f, v, v', š, ž, č, ʒ', k, k', e, o, i, u, a (24) vól'ny, bol'n'íca, šél'ma, šél'm'e, dubal'tóvy, šýl'da, pál'cy, vál's, fal'bóna, al'b'ína, al'fóns, fol'várak, kal'v'ín, bal'šev'ik, l'žéjšy, fél'čar, vol'ʒ'ík'i, týl'ko, v'él'k'i, l'épšy, z'el'óny, l'íxo, l'úʒ'i, l'ás

α-поле	Фонема	β-поле
r,], l', n, m, t, d, c, s, z, p, b, f, v, š, s', ž, z', č, k, g, x, e, o, i, u, a (27) čárny, vélna, vól'ny, suml'énny, mnógo, smútny, ládny, mócny, snúp, muščýzna, vápna, potrébna, tráfny, krévny (kréu̯ny), strášny, nau̯mýs'ny, móžna, púz'no, zrénčny, ókno, gnác', páxnon'c', žénsy, vónsy, roʒ'ína, komúna, pán	n	n, t, d, c, ʒ, s, z, š, ž, (č), k, (k'), g, (g'), x, e, o, i, u, a (20) suml'énny, žont, žm'índa, v'éncei̯, nénʒa, vónsy, v'énzy, jínšy, menžóu̯ska, kl'énčyc' (k'l'én'čyc'), pan'éŋka, pan'éŋk'i (pan'én'k'i), vaŋgóry, vaŋg'érka (van'g'érka), vónxac', nérvy, nóc, ʒvóny, núš, nárty
r, l, l', n', (m—m'), t, d, c, (p—p'), (b—b'), (f—f'), (v—v'), š, s', ž, z', č, (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (25) čarn'ídlo, veln'ány, bol'n'íca, starán'n'a, mn'é (m'n'é), pótn'ec', dn'í, mocn'éi̯šy, vápn'e (váp'n'e), potrébn'i (potréb'n'i), tráfn'i (tráf'n'i), krévn'i (krév'n'i, kréu̯n'i), strašn'éi̯šy, s'n'íc, žn'ívo, púz'n'ei̯, póčn'e, mókn'e (mók'n'e), gn'ázdo (g'n'ázdo), sxn'é, ʒ'én, kón', s'ín'i, mamún'a, pán'i	n'	l', n', m', (c), b, s', z', (č), c', ʒ', k', g', e, o, i, u, a (17) otpočén'l'i, starán'n'e, kón'm'i, slón'ca (slónca), gán'ba, gén's', v'en'z'én'e, kl'én'čyc' (kl'énčyc'), z'én'c', bén'ʒ'e, m'ilén'k'i, van'g'érka, n'ébo, pšyn'ósla, n'ígdy, g'én'us', dov'iʒén'a
r, l', d, s, z, b, š, č, ʒ', g, x, e, o, i, u, a (16) fórma, šél'ma, podmuróvac', smál'ic', zmróčny, obmácac', šmugl'óvac', čmýxac', v'éʒ'ma, gmáx, xmára, zémby, zómp, očšymálem, šúm, sám	m	r, l, (l'), n, (n'), t, d, c, s, p, p', b, b', š, s', ž, k, (k'), g, e, o, i, u, a (24) mrúfka, mlýn, ml'éko (m'l'éko), rozúmny, mn'éi̯, (m'n'éi̯), támten, zémdl'ec', n'émcy, zémsta, l'ámpa, l'ámp'e (l'ám'p'e), zémby, démb'e (dém'b'e), mšá, zéms'c'ic'‿s'e, úmže, brámka, brámk'i (brám'k'i), mglá, méŋka, móst, mýška, múxa, mátka

α-поле	Фонема	β-поле
r, l’, n’, d, (b—b’), s’, ž, z’, č, c’, ʒ’, (g—g’), x, e, o, i, u, a (18) kárm’ic’, šél’m’e, kón’m’i, s’édm’u, obm’ežyc’ (ob’m’éžyc’), s’m’éc’e, žm’índa, z’m’én’ac’, jáčm’en’, c’m’ány, v’éʒ’m’e, gm’ína (g’m’ína), xm’él’, n’ém’ac, kóm’in, vým’e, sum’énny, ram’óna	m’	(l’), (n’), (p’), (b’), (k’), e, o, i, u, a (10) m’l’éko (ml’éko), m’n’éi̯ (mn’ei̯), kóm’p’e‿s’e (kómp’e‿s’e), dém’b’e (démb’e), brám’k’i (brámk’i) m’éx, ram’óna, m’il’én’k’i, s’édm’u, m’ála
r, d, z’, e, o, i, u, a (8) várjat, odjádac’, z’jádac’, mdl’éje, vojénny, p’íje, vysypújon, máje	j	e, o, i, u, a (5) jés’en, jón, jís’c’, júš, jápko
r, l, l’, n, t, c, s, p, š, č, k, x, e, o, i, u, a (17) várto, žúlty, dubal’tóvy, s’v’énty, nátto, octúp’ic, stóji, ráptem, štáp, póčta, xaráktar, doxtórka, kórnet, kót, sýty, obúty, tátus’	t	r, l, l’, n, n’, t, p, p’, v, k, k’, x, e, o, i, u, a (17) trý, s’v’átlo, tl’éc’, smútny, pótn’ec’, nátto, otpov’éʒ’ec’, otp’ísac’, tvója, mátka, mátk’i, txúš, téras, tórf, s’v’énty, túpac’, ták
r, n, m, d, z, b, v, ž, g, e, o, i, u, a (14) gárdlo, žm’índa, zémdl’ec’, óddac’, zdróv’e, obdárty, právda, káždy, n’ígdy, tédy, mlódy, mýdlo, marúdny, jádon	d	r, l, l’, n, n’, m, m’, j, d, v, g, e, o, i, u, a (16) drúg’i, dlúgo, dl’á, jédna, dn’í, podmuróvac’, s’édm’u, zdjén’c’e, óddac’, obýdva, podgárdl’e, démp, dóbry, dým, dúx, dáx
r, l, l’ n, (n’), m, s, c, p, x, e, o, i, u, a (15) sérca, cag’élcy, pál’cy, v’éncei̯, slón’ca (slónca), n’émcy, m’éi̯scy, suk’enécce, xlópcy, xcón, p’éc, nóc, n’íc, žúcac’, mácac’	c	l, n, n’, t, s, c, k, e, o, i, u, a (12) václaf, mócny, mocn’éi̯šy, octúp’ic’, ocsáʒac’, suk’enécce, ʒ’écko, cégla, có, n’émcy, cúrka, cály

α-поле	Фонема	β-поле
r, n, e, o, i, a (6) barʒo, nénʒa, v'éʒa, xoʒén'e, dov'iʒén'a, sáʒa	ʒ	b, v, e, o, i, u, a (7) ʒbánek, ʒvóny, xoʒén'e, bárʒo, nénʒy, nénʒu, nénʒa
r, l', n, m, c, s, p, k, e, o, i, u, a (13) l'ekárstvo, vál's, m'énso, zémsta, ocsáʒac', ssác', opstal'óvac', pláksa, fést, bósy, býstry, l'ústro, l'ás	s	r, l, n, m, t, c, s, p, v, k, x, e, o, i, u, a (16) sróka, slon'ína, snúp, smál'ic', stály, m'éi̯sca, ssác', spác', svúi̯, bóska, sxrón, sérek, sókul, synóva, súkn'a, sám
n, z, e, o, i, u, a (7) z'v'ónzac', zzá, žézac', póznac', výzvac', juzéfa, mázac'	z	r, l, n, m, d, z, b, v, g, e, o, i, u, a (14) zrób'ic', zlóty, póznac', zmróčny, gn'ázdo, zzá, zbav'én'e, zvóʒ'ic', zgóʒ'ic'‿s'e, zémsta, zobáčyc', zúx, zámknon'c', zýgnat
r, l, m, t, s, š, e, o, i, u, a (11) šárpac', nálpa, l'ámpa, ot'pov'éʒ'ec', spác', špák, déptac', xlópcy, l'ípa, kúp, kapél'uš	p	r, l, (l'), n, (n'), t, c, s, š, (s'), c, (c'), k, (k'), x, e, o, i, u, a (20) préntk'i, plákac', pl'écy (p'l'écy), vápna, vápn'e (váp'n'e), ráptam, xlópcy, opstal'óvac', l'épšy, ps'á (p's'á), xlópčyk, opc'ísly (op'c'ísly), xrýpka, xrýpk'i (xrýp'k'i), pxác', pévny, pó‿co, pýl, púšča, pán
r, l, (m—m'), t, š, s', (k—k'), e, o, i, u, a (12) šárp'a, nálp'e, kómp'e‿s'e (kóm'p'e‿s'e), otp'ísac', šp'ítal', s'p'évac', kp'íny (k'p'íny), l'ép'ei̯, xlóp'ec, l'íp'ec, kúp'ic', nap'én'c'e	p'	l', (n'), (s'), (c'), (k'), e, o, i, u, a (10) p'l'écy (pl'écy), váp'n'e (vápn'e), p's'á (ps'á), op'c'ísly (opc'ísly), káp'k'i (kápk'i), p'éc, p'óntek, p'íc', p'úrko, p'ána

α-поле	Фонема	β-поле
r, l, l', n', m, ʒ, ž, z', e, o, i, u, a (13) tórba, k'ilbáska, fal'bóna, gán'ba, dembóvy, ʒbánek, vrúžba, kóz'ba, potrébny, dóbry, šýba, vrúbal, djábal	b	r, l, (l'), n, (n'), m, (m'), d, z, e, o, i, u, a (14) brát, bleŋk'ítny, bl'ín (b'l'in), potrébny, potrébn'i (potréb'n'i), obmácac', obm'ėžyc' (ob'm'ė-žyc'), obdárty, bžék, bél'ka, bóža, býc', búty, báčyc'
r, l', (m—m'), d, z', e, o, i, u, a (10) tórb'e, al'b'ína, démb'e (dém'b'e), odb'érac', xšez'-b'íny, xl'éb'e, rób'i, s'eʒ'íbe, l'úb'ic', zab'érac'	b'	(l'), (n'), (m'), e, i, a (6) b'l'ín (bl'ín), potréb'n'i (pot-rébn'i), ob'm'ėžyc' (obm'ėžyc'), ob'éʒ'v'e, b'íc', b'ály
r, l', e, o, i, u, a (7) tórf, ál'fons, l'itéfsk'i (l'i-téu̯sk'), šófar, grýfa, kúfar, šáfa	f	r, (l'), (n'), t, c, š, č, k, k', e, o, i, u, a (14) frónt, fl'ánsy (f'l'ánsy), trá-fn'e (tráf'n'e), náfta, čérfcu, fšýstk'e, fčóra, glúfka, glúfk'i, fést, fórma, šáfy, fúnt, fárba
r, e, o, i, (u), a (6) tórf'e, juzéf'in, of'aróvac', grýf'e, glúf'k'i, (glúfk'i), tráf'ic'	f'	(l'), (n'), k', i, a (5) f'lánsy (fl'ánsy), tráf'n'e (tráfn'e), glúf'k'i (glúfk'i), f'iráŋka, of'aróvac'
r, l', t, d, ʒ, s, z, b, š, ž, č, k, g, x, e, o, i, u, a (19) rvác', l'vá, tvúi̯, dvá, ʒvóny, svúi̯, zvác, obvál'ac', švá-g'er, žvávy, čvárty, gvált, kvás'ic, xvýtac' krévny, ró-var, s'ívy, uvága, gavénda	v	r, l, (l'), n, (n'), d, z, (z'), (ʒ'), e, o, i, u, a (14) vrás, vláʒa, vl'ép'ic (v'l'ép'ic'), vnós'ic', vn'és'c'i (v'n'és'c'i), právda, vzajémn'e, vz'én'c' (v'z'én'c'), vʒ'énčny (v'ʒ'én-čny), pavédluk, vói̯na, zdróvy, vúi̯, vápna
r, l', (b—b'), š, s', ž, z', c', ǯ, ʒ', (k—k'), (g—g'), x, e, o, i, u, a (18)	v'	(l'), n', b', e, o, i, a (7) v'l'és'c' (u̯l'és'c'), vn'és'c' (un'és'c'), v'b'íc' (u̯b'íc'),

α-поле	Фонема	β-поле
rv'é, kál'v'in, obv'ín'ac' (ob'v'ín'ac'), podéšv'e, s'v'át, žv'ír, z'v'éš, c'v'ík, ǯv'í, ʒ'v'é, kv'étka (k'v'étka), gv'ázdy (g'v'ázdy), xv'íl'a, ʒ'év'en'c', slóv'ik, vyv'íx-non'c', uv'él'b'ac', stáv'ac'	v'	v'él'k'i, v'óska, v'ítac', v'ára
r, l', n, m, p, f, č, k, e, o, i, u, a (13) góršy, bol'šév'ik, mónš, mšá, lépšy, záfše, páčšyc', kšýš, n'eščén's'c'e, košúl'a, k'íška, rúšyc', náš	š	l, l', n, n', m, t, p, p', u, v', š, č, k, k', e, o, i, u, a (19) zéšly, šl'áxta, šnár, strášn'e, šmugl'óvac', réšta, špák, šp'í-tal', podéšvy, podéšv'e, dróššy, déšč, škóda, c'énšk'i, šés'c', šófar, šýba, šúkac', šáfa
r, l, l' n, (m—m'), (p—p'), (f—f'), s', c', (k—k'), e, o, i, u, a (15) gárs'c', ožén'il‿s'e, vál's'e, gén's', zéms'c'ic' (zém's'c'ic'), ps'á (p's'á), fs'ádac' (f's'ádac'), s's'é, poc's'évac', ks'ónc, (k's'ónc), póv'es', kós'c', l'ís'c'e, g'én'us', stás'	s'	l', (n'), n', m, m', p', v', s', c', k, k', e, o, i, u, a (16) s'l'át, nau̯mýs'ny, s'n'íc', p'ís'muf, s'm'etána, s'p'évac', s'v'át, s's'é, s'c'ískac', jás'ka, s'k'ísnon'c', s'éʒ'ec', s'óstra, s'ívy, s'údmy, s'áno
r, l, l', n, m, b, v, ž, ǯ, e, o, i, u, a (14) ʒ'éržy, malžénstvo, l'žéi̯šy, ménža, mžýc', bžék, vžút, žžýnac', óǯžyc', l'éžy, bóža, kšýžyk, búža, mážec	ž	r, l, l', n, n', d, b, b' v, v', ž, ǯ, e, o, i, u, a (17) žréc', výžla, možl'ív'a, žnón, žn'é, káždeṇ, vrúžba, vrúžb'e, žvávy, žv'ír, žžýnac', dróžǯe, žén'ic‿s'e, žóna, žýto, žúc'ic', žál'
r, l, n', (b—b'), (v—v'), z', ʒ', e, o, i, u, a (12) márz'n'e, l'z'é, v'én'z'en', bz'ík (b'z'ík), vz'ón'c'	z'	l', (n), n', m', j, b, b', v', z', ʒ', e, o, i, a (14) z'l'é, púz'na (púzna), z'n'íš-čyc', z'm'én'ac', z'jádac,

α-поле	Фонема	β-поле
(v'z'ón'c', u̯z'ón'c'), z'z'émbnon'c', poʒ'z'émny, čšéz'vy, kóz'ol, grýz'e, gúz'ik, káz'ik	z'	próz'ba, z'b'érac', z'v'éže, z'z'émbnon'c, z'ʒ'iv'óny, z'én'c', kóz'ol,[*] z'íma, z'árno
r, l', (n—n'), p, (f), š, č, e, o, i, u, a (12) kurčénta, m'íl'čy, kón'čyc' (kónčyc'), xlopčýna, fčóra (u̯čóra), ščén's'c'a, oččép'ic'‿s'e, béčka, óčk'i, l'íčyc', účyc', káčka	č	l, l', n, n', m, m', t, v, š, č, (c'), k, k', x, e, o, i, u, a (19) člóv'ek, žyčl'ívy, v'éčnos'c', v'éčn'e, kárčma, kárčm'e, čtéry, čvárty, očšýmac', oččép'ac', počc'ívy (poc'c'ívy), béčka, béčk'i, čxnón'c', čés', čósnyk, čýsty, čúc', čás
r, l, l', n', (p—p'), s', (č—c'), (k—k'), x, e, o, i, u, a (14) s'm'érc', zgválc'ic', pál'c'e, γán'c'a, lápc'i (láp'c'i), kós'c', počc'ívy (poc'c'ívy), paznókc'e (paznók'c'e), xc'éc', ʒ'éci, póc'oŋk, mýc', uc'ékac', pac'éžy	c'	v', s', c', e, o, i, u, a (8) c'v'ík, poc's'évac', poc'c'érac', c'émno, c'óŋgl'e, c'íxo, šés'c'u, c'ásto
n, ž, o (3) vénǯany, dežǯýsty, požǯúc'ic'	ǯ	ž, e, i, a (4) požǯúc'ic', ǯéva, dežǯýsty, vénǯany
r, n', (m—m'), (b—b)', z', ʒ', (g—g'), e, o, i, u, a (12) bárʒ'ei̯, bén'ʒ'e, rymʒ'úny (rym'ʒ'úny), obʒ'érac', (ob'ʒérac'), gn'éz'ʒ'e, oʒ'ʒ'él'ny, gʒ'é (g'ʒ'é), pov'éʒ'al, xóʒ'i, v'iʒ'ála, lúʒ'i, pšeprováʒ'al	ʒ'	m, m', b, b', v', z', ʒ', e, o, i, u, a (12) v'éʒ'ma, v'éʒ'm'e, sváʒ'ba, sváʒ'b'e, ob'éʒ'v'e, poʒ'z'émny, oʒ'ʒ'él'ny, ʒ'éc'i, poʒ'óbac', ʒ'ivóvac', ʒ'úra, pov'éʒ'al
r, l, (l'), n, (n'), m, t, c, s, p, f, š, s' č, c', k, e, o, i, u, a (21)	k	r, l, (l'), n, (n',) (m'), t, (p'), v, (v'), š, (s'), č, c', k, (k'), e, o, i, u, a (21)

Таблица 32 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
cúrka, jaskúlka, týl'ko, kas'én'ko, réŋka, kl'ámka, vútka, ʒ'écko, bl'ísko, jápka, glúfka, škóda, stás'ka, káčka, bác'ka, lékka, žéka, rók, slóv'ik, púkac', ták	k	kréf, žékla, kl'ámka (k'l'ámka), ókno, ókn'e (ók'n'e), km'én (k'm'én), ktúry, kp'íny (k'p'íny), kvatéra, kv'át (k'v'át), kšák, ks'ónc (k's'ónc), smókča, lókc'i, l'ékka, l'ékk'i (l'ek'k'i), kéns, kós'c'ol, akýš, kúfar, kás'a
r, l, l', n, n', (m—m'), t, c, s, (p—p'), (f—f'), š, s', č, c', (k—k'), e, o, i, u, a (21) cúrk'i, jaskúlk'i, l'úl'ki, réŋk'i, jas'én'k'i, kl'ámk'i (kl'ám'k'i), krútk'i, n'el'úck'i, vónsk'i, xrýpk'i (xrýp'k'i), glúfk'i (glúf'k'i), ks'ónšk'i, jás'k'i, káčk'i, bác'k'i, l'ékk'i (l'ék'k'i), žék'i, vysók'i, ʒ'ík'i, súk'i, ták'i	k'	(l'), (n'), (m'), (p'), (v'), (s'), (c'), (k'), e, i (10) k'l'ámka (kl'ámka), ók'n'e (ókn'e), k'm'én (km'én), k'p'íny (kp'íny), k'v'át (kv'át), k's'ónška (ks'ónška), lók'c'i (lókc'i), l'ék'k'i (l'ékk'i), k'eróvac', k'íl'ka
r, n, d, z, e, o, i, u, a (9) targóvac', poc'óŋguf, odgúry, zgóda, b'égac', ógun, fatýga, drúga, vága	g	r, l, (l'), n, (n'), (m'), d, v, (v'), (ʒ'), e, o, u, a (14) grác', glóva, gl'ína (g'l'ína), gnúi̯, gn'ázdo (g'n'ázdo), gm'ína (g'm'ína), n'ígdy, gvált, gv'ázda (g'v'ázda), gʒ'é (g'ʒ'é), gén's', góly, gúra, gárdlo
r, (n—n'), z', e, o, i, u, a (8) tárg'i, véŋg'el' (vén'g'el), roz'g'ínac', bžég'i, bóg'i, fatýg'i, drúg'i, vág'i	g'	(l'), (n'), (m'), (v'), (ʒ'), e, i (7) g'l'ína (gl'ína), g'n'ázdo (gn'ázdo), g'm'ína (gm'ína), g'v'ázda (gv'ázda), g'ʒ'é (gʒ'é), dlúg'e, nóg'i
r, l', m, t, s, p, č, e, o, i, u, a (12) márx'ef, ól'xa, čarémxa, txúš,	x	r, l, l', n, n', m, m', c, v, v', š, c', e, o, i, u, a (17) xrýpka, xlódno, xl'ép, čxnón'c',

Таблица 32 (*продолжение*)

α-поле	Фонема	β-поле
sxóvac', pxnón'c', čxnón'c', n'éx, kóxac', c'íxo, múxa, ptáx	x	čxn'é, xmúrny, xm'él', xcéš, poxval'óny, xv'íl'a, xšán, xc'ívy, márx'ef, xóʒ'ic', x'ítry, xúdy, xáta
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x (35) bórem, lép, l'épšy, nénʒa, n'ébo, métr, m'éc', jéden, tén, déšč, cégla, xoʒén'e, sén, zédal', pévna, p'éc, bés, b'égac', fést, šáf'e, vénǯany, v'érny, šél'ma, s'édem, žégnac', z'ém'a, čés', c'éb'e, ǯéva, ʒ'écko, kéns, k'eróvac', gén's', dlúg'e, márx'ef	e	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, g', x, i, (u) (36) v'érny, cag'élka, v'él'ki, žénsy, ʒ'én', zémby, n'ém'ac, mdl'éje, kórnet, tédy, p'éc, v'éʒa, fést, žézac', déptac', l'ép'ei̯, potréba, xl'éb'e, kréf, juzéf'in, ǯévy, ʒ'év'en'c', jéšče, l'és'e, l'éžy, čšéz'vy, béčka, xc'éc', pov'éʒ'al, žéka, žék'i, b'égac', bžég'i, n'éx, mn'éi̯, péu̯ny, (pévny)
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, f, v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, g, x, o (31) rózum, lói̯, l'ós, nós'ic', pšyn'ósla, móst, m'ótla, jón, tórba, dóbry, có, bárʒo, vysók'i, zóbač, póčta, p'órun, bóža, fórma, vói̯na, v'óska, šófar, s'óstra, žóna, kóz'ol, čósnyk, c'óŋgl'e, poʒ'óbac', kós'c'ol, góly, xóʒ'ic', poob'éʒ'e	o	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, i (36) tórf, góly, ból'es', vónsy, kón, zómp, kóm'in, tvóje, kót, mlódy, nóc, xoʒén'e, bósy, póznac', xlópcy, xlóp'ec, dóbry, rob'i, slóvo, slóv'ik, šófar, of'ára, košúl'a, kós'c', bóža, kóz'ol, póčta, póc'oŋk, poǯžúc'ic', xóʒ'i, rók, vysók'i, ógun, óg'en' kóxac', vói̯na
r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k', k' x (33) rýba, c'éply, l'íxo, ʒvóny, n'ígdy, mýška, m'íly, jíx, s'v'énty, tédy, n'émcy, nénʒy,	i	r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, g', x (34) žv'ír, m'íly, mýl'ic'‿s'e, roʒ'ína, s'ín'i, čšýmac', vým'e, p'íje, sýty, mýdlo, n'íc,

Таблица 32 (*окончание*)

α-поле	Фонема	β-поле
sýn, zýgnat, pýl, p’íc’, býc’, b’íc’, šáfy, f’íkus, zdróvy, v’ítac’, šýba, s’ívy, žýto, z’íma, čýsty, c’íxo, dežǯýsty, ʒ’ivóvac’, akýš, k’íl’ka, x’ítry	i	dov’iʒén’a, vysók’i, výzvac’, l’ípa, l’íp’ec, šýba, s’eʒ’íb’e, grýfa, grýf’e, s’ívy, vyv’íxnon’c’, k’íška, l’ís’c’e, kšýžyk, grýz’e, l’íčyc’, mýc’, v’iʒ’ála, slóv’ik, ʒ’ík’i, fatýga, fatýg’i, c’íxo
r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, f, v, š, s’, ž, č, c’, ʒ’, k, g, x, (e) (29) rúža, slúxac’, l’úʒ’i, núš, g’en’us’, múxa, s’édm’u, júš, túpac’, dúx, cúrka, nénʒu, súkn’a, zúx, púšča, p’úrko, búty, fúnt, vúi̯, šúkac’, s’údmy, žúc’ic’, čúc’, šés’c’u, ʒ’úra, kúfar, gúra, xúdy, kréu̯ny, (krévny)	u	r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c’, s, z, p, p’, b, b’, f, (f’), v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ʒ’, k, k’, g, g’, x, i (34) múr, jaskúlka, matúl’a, komúna, mamún’a, šúm, sum’énny, vysypújon, tútai̯, paskúda, žúcac’, l’ústro, juzéfa, kúp, kúp’ic’, vrúbal’, l’úb’ic’, kúfar, glúf’k’i (glufk’i), uvága, uv’él’b’a, rúšyc’, g’én’us’, búža, gúz’ik, účyc’, žúc’ic’, l’úʒ’i, púkac’, súk’i, drúga, drúg’i, múxa, múi̯
r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b’, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, g, x (33) ráno, lápc’i, l’ás, nás, dov’iʒén’a, mátka, m’ála, jápko, rák, dáx, cály, nénʒa, sám, zámknon’c’, pán, p’ána, báčyc’, b’ály, tárba, of’ára, vápna, v’ára, šáfa, s’áno, žál’, z’árno, čás, c’ásto, vénǯany, pov’éʒ’al’, kás’a, gárdlo, xáta	a	r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ʒ’, k, k’, g, g’, x, i, (u) (36) cár, b’ály, mal’óvac’, pán, pán’i, sám, ram’óna, máje, tátus’, jádon, mácac’, sáʒa, l’ás, mázac’, kápac’, nap’én’c’e, djábal, zab’érac’, šáfa, tráf’ic’, gavénda, stáv’ac’, náš, stás’, mážec, káz’ik, káčka, bác’ka, sáʒ’e, ták, ták’i, vága, vág’i, ptáx, posýlai̯, dáu̯ (dál)

Таблица 33

	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	d
K_α	0,42	0,52	0,52	0,65	0,62	0,40	0,45	0,20	0,42	0,35
K_β	0,85	0,42	0,60	0,47	0,42	0,57	0,25	0,12	0,42	0,40

	c	ʒ	s	z	p	p'	b	b'	f	f'	v
K_α	0,37	0,15	0,32	0,17	0,27	0,30	0,32	0,25	0,17	0,15	0,47
K_β	0,30	0,17	0,40	0,35	0,50	0,25	0,35	0,15	0,32	0,10	0,35

	v'	š	s'	ž	z'	č	c'	ǯ	ʒ'
K_α	0,45	0,32	0,37	0,35	0,30	0,30	0,37	0,07	0,30
K_β	0,17	0,47	0,40	0,40	0,35	0,47	0,20	0,10	0,30

	k	k'	g	g'	x	e	o	i	u	a
K_α	0,52	0,52	0,22	0,20	0,30	0,87	0,77	0,82	0,72	0,82
K_β	0,52	0,25	0,35	0,17	0,42	0,90	0,90	0,85	0,85	0,90

(3) $\neg\,(Cs^+,\ Cp^-,\ G^-,\ Ct^+)\ \&\ ((Cs^+,\ S^+) \vee (Cs^-,\ S^+))$ (читается: запрещено следование за непериферийным непрерывным компактным шумным (свистящие s, z) палатального шумного или сонанта). Правило охватывает и те случаи, когда в литературном языке s, z смягчению не подлежат: s'm'ály, s'p'éšyc', s'p'ísac', z'b'érac', z'm'ána, z'n'íščac', z'g'ínon'c' и т. д. Исключением из правила является s в суффиксе -sk-: kónsk'i, pánsk'i, lazdúnsk'i, ošm'ánsk'i и т. п., а также в сочетаниях с суффиксальным -k'-): bl'úsk'i, bl'ísk'i.

Говоря о функционировании палатальности в консонантных группах, следует отметить, что мы почти не слышали характерных для польского литературного языка сочетаний n'c, n'č, произносилось же: slónca, b'askóncy, gos'c'íncam, ražáncam, skónčyc', pančóx'i. Кажется, диспалатализация n'c, n'č носит регулярный характер.

(4) $\neg\,(N^+,\ S^+)\ \&\ ((Cs^+,\ Cp^-,\ St^+) \vee (Cs^+,\ Cp^+,\ St^+))$.

(5) ¬ (Cs$^+$, Cp$^-$, St$^-$) & (Cs$^+$, Cp$^-$, G$^+$, Ct$^+$, Vc$^+$, S$^+$) (читается: запрещены последовательности tv', dv'). Лаздунцы произносят: oc'v'érac', l'íc'v'in, ʒ'v'é. dv' иногда слышится на стыке морфем (pódv'es'c', но возможно и póʒ'v'es'c'), а также в имени собственном jadv'íga (но говорят и jaʒ'víga).

Характерна для консонантных групп ассимиляция по компактности:

(6) ¬ (Cs$^+$, Cp$^-$, G$^-$) & (Cs$^+$, Cp$^+$, G$^-$) (читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Правило действует на границе морфем, где возможна встреча t ∨ d ∨ s ∨ z c š ∨ s' ∨ ž ∨ z' ∨ č ∨ c'. В результате ассимиляции прерывные (Ct$^-$) элементы t, d перекодируются в яркие компактные, а непрерывные (Ct$^+$) s, z — в неяркие компактные (počšévac', oččúvac', occéʒ'ic', požžúc'ic', poc'-s'él'ic' poc'c'érac', oʒ'ʒ'él'n'a).

Обращает на себя внимание еще одно явление из области консонантных сочетаний: в некоторых идиолектах v, f не могут выступать в α-поле согласных и подвергаются замене на u, подобно тому как это происходит в белорусском диалекте. Так, мы записали: l'itéu̯sk'i, menžóu̯sk'i, m'il'éu̯sk'i (фамилия бывшего владельца Лаздун), kréu̯ny, rúu̯ny, napéu̯no, práu̯da. При этом сохранение v, f, все же осознается как диалектная норма, не приходится лишь говорить о последовательности ее соблюдения в речевой практике лаздунцев.

Еще одна чрезвычайно заметная для постороннего особенность говора, касающаяся на этот раз сочетаний типа CV — в последовательности x & (i ∨ e) непременно происходит смягчение x (что, собственно, означает дефонологизацию противопоставления x—x' в говоре): x'íba, x'ítry, s'x'íl'ic', márx'ef (márx'eu̯), kožúx'em.

Что касается комбинаций гласных (VV), то здесь, кроме тавтосиллабических сочетаний с i̯, u̯ в β-позиции (mn'ei̯, vúi̯, strýi̯, rúu̯ny и т. п.), встреча гласных возможна лишь на стыке морфем: poob'éʒ'e, zaórac', vyórac'. Говор, однако, иногда избегает этих сочетаний: zaγórac', zavóčn'e и т. д.

Переходя к трехэлементным последовательностям, заметим, что скоплений трех гласных в говоре, кажется, нет, что же касается групп CCC, то вот имеющийся у нас материал:

CCC в начале слова (и в интервокальной позиции):

str	— strác'ic', óstry (vóstry)	spš	— spšédac', pospšóntac'
spr	— sprav'edl'ívy, posprobóvac'	ctv	— paskúctvo
		ščš	— ščšél'ic'
skr	— skróbac', poskróbac'	zdr	— zdróv'a
sxr	— sxrón;	zbr	— zbrója, uzbrojén'e
skl	— skládac', poskládac'	zgr	— zgrábny
skl'	— skl'ép, p'iskl'énta	zgl	— zglóxnon'c'
spl	— splýnon'c'	zgl'	— zgl'éʒ'ec'

spl' — spl'és'c', pospl'óntac'	zgn' — zgn'íc'
sxn — sxnón'c', výsxnon'c'	
sxn' — sxn'é, výsxn'e	skv — skvárka, zaskváryc'
sxv — sxvýc'ic'	pšč — pščóly
stv — srvožén'e	pxn — pxnón'c'
stv' — pastv'ísko	tkn — tknón'c'
	tkn' — tkn'énty, dotkn'én'e.

CCC в середине слова (интервокальная позиция):

rzn — márznon'c'	m's'c' — odém's'c'ic'
ršč — máršč yc'	tkr — potkréncac'
ndr — vendróvac'	tkl — potkládac'
n'dl' — ven'dl'íny	l'sk — pól'ska
ngl' — c'óŋgl'e	l'sk' — pól'sk'i
nsk — ošm'anska	dgr — odgróʒ'ic'
nsk' — ošm'ánsk'i	dgž — odgžévac'
rsk — mórska	pkl — opkládac
rsk' — mórsk'i	stk — kóstka
mkn — zámknon'c	stk' — kóstk'i.
mst — zémsta	

CCC на конце слова:

rs'c' — gárs'c'
nsk — m'ínsk, s'l'ónsk
nšč — gónšč.

Четырехфонемные сочетания редки, в наблюдаемых нами текстах встретились лишь примеры типа pánstvo, mal'énstvo.

3) Подсистемы начальных и конечных фонем

Начало слова является позицией различения всех 40 фонем польского инвентаря: ráʒ'ic', ládny, l'ás, nárty, n'ánčyc', mála, m'ála, ják, táta, dác', cály, ʒvón'ic', sáʒa, za, pán, p'ásek, bájka, b'ály, fál'a, f'iráŋka, várjat, v'ánek, šáry, s'áno, žál', z'árno, čárny, c'álo, ǯévo, ʒ'écko, kapústa, k'eróvac' (k'aróvac'), gárn'ec', g'ínon'c', xáta, éxo, óko, ínšy (jínšy), úxo (vúxo), adras.

Заметим, что ударные о, u, i нередко предваряются протетическим согласным.

Конечный инвентарь наполовину меньше: r, l, l', n, n', m, t, c, s, p, f, š, s', č, c', k, x, e, o, i, u, a (22 фонемы): dvúr, čýtal, dýšal', ógun, kón', dóm, svát, nóc, óbrus, xl'ép, tórf, kóš, v'és', póbač, p'ísac', k'erúnek, m'éx, nágl'e, dlúgo, xlópcy, odrázu, glóva. Ограничения касаются звонких согласных и палатальных периферийных.

Девенишки (лит. Dievẽniškės, бел. Дзявéнiшкi, польск. Dziewieniszki) относятся к Эйшишкскому р-ну Литовской ССР, располагаясь на крайнем юге литовского полуострова, довольно глубоко вдающегося в белорусскую этническую территорию. Отсюда — сложная языковая ситуация этого пункта: здесь говорят по-литовски, по-белорусски, по-польски, причем подавляющую часть населения составляют носители различных видов двуязычия, а нередко и трехъязычия, тогда как одноязычных совсем мало (ими остаются лишь некоторые представители молодого поколения).

Еще в середине прошлого века Девенишки не были полуостровом, их окружала область распространения литовского языка, которая была тогда значительно шире, чем сейчас: в нее включались Граужишки, Вельбуты, Клевица, Норвилишки, Сурвилишки, Геранены, Липнишки, Трабы, Бакшты, Токаришки, почти вся Ивьевская парафия (вплоть до Лаздун) [1]. Однако и в те времена эта территория, несомненно, была зоной соседства и интенсивных этнических контактов литовцев и белорусов [2]. О глубине, непрерывности и разнообразии этих контактов позволяют судить те многочисленные литовско-белорусские соответствия, которые прослеживаются на различных уровнях языка и в традиционной культуре этого края [3].

Лингвистическое изучение Девенишек началось в 1886 г. экспедицией Э. Вольтера, который вторично побывал здесь в 1893 г., после чего опубликовал собранные материалы [4].

[1] M. Baliński, T. Lipiński. Starożytna Polska, t. 3. Warszawa, 1846, стр. 251. См. также: J. Lipskienė, A. Vidugiris. Dieveniškių tarmė. «Lietuvių kalbos gramatinė sandara» (LKK, IX), 1967, стр. 183—186; в статье приводятся сведения из старых источников по исторической этнографии Виленщины, касающиеся Девенишек.

[2] Это подтверждается, в частности, всегда существовавшими трудностями, расхождениями и изменениями в разграничении литовского и славянского этнического элемента в рассматриваемой области. Ср., напр.: F. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876 (карта, приложенная к грамматике); Е. Ф. Карский. Белорусы. (Введение к изучению языка и народной словесности). Вильна, 1904, стр. 4—8; «Obszar języka litewskiego». . ., стр. 60—61.

[3] Вполне конкретные и разнообразные наблюдения в этом плане были сделаны литовской комплексной экспедицией по изучению Девенишек, объединившей усилия этнографов, лингвистов, фольклористов, историков, краеведов. Эти наблюдения, в частности, касаются: общности мотивов и сюжетов литовских и белорусских песен окрестностей Девенишек (V. Barauskienė. Lietuvių ir baltarusių liaudies dainų ryšiai. — Сб. «Dieveniškės». Vilnius, 1968; мелодического склада песен и манеры исполнения (V. Juodpusis. Tautosakos muzikinės ypatybės. — Там же), особенностей языка (J. Lipskienė. Frazeologizmai. — Там же), мифологии (N. Vėlius. Senųjų tikėjimų liekanos. —Там же), одежды (A. Stravinskienė. Drabužiai. — Там же), народной медицины (E. Šimkūnaitė. Augaliniai resursai ir jų panaudojimas. — Там же).

[4] E. Wolter. Zur litauischen Dialektkunde. «Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft», t. 4, Heidelberg, 1895, стр. 173—186.

Говором Девенишек интересовался К. Буга. В 1906 г. он посетил Девенишки и впоследствии многократно использовал свои наблюдения.

Литовские тексты (с комментарием), записанные в Девенишках (1928—1929 гг.), издал П. Арумаа [5].

Материалы по девенишкскому говору рассматриваются у Э. Френкеля в статьях о диалектах Виленщины [6].

Наконец, в 1952 и 1964 гг. говор Девенишек исследовался по программе Литовского диалектологического атласа. По материалам экспедиций (главным образом по записям 1962 г.) написана статья Я. Липскене и А. Видугириса «Говор Девенишек», упомянутая нами выше.

Диалектологическое исследование Девенишек было продолжено литовской комплексной экспедицией 1965 г.[7]

Перечисленные работы, а также наши собственные полевые записи, сделанные в июне—июле 1967 г., послужили источником описания фонологии литовского говора Девенишек [8].

* * * * *

Современная этнографическая статистика[9] следующим образом определяет структуру интересующего нас коллектива: из 554 девенишкских семей (обследовалось 26 деревень) 48,8% (т. е. почти половину) составляют семьи чисто литовские, 31% (около трети) — польские [10], оставшуюся часть (20%) — смешанные (литовско-польские, литовско-белорусские, белорусско-польские) семьи [11].

---

5 P. Arumaa. Указ. соч., стр. 19—30, 61—67.

6 E. Fraenkel. Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen litauischen. «Balticoslavica», t. II. Wilno, 1936; Он же. «Apie Vilniaus krašto lietuviškų tarmių ypatybes. «Lietuvių tauta», t. 5. Vilnius, 1935.

7 См. в сб. «Dieveniškės» статьи: J. Lipskienė. Tarmės apžvalga; Она же. Frazeologizmai; A. Vidugiris. Pastabos apie tarmės leksika; J. Dovydaitis. Priebalsiai *d*, *t* bei *k*, *g* Dieveniškėse ir kitose vietose. Там же помещен обзор топонимики (I. Ermanytė, K. Eigminas. Žemės kalba (Vietovardžiai) и этимологические заметки (S. Karaliūnas. Kai kurių vietovardžių etimologijos).

8 К сожалению, записи К. Буги, хранящиеся в его рукописном архиве (K. Būga. Užrašai. «Vilniaus Valstybinio universiteto Mokslinės Bibliotekos rankraštynas», sign. D. 545, стр. 26), учтены нами лишь в той мере, в какой они фигурируют в статье Я. Липскене и А. Видугириса.

9 A. Višniauskaitė. Valstiečių šeima. — Сб. «Dieveniškės», стр. 181.

10 Судя по всему, созиание причислившихся себя к полякам формировалось не только под влиянием фактора родного языка, так как польский язык, как вспоминают сами информанты, в любой семье использовался (более или менее активно) только как «второй» язык, тогда как природным, наследуемым от отцов языком семьи был либо литовский, либо белорусский. (Об этом см. также: J. Lipskienė, A. Vidugiris. Указ. соч., стр. 183).

11 По старым данным (см. «Obszar języka litewskiego. . .», стр. 60), в местечке Девенишки значительную часть (834 человека из 2147) составляло еврейское население. Почти все девенишкские евреи, как свидетельствуют очевидцы, стали жертвами гитлеровской оккупации.

Картина языковых отношений, соответственно, представляется достаточно сложной.

Бóльшая часть населения Девенишек, как и следовало предполагать, минимум двуязычна. Оформление различных типов двуязычия показано в табл. 34.

Таблица 34

«Второй» язык / Родной язык	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский		+	+
Белорусский	+		+
Польский	—	—	

Как видно, польский язык ни для кого из жителей Девенишек не является родным. Пожилые люди часто вполне активно им владеют, среднее поколение хорошо понимает по-польски (некоторые способны и объясняться, но весьма несовершенно, переключаясь всякий раз на белорусский), реально же польская речь слышится очень редко: по-польски поддерживается разговор с исконными поляками, по традиции поются польские песни, иногда переговариваются между собой по-польски покидающие костел. Все это ситуации так или иначе обособленные.

В повседневном общении используются литовский и белорусский. Я. Липскене и А. Видугирис отмечают, что в деревнях, располагающихся в центральном районе полуострова (Valatkiškės, Kmelniñkai, Pãdvarės, Poškónys, Siaurìmai, Lastaũčikai, Didžiùlicai, Grỹbiškės, Rimãšiai, Stalgónys, Bečiónys, Kaziùliai, Šaltìniai, Skráičionys, Dievẽniškės, Versekà), преобладает литовский, дальше от центра бытуют в равной мере литовский и белорусский, в некоторых же окраинных деревнях хранителем литовского говора остается лишь старшее поколение.

Основными информантами автора были: Каролина Тарашкевичене (76 лет), Анеля Бутримене (60 лет) — из дер. Скрайчаны; Амилия Масян (68 лет), Агата Новицкая (66 лет) — из Девенишек; Катрина Сенжартайте (90 лет) (сестра покойной Михалины Сенжартайте, которую записывал П. Арумаа), Томас Гайдис (~ 65 лет), Анна Гайдене (~ 60 лет), Людвига Вайсет (60 лет), Ядвига Шилабрит (55 лет) — из дер. Жижмы.

Белорусский диалект

Вокализм (V^+)

Вокализм белорусского диалекта Девенишек не отличается от описанного выше лаздунского. В ударной позиции различается до семи гласных фонем:

i u

ê ô

e o

a

i — g’il’í, žylgúc’
ê — v’ḗk, rḗš, mn’ḗ, p’ḗč
e — n’és’c’i, métny, lžé
a — jáblyk, malája

ô — drốmny, (drốbny), zaprốx, m’ốt
o — vóbui̯, kaz’l’an’ó, karóva
u — túju, rudúška, u̯davá.

Система основана на четырех противопоставлениях (табл. 35).

Таблица 35

Признак	e	ê	o	ô	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

Как и в Лаздунах, различение ê, ô характеризует речь старших поколений, младшие же склонны упрощать эту систему до пятифонемной:

i u

e o

a

Статистические показатели мощности и симметричности различительных признаков в максимальной и минимальной моделях тождественны соответствующим лаздунским показателям.

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Система консонантизма девенишкского говора включает максимум 37 фонем: r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, x, γ, γ’.

Комментарий:

r — rázam, as'm'ar'ýk, čómbar
l — lápac', apalón'ik, djábal
l' — l'áža, l'ipá, zédal'
n — nášy, nérvy, pán
n' — n'asúc', n'és'c'i, kôn'
m — mác'i, ammylí'cca, dám
m' — um'ancó, m'íska, m'êryc'
j — jajé, jáblyk
t — tája, l'atóm, kôt
d — dáx, já'ady, nadydú
c — cár, parušén'ac, cyntúryja
ʒ — ʒýŋkac' frénʒal', ks'anʒá
s — sála, fasól'a, l'ês
z — zádam, bái̯zal'
p — pálka, púγa, apázduvac'
p' — p'áty, kum'p'ák
b — báŋka, bés'c'ic', kabýla
b' — b'aré, zab'íc'
f — fatýga, kúfal', l'isafét
f' — af'ára, tráf'ic

v — váda, vélna, kaválak
v' — v'aŋk'ê, c'v'arózy, v'él'k'i
š — šal'óny, kašúl'a, kôš
s' — s'ómuxa, týs'ača
ž — žaló, panažajê
z' — z'az'úl'a, z'ólk'i
č — čóxra, v'ačark'ê
c' — c'ac'órva, l'ac'óm
ǯ — bražǯác', bražǯél, dóžǯyk
ʒ' — ʒ'ou̯čáty, γl'aʒ'óm
k — kám'an', pakúta
k' — k'au̯rýxa, k'ašen'a, k'iršá (кличка коровы)
g — gának, gúz'ik, brazgunê
g' — g'aran'ónskaja (улица), jurg'ín'a
x — xalódny, paxatá, xl'êp, actýx
γ — γabôs, baγún, γýl'a
γ' — γ'íra, dóu̯γ'i.

Идентификация девенишкских белорусских согласных достигается с помощью тех же восьми различительных признаков, которые участвуют в построении лаздунского консонантизма (табл. 36).

Соответственно — те же, что и для Лаздун, статистические характеристики этих признаков (см. табл. 8).

Все сказанное дает основание отождествить девенишкский тип белорусской фонологической системы с лаздунским. Этот вывод подтверждается общей моделью фонологического пространства белорусского диалекта Девенишек, совпадающей с лаздунской моделью (см. рис. 5).

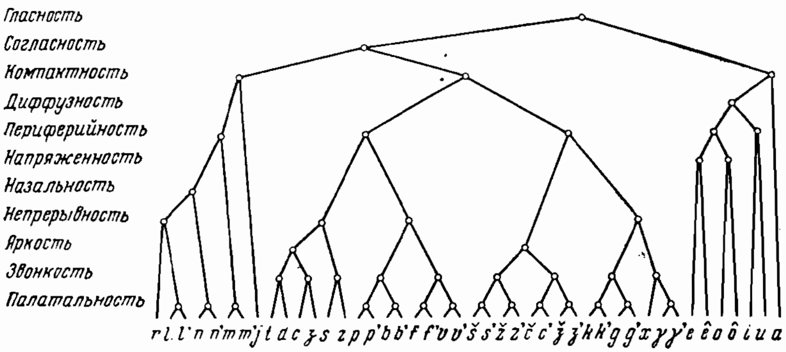

Рис. 5. Фонологическое «дерево» белорусского диалекта Девенишек

Таблица 36

Признак	r	l	l'	n	n'	m	m'	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p'	b	b'
Согласность	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Периферийность	—	—	—	—	—	+	+	0	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
Назальность	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	+	+	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—	+	—	—	+	+
Палатальность	0	—	+	—	+	—	+	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+

Признак	f	f'	v	v'	š	s'	ž	z'	č	c'	ǯ	ʒ'	k	k'	g	g'	x	γ	γ'
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	+	+
Палатальность	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	+	+	0	—	+

Сходство между девенишкским и лаздунским фонологическими типами не ограничивается парадигматическим планом, оно обнаруживается и в правилах распределения фонем.

Перечислим ведущие синтагматические характеристики девенишкского белорусского говора. Констатируя очевидное сходство с лаздунским говором, укажем и на те специфические свойства девенишкской синтагматики, которые в некоторых случаях все же удается наблюдать.

1) Распределение гласных в слове.

В безударной позиции различается максимум пять фонем:

i u

e o

a

(безусловно исключаются напряженные). Безударные гласные среднего подъема (D^-) *e*, *o* отмечены в следующих случаях:

o иногда (почти всегда в речи старшего поколения) звучит в конечном открытом слоге, а именно — в род. п. ед. ч. прилагательных: ašm'án'ska'o, xryščónaγo, staróγo; в наречии встретилось в повелительном предложении: c'íxo!

в последовательности o̯u: o̯usá nato̯učé, so̯us'óm, do̯un'éi̯, ʒ'o̯učáty, mo̯učý; в заударном слоге: pajéxo̯u, róvaro̯u. (Кстати, говор почти исключает a̯u, ср. под ударением: zó̯utra, pró̯uda, n'a‿znó̯u);

e возможно в заударном конечном закрытом слоге: kám'en', γós'en', zlóʒ'ei̯, ból'ei̯ (разумеется, в свободном чередовании с kám'an', γós'an', zlóʒ'ai̯, ból'ai̯);

e возможно также в сложных словах и в приставочных образованиях с p'era- (впрочем, в обоих случаях, по-видимому, возникает побочное ударение), но только в непервом предударном слоге: b'elarúsk'i, p'erav'arnúcca, p'erab'irác'.

Надо сказать, что для речи младшего поколения характерно упрощение безударного вокализма до треугольника:

i u

a

(гласные среднего подъема *e*, *o* совпадают в гласном *a*).

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

(1) $\urcorner$ (Cs^+, Vc^+) & (Cs^+, Vc^-); $\urcorner$ (Cs^+, Vc^-) & (Cs^+, Vc^+) (читается: запрещены последовательности шумных, характеризующихся противоположным значением признака звонкости).

Исключение: v, v', которым может предшествовать шумный, характеризующийся Vc^- (s'v'áta, c'v'arózy, tvói̯, šváčka, k'v'étka).

Записано также (правда, от двуязычных с литовским субстратом) maγl'árstva, γrap'é, γryb'átn'aja (кость), γrúšč (регрессивная ассимиляция по звонкости, не являющейся фонологической);

(2) $\neg$ ((Cs⁻, G⁺, S⁺) $\vee$ (Cs⁺, G⁺, S⁺)) & ((Cs⁻, S⁻) $\vee$ (Cs⁺, S⁻)) (читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

В говоре чрезвычайно отчетливо выражена тенденция к регрессивной палатализации периферийных:

(3) $\neg$ ((Cs⁻, G⁺, S⁻) $\vee$ (Cs⁺, G⁺, S⁻)) & ((Gs⁻, S⁺) $\vee$ (Cs⁺, S⁺)). Ср.: g'v'ástka, γ'l'ína, x'l'ẽp, p'l'ẽčy, b'l'iščýc', páx'n'a, jaγ'n'ó, p'n'ẽ, p'janý, b'júcca, sam'l'éu̯.

Нам казалось, что в Девенишках эта тенденция значительно последовательнее и активнее, чем в Лаздунах.

(4) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁺) & ((Cs⁺, S⁺) $\vee$ (Cs⁻, S⁺)) (читается: запрещено следование за непериферийным непрерывным некомпактным шумным палатального шумного или сонанта).

Правило действует последовательнее, чем в Лаздунах, в частности, от него не отступают суффиксальные сочетания: mac'úc'ki, kaval'óu̯s'k'i, krakún's'k'i, žyžmóu̯s'k'i, kus'k'í.

(5) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, St⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, Vc⁺, S⁺) (читается: запрещены последовательности tv', dv').

Так же, как в лаздунском говоре, выравнивание по палатальности распространяется на случаи типа: v'idélcy, rán'aŋka, póz'n'aŋka, malaʒ'éŋka, mal'éŋka, ránšai̯.

(6) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻) & (Cs⁺, Cp⁺, G⁻) (читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Ср.: pryv'óššys'a, raššástau̯, žžór, raščyn'ác', ščasác' и т. п.

(7) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Vc⁺) & (Cs⁺ $\vee$ Cs⁻) (читается: запрещено следование согласного, сонорного или шумного, за согласными v, v').

(8) $\neg$ (Cs⁺, Cp⁺, G⁺, Ct⁻, S⁻) & (V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁻) (читается: запрещено следование за *k* или *g* гласного *e*). Непалатальные члены оппозиций в других случаях представлены перед *e* за счет заимствований, чаще всего полонизмов: nérvy, métr, métryka, métny, péu̯ny, péŋkšy, bés'c'ic', béčka, pavédluk, fél'iks и т. д.

Переходя к сочетаниям гласных, отметим:

(9) $\exists$ ((V⁺, T⁻) $\vee$ (V⁺, T°)) & (V⁺, D⁺) (читается: допустимы сочетания гласных с *i*, *u* в β-позиции). Эти сочетания тавтосиллабичны, нетавтосиллабических же последовательностей гласных говор старается избежать чаще всего с помощью эпентетических согласных (naγučýč', navúka, pavuc'ín'n'a), в том числе и гортанной смычки: pry'učýu̯šy, vý'aladau̯šys'a, pa'ukác, pry'adavác'.

Как уже говорилось, сочетание au̯ в ударной и безударной позиции чаще всего претерпевает изменение, состоящее в регрессивном уподоблении предшествующего компонента последующему (по признаку подъема языка и губности): dou̯žéi̯šy, dou̯n'éi̯, bábou̯, axtárou̯, patp'erazóu̯šy, padn'óu̯šys'a и т. д.

Список встретившихся трехфонемных сочетаний:

ССС в начале слова и в интервокальной позиции:

str — strúu̯šy, kastrul'í, axm'istrýn'a
spr — spračácca, paspračácca
skr — skrôs', jískry
skl — sklát, paskladác'
skl' — skl'êp, paskl'iznúcca
spl' — spl'atác', paspl'atác'
sxn — sxnúc'
sxn' — sxn'é
čxn — čxnúc', pračxnúcca
zdr — zdróv'a, zai̯zdrós'c'ic'
zbr — zbrôt, uzbrajén'n'a
zɣr — zɣrábny, pazɣrabác'
zɣl' — zɣl'éʒ'ec'
skv — skvái̯ka, Maskvá
pxn — pxnúc', zapxnúc'
tkn — tknúc', u̯zatknúc'
tkn' — tkn'é, u̯zatkn'é

ССС в середине слова;

rtl — mórtly
rsn — pýrsnuc'
rs'n' — pýrs'n'i, s'v'irs'n'á
rzn — m'érznuc'
rz'n' — m'érz'n'a
rz'l' — z'm'erzl'i
rsk — apýrskacca
rsk' — pýrsk'i
ršč — arščók
rkn — búrknuc'
rkn' — búrkn'e
rkv — mórkva
rs'c' — p'ars'c'ónak
rpl — zarpláta (и: zarapláta)
l'sk — pôl'ska
l'šč — pôl'šča
l's'k' — pôl's'k'i
l'tk — dubél'tka
ntr — p'óntry
n'dl' — ɣan'dl'avác'
ntk — majóntku
ntk' — s'v'óntk'i
nʒl' — frénʒl'i
n'sk — ašm'án'ska
nšč — žénščyzna
nšk — s'ónška
nšk' — s'ónšk'i
n's'k' — krakún's'k'i
nkš — péŋkšy
ngr — véŋgryja
mkn — zamknúc'
mk'n' — zamk'n'óny
ms'c' — adams'c'íc'
mšč — adamščácca
tkl — patkladác'
tkv — patkvás'ic'
pkl — apkladác'
pkl' — apkl'éjic'
stk — g'v'ástka
sxv — b'asxvós'c'ik
ššč — rasščérycca
ks'c' — n'é'ks'c'i

ССС на конце слова:

l's'c' — p'íl's'c'   nsk — m'ínsk.

Четырехфонемные последовательности на стыке морфем: kol'eženstva, klámstva, apskrabác', apstrél'vac'.

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В начале слова девенишкский белорусский диалект различает 41 фонему: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b' f, f', v, v', š, s', ž, z' č, c', ʒ', k, k', g, g', x, ɣ, ɣ', e, o, i, u, a (rápčyk, lápac', l'ápac', nátta, n'as'é, mác'i, m'ása, jáɣady, táta, dác', cácka, ʒýŋkac', sát, záras, pál'ec; p'ačý, bába, b'aré, fatýga, f'iráŋka, váryc', v'ánuc', šástac', s'ádu, žýc', z'ác', čakác', c'ar-

p'éc', ʒ'ác'ka, káska, k'émny, gának, g'aran'ón'ska, xáta, γýl'a, γ'íra, éxa, óįčan'ka, imšá, upárty, as'm'arýk).

Характерно употребление протетических согласных: γéty, γél'ka, vóbuį, vós'an', jínšy, vúl'ica, γúm, γabôs, γádras, γárm'ija. Так же, как в Лаздунах, подвижен непротетический γ: óly, ón'ac', ós'c', órla, ús'i, ul'ác', uʒ'éc', ukác', umnó, umn'íska, aspadár, as'c'ín'ec, arót, alavá, alasavác', arl'áŋka; а также в одном случае v: íʒ'iš.

На конце слова могут находиться 23 фонемы: r, l, l' n, n', m, t, c, s, p, f, š, s, č, c', k, x, e, ê, o, i, u, a (dvôr, pýl, žál', aʒ'ín, kôn', dôm, kôt, γavaréc, l'ês, slúp, tórf, p'érš, γrás', kôrč, p'ác', nóžyk, arôx, b'aré, žv'irê, v'adró, b'arý, bác'ku, naγá),

Как и в лаздунском говоре, в этой позиции запрещены классы звонких, периферийных палатальных сонантов или шумных, а также v и ô.

Дистрибутивные ограничения, действующие в рассматриваемых позициях, — те же, что и в Лаздунах.

Особенности белорусского идиолекта двуязычных

Основные признаки литовского субстрата в белорусской речи двуязычных связаны с областью консонантизма:

f, f' отсутствуют и в соответствующей лексике заменяются на p, p': šápa, patagráp'ija, pasón, prónt, ap'icyjántka, l'isap'ét, karlap'ín'sk'i («карело-финский»). При этом не исключены гипернормализмы; grýfa, afrél'.

x последовательно заменено на k, k': kaz'aįstvó, saká, kústka: k'v'íγa (< x'v'íγa), kalódny, káta, kaʒ'íc; судьба γ, γ' сложнее, в одних случаях на месте этих звуков слышатся g, g' (как правило, в сочетании с согласными: gráųšy, pažgáųšy, grym'íc': но и: gadavác, galódny, vygan'ác', drug'í), в других же случаях (и, пожалуй, чаще) субститутом γ, γ' является нуль звука (paavarýc', pryadavác', maú, armón'ik). Возникающее зияние в медленной речи устраняет гортанная смычка (pa'óda, vú'al, pa'íp, sama'oŋka, и в начале слова: 'avarýc', 'adavác', 'alúpka, 'umnó).

Таким образом, здесь наблюдаются те же ограничения сферы признака непрерывности, что и в белорусских идиолектах двуязычных лаздунцев. И в этом случае мы имеем дело с 39-фонемным типом фонологической системы, тождественным лаздунскому.

Отметим спорадически встречающееся произношение t'al'agráma, prac's'ad'át'al' с t', d' (обычно в таких случаях звучат все же аффрикаты).

Литовский диалект

По наблюдениям Я. Липскене и А. Видугириса, через Девенишки проходит граница между восточными и западными дзуками, поскольку тавтосиллабические сочетания *am, *an, *em, *en

здесь произносят двояко: наряду с brunktœ̃lis, kum̃pas, lúngas, runkà, pink'ólika слышатся и: branktœ̃lis, lángas, rankà, pœ́mpė[12]. Этим определено место рассматриваемого говора в традиционном континууме литовских диалектов.

Обратимся теперь к интересующим нас аспектам современной фонологической системы девенишкского говора.

Вокализм (V^+)

Система гласных девенишкского говора идентична лаздунской — тот же семичленный треугольник:

i			u
	ie	uo	
	e	o	
	a		

i — i̯imtśi, i̯ir· (A): bìkinis (LV)[13]
ie — žiemɔ·s, pô·piet'äl'u (A); riešucĩs (LV); mi^e^kc (B)
e — tė̇vä·li, sakė̇ (A)
a — va·saros, dukŕä·la (A); ažĩs (LV); žirgialis (W); täkis (B)
o — pɔ·nas, lɔu·ko (A); žmõgo (LV)
uo — ɔbuɔl'u·, kuɔd'äl'u (A): kl^o^un^e^iná (B)
u — duktė̇, bu.u̯o (A); kúl'c' (LV)

Дефонологизация противопоставления æ — a намечена в записях Э. Вольтера (atkialk, v'aidu, žirgialis), К. Буги (Banälis, täkis), П. Арумаа (parńäšta·u, dźieńä·lê). Современные исследователи также наблюдают «расширение» æ во всех позициях (aĩna, ažeru·, gi·vǽnc', kœ̃l'as, mœ̃dz'as, ciltœ̃lis)[14].

Тип вокализма, взятый нами за основу, базируется на четырех противопоставлениях (табл. 37).

Коэффициенты мощности и симметричности признаков — те же, что и для лаздунской вокалической системы.

Сходство девенишкского вокализма с лаздунским усугубляется тенденцией к монофтонгизации дифтонгов ie, uo, но реали-

---

[12] Такую же ситуацию зафиксировал здесь в начале XX в. К. Буга: duñkstsjo, inkúndo, lúngu·, púntsis, úntsis, pinkì — grambuolýs, ántsis, rankà, vándenjo. Что касается А. Салиса, относящего границу между западно- и восточнодзукскими говорами к западу от Девенишек (см.: A. Salys. Указ. соч., стр. 123), то он, по-видимому, исходил из материалов Э. Вольтера (как справедливо полагают Я. Липскене и А. Видугирис), наблюдавшего лишь восточную часть говора (Норвилишки). Ср. также: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, карты № 67, 68, где Девенишки охвачены изоглоссой сужения гласных в рассматриваемых сочетаниях.

[13] (LV), (B), (W) — пометы, отсылающие соответственно к транскрипциям Я. Липскене и А. Видугириса, К. Буги, Э. Вольтера.

[14] См. J. Lipskienė, A. Vidugiris. Указ. соч., стр. 188.

зуется она чрезвычайно непоследовательно, как пишут исследователи:

Таблица 37

Признак	e	ie	o	uo	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0

kluᵒniᵉnà, ju·stà, riᵉšœ̃lis, šviᵉsù, važúc' наряду с klúonas, píenas, važiuója (LV). Ср. также: justiali josiou, vušvialio (W); miᵉkc, sniᵉkc, kluᵒniᵉná, vůlakcìs, miᵉgúᵒstas наряду с miegakulĩs, Trakúosan, važ'úoc (B). В результате намечается простейший 5-фонемный тип вокалической системы, сосуществующий с 7-фонемным (подобно тому, как это происходит и в лаздунском говоре)[15]:

i u

e o

a

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Судя по тем материалам, которыми мы располагаем, девенишкский литовский говор различает 33 согласных фонемы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p' b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ, k, k', g, g'.

Комментарий:

r — rag'ù, skrañda, (s)krãgždė (LV)
l — láidz'a, galɛ́i, kalbɛk (LV)
l' — l'al'ĭja, kul'ᵘósna, gul'
n — náujas, ki·nái (LV)
n' — n'aʒ'él'a, ván'd'an'o
m — mójus, degumà (LV)
m' — m'argá, mœ̃dz'as (LV)
j — jáu̯nas, girgė̃jo (LV)
t — tadú, l'etús
t' — stat'åũ (LV); rat'úkai̯
d — dár, àdavė (LV)

b — bobùlə, pikcíba (LV)
b' — bœ̃ržalapis (LV); b'arn'ékas
v — vaikùcis (LV); vákar
v' — suv'árpc', v'ás'c'
š — paršál'is, šalísnan (LV)
s' — śä·nas (A); sen'áus'as (LV); s'asúle
ž — bœ̃ržalapis, važãvo (LV)
z' — kaz'úl'ai̯
č — čau̯ʒ'ikle, častavóc'
c' — skóc'arc'is, rukp'júc'ai̯
ǯ — medžóc' (LV)

[15] В довершение картины типологической близости описываемых диалектов заметим, что и в Девенишках наблюдается дифтонгизация (в той или иной степени) e : ģⁱė'rė, sekmⁱẽ, turⁱẽ'jåu (LV).

Таблица 38

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	t′	d	d′	c	s	z	p	p′
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	−	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	−	+	+	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	−	+	−	−
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	−	+	−	+	0	0	0	−	+

Признак	b	b′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	g′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0
Звонкость	+	+	0	0	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+
Палатальность	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+

d'	— vánʼdʼanʼo, (LV)	ʒ'	— izʼʒʼovʼínʼi, mœ̃dzʼas (LV)
c	— caįvá, cibulʼà (LV)	k	— karvėlė (W); kaimi·naĩ (LV); kы.š (A)
s	— sasói̧, tur̃guosà (LV)	k'	— kʼåuláitė, tokʼósnan (LV)
z	— zavʼarbavócʼis	g	— galúnda, gaįʒʼís
p	— pavargẽ, pàc (LV)	g'	— žirgialis (W); mergʼõki (LV).
p'	— pʼáčus, pʼárnakvoc'		

Система описывается с помощью восьми различительных признаков (табл. 38)

Отличия девенишкского консонантизма от лаздунского далеко не принципиальны: ʒ, γ, занимающие маргинальное положение в фонологической системе лаздунского говора, в девенишкских материалах не засвидетельствованы. Однако эти звуки вполне мыслимы в заимствованиях (из белорусского или польского), которые не образуют замкнутой системы, но, напротив, — часто допускают эфемерные, подчас не выходящие за пределы определенной речевой ситуации образования.

Правда, Я. Липскене и А. Видугирис замечают, что γ в заимствованиях обычно либо заменяется на v (avur̃kas, paprũva, plũvas, bavotas и т. п.), либо «пропускается» (ciõnas, samaonká). Но все же в подобных ситуациях изредка можно услышать γ (ср. lańcuγu. (A), так же, как и x (ryxštʼáles, blʼaxonʼélʼis наряду с rykštʼáles, blʼakonʼélʼis), хотя надо заметить, что девенишкский говор регулярнее (в сравнении с лаздунским) избегает этих звуков, нежели допускает их.

Что касается диспалатализации r', š', ž', уже намеченной в записях П. Арумаа (ср. turu., gi.roi, ažarai и т. д.), то картину полного совпадения с лаздунским говором, по нашим наблюдениям, нарушают лишь изредка проскальзывающие примеры r' (skarʼále, gʼerʼáu̯sʼa).

š,' ž' (фиксируемые в некоторых случаях Я. Липскене и А. Видугирисом) нам слышать не приходилось, по-видимому, это второстепенные произносительные варианты.

Так же, как и при описании лаздунского консонантизма, s', z', c', ʒ' причислены к компактным согласным («краепалатальная» артикуляция, «шепелявое» звучание).

Коэффициенты мощности и симметричности различительных признаков девенишкского консонантизма см. в табл. 39.

Таблица 39

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,65	Яркость	0,39	0,62
Периферийность	0,97	0,60	Звонкость	0,67	1
Назальность	0,15	0,67	Палатальность	0,85	1
Непрерывность	0,48	0,60			

Общая модель фонологической системы литовского говора Девенишек — 40 фонем, идентифицируемых с помощью 11 признаков, — приводится в виде фонологического дерева (рис. 6).

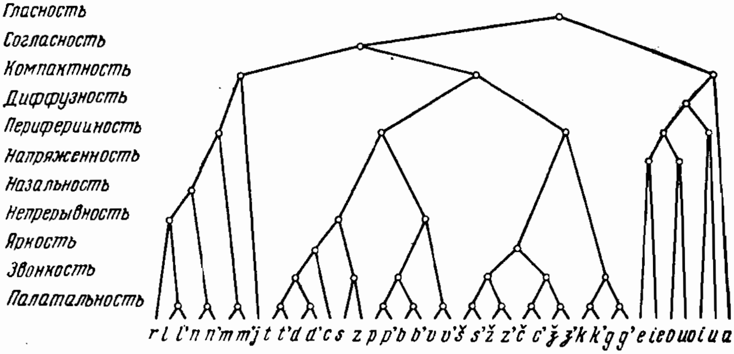

Рис. 6. Фонологическое «дерево» литовского диалекта Девенишек

Статистические характеристики признаков, объединяющих вокалическую и консонантную системы, см. в табл. 40.

Таблица 40

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,21
Согласность	0,82	3,12

Дистрибуция фонем

Наблюдения над нормами распределения фонем приводят к выводу о типологической близости девенишкского и лаздунского литовских говоров и в этом отношении.

1) Распределение гласных в слове.

Девенишкский говор различает один и тот же инвентарь гласных фонем в различных просодических условиях — в ударных и безударных слогах. Надежных примеров отступления от этого правила не засвидетельствовано.

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

(1) $\urcorner$ (Cs$^+$, Vc$^+$) & (Cs$^+$, Vc$^-$); $\urcorner$ (Cs$^+$, Vc$^-$) & (Cs$^+$, Vc$^+$) (читается: запрещены последовательности шумных, характеризующиеся противоположным значением признака звонкости).

Заметим, что перед v, v', обладающими нефонологической звонкостью, согласные сохраняют различия по звонкости: cviekùcis, paišvažãvo, atvažúosi, tvartaĩ (LV) и т. п.

Характерно оформление консонантных групп, однородных по палатальности:

(2) $\neg((Cs^+, S^+) \vee (Cs^-, S^+)) \& ((Cs^+, S^-) \vee (Cs^-, S^-))$ (читается: запрещено следование непалатального шумного или сонанта за палатальным шумным или сонантом). Отступают от правила лишь заимствования (типа: vie.dźmai, lańtsuγu, l'ul'ku (A)). Обычно же: bruŋ́ǵɔu˙, praśkińdźin˙ei̯o, zrod'ni˙kės, pagul's'u., iśśigun˙do (A).

(3) $\neg((Cs^+, S^-) \vee (Cs^-, S^-)) \& ((Cs^+, S^+) \vee Cs^-, S^+))$ (читается: запрещено следование палатального шумного или сонанта за непалатальным шумным или сонантом). Особым случаем являются губные и заднеязычные, которые лишь вполне факультативно допускают некоторую степень регрессивного смягчения (skryp'k'ále, duk't'é и т. п.).

(4) $\neg(Cs^+, Cp^+, G^-, St^-, Vc^-, S^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^+, Vc^-)$ (читается: запрещено следование šs). Ср.: ssupê (A).

(5) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+) \& (Cs^+ \vee Cs^-)$ (читается: запрещены последовательности, состоящие из v, v' и шумного или сонорного).

(6) $\neg(Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^-, St^-, S^+) \& ((V^+, D^+, G^-) \vee (V^+, D^-, G^-, T^+))$ (читается: запрещены сочетания, состоящие из согласных t' или d', за которыми следуют гласные i или ie). Ср.: bu.dźino, tśi.ltu, m˙ɔtśina (A) и т. п. В соответствии с произносительной нормой дзуканья, ассибиляции не препятствует промежуточное v', т. е.: $\neg(Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^-, St^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+, S^+) \& ((V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^+) \vee (V^+, Cp^-, D^+, G^-))$. Ср.: dźv˙il'ika (A), cviekùcis (LV).

В девенишкском говоре известна субституция t', d' > k', g' (в одних идиолектах спорадически, в других — более или менее регулярно): bungœ̃lɛ, àpdeda, dzìgelis, gẽgė, bìkinis, dùkeris, kⁱévas, pastakík (LV) и т. д. (И обратно: d'ä˙gužî, d'ɛgu.lês (A), derklãlə (LV)). Это явление в соединении с «дзуканьем» существенным образом ограничивает поле различения t', d'.

Следует заметить, что в девенишкском говоре, как и в лаздунском, α-поле фонемы i является позицией различения ряда согласных по признаку палатальности, что обеспечивается примерами диспалатализации l' и списком лексических заимствований. Ср.: liñgvas, lintũ, lintœ̃l'u˙ (LV); butыl.kos, budыŋ˙ku, ni.gdы, smыtšk'el'i (A).

(7) $\neg(Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-, S^-) \& (V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^-)$ (читается: запрещены последовательности ke и ge). Непалатальные корреляты других согласных перед *e* встречаются в заимствованиях (типа: péu̯nas, métras) и в словах с диспалатализованным l' (galɛi, gulɛjåu, stråublɛ (LV)).

Переходя к сочетаниям гласных (VV), приведем наиболее общее правило:

(8) $\exists((V^+, T^-) \vee (V^+, T^\circ)) \& (V^+, D^+)$ (читается: допустимы сочетания всех гласных, за исключением напряженных, с диффуз-

ными i, u, занимающими β-позицию). Отметим особое по отношению к данному правилу положение тавтосиллабических сочетаний au (безударных или циркумфлексных), для которых характерна лабиализация первого компонента: bêgańɔu˙ (A), darå̃ũ, då̃ũgel, låukuosà (LV).

На стыке морфем засвидетельствованы следующие сочетания гласных:

a + a :	paatvažãvi (LV)
a + i :	painsigróvė (LV)
a + o :	samaonkà (LV)
ie + a :	píearšč'os (LV)
ie + o :	ciõnas (LV)

Обычно же говор избегает зияния, используя протетические согласные: j — pai̯ėmė, n'ä˙i̯ima (A), γ — samaγoŋká, papaγárc', гортанную смычку — pa'upėlin, sk'a˙ukl'ińśu, ńe'išei˙t, da'a˙i̯o, n'ê'ažêi˙t (A).

Приводим перечень встретившихся трехфонемных сочетаний согласных.

ССС в начале слова (и в интервокальной позиции):

str — struńäla.s (a); apìnastris (LV)
spr — sprág'alas; nesprå̃ũsk (LV)
skr — skrañda (LV); raśśikrêi.dė (A)

ССС в середине слова:

rpr	— parpróu̯s'c'	rkc'	— v'árkc'i
rgr	— pargr'ŭvo (LV)	rgʒ'	— susirgdzinĕju
rkl	— arklãvirvė	lkt	— žvílkteri (LV)
rbl'	— žvirbl'ís	l's't'	— kílsterk (LV)
rkl'	— karkl'ini. (A)	nkt	— puspiñkto (LV)
rs'n'	— s'v'irs'n'á	nkt'	— brunktœ̄l'is (LV)
ntr	— añtrakart (LV)	nks'	— padeñksim (LV)
ndr	— mendri˙naĩ (LV)	nkc'	— rýnkc'i
ngl'	— uñgl'us (LV)	ngd	— razriñgdom (LV)
nkm	— pasikiñkma (LV)	mst	— gœ́mstancei (LV)
rzd	— barzdótas (LV)	ptr	— aptru˙tśitś (A)
ršč	— pir̃ščinės (LV)	bgr	— abgra˙užê (A)
ršk'	— šmaršk'ái̯	ckr	— atskrə.do (A)
ržǯ	— pamirždžinėc (LV)	štr	— aštrà (LV)
rz'ʒ'	— išmirzdzinĕi	žgr	— niežgrãžintas (LV)
rčm	— karčmõn (LV)	kšl	— išvakšlu˙ɔtś (A)
rps'	— v'árps'u	kšn	— šermukšnē̃lɛs (LV)
rpc'	— v'árpc'i	s'p'j	— nus'p'jóv'a
rkt	— pirktái̯	kp'j	— rukp'júc'ai̯
rks'	— nus'ip'írks'i	pšt'	— grípšterė (LV)

ks'c'	— blaks'c'inīs (LV)	kšč'	— va·ikštś'oi̯o (A)
kšt	— ɔukštai (A)	kšc'	— ɔukštśi.nis (A)
kšt'	— pɔukšt'ä·lês (A)	gžd'	— žvaigžd'œ̄l'u· (LV)

CCC на конце слова:

rps	— suv'árps	lkt	— smilkt (LV)
rpc'	— suv'árpc'	mšč	— límšč (LV)
rs'c'	— pamírs'c'	ks'c'	— plíksc' (LV)
rks	— v'árks	kšč	— pl'áukšč (LV).
rkc'	— vêŕ.ktś (A)		

Засвидетельствованы следующие четырехфонемные последовательности согласных:

rskr	— parskrə.do (A)	rgžd'	— žvirgždės (LV)
nskr	— inskrìdo (LV)	nks't'	— peč'adiñkstė (LV)
nks'n'	— plunksnœ̄l'u· (LV)	nks'c'	— duŋkštśin· (A)
rkšt	— šur·kštas (A)	nkšč	— minkščìmas (LV).
rkšt'	— bárkšteri (LV)		

Больших скоплений согласных, кажется, нет.

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В абсолютном начале слова различаются следующие фонемы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ʒ', k, k', g, g', e, o, i, u, a (raktœ̃lei, láidz'a, l^{ie}tùlis, nakcìgoni·kas, niẽko, mažùkas, mœ̃dz'as, jėrukai, tamsumà, tegù, dairícis, dœ̃gu·s (LV); cai̯vá; salìk (LV); zrod'ni·kės (A); påukštœ̃la, pœ̃č'us, bárce, bœ̃ržalapis, vaikœ̃lei, vœ́ima, šalísnan, s'úpter'a, žãme (LV); častavóc'; c'ùpc', dz'åũgėse, kac'ùkai, k'åul'ùkai, galóp, g'er'åus'a, ḗdas. óšku·, izdz'ùvo, uñgl'us, arkl'ùkas (LV)).

На конце слова выступает вдвое меньшее число фонем (17 : 36): r, l', n, m, t, c, s, p, š, c' k, e, ie, o, i, u, a (dár, gál', nakciñ, manim̃, dairíkit, pac, dåugès, manìp, kim̃s, aĩc', cik, mœ̃tė, namiẽ, arkl'o, akimì, súnu, namœ̄l'uosna).

В начале слова не засвидетельствованы лишь z', ǯ, а также дифтонги ie, uo, которым обычно предшествуют протезы, соответственно j и v \/ u̯: jieškóc'; vúogas, vúodœgu· (LV); u̯uɔd'ä·l'is, u̯uɔg'ä·la (A). Что касается остальных гласных, то они также нередко предваряются протетическими элементами: vũtari·k (LV); vošká; i̯imk, i̯ir, i̯e·mê (A). γ в роли протезы выступает крайне редко (в отличие от лаздунского диалекта). Заметим, что в сравнении с лаздунским говором степень факультативности протетического элемента в Девенишках, несомненно, выше.

На конце слова запрещены класс звонких, к которому примыкает нефонологический звонкий v, и класс периферийных палатальных (сонантов или шумных).

Не отмечены также l, n', t', а из гласных — дифтонг uo, которому сопутствует в этой позиции последующий i̯: akmuõi̯, sesuõi̯, tesmuõi̯ (LV)[16].

[16] См.: J. Lipskienė, A. Vidugiris. Указ. соч., стр. 191.

Дистрибутивные возможности начала и конца слова в девенишкском диалекте не отличаются от тех, которые организуют соответствующие позиции в лаздунском диалекте.

Польский диалект

Об участии польского диалекта в языковой ситуации Девенишек уже говорилось выше. Остается добавить, что характер текстов, которые нам удалось записать, в свою очередь свидетельствует об угасании polszczyzny в этом районе. Так, если даже обратиться к песням, которые отчетливее других текстов ориентируются на некоторую норму, то придется признать, что и в этом случае крайне трудно, а иногда, строго говоря, и невозможно провести различие между польским и белорусским.

По ходу песни происходит постепенное «сползание» к белорусским фонетическим нормам:

zajaz'ʒ'íu̯ kon'íka	póv'eʒ' ʒ'au̯čýna
zajaz'ʒ'íu̯ obója	práu̯du mn'é
póv'eʒ' ʒ'efčýna	čy‿tý bé'n'ʒ'aš mója
čy bén'ʒ'éš tý mója	ál'bo n'é

tó n'i‿mója v'ól'a
ai̯cá i‿matúl'i
kazála matúl'a ni‿xaʒ'íc'
a‿mn'é c'ab'é v'ě́rn'a n'i‿l'ub'íc'...

При исполнении песни информанты время от времени гальванизируют отдельные характерные приметы польской речи, вполне довольствуясь этим изменчивым критерием для установления диалектной принадлежности текста (так, песня, которую мы здесь приводим, была определена как «čýsta pól'skaja, nátta staradåu̯n'éi̯šaja»).

То же и часто в гораздо более высокой степени наблюдается в других текстах.

Вокализм (V^+)

Система гласных польского диалекта Девенишек — та же, что и в лаздунском польском диалекте:

i u
e o
a

Комментарий:

i — l'ís'c'i, ʒ'v'íčk'i, týl'ko   o — otvóžyc', glóva
e — c'éb'e, ščéže, sérca   u — žúc'ic', dúnai̯.
a — xvála, mátka

Что касается носовых гласных, то девенишкский польский использует те же пути дефонологизации ę, ǫ, что и лаздунский говор, причем сходство между двумя системами простирается на весь диапазон идиолектного варьирования.

Матрица идентификации и индексы парадигматической статистики — те же, что и в Лаздунах.

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Система согласных девенишкского польского говора различает 35 фонем: r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’ v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, x.

Комментарий:

r — rázem, rúža

l — láska, xlopçýna

l’ — l’ás, pól’ka

n — nástrui̯, nérf, ógon

n’ — n’áŋka, kón’ec, kőn’

m — mátka, mója, zémby

m’ — m’álam, m’áta

j — jas’éŋka, spov’íja

t — tútai̯, téras, kónt

d — dal’éko, zgóda

c — cály, nóc

ʒ — nénʒa, sonʒóno

s — sádlo, sáŋk’i

z — záxut, zájonc

p — páčšyc’, pán

p’ — p’ásek, p’óntak

b — báv’ic’, báʒ’ac’‿s’e

b’ — b’áda, b’ály, z’réb’a

f — fál’a, fái̯ny, fýrkac’

f’ — f’iráŋka, paráf’ija

v — vážyc’, króva

v’ — v’átar, člov’ek

š — šáry, šal’óny

s’ — s’adac’, s’édem

ž — žál’, rožžál’ic’‿s’en’ bóža

z’ — jez’óro, z’el’ óny

č — čás, čápka, čýsty

c’ — c’ásto, c’álo, s’m’érc’

ǯ — ǯévo, déžǯyk

ʒ’ — ʒ’ádek, ʒ’éfče, xóʒ’ic

k — káčka, kýš, vútke (вин. п. ед. ч.)

k’ — k’elbásy, k’íl’ka, k’v’átk’i

g — gárdlo, génsty, gémby

g’ — dróg’e, drug’égo, dlúg’i

x — xáta, slúxac’, súx’i.

Возможно γ в γarbáta (но говорят и xarbáta).

Девенишкская консонантная система полностью тождественна лаздунской, поэтому матричное представление и статистические характеристики признаков здесь вторично не приводятся.

Естественно, что совпадают и общие модели фонологического пространства и, соответственно, статистические индексы признаков гласности и согласности.

Дистрибуция фонем

Наблюдения над различными разделами синтагматики показывают, что и в плане комбинаторных свойств фонологическая система польского диалекта Девенишек не отличается от лаздунской.

Надо сказать, что типологическое (и материальное) тождество этих систем вполне обусловлено и предопределено общностью условий возникновения и развития polszczyzny в том и другом случае.

ГЕРВЯТЫ

Гервяты (лит. Gervėčiai, польск. Gierwiaty) — наиболее удаленный к юго-востоку от Литвы остров литовского языка в славянском окружении, уцелевший от когда-то сплошного здесь литовско-белорусско-польского контактного пояса. По нынешнему административному делению Гервяты относятся к Островецкому р-ну Гродненской обл. БССР.

Языковая ситуация этого пункта чрезвычайно интересна. При сравнении с другими литовскими островами (Лаздуны, Зетела) здесь наблюдаем относительно многочисленный контингент говорящих на трех языках, причем представленный не только лицами старшего возраста, но и людьми среднего, а нередко и младшего поколения. В этом случае мы встречаемся, несомненно, с более ранней стадией литовско-славянского симбиоза, чем в названных выше местах, хотя постепенное угасание литовского языка сейчас, а тем более в будущем, и здесь совершенно очевидно.

Литовский говор Гервят первым наблюдал Э. Вольтер, включивший в свою «Литовскую хрестоматию» 11 местных песен [1]. Позднее тщательно выполненные транскрипции гервятских текстов были опубликованы в собрании П. Арумаа [2]. При описании литовского диалекта эти материалы были использованы нами наряду с собственными наблюдениями. Что же касается белорусского и польского говоров, то они до сих пор не исследовались, так что их описание основано лишь на тех материалах, которые были собраны нами во время двух поездок в Гервяты в декабре 1962 г. и сентябре 1964 г.

* * * * *

В настоящее время описываемый остров образует группа деревень, где в большей или меньшей степени сохраняется литовский язык: Гервяты (лит. g'erv'éc'ai̯), Мицюны (лит. m'ic'únai̯), Мацки (лит. móckos), Гальчуны (лит. gal'čúnai̯), Гелюны (лит. g'el'únai̯), Римдюны (лит. rymʒ'únai̯), Пелегринда (лит. p'el'egryndã), Гири (лит. g'íros), Книстушки (лит. kn'istúšk'es), Мильцеи (лит. m'il'c'ẽjai), Гайголи (лит. gai̯gól'ai̯), Гуденики (лит. guʒ'en'íkai̯), Петрики (лит. p'ẽtrykai̯), Кирплашина (лит. k'irplašyna) [3].

---

[1] Э. Вольтер. Литовская хрестоматия, вып. 2. СПб., 1904, стр. 396—402.

[2] P. Arumaa. Указ. соч., стр. 7—18.

[3] Ср. перечень литовских деревень, относящихся к гминам Гервяты, Гальчуны и Римдюны, в «Obszar języka litewskiego. . .» (стр. 23): Гервяты, Чернишки, Ольшаны, Гудзеники, Заречье, Безданы, Гибирда, Новоселье, Конецполе, Зачернишки, Зелена, Рудзины, Гальчуны, Гелюны, Полишки, Полевка, Лодзи, Биздулишки, Римдюны, Пелегринда, Гири, Мальцы, Петрики, Кирплашина, Книстушки, Римдюны II, Безданы, Кацин, Савичуны, Сафиюшка.

Типы двуязычия, наблюдаемые в Гервятах, представлены в табл. 41.

Таблица 41

«Второй» язык / Родной язык	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский		+	+
Белорусский	+		+
Польский	—	—	

Группа литовско-белорусского двуязычия объединяет людей разных возрастов: к ней относятся почти все представители старших поколений, включая лиц 40—50 лет, кроме того, к ней могут быть причислены многие более молодые жители Гервят, выросшие в литовских (несмешанных) семьях. Что касается младшего поколения, подрастающего в литовских семьях, то оно с младенчества оказывается в условиях активного двуязычия, так что последовательность усвоения языков установить вряд ли можно: скорее всего оно происходит одновременно.

Польским языком владеют, как правило, старики и реже — люди 50—40 лет. Дальше, с убыванием возрастной категории говорящих, уменьшается вероятность и степень владения польским языком: среднее и молодое поколение понимает по-польски, но лишь в редких случаях способно хотя бы с трудом объясниться, самое младшее поколение польской речи чаще всего уже не понимает. По нашим наблюдениям, польский язык в Гервятах ни для кого как будто бы не является родным.

Белорусско-литовское двуязычие возможно лишь в смешанных семьях и встречается крайне редко в силу междиалектной функции белорусского языка.

В условиях Гервят языковое поведение говорящих оказывается, таким образом, достаточно сложным, поскольку почти каждый в различных ситуациях речевого общения стоит перед выбором по крайней мере из двух языков. Наблюдения над поведением говорящих показали, что в гервятском языковом коллективе существует своеобразный этикет, предписывающий говорящему однозначный выбор языковой системы. В качестве критериев выбора оказываются релевантными некоторые признаки ситуаций речевого общения и прежде всего однородность—неоднородность ситуации в языковом отношении. Для «неоднородных» ситуаций (т. е. для случаев общения носителей разных «родных» языков, независимо от количественного соотношения говорящих) предписывается регулярное использование

белорусского языка, который является, таким образом, междиалектным средством общения. Заметим, что к неоднородным ситуациям примыкают те случаи, когда языковая система собеседника не установлена: обычно такой собеседник «пробуется» на белорусский язык.

Выбор языка в однородных ситуациях регламентируют следующие характеристики.

а) Семейная—несемейная ситуация. В несмешанных семьях может использоваться литовский язык, чащего всего это принято в общении старших членов семьи.

Иногда литовский язык звучит и за пределами «семейных» ситуаций: беседы соседей («однородных» по языку), разговоры на некоторые темы (например, о языковом прошлом Гервят).

б) Количество говорящих, тема разговора. Эти обстоятельства существенны для однородных несемейных ситуаций: как правило, если разговор обращен к темам коллективных интересов и занятий, а участников больше четырех—пяти, то используется белорусский язык.

Заметим, что в Гервятах мы неоднократно наблюдали своеобразную «нейтрализацию» признаков речевых ситуаций. Речь идет о частых случаях неперевода прямой речи, восходящей к ситуации иного типа, обслуживаемой другим языком. В результате возникают «инкорпорированные» тексты (в известном смысле аналогичные последовательности авторского и неавторского стилей в литературе): na‿jajé ščé avórac’ što‿ul’táį̯ka, a‿janá kryčýc’: ói̯ vai̯kái̯ vai̯kái̯, n’éko ni‿móžna zrab’íc’; или: prýstavas žúry, pažuréu̯ ir‿sáko: maladói̯ čylav’ék, kák éta s‿vám’i slučýlas’a; un’ai̯dáu̯, pas’v’ái̯k’inau̯ jí: n’éγ bén’ʒ’e poxval’óny jézus xrýstus.

Остается заметить, говоря об условиях функционирования языков в Гервятах, что польская речь звучит лишь в особых ситуациях: по-польски поддерживается разговор с приезжими из Польши, иногда вспоминаются польские песни. Кроме того, надо заметить, что старшему поколению Гервят, когда-то обучавшемуся польской грамоте, польский язык знаком (хотя бы отдаленно) в его письменной форме.

Основными информантами автора были: Янина Кардис (1920 г.), Юргис Мешкис (1896 г.), Ионас Юшка (1886 г.), Иван Валейка (1895 г.), Бронислава Калинаускене (1915 г.), Мальвина Равойть (1872 г.), Юзефа Латах (1887 г.) и Людвига Стефанович (1889 г.).

Белорусский диалект

Вокализм (V^+)

Максимальная система гервятского вокализма образует семифонемный треугольник:

i u

ê ô

e o

a

i — byl'í, i3'í	o — vasóly, bóža, u̯s'ó
ê — l'ês, 3'ê̯u̯ka, vai̯n'ế	ô — dvôr, žốŋka, nốčka
e — éty, ščé, sérca	u — vу́buxnuc', vúl'ica, umnó.
a — avarу́c'a, zaγaráu̯šy	

Как видно, тип белорусского вокализма в Гервятах в точности совпадает с лаздунским и девенишкским. И подобно тому, как это происходит в Лаздунах и Девенишках, напряженные ê, ô (фонетически: ê, ^{i}e, ie, ô, ^{u}o, uo) присутствуют лишь в старших идиолектах, тогда как среднее поколение и молодежь различают в ударной позиции пять гласных:

i u

e o

a

В таких идиолектах на месте ê, ô звучат ненапряженные e, o (l'és, nóč).

Известное своеобразие гервятского диалекта можно усмотреть в большей стойкости ê по сравнению с ô: хотя тот и другой гласный употребляются чрезвычайно непоследовательно, нам показалось, что ê выступает регулярнее, в то время как ô чаще утрачивает напряженность, чем сохраняет ее. Надо сказать, что и ê в гервятском говоре оставляет за собой значительно меньше позиций, чем в лаздунском (особенно) и девенишкском говорах (в частности, в Гервятах ударные окончания Nom. pl. существительных регулярно звучат ненапряженно: barav'ik'í, jaršу́ и т. д.).

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

В гервятском говоре различается 36 согласных фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, 3, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, 3', k, k', g, x, γ, γ'.

Комментарий:

r — rab’íc’, nérvy, asudár
l — lápc’i, lai̯davác’, γaról
l’ — l’atúc’, štrél’ba, n’aʒ’él’
n — naʒ’ḗu̯, žôŋka, jón
n’ — n’aʒ’él’a, s’irótan’ka, jač-m’én’
m — markóc’a, n’ikómu, tám
m’ — m’arkavác’, m’ak’ína, m’inḗ
j — ják, juγás’a, nášaja
t — tatúl’a, butél’ka, s’v’ḗ’t
d — dárma, badâi̯
c — cár, nacalavâu̯s’a, m’és’ac
ʒ — pasaʒóny, nénʒa, ks’anʒá
s — sám, sérca, kólas
z — zámuš, rózum, pêu̯n’a
p — paprúγa, krôp
p’ — p’ačý, p’ḗč, s’p’avác’
b — bác’uxna, družbánt
b’ — a’adá, rab’ónak
f — fartúx, fél’ačka, juzéfka

f’ — paráf’ija, af’ára
v — varóta, kavál’
v’ — v’anók, pav’az’é
š — šástac’, pšan’íca
s’ — s’akáč, s’irótka, čáŋgus’ (кличка собаки)
ž — žalósny, káža
z’ — az’ác’, z’ác’
č — čakác’, čambór, karčmá
c’ — c’áška, ʒ’ic’átka, pól’c’
ǯ — ǯgác’, dažǯú
ʒ’ — ʒ’au̯čýzna, γaraʒ’íc’
k — karôu̯ka, čarc’úk
k’ — k’arújucca, ak’an’íca, c’ar-púk’ala (микротопоним)
g — gav’andúl’sk’i, gvált, g’é-n’us’
x — xaʒ’ájin, baxúra, aróx, x’ítry
γ — γarác’, baγáctva, γýrkac’
γ’ — γ’íra, maγ’ílka, druγ’í.

ʒ засвидетельствовано в польских заимствованиях; f, f’ в некоторых идиолектах могут заменяться на p, p’ (purmán, grap’í’nčyk), возможны и гипернормализмы: fartyzány, fráktyka.

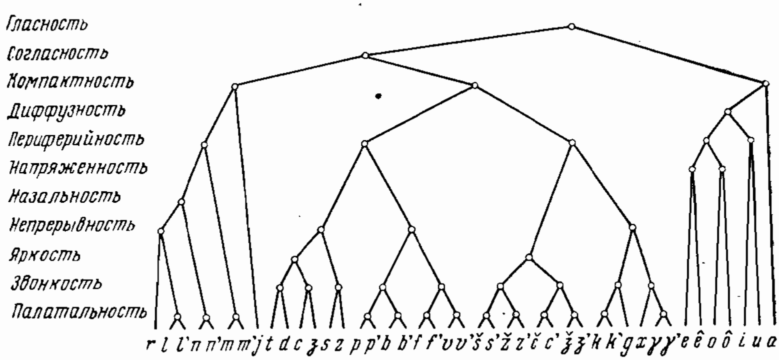

Рис. 7. Фонологическое «дерево» белорусского диалекта Гервят

В известных нам текстах позиции противопоставления g—g’ не отмечено (в Лаздунах же и в Девенишках такие примеры встретились).

Система согласных белорусского гервятского говора основана на восьми противопоставлениях (табл. 42).

Таблица 42

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p′	b	b′
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	−	+	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+

Признак	f	f′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	x	γ	γ′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	−	+	+
Палатальность	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0	−	+

Индексы мощности и симметричности признаков см. в табл. 43.

Таблица 43

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,71	Яркость	0,33	1
Периферийность	0,97	0,89	Звонкость	0,78	1
Назальность	0,14	0,67	Палатальность	0,72	1
Непрерывность	0,64	0,92			

Общая модель фонологической системы белорусского говора Гервят (43 фонемы) приводится в виде фонологического дерева. (Заметим, что при построении этой модели мы предпочли семифонемную систему гласных, несомненно соответствующую исконному типу говора).

Статистические индексы признаков гласности и согласности см. в табл. 44.

Таблица 44

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,17
Согласность	0,84	3,50

Дистрибуция фонем

Фонологическая система белорусского говора Гервят чрезвычайно близка лаздунской и девенишкской и в синтагматическом плане.

Перечислим основные правила распределения белорусских фонем в тексте.

1) Распределение гласных в слове.

В безударной позиции отсутствуют напряженные ê, ô, так что различаются максимум пять фонем:

i u

e o

a

Недиффузные (среднего подъема) гласные *e*, *o* возможны в следующих безударных позициях:

o несколько раз отмечено (в старших идиолектах) в конечном открытом слоге род. п. ед. ч. прилагательных: b'élaγo, čórnaγo,

m'ílaγo. Ср. также примеры из письменной речи: usiago dobrao, spakoinao życia, najlepszago (см. Тексты). Кажется, это единственная позиция для безударного *о*.

е отмечено в заударном конечном закрытом слоге: bó'l'ei̯, dál'ei̯, l'ép'ei̯, γrúʒ'en' (заметим, что во всех этих случаях *е* свободно чередуется с *а*).

е возможно также в приставочных образованиях с p'era- и в сложных словах (исключая первый предударный слог): p'eral'a-c'é'la, p'erab'arécca, b'elaγalóv'ik (в подобных случаях более или менее отчетливо прослушивается побочное ударение).

Перечисленные отступления от нормы аканья—яканья встречаются лишь в речи старших жителей Гервят, молодежь в безударной позиции различает не более трех гласных (*е*, *о* вытесняются *а*):

i u

a

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

(1) ⌉ (Cs$^+$, Vc$^+$) & (Cs$^+$, Vc$^-$); ⌉ (Cs$^+$, Vc$^-$) & (Cs$^+$, Vc$^+$) (читается: запрещены последовательности шумных с противоположным значением звонкости).

Исключение составляют v, v', перед которыми шумные различаются по звонкости (z'v'ḗr—s'v'ḗt, tvár—dvá и т. д.).

Записано также (от двуязычного информанта с яркими приметами литовского субстрата): gramájučy, cugróvyja.

(2) ⌉ ((Cs$^-$, G$^+$, S$^+$) $\vee$ (Cs$^+$, G$^+$, S$^+$)) & ((Cs$^-$, S$^-$) $\vee$ (Cs$^+$, S$^-$)) (читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

(3) ⌉ ((Cs$^-$, G$^+$, S$^-$) $\vee$ (Cs$^+$, G$^+$, S$^-$)) & ((Cs$^-$, S$^+$) $\vee$ (Cs$^+$, S$^+$)). Ср.: b'l'ásk, b'l'íska, k'l'íča, x'v'íγa, p'ján'ica, s'am'já. Произношение это отражает тенденцию к унификации согласных групп по значению палатальности, но оно вполне факультативно (говорят и bl'ásk, bl'incý, pjaný, sapl'ívy, kl'ón).

(4) ⌉ (Cs$^+$, Cp$^-$, G$^-$, Ct$^+$) & ((Cs$^+$, S$^+$) $\vee$ (Cs$^-$, S$^+$)) (читается: запрещено следование за периферийным непрерывным некомпактным шумным палатального шумного или сонанта).

Как и в Лаздунах (но в отличие от Девенишек), от правила отступают суффиксальные сочетания: g'irv'áck'i, rymʒ'únski, ašm'ansk'i, litéu̯sk'i.

(5) ⌉ (Cs$^+$, Cp$^-$, St$^-$) & (Cs$^+$, Cp$^-$, G$^+$, Ct$^+$, Vc$^+$, S$^+$) (читается: запрещены последовательности tv', dv'). Произносят: mac'v'éjåu̯na, l'ic'v'ák, uʒ'v'óx, ʒ'v'éry.

Наконец, упомянем, завершая наблюдения над дистрибуцией палатальности в гервятском говоре, записанные нами примеры выравнивания согласных групп типа: s'íŋka, l'ísaŋka, s'irótuŋka, mal'éŋka, m'énšy.

(6) ¬ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻) & (Cs⁺, Cp⁺, G⁻) (читается: запрещено следование компактных непериферийных за некомпактными непериферийными).

В Гервятах произносят: žžyjécca, ššýty, raššcéryus'a, aččyn'ác' и т. п.

(7) ¬ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, Vc⁺) & (Cs⁺, Cs⁻) (читается: запрещено следование согласного, сонорного или шумного за v, v').

(8) ¬ (Cs⁺, Cp⁺, C⁺, Ct⁻, S⁻) & (V⁺, Cp⁻, D⁻, C⁻, T⁻) (читается: запрещено следование за *k*, *g* гласного *e*).

Различение палатальных и непалатальных согласных в *α*-поле фонемы *e* в других случаях происходит за счет полонизмов: lép, nérvy, métr, bé'l'ka, vénǯany и т. д.

(9) ∃ ((V⁺, T⁻) ∨ (V⁺, T⁰)) & (V⁺, D⁺) (читается: существуют сочетания ненапряженных гласных с i, u, занимающими β-позицию).

Сочетания, отмеченные в правиле, тавтосиллабичны. Гетеросиллабические последовательности гласных в говоре разделяются эпентетическими согласными, в роли которых выступают v, γ или же гортанная смычка (navúčany, zaγarác', pa'ab'êdac, pra'úlka).

В сочетаниях au (ударных и безударных) столь отчетливого уподобления предшествующего элемента последующему, как это имеет место в девенишкском говоре, не наблюдается.

Перечислим встретившиеся трехфонемные последовательности согласных.

ССС в начале (и середине) слова:

str — stré'l'ba, pastróŋk'i
spr — sprás'c'i, n'asprýtny
skr — skrýn'a, raskróic'
skl — sklás'c'i, n'askládny
skl' — skl'í'ska, paskl'iznúcca
spl' — spl'ú, raspl'útac'
sxn — sxnúc', pasxnúc'
sxn' — sxn'é, pasxn'é
stv — stvól
sxv — sxvac'íušy
zdr — zdrástuic'a; zaizdrósny
škl — škló
škl' — škl'áŋka
zbr — zbrója
zγr — zγrýs'c'i, razγrýs'c'i
skv — skvárka, zaskvárany
pxn — pxnúc', uvapxnúc'
tkn — tknúc', zatknúc'
tkn' — tkn'é, zatkn'é
txl' — txl'ína.

ССС в середине слова:

rsn — pýrsnuc'
rs'n' — pýrs'n'i
rzl — m'érzly
rz'l' — m'arz'l'ák
rzn — m'érznuc'
rz'n' — m'érz'n'a
rsk — pýrskac'
nsk — rymʒ'únska
nsk' — rymʒ'únsk'i
nšč — žénščyzna
nšk — ks'ónška
nšk' — ks'ónšk'i
nkš — v'éŋkšy
mkn — zamknúc'

rsk'	— pýrsk'i	mkn'	— zamkn'óna
ršč	— mórščany	mšč	— adamščú
rtk	— fórtka	ms'c'	— adams'c'íc'
rtk'	— pórtk'i	tkl	— patklátka
rkn	— γýrknuc'	tkl'	— atkl'éi̯vac'
rkn'	— γýrkn'e	tkv	— patkvás'ic'
rs'c'	— p'ars'c'ón'ik	stk	— kóstka
l'sk	— gavendúl'ska	stk'	— kóstk'i
l'sk'	— gavendúl'sk'i	ššč	— rašščérycca
l'šč	— pôl'šča	kšt	— nakštált
ntr	— vantró'by	kšč	— lúkšča
ndr	— vandravác'	stv	— mnóstva
n'dl'	— ven'dl'íny	ctv	— ptáctva
ntk	— s'v'óntkau̯		
ntk'	— s'v'óntk'i		

ССС на конце слова:

ršč	— bóršč
l's'c'	— p'íl's'c'
nsk	— m'ínsk

На стыке морфем возможны последовательности четырех согласных: asudárstva, mal'énstva, γlúpstva, apsxnúc'.

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В начале слова в гервятском диалекте различается 40 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, x, γ, γ', e, o, i, u, a, т. е. весь фонемный инвентарь, за исключением ʒ и напряженных гласных (rózum, lápc'i, l'áγu, naγá, n'aʒ'él'a, mátka, m'ak'ína, ják, ták, dárma, cár, sakrét, záu̯tra, pádla, p'arún, bai̯strúk, b'aγú, fárba, f'iráŋka, vám, v'aróu̯ka, šas'c'óx, s'a'ódn'ia, žárty, z'ác', čórt, c'al'á, ǯgác', ʒ'ếu̯ka, kóm'in, k'arúje, gának, xórt, γalúpka, ʒ'irá, éta, órka, iγrúša, uz'ác', akónca).

Характерны те же явления, которые мы наблюдали в Лаздунах и Девенишках: употребление протетических согласных (γéty, γél'ka, γós'my, γúm, γarác, vóstry, vúxa, jón, jišlá, jínšy) и подвижность начального γ (непротетического): éty, órk'i, ó'las, ukác', asudár, axtár, alóu̯ka.

На конце слова выступают 22 фонемы: r, l, l', n, n' m, t, c, s, p, f, š, s', č, c', k, x, e, o, i, u, a (spácyr, kol, zédal', sýn, kón', sóram, p'erasút, s'el'aʒ'éc, slúp, tórf, vóš, stás', skaráč, býc', vórak, ptáx, n'as'é, dau̯nó, s'abrý, dačkú, janá).

Как и в лаздунском и в девенишкском говорах, в конечной позиции запрещены классы звонких, периферийных палатальных (сонантов или шумных), а также v и ô. Кроме того, есть еще одно ограничение: как уже отмечалось, в Гервятах на конце слова нет ê.

Что касается дистрибутивных свойств рассматриваемых позиций, то они не представляют отличий от уже описанных говоров.

Особенности белорусского идиолекта двуязычных

В белорусской речи двуязычных литовский субстрат сказывается преимущественно в явлениях из области консонантизма:

1) f, f' употребляются крайне непоследовательно и почти всегда заменяются на p, p'; puráška, pókus, purmán, p'íkus, p'íŋka. Столь же естественны гипернормализмы: fartyzány, fráktyka.

2) Непрерывные компактные отсутствуют. При этом характерны следующие замены: на месте *x* (*x*') обычно *k* (*k*'): (kaʒ'ájin, kadak'í, karóšy, u‿burakók, dák, k'ítry); что касается γ, γ', то в начале слова и в интервокальной позиции чаще всего им соответствует нуль звука (alavá, aspadár, ólas, dru'ó'a, ср. также на письме: paoda, siaodnia, czao) или (в медленной речи) гортанная смычка: na'á, pa'ul'ac', 'armóška, 'ós'c'ik'i; в сочетаниях же с согласными вместо γ (γ') звучат обычно соответствующие взрывные: grúc' gnój, agl'anúus'a. Заметим, что в восприятии и передаче двуязычных непрерывные компактные часто не различаются по звонкости: kavarýl'i, gac'éla, gryb'ót, gramájuču. Учитывая эти факты, мы констатируем для белорусской речи двуязычных, с детства владеющих литовским, 38-фонемную фонологическую систему (табл. 45).

Некоторые единичные примеры переозвучивания белорусских слов двуязычными: krúčka (< brúčka), klúšč (< tlúšč).

Литовский диалект

На карте З. Зинкявичюса гервятский говор так же, как и лаздунский и девенишкский, отнесен к виленской ветви восточных аукштайтов.

Сходство гервятского фонетико-фонологического типа с описанными выше системами Лаздун и Девенишек очевидно, хотя наблюдаются и отличительные особенности, на которые мы укажем по ходу изложения.

Вокализм (V^+)

Система гласных гервятского говора состоит из семи фонем:

i u

ie ua

e o

a

Таблица 45

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p′	b	b′	v
Гласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Согласность	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Периферийность	—	—	—	—	—	+	+	0	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Назальность	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	+	+	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—	+	—	—	+	+	0
Палатальность	0	—	+	—	+	—	+	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—

Признак	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	e	ê	o	ô	i	u	a
Гласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Компактность	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	+	+	—	+	0
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	0	0	0
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	0	0	0	0	0	0	0
Палатальность	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	0	0	0	0	0	0	0	0

Комментарий:

i — acidarykie (W)[4]; pririŋ.ko (A)
ie — dzienẽljū (W); dźiê·vo (A)
e — ṭēvẽḷys (W); ńêra (A)
a — žaljas (W); katara (A)
o — dróbē (W); m·ɔtśinu, š·ɔni (A)
ua — ɔbual'u.s, iždu·at (A); aštuan'ól'ika
u — tuñcjun (W); suŋku.(A).

Примечательной особенностью гервятского вокализма является особая реализация лабиального дифтонга: он произносится артикуляционным движением того же направления, что и дифтонг uo (язык постепенно снижает свое положение), но конечная точка этого движения несколько дальше, так что второй компонент дифтонга трактуется, скорее всего, как вполне делабилизованный гласный нижнего подъема: duána, gal'čúnuasan, tuás'a, namuás'a. Эту особенность последовательно отмечает П. Арумаа: ju·ados, prupu·alêm, ųuadeǵė·lê, šluat'ä·lê, dɛlnu·asun, ųuašvelə, ɔbual'u.s, pu·adan и т. д. (uo встречается всего несколько раз: atvaž'u·ɔiȧ, bu.uɔ, но есть и bua·)[5].

Параллельного изменения ie (ie > iœ, ia), которое обычно наблюдается в восточных аукштайтских говорах [6], в Гервятах как будто нет.

Заметим, что гласный *o* характеризуется относительно небольшим подъемом языка и менее лабиализованным характером, чем соответствующий звук в лаздунском и девенишкском говорах (ср. преобладание транскрипции ɔ, «offenes o zwischen *o* und *a*»,

Таблица 46

Признак	e	ie	o	i	u	a	ua
Компактность	—	—	—	—	—	+	+
Диффузность	—	—	—	+	+	0	0
Периферийность	—	—	+	—	+	0	0
Напряженность	—	+	0	0	0	—	+

Таблица 47

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,40	Периферийность	0,71	0,67
Диффузность	0,71	0,67	Напряженность	0,07	1

[4] Так помечены примеры из «Литовской хрестоматии» Э. Вольтера.

[5] У Э. Вольтера всегда uo : dúocie, obuolêḷeis (при oboleḷêis) vuošvẽlēs, važjúosim, vuogẽlēsan, nešlúota) и т. д.

[6] См.: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, стр. 86—87.

и ô, «offenes *o* zwischen ɔ und *o*», у П. Арумаа: m˙ɔtšinu, š˙ɔni, pɔ˙nas, paga˙vô, tavôršė˙l'ĕi и т. д.).

Идентификацию гервятских гласных см. в табл. 46.

Коэффициенты мощности и симметричности различительных признаков в системе вокализма см. в табл. 47.

Консонантизм (C^{-+}, Cs^{-})

В отношении судьбы литовского консонантизма гервятский остров в настоящее время не является единым, а обнаруживает дифференциацию, связанную со сферой действия признака палатальности.

Если обратиться к северному участку острова (в частности, дер. Гервяты, Мицюны, Мацки), то здесь, по нашим наблюдениям, представлен крайний полюс диспалатализации. Система, характерная для этой зоны и интересная для нас в плане сопоставления со славянскими говорами, различает 34 согласные фонемы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g' — т. е. инвентарь, в основном совпадающий с лаздунским и девенишкским (различия незначительны, так как касаются маргинальных, редких единиц; в Лаздунах представлено еще и γ, в Девенишках не засвидетельствовано ʒ).

Комментарий:

r — rag'éc', réi̯k'a, ašpovakar
l — ládas, adgál
l' — l'útas, tol'áu̯, t'águl'
n — namó, nóru, rygón
n' — n'au̯dólas, ʒ''en'ále
m — mážas, mázgoc'
m' — m'áʒ'as, m'aśká
j — jáu̯, abžuréjo
t — tás, kasnákt
t' — t'águl', páu̯kšt'a
d — dárbas, un'ai̯dáu̯
d' — kuad'ál'is, pavard'é
c — cáras, bal'n'ícon
ʒ — ʒbónas, v'éʒma
s — sáu̯, sukátos
z — zárkolas, zbučúas'u, zarabátku
p — páu̯kšt'a, papavažuájau̯
p' — p'áčus, kap'al'úšas
b — báltas, bavotýras, dabár
b' — b'árnas, b'alagúʒ'ai̯
v — vákar̃, vai̯kái̯
v' — v'árpc'a, karv'ála
š — šáu̯ʒ'ic', šal'c'in'él'is
s' — s'áu̯ras, sas'ála, s'érpn'us
ž — žás'i˙s, ážaras
z' — kaz'úkas, p'ar̃éz'imkas, paz'ʒ'érn'ikas
č — časnákas, mórščai̯
c' — c'ái̯p, aps'ikac'al'á'vo
ǯ — ǯáu̯g'as, b'argžǯá
ʒ' — ʒ'ústa (и: ǯústa), ʒ'ašrá, razbuʒ'ín'c'a
k — kárv'e, kanavói̯nas, k'írkon
k' — k'áu̯la, p'irk'á
g — gan'íc'a, gaspadórus
g' — g'árv'e, dau̯g'áu̯.

Идентификация согласных в этой системе осуществляется восемью различительными признаками (табл. 48).

Коэффициенты мощности и симметричности этих признаков см. в табл. 49.

Таблица 48

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	t′	d	d′	c	ʒ	s	z	p
Согласность	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Периферийность	—	—	—	—	—	+	+	0	—	—	—	—	—	—	—	—	+
Назальность	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	+	+	0	0	0	0	0	—	—	—	—	—	—	+	+	—
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	—	+	—	+	—
Палатальность	0	—	+	—	+	—	+	0	—	+	—	+	0	0	0	0	—

Признак	p′	b	b′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	g′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0
Звонкость	—	+	+	0	0	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+
Палатальность	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

Таблица 49

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,62	Яркость	0,41	0,75
Периферийность	0,97	0,57	Звонкость	0,76	1
Назальность	0,15	0,67	Палатальность	0,82	1
Непрерывность	0,50	0,54			

Заметим, что эта система с характерной для нее диспалатализацией r и шипящих в наиболее чистом виде реализуется в речи младшего поколения. В частности, наблюдая за речью детей на уроках литовского языка в гервятской школе, можно было убедиться в том, что произношение типа turú, žurú, g'aráu̯, šašý,

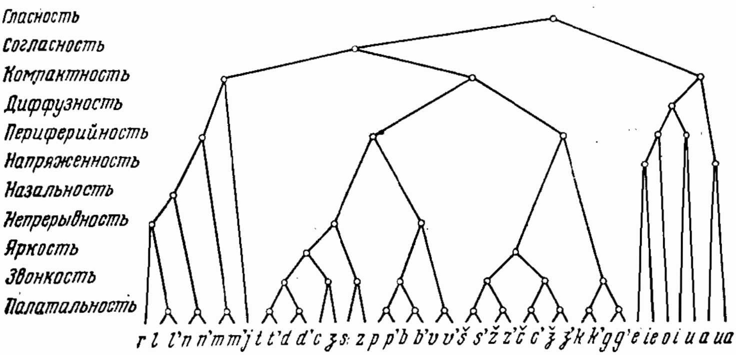

Рис. 8. Фонологическое «дерево» литовского диалекта Гервят

gražáu̯s'a, váįkščoc', bazn'íča и т. п. является наиболее разительным и стойким противоречием орфоэпической норме.

В речи же старшего поколения отмечены вариации: turú—tur'ú, g'aráu̯—g'ar'áu̯; nóru—nór'u, åu̯kščau̯—åu̯kš'č'au̯, gražáu̯—graž'áu̯, bučuác'—buč'uác', šún'ʒ'a—š'ún'ʒ'a и т. п. Преобладание той или иной произносительной тенденции намечает идиолектную дифференциацию внутри гервятского говора, а самый факт свободного варьирования служит основанием для выделения описанной выше 34-фонемной консонантной системы.

Иная картина в южной части «острова» (дер. Книстушки, Пелегринда, Мильцеи, Гири). Здесь явно преобладают идиолекты, довольно регулярно сохранившие противопоставления r—r', š—s', ž—z', č—c', (ǯ—ʒ') [7]. Однако спорадически встречаются явле-

[7] В прошлом регулярное различение палатальных r и шипящих было характерно для всего говора в целом. Записи Э. Вольтера и П. Арумаа последовательно его передают; žjūrjȗ, gērjau (W); n·oŕu, nugŕu.vo (A), nurēkšju, grûšjū, išvažjãvom, klapčjukêl'i (W), parš'ä·li, ž'u·ri, va·i-kštš'oįa (A).

ния, свидетельствующие о постепенном расшатывании этой системы. Так, отмечены примеры диспалатализации: šeim'ína, žur'ú, buože, važuóc' и т. п. Симптоматичны в этом же плане случаи гиперической палатализации, зафиксированные нами, в частности, для r: r'ut'ále, br'ólis, r'ávas, r'úbl'is, r'ug'ai.

Заканчивая характеристику литовского консонантизма Гервят, следует упомянуть о проскальзывающих иногда в заимствованных словах f, f': čérfcus, af'eravóc', paráf'ija, graf'ínčykas, fúŋktas (гипернормализм). Но обычно принято заменять f, f' на p, p' (čérpcus, ap'eravóc' и т. д.).

Приводим общую модель фонологической системы литовского говора Гервят (41 фонема, см. фонологическое «дерево») и вычисленные по ней статистические характеристики признаков гласности и согласности (табл. 50).

Таблица 50

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,21
Согласность	0,83	3,25

Дистрибуция фонем

В этом плане литовский гервятский говор чрезвычайно схож с описанными выше лаздунским и девенишкским говорами. Те различия, которые все же существуют, будут выяснены по ходу изложения.

1) Распределение гласных в слове.

Основной принцип распределения гласных согласуется с положением в других говорах: в ударной и любой безударной позиции различается в общем один и тот же набор вокалических единиц.

Однако довольно отчетливо отступает от общего правила позиция безударного окончания (подобно тому, как это происходит в лаздунском говоре): противопоставления *e—a* и *o—a* нейтрализуются (*e—a* чаще, чем *o—a*), в качестве архифонемы выступает *a*. Ср.: sák'a, dáv'a, párn'aša, pák'ep'a, žvák'a, páukšt'a, išvaryn'éja, búva и т. п. Надо думать, что эти огласовки развились относительно недавно, во всяком случае в текстах П. Арумаа их нет, и в современном говоре они далеко не регулярны.

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

(1) $\urcorner$ (Cs$^+$, Vc$^+$) & (Cs$^+$, Vc$^-$); $\urcorner$ (Cs$^+$, Vc$^-$) & (Cs$^+$, Vc$^+$) (читается: запрещены последовательности шумных с противоположным значением признака звонкости).

Различия по признаку звонкости соблюдаются перед нефонологически звонкими v, v': atvažuác', látv'iškai, s'v'aiká, k'v'ẽtn'us и т. п.

(2) $\neg ((Cs^+, S^+) \vee (Cs^-, S^+)) \& ((Cs^+, S^-) \vee (Cs^-, S^-))$ (читается: запрещено следование непалатального шумного или сонанта за палатальным шумным или сонантом). Ср.: vi·ŕtś, miŕtśu, mińd'ŕä.lê; uńd'ɛnin; giêśm'ä.lə, vėiźd.edama, iśśiprauśi (A); śún'ʒ'a, s'v'ac'uásan, m'is'l'ic'a и т. д.

Отступают от правила заимствования типа: butė.lkos, bul'bu (A); ul'tójus, dabravól'cai̯, pal'šývas, — хотя и эта лексика может подчиняться общему правилу (ср. v'ẽʒma).

(3) $\neg ((Cs^+, S^-) \vee (Cs^-, S^-)) \& ((Cs^+, S^+) \vee (Cs^-, S^+))$ (читается: запрещено следование палатального шумного или сонанта за непалатальным шумным или сонантом). Особо ведут себя лишь периферийные — губные и заднеязычные, — регрессивное смягчение которых совершенно факультативно (хотя преобладают, кажется, палатальные варианты (pajim's'ú, p'jáu̯c'a, kup'k'al'úkas, ug'n'ále и т. п.).

(4) $\neg (Cs^+, Cp^+, G^-, St^-, Vc^-, S^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^+, Vc^-)$ (читается: запрещена последовательность šs). Ср.: issa·ko (A), assúk'a.

(5) $\neg (Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+) \& (Cs^+ \vee Cs^-)$ (читается: запрещено следование шумного или сонорного за v $\vee$ v').

(6) $\neg (Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^-, St^-, S^+) \&) (V^+, D^+, G^-) \vee (V^+, D^-, C^-, T^+))$ (читается: запрещены последовательности, состоящие из t' или d' и гласных i или ie). Ср.: m·ətśina, tśil'tê·l'o, šlu·atśiɛ, s.ɛdźi, dźiê·vô, dziêńä·l'u (A) и т. д.

Ассибиляция происходит и в тех случаях, когда t' $\vee$ d' отделены от i $\vee$ ie промежуточным v' [8]: kɛtśvir·tas (A), ʒ'v'íli·ka.

Спорадически дзуканье отмечено и за пределами указанных позиций: ʒ'íʒ'al'is, žoʒ'ále.

Однажды встретилось karg'alis (g' < d'). По всей видимости, субституция t', d' > k', g' в гервятском говоре — явление гораздо более редкое, чем в девенишкском.

Если далее говорить об α-поле фонемы i, то точно так же, как в описанных уже говорах, ряд согласных в этой позиции различается по палатальности. Имеются в виду, во-первых, случаи отвердения l' перед i, отмеченные уже Э. Вольтером [9], и во-вторых, твердые согласные перед i в заимствованных словах: muzыko·ntas, mы.śl'ii̯a, ni.gdы, vыga.du (A); sysknón (aʒ'ʒ'al'én'n'on), mabyl'izácyja.

(7) $\neg (Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-, S^-) \& (V^+, Cp^- D^-, G^-, T^-)$ (читается: запрещены последовательности ke и ge). Из непалатальных коррелятов других согласных перед e возможно l: sáu̯le, g'elé, kléc'is, а также некоторые другие согласные в заимствованиях: mẽʒgala (прозвище), métras, studéntas, péu̯nas; butɛl'u (A) и т. п.

---

[8] Т. е.: $\neg (Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^-, St^-) \& (Cs^+, Cp^-, G^+, Ct^+, S^+) \& ((V^+, Cp^-, D^-, G^-, T^+) \vee (V^+, Cp^-, D^+, G^-))$.

[9] Ср. примечания о твердости l в словах liñksta, vuošveli у Э. Вольтера.

К сочетаниям гласных (VV) относится следующее общее правило:

(8) $\exists ((V^+, T^-) \vee (V^+, T^0)) \& (V^+, D^+)$ (читается: существуют сочетания ненапряженных гласных с последующими i, u).

Отметим, что в отличие от девенишкского говора в тавтосиллабических сочетаниях au, безударных и циркумфлексных, сколько-нибудь регулярной лабиализации первого компонента не наблюдается (ср.: d·usau̯a·, paukšt'ä·lês, môk·ėi̯au (A) и т. п.).

Данное правило допускает тавтосиллабические сочетания гласных. Что же касается гетеросиллабических гласных последовательностей, то граница слогов, как правило, фиксируется гортанной смычкой, ср.: pri'a·i̯o, ńêpa'u·škiɛ, ńɛ'išêitu; pri'il·so, ńɛ'ɛi·na, ńä'ɛi·na, pra'a·i̯o, pra'aidź·idami и т. д.

Возможны и протетические согласные — j: pa.i̯ėmê (A), γ — paγaman'ísim.

Приводим список трехфонемных сочетаний, встретившихся в известных нам текстах.

CCC в начале слова (и в середине слова):

str — stro.kas, istra.ita (A)
spr — sprav'adl'ívas, n'asprav'adl'ívas
skr — skripḱä.lɛ (A); skránda, suskrýdo.

CCC в середине слова:

rgr	— pargruvau̯	pkl	— apklójo
rbl'	— žvirbl'u.kas (A)	bgr	— abgráu̯že
rkl'	— a.rkl'o (A)	skl	— prisklau·sê (A)
rpn'	— s'érpn'us	skn	— sysknón
ndr'	— mińdr'ä·lê (A)	štr	— a·štrińtś (A)
rst	— ńe·kirsta (A)	špr	— išprabúi̯c'
rpc'	— vêr·ptśi (A)	škr	— aškruta (A)
rst	— γamêrštėi̯·ni (A)	škl'	— aškl'u·vô (A)
rs'c'	— kiŕ·śtśiɛ (A)	ksm	— ǯóu̯ksmas
rs'k'	— śk'ä·rśkiɛ	stv'	— pastv·ėrė (A)
řšk	— ba·rška (A)	ps'v'	— apśvi.l'ino (A)
ršk'	— marškinėl'u· (A)	pšč	— kn·upštš'ás (A)
rzd'	— barźd'ä·lê (A)	kšt	— aukštan· (A)
nst	— unst·umê (A)	kšt'	— pau̯kšt'ä·lês (A)
nkt	— pak'iŋktus	kšč	— va·ikštś''odama (A)
mst	— c'ámsta	gz'ʒ'	— žvai̯gz'ʒ'é.

CCC на конце слова:

rps	— suv'árps	rkc'	— ńɛvêr·ktś (A)
rpc'	— vɛr·ptś (A)	kšt	— nurékšt.
rks	— ńɛśir·ks (A)		

Четырехфонемные последовательности согласных:

pstr	— pstrýk	nks'm'	— l'iŋks'm'áus'a
rstv	— ʒ'ažúrstvos	nks't'	— pririŋ·kšt'ɛ (A)
rkšt	— šurkštús'ai	nks'c'	— uŋkštši. (A)
nksm	— l'íŋksma	cskr	— acskrydo.

Бо́льших, нежели четырехфонемные, последовательностей согласных не встретилось.

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В начальной позиции засвидетельствовано 38 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', e, o, i, u, a (ra·do, labai·, l'iêtu.lis, namai·, ńä·supa, mani.k (A); m'aška, jáunas, tás, t'agul; daikt'ä·l'o, d'ä·ge (A); cúkrus, ʒbónas; sańêi, zerkolê·lêi, paukštä·lês (A), p'áčus, barzd'älê (A); b'alagúʒ'ai, vártai, v'árpc'a, šáuʒ'ic', s'áuras, žabrókas, čésas, c'á, ǯáug'as; dźiê·vua, kar·t, k'ä·l'o, ga·lo, ǵä·ra, ·eśtś, ožä·l'is, īla·lês, ugńä·lê, aukštan· (A)). Дифтонги ie, ua обычно предваряются j, v \/ u: jieškóc', vuaʒ'agá' uadɛgė·lê, uašvɛlɘ., uag'ä·l'u (A) и т. п.

Что касается остальных гласных, то они чаще обходятся без протетических элементов (хотя перед i может появляться j, перед o, u — v; γ встретилось лишь однажды в γámanas).

Кроме дифтонгов, в начале слова не отмечено z'.

На конце слова различается вдвое меньшее число единиц —19: r, l, l' n, m, t, c, s, p, s, c', k, e, ie, o, i, u, a, ua: v'isúr, adgál, t'agul', rygón; ju.m, im·kit (A); pác; švín·tas, i.š'tš'ul'p (A); aš, v'árkc', norėc'ak, duktė·, plauk·itśiɛ (A); namó, šón'i, tadú; nėra., dźiêvu.l'ua (A).

В конечной позиции запрещается класс звонких (включая нефонологический звонкий v), класс периферийных палатальных, а также n', t'.

Дистрибутивные возможности начала и конца слова — те же, что в лаздунском и девенишкском говорах.

Польский диалект

Фонологическая система польского говора Гервят совершенно определенно тождественна описанному выше лаздунскому и девенишкскому фонологическому типу. Априорное представление об этом (основывающееся в первую очередь на том факте, что во всех этих случаях развитие тождественных первоначальных систем происходило в весьма сходных условиях) полностью подтверждают собранные нами материалы.

Констатируя это совпадение, мы ограничимся комментарием к 5-фонемному вокалическому и 35-фонемному консонантному инвентарям.

Система гласных:

i — býlo, fšýstko	o — vói̯na, óg'en'
e — žéka, bénde	u — cúr̥ka, múv'ic'
a — pánstvo, jápko	

Система согласных:

r — ráno, roʒ'ícy	v — vážyc', vónsy
l — ládny, šédla	v' — v'ánek, v'adóma, kv'át
n — návat, óna, nénʒa	š — šáfa, mónš
n' — n'áŋka, n'éx	s' — s'ádai̯, kás'a
m — mátka, támten	ž — žalóba, žéka
m' — m'ásto, m'ála, kúm'e	z — z'én'c', vz'éla, z'ólek
j — jás', jéden	č — čárny, nažečóna, čló'v'ek
t — támten, tátus', l'íst	c' — c'álo, c'íxo
d — dáx, vóda	ǯ — ǯéva, dežǯýsty, dróžǯy
c — calóvac', cébar	ʒ' — ʒ'eŋkúje, ʒ'écko, v'iʒ'ála
ʒ — sáʒa, bárʒo	k — káždeu, kéns, búk
s — sát, sáma, psúc'	k' — k'épsk'i, k'érmaš, k'aróvac'
z — zámuš, zós'a, zédal'	g — gánek, gén's', gžmóty
p — pánstvo, póc'oŋk	g' — poc'óŋg'i, švag'érka
p' — p'órun, p'ásek	x — xáta, pšex'íl'ic'‿s'e, már-x'ef, jíx.
b — bárʒo, tórba	
b' — b'ály, žalób'e	
f — fál'a, fél'čar, fýrkac'	
f' — f'iráŋka, šáf'e	

Ввиду того, что и в синтагматическом плане польский говор Гервят показывает в общем ту же картину, что лаздунский (и девенишкский), остановимся лишь на одной особенности распределения гласных в слове, выделяющейся более или менее отчетливо именно в гервятском говоре.

Речь идет об особой группе отступлений от общего принципа строения вокалической схемы слова, состоящего в одинаковом различении гласных верхнего, среднего и нижнего подъемов в любых просодических условиях. Это — факты замены безударного *o* на *u*, а *e* на *i*, т. е. произношение типа pujáde, puv'éʒ'al, bénʒ'i, pšýi̯ʒ'i, zab'éžy (буд. время). Фонетически это явление не сопоставимо с аканьем, и более того, оно возникает, по-видимому, в результате гипернормального отталкивания от акающего произношения. Однако по своим фонологическим результатам оно по существу изоморфно аканью (неразличению безударных гласных среднего подъема), так как в конечном счете ведет к тому же простейшему треугольнику гласных в безударных слогах:

i   u

a

Различие коренится в том, что в этом случае нейтрализация среднего подъема происходит в пользу гласных верхнего подъема (а не нижнего, как при аканье).

Указанное произношение слышится далеко не систематически, однако учитывать его все же надо, так как в сочетании с акающим произношением, известным говору, оно очерчивает намечающуюся зависимость вокализма слова от суперсегментного уровня.

ЗЕТЕЛА

Название «Зетела» (лит. Zíetela, бел. Дзятлава, польск. Zdzięcioł) в литовской диалектологической традиции закрепилось за небольшим островком литовского языка, наиболее удаленным от материкового диалектного массива (90—100 км к югу от административной границы Белоруссии и Литвы) [1] и почти уже поглощенным славянской средой. Носители островного литовского диалекта жили когда-то, а немногие и теперь еще доживают век в двух деревнях, расположенных в 3 и 8 км севернее местечка Дятлово (районный центр Гродненской области БССР): Засетье (Zasẽčiai) и Погири (Pagiriaĩ) [2].

Традиционное название (Зетела, зетельский говор) в данной работе используется при описании не только литовского, но и существующих с ним в контакте славянских говоров — белорусского и польского.

Из трех диалектов, на которых говорят в Зетеле, до сих пор систематически изучался только литовский, который принадлежит, пожалуй, к числу наиболее исследованных в литуанистике говоров. В самом деле, после первых сообщений Э. А. Вольтера [3] традиция изучения зетельского говора не прерывалась: транскрипции из Зетелы вошли в собрание диалектных текстов П. Арумаа [4], зетельской фонетике и морфологии была посвящена статья Хр. С. Станга [5], наблюдения над говором можно найти в работах

---

[1] От других литовских островов (Лаздуны, Рамашконис, Жирмуны, Пелеса и др.) Зетелу отделяют 60—80 км.

[2] Накануне первой мировой войны литовскую речь можно было услышать также в Норцевичах, Курпешах, Ятвези (см.: A. Vidugiris. Kai kurios Zietelos tarmės ypatybės. — LKK, II, 1959, стр. 196. В этой же статье приводятся подробные сведения о носителях островного зетельского говора).

[3] E. Wolter. Die Litauer im Kreise Slonim, Gouv. Grodno. «Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft», 4. Heidelberg, 1899, стр. 166—169; Э. А. Вольтер. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. — ИОРЯС, 1912, т. XVI, кн. 4, 1912, стр. (151—160.

[4] P. Arumaa. Указ. соч., стр. 41—53.

[5] Ch. S. Stang. Die Litauische Mundart von Zasėčiai im Gebiet von Wilna. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», 1958, Bd. XVIII, стр. 171—201. (Эта статья написана по материалам, совпадающим по времени с записями П. Арумаа).

К. Буги, который в 1905 г. побывал в дер. Засетье. И, наконец, обстоятельное монографическое описание зетельского говора выполнил А. Видугирис [6].

Этот непрекращающийся интерес исследователей обусловили уникальные особенности говора (главным образом архаизмы), во многом, очевидно, связанные с условиями его как бы двойной изоляции: во-первых, удаленностью от материкового языкового массива и, во-вторых, отторженностью от сходных по ряду признаков западноаукштайтских (классификация А. Салиса—К. Явниса), или каунасских западноаукштайтских (классификация З. Зинкявичюса—А. Гирдяниса) говоров, отделенных от него дзукским диалектным поясом. Интерес был тем более велик, что некоторые достопримечательности говора, стоящие особняком в контексте литовской диалектологии, вызвали предположения о возможных здесь следах утраченного балтийского (прусского или ятвяжского) диалекта, что было к тому же вполне созвучно историческим свидетельствам о судьбе балтийского этнического элемента в этой области [7].

Так или иначе, в нашем распоряжении оказывается последовательность наблюдений, дополняющих друг друга, а в некоторых случаях — проясняющих и диахронические тенденции литовского зетельского говора.

Что касается славянских говоров Зетелы, то они до сих пор специально не изучались [8]. Поэтому в данной работе описание белорусского и польского говоров целиком основано на транскрипциях, собранных автором в дер. Засетье весной 1964 г. При описании же литовского говора помимо собственных записей в работе использованы материалы названных выше исследователей Зетелы и в первую очередь — полевые записи П. Арумаа и А. Видугириса.

---

[6] См.: А. Видугирис. Зетельский говор литовского языка. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1962, а также статьи этого автора: Kai kurios Zietelos tarmės ypatybės. — LKK, II, 1959; Nauji darbai apie lietuvių kalbos tarmes. — Там же, стр. 239—246; Zietelos tarmės įvardis. — LKK, III, 1960; Veiksmažodžiai su priesagomis -inėti ir -dinėti Zietelos tarmeje. — MAD, ser. A (2), 1961; Zietelos tarmės daiktavardis. «Lietuvių kalbos gramatikos tyrinėjimai». (LKK, XI). Vilnius, 1969.

[7] Ср. приводимое Э. А. Вольтером, а затем и другими, указание Ипатьевской летописи 1276 г.: «Придоша Пруси к Тройденеви и(зъ) своей земли неволею перед нѣмци. Он же прия ѣ к собѣ и посади часть и(х) въ Городнѣ, а часть ихъ посади въ Слонимѣ».

[8] Надо сказать, что белорусский говор частично затронут в статье Я. Розвадовского «Uwagi o dyftongach *ie*, *uo* w południowozachodniem narzeczu białoruskiem» (MPKJ AU w Krakowie, 1904, т. 1, стр. 207 и сл.), где автор, по-видимому, пользуется материалами, собранными им во время поездки в Зетелу в 1901 г. Речь в статье идет об одной изофоне — фонетическом тождестве литовских и белорусских дифтонгов (в частности, в говорах Зетелы). Отметим также, что недавно некоторые факты зетельского белорусского диалекта были введены в научный обиход в статье: А. У. Арашонкава и др. З лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. «Весці АН БССР» (серыя грамадскіх навук), № 4, Мінск, 1969.

Прежде чем приступить к очерку фонологии трехдиалектного комплекса Зетелы, кратко опишем социально-языковую ситуацию, сложившуюся в этом пункте к настоящему времени.

При сплошном распространении белорусского языка в Зетеле еще выделяется контингент людей, понимающих по-литовски и по-польски и не утративших ощущения близости этих трех языков. Однако активно владеющих литовским и польским языком сейчас совсем мало, и если считать (по критерию У. Вайнрайха), что дву- или многоязычие заключается в попеременном использовании двух или более языков одними и теми же лицами, то в Зетеле такие контактные ситуации сводятся к ограниченному числу случаев и могут быть обобщены в трех типах (табл. 51).

Таблица 51

«Второй» язык / Родной язык	Литовский	Белорусский	Польский
Литовский		+	+
Белорусский	—		+
Польский	—	—	

В двух клетках первой строки представлена фактически одна группа говорящих, поддерживающая навык литовско-белорусско-польского трехъязычия (не более 30 человек преклонного возраста) [9]. Белорусско-польская двуязычная группа гораздо многочисленнее (по существу, к ней может быть причислен почти каждый представитель старшего поколения, лица среднего возраста — 40—50 лет — также в какой-то степени владеют польским языком), но вряд ли более наблюдаема, так как польская речь в Зетеле звучит лишь в особых ситуациях.

В повседневном общении зетельцы пользуются белорусским языком, их потенциальное многоязычие выявляется не сразу и реализуется крайне редко. В основном нам удавалось услышать литовскую и польскую речь лишь в ситуациях искусственно спровоцированных, когда говорящему приходилось ориентироваться на собеседника, понимающего только по-литовски или по-польски. За литовским языком определенно сохраняется лишь функция «тайного» языка, на котором говорится что-либо, скрываемое от

[9] По сведениям А. Видугириса, в 1960 г. в дер. Засетье оставалось около 30 говорящих по-литовски, а в дер. Погири — только двое (см. LKK, II, 1959, стр. 195—198). Из этой группы А. Видугирис счел «полноценными информантами» лишь половину — 15 человек. Сейчас их еще меньше, так как в 1960 г. некоторым из них было от 83 до 98 лет.

посторонних или младших. Довольно часто звучат «инкорпорированные» высказывания, цитирующие литовскую или польскую прямую речь (s'astrá rán'aŋka pytája: próša pán'i dl'a‿čégo pán'i ták púz'no xoʒ'íla и т. п.).

О глубине традиции дву- и трехъязычия в Зетеле свидетельствует тот факт, что коллективная память до сих пор хранит множество литовских и польских песен, которые оказываются, пожалуй, наиболее устойчивой формой существования здесь литовского и польского диалектов. Любопытно, что иногда бытуют параллельные разноязычные варианты одного и того же песенного текста с общей музыкальной основой. Вот записанный нами образец, демонстрирующий далеко зашедший симбиоз диалектов в условиях зетельского коллектива:

svajá mátka n'i‿čužája
svajé syŋk'í pabuǯája
a‿n'av'î́stk'i n'a‿buʒ'íla
a‿n'av'î́stka samá u̯stála
da‿u‿bᵘór vól'ik'i paγnála
da‿i‿s'il'n'éŋka zaplakála
pašóu̯ γólas pa dubróvi
da‿u̯čúu̯ m'íl'en'k'i u‿kamóry
c'i‿z'az'úl'a zakavála
c'i‿m'ilája zaplakála
zakladái̯c'a b'î́ly kón'i
da‿i‿pajî́ʒ'am u‿čýsta pól'a
jî́ʒ'am pól'a i‿druγója
a‿na‿tréc'a kû́n' stupája
zái̯čyg daróγu p'erab'aγája
p'erab'îγ zái̯čyg daróγu
zlamáu̯ kón'ig l'î́vu nóγu
a‿m'íl'an'k'i právu rúku
pašlá mác'i da‿p'iu̯n'ícy
uz'alá m'ódu ʒ'v'î́ škl'an'ícy
a‿tréi̯c'u čem'arýcy
p'íi̯c'a synk'î́ m'û́t salû́tk'i
a‿n'av'î́stka čḗm'ar γû́rk'i...[10]

savá móma n'e‿s'v'iet'íma
sav'í vei̯kéi̯ pabud'íno
o‿martýi̯koz n'e‿bud'íno
o‿martýi̯ka pat'í s'ik'ále
barýn jou̯čukuz nuváre
žei̯l'is'l'ív'itkai̯ užv'árko
nuv'ái̯ γálasas po‿dubrávoi̯
žg'ird'éi̯ m'íl'itkas kamároi̯
ar‿g'agúže uškukávo
ar‿maná m'íl'itka užv'árk'a
n'e‿g'agúže uškukávo
tavá m'íl'itka užv'árk'a
ói̯ k'iŋk'íi̯k'id bal't'i arkl'ai̯
do‿važû́s'im čýi̯stan lóu̯kan
jójam k'ál'a, jójam k'ita
o‿an‿tráčo arkl'ai̯z m'ína
nugúryno arkl'is kója
o‿m'íl'itkas t'éi̯s'ai̯ réŋka
nuv'ái̯ móma pas‿p'iu̯n'íča
jém'e m'edou̯z dv'í škl'an'íčas
o‿tráča čem'arýi̯čos
g'árkit sunéi̯ m'adús saldús
o‿martýi̯ka čém'aryi̯ kartús...

(Еще одна песня, известная в Зетеле в литовском и белорусском вариантах, приводится в разделе «Тексты»).

Основными нашими информантами были жители Засетья: Лаурукевич Мария Францевна (67 лет), Лаурукевич Адольф Казимирович (70 лет), Лаурукевич Юзефа Гавриловна (65 лет),

---

[10] Ср.: «Материалы по этнографии Гродненской губернии», вып. 2. Под ред. Е. Р. Романова. Вильна, 1912, тексты под № 52, стр. 91 (Слонимский уезд) и № 438, стр. 296 (Кобринский уезд).

ныне покойный Кашко Константин Константинович (71 год), Шайпук Мария Николаевна (71 год). Чрезвычайно полезной для автора была консультация с уроженкой дер. Засетье И. П. Ковальчук, бывшей сотрудницей Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР.

Белорусский диалект

Вокализм (V⁺)

Максимальная вокалическая система, представленная в ударном слоге, семичленна:

i u

î û

e o

a

Комментарий:

i — v'ín'ija («иней»), b'íc', čarav'ík
î — ʒ'îu̯ka, b'îly, čalav'îk, l'îs, valý^e, mn'î
e — mérznuc', b'aréz'ina, ččé
a — akóŋka, arab'ína, alúpka
o — bóty, karóva, čabór
û — kûn', nûš, m'ût, znarûk, vûln'y, tûl'k'i
u — u̯dóma, γús'i, plúx, n'asú.

Фонематичность î, û устанавливается для тех идиолектов, в которых соблюдено и не подвержено (или, практически, подвержено в минимальной степени) варьированию этимологическое соответствие î «старому» и новому ě (ѣ), û — o (и *o* < *e*) в новых закрытых слогах [11]. При том, что различение четырех ступеней подъема языка характеризует подавляющее большинство зетельских идиолектов, нельзя не заметить некоторых расхождений в плане фонетической реализации î, û. Чаще всего, по нашим наблюдениям, î, û звучат монофтонгически, отличаясь от i, u напряженностью артикуляции (напряженность исчезает иногда в эллиптической речи, так что возможны огласовки: s'n'íx, múst, jíxac',

---

[11] Интересно, что говор деревни Ятвезь (лит. Dai̯navá, в двух километрах от Засетья) не знает напряженных гласных, реализуя пятифонемную систему вокализма:

i u
e o
a

Ср. ятвезские огласовки: l'és, ʒ'ét, xl'ép, kón, dvór, а также: γurk'é, burak'é, dvaré, ʒ'au̯k'é и т. д. Дер. Норцевичи и Курпеши (1 и 3 км от Засетья) входят в ареал напряженности, совпадающей с зетельской в фонетическом плане (данные И. П. Ковальчук).

kûn'). В некоторых идиолектах î, û звучат, пожалуй, как «sonanty niejednolitej artykulacji» [12], т. е. могут восприниматься как дифтонги (i^e, u^o) с убывающей сонорностью, при этом артикуляционный сдвиг в область среднего подъема все же чрезвычайно мало-значителен, так что рельефной чертой зетельского говора остается расширенная сфера употребления диффузных гласных.

Семифонемная система гласных основана на четырех противопоставлениях (табл. 52).

Таблица 52

Признак	e	o	i	î	u	û	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	—
Диффузность	—	—	+	+	+	+	0
Периферийность	—	+	—	—	+	+	0
Напряженность	0	0	—	+	—	+	0

Приводим статистические показатели мощности и симметричности данной системы (табл. 53).

Таблица 53

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17	Периферийность	0,86	1
Диффузность	0,86	2	Напряженность	0,57	1

Для того, чтобы полностью представить фактическое состояние описываемого говора, надо рассмотреть также круг идиолектов (главным образом младшее поколение), исключающих из числа релевантных признаков напряженность (напряженные гласные встречаются в этих идиолектах спорадически как свободные варианты ненапряженных и реализующих пятифонемную вокалическую систему [13]) (табл. 54).

---

[12] См.: J. Rozwadowski. Указ. соч., стр. 207.

[13] Приводимой матрице соответствуют два типа идиолектов, расхождение между которыми можно продемонстрировать сопоставлением следующих (и аналогичных им) огласовок:

l'ís — l'és	u‿vaʒ·í — u‿vaʒ'é
s'v'ít — s'v'ét	núč — nóč
ɣaryc' — ɣaréc' (инф.)	marús — marós и т. д.
ʒ'í — ʒ'é	

Оба случая в типологическом плане менее интересны, чем максимальная модель, так как они представляют лишь пути отхода младшего поколения от традиционной диалектной нормы.

Таблица 54

Признак	e	o	i	u	a
Компактность	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	0
Периферийность	—	+	—	+	0

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Система согласных белорусского зетельского говора включает 36 фонем: r, l, l’, n, n’, m, m’ j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, x, ɣ, ɣ’.

Комментарий:

r — rázam, straxá, c’érla, ɣamarýᵉ
l — lápa, ɣalavá, vû̂l
l’ — l’ı̂tas’, l’ažýc’, v’él’m’i, šynél’
n — nášča, janá, jûn
n’ — n’asú, p’ı̂s’n’a, kûn’
m — marûs, salóma, dûm
m’ — m’ála, zam’án’in[14], s’m’ı̂x
j — jác’v’as’, trója
t — ták, butél’ka, m’ût
d — dáram, vadá
c — cébar, xrascýᵉ, m’ı̂s’ac
ʒ — ʒýŋkac’, ʒybáty, ʒýgac’
s — sanažác’, pasáx, ɣólas
z — zaɣrác’, žal’ı̂za
p — paskústva, paršúk
p’ — p’asók, s’p’avác’
b — ba’ástva, bóndačka, čabór
b’ — b’aré, zab’al’íc’

f — fál’a, fúnt, grýfa
f’ — af’aravác’, f’iráŋka
v — varóna, ʒ’érava
v’ — v’az’é, čalav’ı̂k
š — šápka, xaróšy, ččéš
s’ — s’astrá, vús’
ž — žál, bóža
z’ — z’am’án’e, z’al’óny, vóz’ara
č — čapác’, čýsty, aččyn’ác’, dóšč
c’ — c’ačé, z’ı̂c’ala, spác’
ǯ — v’arbl’úǯaja, pasaǯál’i, v’ı̂ǯu
ʒ’ — ʒ’ákui̯, ʒ’ı̂la, búʒ’a
k — káždy, akýš, znarûk
k’ — ak’an’íca, ak’énca, k’íšk’i
g — gúz’ik, gónt, gvált, póg’iry
x — xáta, bóxan, x’íba, zax’il’íc’
ɣ — ɣamarýᵉ, smáɣa, vól’ɣa
ɣ’ — b’eraɣ’ı̂, druɣ’í, ɣ’arói̯.

В текстах, по которым мы восстановили систему зетельского консонантизма, не засвидетельствовано g’, встретившееся нам лишь в позиции перед гласными переднего ряда и таким образом связанное с g отношением дополнительного распределения (хотя вполне можно допустить, что в качестве крайне маргинальной единицы g’ в Зетеле мыслимо).

14 Этим словом зетельцы именуют в экспрессивной речи жителей соседней деревни Ятвезь (лит. Dai̯navá), также некогда литовской (z’am’án’e na‿jác’v’as ɣavórac’, na‿kurp’ašŷ karáv’ik’i, a‿na‿zas’éc’c’a kacmanŷ).

Таблица 55

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p′	b	b′
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	−	+	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+

Признак	f	f′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	x	γ	γ′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	−	+	+
Палатальность	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0	−	+

Идентификация зетельских согласных достигается с помощью восьми различительных признаков (табл. 55).

Заметим, что в класс компактных фонем включены s', z', c', ʒ', характеризующиеся «шепелявым» звучанием и «краепалатальной» артикуляцией.

Различительные признаки зетельского консонантизма имеют следующие коэффициенты мощности и симметричности:

Таблица 56

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,71	Яркость	0,33	1
Периферийность	0,97	0,84	Звонкость	0,78	1
Назальность	0,14	0,67	Палатальность	0,72	1
Непрерывность	0,64	0,92			

С помощью признаков вокальности и консонантности получаем общую модель фонологического пространства белорусского зетельского диалекта, представленную здесь в виде фонологического дерева (рис. 9). Объединенная модель (43 фонемы) характеризует речь большинства зетельцев старшего, среднего и отчасти самого младшего поколений.

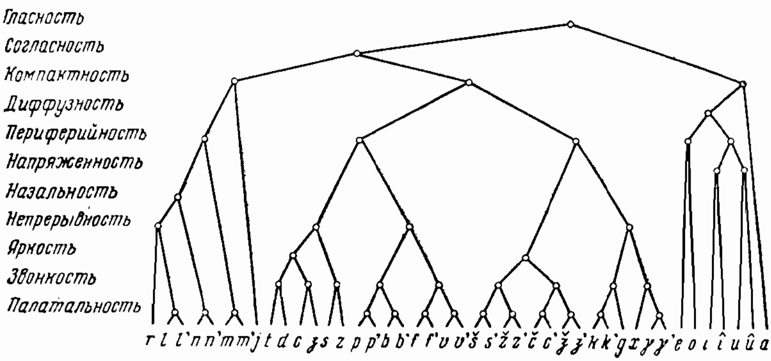

Рис. 9. Фонологическое «дерево» белорусского диалекта Зетелы

Статистические характеристики признаков вокальности и консонантности см. в табл. 57.

Таблица 57

Признак	Мощность	Симметричность
Вокальность	1	0,17
Консонантность	0,84	3,50

Дистрибуция фонем

1) Распределение гласных в слове.

Если под ударением зетельский говор различает до семи гласных фонем, то с безударной позицией связаны существенные инвентарные ограничения.

Прежде всего, универсально для безударных слогов исключение напряженных î, û, так что подсистема безударного вокализма может различать не более пяти единиц:

i u

e o

a

Некоторые идиолекты (главным образом младшее поколение, знакомое с литературным произношением и внимательное к междиалектным контактам) различают в безударной позиции гласные лишь верхнего и нижнего подъема:

i u

a

Архифонемой, замещающей гласные среднего подъема *e*, *o*, является в таких случаях *a*: z'al'ancóvy, dau̯γaváta, pau̯n'ús'-an'k'i и т. п. Это произношение воплощает норму полного недиссимилятивного аканья—яканья, которая, очевидно, в скором времени возобладает в зетельском говоре.

Сейчас, однако, речь зетельцев старшего и среднего поколений знает еще некоторые отступления от этой нормы, позволяющие говорить о следующих случаях различения гласных среднего подъема в безударной позиции:

в конечном открытом слоге в род. п. прилагательных ед. числа муж. и ср. рода довольно регулярно отмечается *o* (tréc'aγo, ʒ'íkaγo, čórnaγo, n'i‿γódnaγo, b'ídnaγo и т. д.). (В наречиях и им. п. существительных ср. рода — случаи типа s'éno, mnóγo — *o* не засвидетельствовано);

в заударных слогах и предударных, удаленных от просодического центра слова (второй, третий, четвертый предударные слоги), после палатальных согласных звучит иногда *e* [15]: xlóp'ec, p'erapužácca, b'elaγaló'vik и т. д. (в многосложных словах, впрочем, можно усматривать дополнительное ударение);

несколько раз в Зетеле отчетливо наблюдалась особая манера произношения, на которой здесь будет уместно остановиться. Мы имеем в виду записанные нами огласовки: robáška, son'ícy, bros'n'ícy, sošýc', p'erasošús'a, četác, červóny [16], zax'el'íc, preslál'í,

---

[15] В предударном положении иногда слышится скорее æ.

[16] В данном случае можно предположить и влияние польской огласовки этого слова.

preplýu̯ и т. п., — в которых на месте гласных верхнего подъема *i*, *u* в первом предударном слоге слышались произносимые при среднем или близком к среднему подъеме языка *e*, *o*[17], занявшие, таким образом, безударную позицию. Это произношение в известном смысле уравновешивает тенденцию к учащенному (в сравнении с нормой литературного языка или других диалектов) употреблению диффузных гласных, характерную для традиционного зетельского говора и уже упомянутую нами выше.

Имея в виду перечисленные явления и несколько идеализируя ситуацию, можно приписать старшему поколению зетельцев пятифонемную систему безударного вокализма. При этом необходимо подчеркнуть явное тяготение к последовательной акающей схеме слова (когда возможны и такие гипернормальные случаи, как xóča jés'c'a, tréba pryv'és'c'a, us'm'axnúu̯s'a и т. п.).

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

Перечислим основные правила, по которым построены *α*- и β-поля фонем белорусского диалекта Зетелы.

Наиболее универсальные из них касаются распределения в фонемных сочетаниях признаков звонкости и палатальности.

(1) $\urcorner$ (Cs^+, Vc^+) & (Cs^+, Vc^-); $\urcorner$ (Cs^+, Vc^-) & (Cs^+, Vc^+) (читается: запрещены последовательности шумных согласных, характеризующихся противоположным значением признака звонкости).

Исключение из этого правила составляют сочетания с v, v', в которых β-позицию могут занимать шумные, отличаемые отрицательной звонкостью (tvár, svaják, c'v'ík, kv'ítka).

(2) $\urcorner$ ((Cs^-, G^+, S^+) $\vee$ (Cs^+, G^+, S^+)) & ((Cs^-, S^-) $\vee$ (Cs^+, S^-)) (читается: запрещено следование непалатального сонанта или шумного за палатальным периферийным сонантом или шумным).

Тенденции к однородности относительно значения палатальности некоторые идиолекты подчинили сочетания губных и заднеязычных с последующими палатальными:

(3) $\urcorner$ ((Cs^-, G^+, S^-) $\vee$ (Cs^+, G^+, S^-)) & ((Cs^-, S^+) $\vee$ (Cs^+, S^+)). Произношение m'l'éka, šup'l'átka, k'íp'n'am, k'v'îtka может сосуществовать (даже в рамках одного идиолекта) с произношением ml'éka, šupl'átka, k'ípn'am, kv'îtka, где нет регрессивной ассимиляции по палатальности. При этом смягчение (точнее, бóльшая или меньшая степень его) все же достаточно характерно.

(4) $\urcorner$ (Cs^+, Cp^-, Ct^+) & ((Cs^+, S^+) $\vee$ (Cs^-, C^+)) (читается: запрещено следование за непериферийным непрерывным некомпактным шумным (s, z) палатального шумного или сонанта). Зетельцы обычно произносят: s'p'avác', z'v'azác', s'v'íran, pás'v'ic', prûz'v'išča[18]. Несколько раз нам встречалось произношение pûl's'k'i,

[17] Сдвиг в область среднего подъема намечен, кстати говоря, в ударном слоге: mlén, sén, mau̯čéc', k'éslyja jáɣady, kóšaʒ' móžna, móš («муж»), móčyʒ' l'uʒ'éi̯, s'akóʒ' dróva.

[18] Правило распространено на сочетания «предлог+существительное», составляющие фонетическое слово: s'‿p'aruná, z'‿ʒ'érava.

l'itéu̯s'k'i (но: pŭl'skaγa, l'itéu̯skaγa), возникающее, по-видимому, чисто фонетическим путем[19].

Результатом ассимиляции по палатальности являются и геминированные компактные в примерах: raz'b'arés's'a, naγúčys's'a, spýn'is's'a и т. п.

В силу тенденции к однородности консонантных групп по значению признака палатальности наблюдается произношение: m'énšy, p'ilnavác', vúz'aŋka, rán'aŋka, c'ixóŋka, dóŋka (< dón'ka).

Характерна для зетельского говора палатальность консонантной пары, оформляющей возвратный инфинитив: astác'c'a, s'm'ajác'c'a, žan'íc'c'a, l'ačýc'c'a.

(5) $\urcorner$ (Cs⁺, Cp⁻, St⁻,) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, Vc⁺, S⁺) (читается: запрещены сочетания tv', dv'). Показательны морфонологические ряды: dvója — ʒ'v'óx, l'itvá — l'ic'v'é, čatýry — čac'v'óra и т. п.

Для зетельского говора характерны сочетания, ассимилированные по компактности:

(6) $\urcorner$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻) & (Cs⁺, Cp⁺, G⁻) (читается: запрещено следование непериферийных компактных за некомпактными непериферийными). Регрессивная ассимиляция по компактности сопровождается перекодированием прерывных (Ct⁻) некомпактных в яркие компактные, а непрерывных (Ct⁺) — в неяркие: výččam, paččékvac', pac'c'erab'íc', paǯžylý, aʒ'ʒ'íl'ny, ražžavác', raššástac', raščasác' и т. п. (а также: š‿čatyrmá, š‿šaš'c'í, ž‿žál'u).

Отметим еще несколько явлений из области консонантной сочетаемости.

Регрессивное уподобление по отрицательной компактности: kn'íscy (kn'íška), lŭscy (lŭška), na‿zapáscy (zapáška).

Регрессивная ассимиляция по сонорности (Cs⁻): ammyvác', amm'íryc', drŭmny, mónny, anná, z‿annéji.

В jéγǯaju, pajaγǯái̯ma (при jéz'ʒ'ic', jéz'ʒ'iu̯, по-видимому, происходит диссимиляция по значению признака периферийности в группе компактных шумных.

(7) $\urcorner$ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Vc⁺) & (Cs⁺ $\vee$ Cs⁻) (читается: запрещено следование сонорного или шумного согласного за v или v'[20]). Изредка в заимствованиях попадаются отклонения: krévny (но говорят и kréu̯ny).

Говоря о сочетаниях вида CV, важно отметить следующее:

(8) $\urcorner$ Cs⁺, Cp⁺, G⁺, Ct⁻, S⁻) & (V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁻) (читается: запрещено следование гласного *e* за *k*. За счет полонизмов в позиции перед *e* различение палатальных и непалатальных членов оппозиции может осуществляться для ряда согласных: métryka, nérvy, péu̯ny и т. д. Зетельцы произносят: sérca.

---

[19] В отличие от морфологизованного -s'k'-, известного в пунктах юга, юго-востока и отчасти востока Белоруссии (см. ДАБМ, карта № 58).

[20] Что касается f, f' в α-позиции в составе консонантной группы, то они отмечены в заимствованиях: frónt, flóta, f'l'ánsy (fl'ánsy), а также: kartóf'l'i (kartófl'i).

Подавляющая масса гласных сочетаний в зетельском говоре — это тавтосиллабические сочетания с i̯, u̯ в Э-позиции:

(9) ∃ ((V⁺, T⁻) ∨ (V⁺, T°)) & (V⁺, D⁺) (péu̯ny, póu̯ny, p'iu̯, ʒ'íu̯ka, dáu̯, dái̯, mýi̯, pói̯la и т. д.)

Случаи зияния редки (пожалуй, только примеры типа paab'-ídac', saapščác'), говор застрахован от них постоянством протетических согласных, устраняющих в ряде ситуаций вокалическое начало слова (naγúka // navúka, zaγarác', zaγóŕvac' и т. п.).

Переходя к трехфонемным последовательностям, заметим, что сочетаний VVV в зетельском говоре нет, а консонантные сочетания CCC используются меньше, чем двухфонемные.

CCC в начале слова (и в интервокальной позиции). Схема STR (S — представитель класса непрерывных некомпактных, T — шумный недлительный, R — сонант или v):

str	— stráx, vóstry	zdr	— zdran'c'v'íc', núzdra
spr	— sprav'adl'í'vy, raspraγác'	zbr	— zbrója
skr	— skruc'íc', paskúctva'	zγr	— zγrábny, razγrabác'
skl	— skladác', paskladác'	zγl	— zγlum'íc'
skl'	— skl'ép, p'iskl'ívy	zγl'	— zγl'éʒ'ec'
spl'	— spl'ú, paspl'ú	zγn	— zγnajíc'
stv	— stvarýn'n'a, γástva	zγn'	— zγn'íc'.
skv	— skvárka, zaskvárуc'		

Последовательности других видов:

sxn	— sxnúc'	tkn'	— tkn'í, zatkn'í
sxn'	— sxn'é	pxn	— pxnúc', zapxnúc'
čxn	— čxnúc'	pxn'	— pxn'é, zapxn'é.
tkn	— tknúc'; u̯zatknúc'		

CCC в интервокальной позиции. RS (∨ T) R:

rsn	— pýrsnuc'	rxn	— šturxnúc'
rs'n'	— pýrs'n'e	rxn'	— šturxn'é
rzl	— z'm'érzla	ndr	— vandravác'
rzl'	— zm'érzl'i	ndl'	— γandl'avác'
rzn	— m'érznuc'	n'c'v'	— zdran'c'v'éc'
rz'n'	— m'érz'n'e	ngl'	— c'óŋgl'a
rkn	— búrknuc'	mkn	— zamknúc'
ŕkn'	— búrkn'e	mkn'	— zamkn'é.

Другие последовательности, включающие сонант:

rkv	— mórkva	n's'k'	— m'ín's'k'i
rst	— v'arstá	tkl	— patkladác'
ršš	— z'm'óršsy	tkl'	— patkl'účany
ptr	— aptrasác'	pkl	— apkladác'
bγr	— abγryzác'	pkl'	— apkl'éi̯vac'
l'sk	— pa‿púl'sku	mšč	— adamščú

l'šč	— pûl'šča	ms'c'	— adam's'c'íc'
l's'k'	— pûl's'k'i	mst	— pómsta.
nsk	— m'ínskaja		

Последовательности шумных:

stk — n'av'îstka
stk' — n'av'îstk'i.

ССС на конце слова:

rst — v'órst
nsk — m'ínsk
l's'c' — p'íl's'c'.

Четырехфонемные сочетания согласных возможны лишь на стыке морфем и крайне редки (типа: apstrél'vac', apskrabác', napárstka).

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В начале слова зетельский говор различает максимум 39 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ʒ', k, k', g, x, γ, γ', (o), i, u, a (rána, lûška, l'îs, nûš, n'úxac' mák, m'ása, jáŋka, táŋk, dác', cácka, ʒýgac', sála, záįčyk, póγ'iry, p'ác', bába, b'arém'a, fárba, f'iráŋka, vadá, v'asná, šáfa, s'îm, žál', z'am'án'in, čýsta, c'îsta, ʒ'ác'ka, kûn', k'ísly, gónt, xavác', γástva, γ'avóluį (// jaγóluį 'геолог'), ólas (γólas), is'c'í, uskóčyc', apalón'ik).

Абсолютное начало слова исключает î, û, e, не засвидетельствовано для этой позиции и ǯ.

Коснемся явлений, связанных с протетическими согласными, в роли которых выступают v, v', γ, γ', j. Наиболее примечательно то обстоятельство, что в каждом отдельном случае зетельцы довольно свободны в выборе протезы, так что иногда создается впечатление, что абсолютное начало слова является позицией неразличения v—γ и v'—γ'—j. Вот записанные нами примеры свободного распределения протетических согласных (причем допустимым произносительным вариантом является еще и отсутствие протезы):

γús'i — vús'i — ús'i
γútarka — vútarka — útarka
γúš — vúš — úš
γúl'ica — vúl'ica — úl'ica
γul'éįn'ik — vul'éįnik — ul'eįn'ik
γučýc' — vučýc' — učýc'
γúšy — vúšy — úšy
γúm — vúm — úm
γóstry — vóstry — óstry
γólava — vólava — ólava
γóz'ara — vóz'ara — óz'ara
γóka — vóka — óka
γ'ilav'éc — v'ilav'éc — jilav'éc
γ'ín'ija — v'ínija — jín'ija
γ'itál'ija — jitál'ija
γ'in'c'arésna — jin'c'arésna
γ'avóluį — javóluį (jaγóluį)
γaknó — vaknó — aknó
γastrýc' — vastrýc'
γarŷšn'ik — arŷšn'ik
γádras — ádras.

Подвижность непротетического γ допускается, но редко. Нам встретились следующие примеры: avarýc’, aspadár, aktár, aróx, ólas. Но и они отмечены лишь в речи очень старых людей, да и то в свободном чередовании со случаями сохранения γ в тех же лексемах.

Абсолютный конец слова различает 23 фонемы: r, l, l’, n, n’, m, t, c, s, p, f, š, s’, č, c’, k, x, e, o, i, î, u, a (bûr, pýl, vál’, caγàn, kûn’, šúm, mût, pl’ác, γólas, krûp, tórf, nûš, skrûs’, nûč, býc’, znarṷ̂k, γarûx, b’aré, γaknó, starý, c’v’ik’í, n’asú, raká).

Инвентарные ограничения на конце слова касаются звонких согласных: $\urcorner$ (Cs^+, Vc^+) & #, а также палатальных периферийных: $\urcorner$ ((Cs^-, G^+, S^+) $\vee$ (Cs^+, G^+, S^+)) & #. Исключен также гласный u.

С позицией конца слова связана чрезвычайно отчетливая и регулярная особенность зательского говора (речь идет не об абсолютном конце, а о границе — иногда нефонетической — слова, взятого в потоке речи): звонкие сохраняются в виде звонких, а глухие озвончаются перед гласным, сонорным или звонким началом последующего слова. Иначе говоря, паузе, предваряющей слово, в начале которого слышится гласный, сонорный или звонкий согласный, можно приписать фонологическую звонкость. Вот несколько примеров сандхи: brád rabótaṷ, mág ras’c’é, svajíγ l’ít, frónd išóṷ, prymág astáṷs’a, štúg aʒ’ináccac’, xlóp’aʒ b’ažýc’, nûǯ dóṷγaja и т. п.

Говоря о дистрибутивных ограничениях, заметим, что в начале слова могут выступать почти все известные говору консонантные пары (начало слова избегает лишь сочетаний вида RC: lyγác’, iržá, imčýc’), тогда как на конце слова сочетаемость согласных ограничивается довольно коротким списком пар (rm, rt, rf, rs, rš, rč, rc’, rx, l’s, l’š, nš, nt, sk, ft, št, šč, s’c’), причем для сочетаний с сонантом характерен порядок RC.

О трехфонемных последовательностях уже шла речь выше, а четырехфонемных (и бóльших) скоплений согласных в начале и на конце слова в зетельском говоре, по-видимому, нет.

Особенности белорусского идиолекта двуязычных

В белорусской речи тех, для кого родным языком был литовский, часто происходит замена f, f’ на p, p’ (prónt, p’íkus), x на k (káta, k’ítry), γ на нуль звука (avarýc’), γ’ на j (majíla). Исходя из этого, фонологическую систему белорусского диалекта, наслоившегося на литовский «субстрат», можно представить в виде 38-фонемного инвентаря, основанного на 11 противопоставлениях (табл. 58).

Разумеется, появление этих звуков в речи отнюдь не исключено (попадаются даже гипернормализмы: grýfa, xalxûs и т. п.), замена же f, f’ на p, p’ известна в исконном белорусском диалекте Зетелы. Но все же есть основания считать указанные особенности

Таблица 58

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	ʒ	s	z	p	p′	b	b′	v
Гласность	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	−	+	+	0
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	−

Признак	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	e	o	i	î	u	û	a
Гласность	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0
Компактность	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	−	−	−	−	−	−	+
Диффузность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	+	+	0
Периферийность	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	−	+	−	−	+	+	0
Напряженность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	+	0
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Яркость	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	0	0	0	0	0	0	0
Палатальность	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	0	0	0	0

приметами контакта, так как замена x > k, γ, γ' > нуль звука, j если не регулярна, то симптоматична, а частота замены f, f'> p, p' во «вторичном» диалекте заметно нарастает в сравнении с нормой.

Наименее регулярна замена γ, γ' в середине слова, поэтому синтагматические последствия пониженной мощности признака непрерывности — случаи возникновения зияния — немногочисленны (гораздо реже, чем, скажем, в лаздунском говоре). Замечено: baástva, paavarýc'.

Литовский диалект

Постепенная ассимиляция, в результате которой литовский остров на глазах поглощается (особенно в последнее время) славянской средой, создает чрезвычайно пеструю картину фонетических вариаций. Яркое представление о непостоянстве произносительных норм в зетельском диалекте дают транскрипции П. Арумаа и А. Видугириса, который пишет, что в Зетеле «очень часто отличается не только речь одного человека от речи другого, но и в речи одного и того же представителя говора встречается множество несовпадений» [21]. Это все время приходится иметь в виду при анализе зетельского говора.

Вокализм (V^+)

Зетельский говор различает максимально 8 гласных фонем:

i	u
i^{e}	u^{o}
e	o
æ	a

i — ira., ki.ta, bы.inas (A); strы.chà (V) [22]
i^{e} — ti^{e}sa., dî^{e}.na, pr^{i}e.g (A); dĩ.na (diẽna), namiẽ (V)
e — nė·r, duktė· (A); dažurεsu (V)
æ — mεdu.s, va·nd'εńo (A); mǣ̃s, pǣ̃čåus (V)
a — a·ržu^{o}lɔ, ašarė·lês (A); anà, ar̃dėsi (V)
o — obû^{o}l'ėi', nî^{e}ko (A); rãzom, kristinosna (V)
u^{o} — vandû^{o}, i̯û^{o}da (A); jú·das (j^{u}ódas) (V)
u — u·ža·, rug'ėi· (A); žu·rù, užsipianti (V)

Интересно, что дифтонги i^{e}, u^{o} в подавляющем большинстве случаев зетельцы произносят, выделяя первую часть (примеры с доминацией второй части встречаются, но лишь спорадически). Такое произношение последовательно передается в записях

---

21 См. LKK, II, 1959, стр. 198.

22 Здесь и далее этим знаком помечены транскрипции А. Видугириса.

П. Арумаа, где преобладает транскрипция i^e, u^o, на регулярность этого произношения обращает внимание и А. Видугирис [23]. Нельзя не усмотреть в этом полной аналогии с судьбой дифтонгов в белорусском говоре Зетелы (разумеется, при тех отличиях, на которые указал Я. Розвадовский [24]).

Максимальная вокалическая система построена на четырех противопоставлениях (табл. 59).

Таблица 59

Признак	e	o	i	i^e	u	u^o	æ	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+	+
Диффузность	—	—	+	+	+	+	0	0
Периферийность	—	+	—	—	+	+	—	+
Напряженность	0	0	—	+	—	+	0	0

Эта система может быть установлена лишь на основании анализа совокупности идиолектных текстов, так что по существу она является идеализированной. Тот же материал позволяет судить о различных модификациях описанной системы, известных реальным идиолектам зетельцев.

Прежде всего следует сказать об утрате противопоставления æ — a, которая наметилась уже ко времени работы П. Арумаа (ср. mä·s, ńä·št, v́ä·št, ḿä·tu и т. д.) и затем продолжала развиваться. А. Видугирис пишет о «расширении e до a-оттенка» (примеры: nœ̃śa, mœ̃s, mœ̃tai, kumœ̃lɛ, gœ̃ra ('geria'), svirnœ̃lis, velœ̃snis, blogœ̃sne, nesidaĩlœ·, kãtœ·).

К настоящему времени, на наш взгляд, дефонологизация æ̃ несомненна, так как все варианты произношения этого звука в различных позициях совпали с вариантами произношения (')a (что же касается начала слова, то здесь повсюду a: aglìnė, ãžaras, aĩna, ašìs, apušẽ (V).

Семифонемный треугольник гласных является, пожалуй, наиболее характерным для нынешнего зетельского диалекта типом вокализма:

$$\begin{array}{ccc} i & & u \\ i^e & & u^o \\ e & & o \\ & a & \end{array}$$

Ниже приводятся матрица идентификации типичной для Зетелы семичленной вокалической системы и таблица статистических

[23] См. LKK, II, 1959, стр. 199.

[24] «... 1) w białoruskiem nie rozróżnia się dwojakiego akcentu, i 2) w litewskiem występowanie dyftongów nie jest ograniczone pozycją akcentowaną» (см.: MPKJ AU w Krakowie, t. I, z. 2, 1903, стр. 220).

индексов соответствующих различительных признаков (табл. 60, 61).

Таблица 60

Признак	e	o	i	i^e	u	u^o	a
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	+	+	+	+	0
Периферийность	—	+	—	—	+	+	0
Напряженность	0	0	—	+	—	+	0

Таблица 61

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,17	Периферийность	0,86	1
Диффузность	0,86	2	Напряженность	0,57	1

В рамках этой системы возможны различные звуковые вариации, дополняющие представление о чрезвычайной изменчивости зетельских произносительных норм. К ним следует отнести, в частности, дифтонгизацию o, ė (žuõdis, núori, jiẽme, adbíegåu и т. п., и две лексемы с ou: toul̦ì, toul̦èst, soudí·t, pasoudinåũ (V)); а также монофонгизацию i^e, u^o (zi·mà, nĩ·ko, ví·nas, di·nà, sũ·, sesũ·, dú·k, važú·kim, jú·das, ku·dœ̃lis, põnus, li·tùs[25] (V)). Напомним, однако, что указанные явления носят факультативный характер и соседствуют (даже в пределах одного идиолекта) со случаями, где эти произносительные тенденции либо выражены слабо, либо вовсе отсутствуют.

Консонантизм (Cs^+, Cs^-)

Литовский консонантизм Зетелы представляет собой систему, также расшатанную многочисленными вариациями.

К настоящему времени консонантный инвентарь, характеризующий речь большинства, составляет 35 фонем: r, l, l’, n, n’, m, m’, j, t, t’, d, d’, c, s, z, p, p’, b, b’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, x, g, g’, γ.

r — r·û°šûti, raŋka·i (A); rãščina, rõdas (V)
l — l̦abai·, ńėpi̯ovêl̦a (A; lachõnė (V)
l’ — skl’äpa, pripi.l’tu (A); veséil̦’on (V)
n — nam·ɔp, na·vɛt (A); anà, mán (V)
n’ — ńä·št, kal’ńä·lo (A); jåunǣsnis (V)

[25] i·, u· в транскрипции А. Видугириса суть долгие монофтонги.

m — mani.m(p), mɔma. (A); macitkì, mãnas (V)
m' — ža·mȧ, nami^e (A); jem'åũ (V) m'áʒas
j — i̯·oi̯ȧ, i̯im·k(A); jéunas (V) jélav'iča
t — ta·u, ńêtoul'i., duktы^i.ka (A); tãta, tadaĩk (V)
t' — t'ä·ka, štš'e·ćt'os, nakti.s (A); t'urmõn, ti·sȧ (V)
d — da·rba, budыŋ·kus (A); dailýti, daržinẽ, zåus'òdы (V)
d' — kud'äli, di^e·na (A); dǣšim, dìrbom (V); d'íd'al'is
c — pro·tsa, tsa·ris, tsai·k (A); tsaĩk (V)
s — sal̦du.s, savisu. (A); sãkom, sesы·ka (V)
z — zolɔti.ni, ra·zumi, nazo.t (A); zlòtu, zasìs[26], rãzom (V)
p — kapыtu., pada·rê (A); pariñkti (V)
p' — pir̃·k'ȧ, pä·ku, upä·lê (A); pilnavóti (V); p'ákuu̯
b — balta., bы·inas (A)
b' — b'ärnas, bi.t (A); bèz (V)
v — vandû^o·, p·î^evôs (A); vãkari, vaĩkas (V)
v' — v'ä·šk, išlav'ɔu· (A); vedòma (V)
š — ašar̃ė·lês (A); paršù, šóko (V)
s' — śänas, tamśa·i (A)
ž — ža·m̃a.važ·û^ot (A); atvažãvo, žu·rù (V)
z' — z·î^et'ɛlos (A); pãzi·zel'ai (V)
č — tša·ikos (A); čértas, baz'n'íča; tráča
c' — ciòngle, ciẽlas (V)
ǯ — žaidžo (V); m'áǯas, ižǯúvo
ʒ' — ʒ'amónas[27]
k — ka.p, kara.l'o (A; kadaĩk (V)
k' — ak̃a·i, k̃ä·l'o (A); reĩk'a, tok'ã (V)
x — xo.tś (A); chvãras, strы·cháuka· (V); xvajá, stryxá
g — ga·lvai, žmɔ·gus (A); gajóvas, gãdnas (V)
g' — dal'g̃a.s (A); dåug'åust, rug'ùs (V)
γ — slûγos, suzγa·dino, γɔ·nino, γul'·ot (A); hãlasas (V); plúγas, baγótas.

Для описания зетельских согласных достаточно восьми различительных признаков: согласность, компактность, периферийность,

[26] Это слово является одним из интереснейших фактов литовской диалектологии, в частности, оно послужило Я. Отрембскому основанием для реконструкции неразличения š, ž—s, z в праязыке зетельских литовцев, которых он называет «последними потомками ятвягов» (см.: Я. С. Отрембский. Язык ятвягов. «Вопросы славянского языкознания», 1961, вып. 5, стр. 8). В этом же ряду рассматриваются слова zvėrìs, bazni·ča (за которыми, кстати говоря, Х. С. Станг не признает особого значения, объясняя свистящий первого слова белорусским влиянием, а во втором случае — славянским происхождением слова. См.: Ch. S. Stang Указ. соч., стр. 174). А. Видугирис слышал свистящее произношение также в словах zvaizdẽ, zi·ma, zыvìs, zœ̃me—zãmė (но уже наряду с шипящим произношением). Перечисленными примерами исчерпываются случаи неразличения š, ž—s, z, которое носит в зетельском говоре реликтовый характер и ни в коей мере не является живым процессом.

[27] ʒ'amónas, бел. z'am'án'in — наименование (экспрессивное) жителей дер. Ятвезь (лит. Dainava).

Таблица 62

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	t′	d	d′	c	s	z	p	p′	b
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	−	+	+	−	−	−
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	+	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	−	+	−	−	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	−	+	−	+	0	0	0	−	+	−

Признак	b′	v	v′	š	s′	ž	z′	č	c′	ǯ	ʒ′	k	k′	g	g′	x	γ
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	−	−	−	+
Яркость	0	0	0	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	+	0	0	−	−	+	+	−	−	+	+	−	−	+	+	+	−
Палатальность	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0

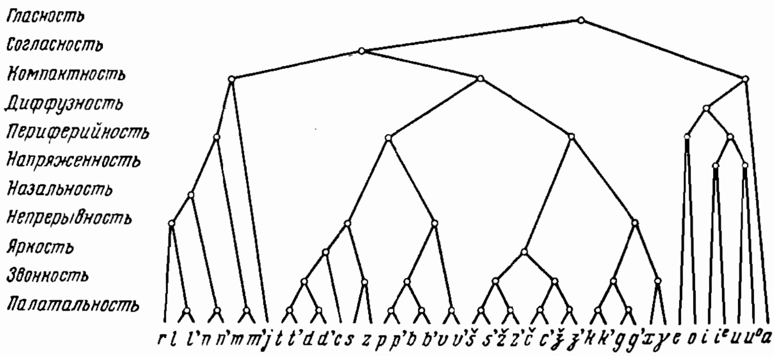

Рис. 10. Фонологическое дерево литовского диалекта Зетелы

назальность, непрерывность, яркость, звонкость, палатальность (табл. 62).

Заметим, что x, γ играют в данной системе второстепенную роль, они представлены лишь в заимствованиях из белорусского диалекта (при этом здесь вполне допускается замена x на k: kvajá, stryká, а γ — на g или же на нуль звука: plúgas, álasas).

В систему не включены r', š', ž', č', ǯ'. П. Арумаа еще довольно регулярно различает r—r', š—š', ž—ž', č—č', ǯ—ǯ', хотя и в его транскрипциях есть примеры диспалатализации этих согласных (ńɛn·oru, žû·r, gira., nuvaža·u, atvaža.u, važûot, pasižûre.i, žámai.и т. д.). А. Видугирис пишет о частом отвердении названных согласных перед e, ė, i (однако его же материал позволяет говорить и о других позициях диспалатализации, ср. mœ̃džas, trãčas и др.[28]). Нам представляется, что в настоящее время наступила дефонологизация r', š', ž', č', ǯ', и если попадаются примеры более или менее палатального произношения, то они остаются случаями спорадическими и сугубо факультативными.

Согласные s', z', c', ʒ' в силу среднеязычного, «краепалатального» образования (и, соответственно, «шепелявого» звучания) отнесены к компактным и поставлены в оппозицию š, ž, č, ǯ по признаку палатальности.

Таблица 63

Признак	Мощность	Симметричность	Признак	Мощность	Симметричность
Компактность	1	0,75	Яркость	0,37	0,62
Периферийность	0,14	0,70	Звонкость	0,69	1
Назальность	0,14	0,67	Палатальность	0,80	1
Непрерывность	0,63	0,57			

[28] См. LKK, II, 1959, стр. 199.

Приводим статистические показатели мощности и симметричности различительных признаков в системе зетельского консонантизма (табл. 63).

Объединив семичленную систему вокализма и 35-фонемную консонантную систему, получим общую модель фонологического пространства литовского зетельского диалекта (см. фонологическое «дерево», рис. 10), наиболее характерную для современного его состояния.

Ниже (табл. 64) приводим показатели мощности и симметричности двух различительных признаков, формирующих общую модель (42 фонемы).

Таблица 64

Признак	Мощность	Симметричность
Гласность	1	0,20
Согласность	0,83	3,37

Дистрибуция фонем

1) Распределение гласных в слове.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, вокалическая схема зетельского литовского слова строится вполне независимо по отношению к просодии.

Есть как будто одно исключение — в безударной позиции иногда *o* заменяется на *u*, а *e* — на *i*: kuk'aĩ, tuk'aĩ, kuplõnas, kudẽl, sidĕjåu (V). Сразу же заметим, что это произношение нельзя считать ни распространяющимся на все идиолекты, ни достаточно последовательным в рамках хотя бы одного из них. И все же на него стоит обратить здесь внимание, поскольку оно представляет собой заметную (уже при первом контакте) черту зетельской фонетики. В фонологическом плане эта произносительная тенденция может интерпретироваться как явление, в известном смысле изоморфное аканью (разумеется, при коренных материальных отличиях), если учитывать конечный результат, сводящийся к ограничению встречаемости недиффузных гласных (о, е) в безударных слогах.

2) Упорядоченные сочетания двух и более фонем.

Ниже перечисляются основные правила, которым подчинена дистрибуция фонем в литовском зетельском диалекте. Наиболее универсальные из них касаются распределения признаков звонкости и палатальности.

(1) $\urcorner (Cs^{+}, Vc^{+}) \& (Cs^{+}, Vc^{-})$; $\urcorner (Cs^{+}, Vc^{-}) \& (Cs^{+}, Vc^{+})$ (читается: запрещены последовательности шумных, противоположных по значению признака звонкости). Отметим, что v, v', характеризующиеся нефонологической звонкостью, в синтагматическом

плане сближаются с сонорными (ср. kǣtvertas, ìšvert'eu, atvažãvo, švir̃sti (V), s'v'ī́ᵉtas, kv'ī́ᵉtka, c̄hvãras и т. п.).

(2) ¬ ((Cs⁺, S⁺) ∨ (Cs⁻, S⁺)) & ((Cs⁺, S⁻) ∨ (Cs⁻, S⁻)) (читается: запрещено следование непалатального шумного или сонанта за палатальным периферийным сонантом или шумным).

Отметим, что в некоторых идиолектах наблюдается склонность к регрессивному уподоблению губных и заднеязычных последующим палатальным:

(3) ¬ ((Cs⁻, G⁺, S⁻) ∨ (Cs⁺, G⁺, S⁻)) & ((Cs⁻, S⁺) ∨ (Cs⁺; S⁺)).

Ср. : im'píl'k, p'jáut, s'p'l'áudit (V); bl'uská, k'v'ī́ᵉtka, ap's'iγai̯d'in'et, duk't'é и т. п.

В таких идиолектах, следовательно, распределение палатальности можно свести к следующему правилу:

(4) ¬ ((Cs⁺, S⁻) ∨ (Cs⁻, S⁻)) & ((Cs⁺, S⁺) ∨ (Cs⁻, S⁺)) (читается: запрещено следование палатального шумного или сонанта за непалатальным шумным или сонантом).

Ср.: bažnītš'ˈ'a·i, mîᵉšt'ɛ, šl'ⁱe·pas, švîᵉ·tan, koń·tš'ino, va·ńd'ɛn'o, ińštita·pino, mi.ńdž'oi̯o, užžvê.ŋge, kal'ńä.l'o, vêr·k̄a (A) и т. п.

Характерно оформление однородных по компактности групп:

(5) ¬ (Cs⁺, Cp⁺, G⁻, St⁻, Vc⁻, S⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁺, Vc⁻) (читается: запрещено следование šs). Ср.: ussod'in'ét.

Характерно следующее ограничение:

(6) ¬ (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺) & (Cs⁺ ∨ Cs⁻) (читается: запрещена комбинация v или v' с последующим шумным или сонорным).

Все сказанное до сих пор о синтагматике зетельской фонологической системы сходно с характеристикой уже описанных островных говоров и не противоречит представлению о континууме литовских островных диалектов в этом районе.

Следующая же особенность свидетельствует о чрезвычайном своеобразии зетельского говора:

(7) ∃ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, Ct⁻, St⁻, S⁺) & ((V⁺, D⁺, G⁻) ∨ (V⁺, D⁻, G⁻, T⁺)) (читается: допустимо следование гласных i, î за согласными t' или d') [29].

Ср.: martì, di.nà, dailí·tis, satikdinĕ'ja (V), то же в записях П. Арумаа: di.rpti, di.dɛlê, pati., tiktai.k и т. д.

Таким образом, в Зетеле, в отличие от других литовских островов, тяготеющих к дзукскому диалектному поясу, α-поле фонем i, î служит позицией различения t—t', d—d' (aspadɨ.nė—di·nà (V), martý̯ika — t'îsá). При однородности славянского влияния (в данном аспекте) это свидетельствует, по-видимому, об особом облике первоначальной системы и диахронических процессов.

Ассибиляция t' d' спорадически все же наблюдается: žyl'v'íc'is, žyl'v'ic'él'is, и, разумеется, в заимствованиях: garsét—garséc'ikas и т. п.

---

[29] И соответственно: ∃ (Cs⁺, Cp⁻, G⁻, St⁻) & (Cs⁺, Cp⁻, G⁺, Ct⁺, S⁺) & ((V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁺) ∨ (V⁺, Cp⁻, D⁺, G⁻)) (читается: существует последовательность, состоящая из t ∨ t' ∨ d ∨ d', согласного v' и гласных i ∨ ie. Ср.: dvì, kœ̄tvirtas (V).

А. Видугирис указал на еще одно свидетельство в пользу особого положения t' d' в системе зетельской фонологии: говор допускает взаимозаменяемость t' и k', d' и g' (šil̃tis—šil̃kis, pàdegė — pàgegė, со ссылкой на сведения А. Видугириса перечень этих примеров продолжает З. Зинкявичюс[30]: d'egužę̄˙, g'irg'ę́˙jåu, k'ìltas и т. д.). Исходя из этого можно говорить о тенденции (далеко не последовательной и скорее рудиментарной) к утрате оппозиций t'—t', d'—d' в некоторых зетельских идиолектах.

Еще одно правило, распространяющееся на сочетания вида CV:

(8) $\urcorner$ (Cs⁺, Cp⁺, G⁺, Ct⁻, S⁻) & (V⁺, Cp⁻, D⁻, G⁻, T⁻) (читается: запрещены сочетания ke, ge). Что касается непалатальных коррелятов других согласных, то они известны перед e в польских заимствованиях (métras, garséc'ikas, pé̯unas и т. п.), а также в исконных словах с диспалатализацией l' (k'åũlɛ, kumœ̃lɛ (V) и т. п.), шипящих, ср. также b в kalbét'i.

Переходя к комбинациям гласных, констатируем:

(9) $\exists$ ((V⁺, T⁻) $\vee$ (V⁺, T°)) & (V⁺, D⁺) (читается: разрешено следование диффузных i, u за любым гласным, исключая лишь î, û). Нетавтосиллабических последовательностей гласных говор обычно избегает либо с помощью гортанной смычки: panu'imdin˙ésu, pa'a˙ugo, pa'ėmê, ńɛ'apsist˙oi̯á, (sa) ta'im˙(A); либо с помощью протезы: pajímt (paγ'ímt), papryγai̯d'in'ét, paγul'ós'im.

Для тавтосиллабических сочетаний au̯, ai̯ характерно выравнивание компонентов по значению признака компактности (появление у первого компонента o- и e- оттенка обусловливается безударностью слога или интонационным выделением второго компонента): dåug'åũst, låukas, jėm'åũ, k'åũlɛ, gerɛĩ, mažɛĩ (V); tɔul'ɛ.st, šɔuk'a, dɔug'ɛ.st (A).

Касаясь трехфонемных последовательностей, заметим, что сочетаний VVV зетельский говор избегает, а консонантные сочетания CCC используются реже, чем двухфонемные, и могут быть обобщены в следующих типах.

CCC в начале слова (и в интервокальной позиции). Порядок STR (S — представитель класса непрерывных некомпактных, T — недлительный шумный, R — сонант или v):

str — strái̯sta	skl' — skl'äpa (A)
spr — sprь̃tnas	spl' — spl.ûsna (A)
skr — skrīnä˙lên (A)	škl — šklәni.ńä (A)

CCC в интервокальной позиции. Схема RS ($\vee$T) R:

rpr — pä.rprousk (A)	rkl — arklû.ka (A)
rxr — perxrĭštīti (A)	nsr — insrьnkč'à(p) (V)
rkl' — arkl'i˙s (A)	ngl' — c'ongle (V)

---

[30] См.: Z. Z i n k e v i č i u s. Lietuvių dialektologija, стр. 140.

Другие последовательности, включающие сонант:

rst	— pǽrstoi̯ (V)	ršt'	— kářšt'is
rz'd'	— parazvêrzdinė·i (A)	žgr	— užgrė·ps (A)
rkt	— piřktumėm (V)	pxr	— apxri.štīli (A)
rkt'	— vêr·kti (A)	škl	— iškláusė (V)
rgd	— vergdamì (V)	špl	— išplû·ko (A)
rpt'	— di.rpti (A)	nsk	— vìlenška (V)
rpk'	— dìrpkit (A)	nks	— sařiŋksu. (A)
rps	— dirpsu· (V)	nks'	— paríŋ·ksim (A)
rks'	— pirksi. (V)	nkt	— ìnrыnkta (V)
rtv	— mêr·tvôs (A)	nkč	— insrыnkč'a(p) (V)
		ngd'	— inrыnkdinějo (V)

Последовательности шумных:

žžv'	— užžvê.ńgė (A)	ps't'	— grěbstina (V)
ks't'	— nakśt'i·kai (A)	stv	— karal'a·ustvô (A)

CCC на конце слова:

rpt	— dìrpt (V)	nks	— razdêŋ.ks (A)
rpk	— dìrpk (V)	nkt	— inrыñkt (V).
l'št	— primǽl'št (V)		

На трехэлементные последовательности в зетельском говоре распространяется следующее ограничение:

$\neg(Cs^+, Cp^+, G^+, Ct^-)\ \&\ ((Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^+) \vee (Cs^+, Cp^+, G^-, St^-))\ \&$ $\&\ ((Cs^+, Cp^-, G^-, Ct^-, St^-) \vee (Cs^+, Cp^+, G^-, St^+)$ (читается: запрещены последовательности, состоящие из k, g на первом месте, š, ž, s' — на втором и t, d, č, ǯ — на третьем). Ср.: šáuštas, skrãždė, slañśtis, vakarí·ščas, žvìrzdos, žvaiždě, pǿrnišča (V); ru·štùs, ri·štė (V).

Сочетание CCCC отмечено в следующих словах: aŋkśl'ina, aŋḱśti. (A); CCCCC : añkstri·tas (V).

3) Подсистемы начальных и конечных фонем.

В позиции абсолютного начала слова зетельский говор различает 40 фонем: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, ǯ, c', ʒ', k, k', (x), g, g', (γ), i, e, a, o, u. Примеры: rãščina, lachmõnas (V); l'i.ko (A); nãto (V); ńä·št, mani.m(p), ḿä·tė (A), jåunà, tãta, t'urmõn, daržinẽ, dœ̃šim, tsaĩk, sãkom (V); zas'áčai̯; pada·rê, p'ä·ku, balta., b'ä·rnas (A); vãkari (V); v́ä·šk (A); šáuštas (V); śänas, ža·ḿa, z·îet'ɛlɔs, tša·ikos (A); ǯóu̯kśmas; ciòngle (V); ʒ'amónas; kara·l'o, ḱä·l'o, xo.tś, ga·lvai (A); g'áras; hãlasas, ìtas, ãnas, ùtaryti (γùtaryti) (V); ém'e (jẽme (V)); obu°l'ái̯ (hobuol'aĩ (V)).

На конце слова в зетельском говоре различается 17 фонем: r, l', n, m, t, s, p, š, c', k, e, o, i, ie, u, uo, a. Примеры: dár; kuɔde·l' (A); teñ, dǣšim (V); tûo.mɛt, ma·nas, nam·ɔp, a.š, xo.tś, γul'ók, duktė·, da·rbo, rûošûti, namîe, žũru., akmûo, mêrga. (A).

В начале слова не встречаются гласные ie, uo, которые, как правило, предваряются протезой (jíena, húogos (V)). Протезы

вообще чрезвычайно характерны для зетельской фонетики. По наблюдениям А. Видугириса[31], чаще всего используется протетическое γ (hãra, hartójas, háusti, haĩti, hãnas, hùpė, húogos, hobⁿol'aĩ). Кроме того, возможны (в том числе, и в свободном чередовании с γ[32]) протетические j, v — ср. janà, jãni·s, jiĩ, jẽmė, vùpė, vúogos, vobⁿol'aĩ, vu.li·ča[33].

На конце слова вокализм не знает ограничений, тогда как согласные выступают в значительно сокращенном составе. Если иметь в виду абсолютный конец слова, то основные инвентарные ограничения таковы: $\urcorner (Cs^+, Vc^+) \& \#$ (читается: абсолютный конец слова исключает звонкие согласные);

$\urcorner ((Cs^-, G^+, S^+) \vee (Cs^+, G^+, S^+)) \& \#$ (читается: абсолютный конец слова исключает периферийные палатальные).

На конце слова не засвидетельствованы также n', t', s' и непалатальные l, c, č.

Конец слова, взятого в составе синтагмы, совершенно так же, как это происходит в белорусском говоре Зетелы, звучит звонко или глухо в зависимости от качества начального элемента последующего слова: перед звонким, сонорным, вокалическим началом звонкие остаются звонкими, а глухие озвончаются (prašid i̯o, l'i.gz udavai, ia·dtim·d amil'o·nip (A); àž‿gi, mæ̃z jåu, kàb‿gi, jaĩb duktẽ, mãnaz iš (V)); перед глухим же началом следующего в синтагме слова всегда слышится глухой конец предшествующего. Иными словами, паузе в ситуации первого типа приписывается фонологическая звонкость, а в ситуациях второго типа — незвонкость.

Начало и конец слова противопоставлены друг другу и по своим дистрибутивным возможностям. В начале слова могут выступать почти все из пар, вообще допустимых в говоре (исключая лишь сочетания вида RC). На конце слова консонантные пары гораздо более редки, причем значительную часть из них составляют сочетания с сонантом зеркального по отношению к началу вида RC (rs, rt, rk, l't, l'k, nk, mp, mk, mt).

Трехфонемные консонантные сочетания, засвидетельствованные в начале и на конце слова, приведены в предыдущем разделе, а бóльших скоплений согласных в этих позициях как будто нет.

Польский диалект

Транскрипции зетельских польских текстов (см. Тексты) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что фонологическая система зетельского говора полностью совпадает с другими говорами рас-

---

[31] См.: LKK, II, 1959, стр. 20.

[32] Ср. также в середине слова: savim̃ : sajim̃ (V).

[33] Допустимым вариантом начала слова, разумеется, остается и отсутствие протезы, в особенности, если речь идет о славянских заимствованиях типа: aspadõrus, aspadũ·nė, u.tari·t (V).

сматриваемой группы и, в частности, с подробно описанной нами фонологической системой польского говора Лаздун.

Ограничимся здесь комментарием к фонемному инвентарю.

Вокализм (V⁺)

e — žégnac', jéšče, ói̯c'ec
o — ozdóba, s'ondai̯, kós'c'ol
i — ʒ'ís', pšýšla, k'édy
u — múi̯, súkn'a, l'úby
a — mátka, bogáta, ámen.

Консонантизм (Cs⁺, Cs⁻)

e — rás, ráno, próša
l — laskávy, m'íla, zobáčyl
l' — l'ámpa, vasél'a, l'zám'i
n — napévno, stanéla, ʒeŋkújen
n' — n'ánčyc', plakán'a, s'en' (возвр. местоимение)
m — márš, dóm, modl'ílam
j — já, tvója, jéšče
t — tám, čtérma, tútai̯
d — dái̯, mlódy, béndon
c — cály, ói̯ca, cméntaš
ʒ — bárʒo, nénʒa, sáʒa
s — sádla, smútak, vús
z — zapal'óny, zlóta
p — pan'éŋka, s'l'úp
p' — p'ána, p'óntak
b — bái̯ka, l'úby
b' — b'ály, tób'e
f — fatýga, frasúnak
f' — of'ára, f'iráŋka
v — vasél'ny, práva
v' — v'ánek, pov'áda
š — šal'óny, kšýš, póšla
s' — s'áno, s'óndac', cúrus'
ž — žál', oltážem
z' — z'árno, z'el'óny, z'v'ónzac'
č — čápka, s'óščše
c' — c'álo, zlóc'e, dác'
ǯ — dežǯýsty, děžǯyk
ʒ' — jéʒ'a, ʒ'v'í, xóʒ'by
k — kapl'í'ca, žóŋka, óbuk, kéns
k' — k'erúnak, v'áŋk'em, ták'i
g — gánek, gáza, dróga, génsty
g' — dróg'e, švag'érka
x — xáta, n'éxai̯, márx'ef.

Дистрибуция фонем

Укажем на одну интересную и чрезвычайно отчетливо выраженную особенность зетельского польского говора. Речь идет о правиле звонких сандхи, которому подчинена фонетика конца слова, звучащего в составе синтагмы. В польском говоре Зетелы оно действует с той же регулярностью, что и в сосуществующих с ним белорусском и литовском говорах. Ср.: jág bogáta, skovronéčeg núc'i, kl'úǯ žucóny, k's'ónʒ nám, óbug n'égo и т. п.[34]

В остальном же все сведения о фонологии польского и зетельского говора могут быть почерпнуты из очерка «Лаздуны», содержащего описание тождественного типа фонологической системы.

---

[34] Как известно, фонетика конца слова служит едва ли не важнейшей из изофон, членящих польское диалектное пространство на две части: юг, запад — северо-восток (см., например: K. Nitsch. Dialekty języka polskiego. Wrocław—Kraków, 1957, стр. 88—90). Наш говор по этому признаку смыкается с географически разобщенной территорией юго-запада (Великопольша, Силезия, Малопольша).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР БЕЛОРУССКИХ, ЛИТОВСКИХ И ПОЛЬСКИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ДИАЛЕКТОВ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Приступая к обсуждению результатов исследования, наметим основные аспекты обзора и типологического сравнения описанных нами фонологических систем и тем самым определим ту последовательность изложения, которой будем придерживаться.

Собственно говоря, мы предполагаем ограничиться здесь двумя планами сопоставления.

Вначале, не выходя за пределы каждого отдельного пункта, сравним между собой показания сосуществующих на одной территории белорусского, литовского и польского говоров:

Лаздуны	*Девенишки*	*Герпяты*	*Зетела*
↑ белорусский	↑ белорусский	↑ белорусский	↑ белорусский
| литовский	| литовский	| литовский	| литовский
↓ польский	↓ польский	↓ польский	↓ польский

Таким образом, мы по существу подведем типологические итоги каждой из описательных глав, а проделав эту работу, получим характеристики обследованных нами пунктов с точки зрения индивидуальной картины интерференции и ее результатов, запечатленных белорусской, литовской и польской фонологическими системами.

Затем мы обратимся к другому, можно сказать, ареальному плану сравнения — нас будут интересовать те сходства и расхождения, которые обнаруживают говоры одного языка, приуроченные к различным трехъязычным комплексам.

Лаздуны	*Девенишки*	*Герпяты*	*Зетела*
белорусский	белорусский	белорусский	белорусский
←———	———	———	———→
литовский	литовский	литовский	литовский
←———	———	———	———→
польский	польский	польский	польский
←———	———	———	———→

На основании данных о локальном или повсеместном (в пределах нашей группы говоров) распространении тех или иных черт фонологической системы мы получим представление о белорусском, литовском и польском фонологических типах, характе-

ризующих район белорусско-литовско-польского трехъязычия (север Гродненской обл.—юг Виленщины).

Совершенно ясно, что для понимания языковых процессов, происходивших и идущих ныне на описываемой нами территории, чрезвычайно важно было бы определить место наших говоров в диалектных континуумах и диасистемах (по У. Вайнрайху) [1] соответствующих языков. И по всей вероятности, в первую очередь следовало бы привлечь к сопоставлению географически смежные говоры, окаймляющие зону активных и непосредственных литовско-славянских контактов. Однако этот аспект сравнения является самостоятельной задачей, разрешение которой зависит от планомерного ареально-типологического описания белорусской, литовской и польской [2] языковых территорий.

Прием внешнего типологического сравнения отчасти все же используется нами: для того чтобы отчетливее уяснить себе характер фонологии интересующего нас района, мы привлекаем сведения о фонологических системах белорусского, литовского и польского литературных языков, которые фигурируют здесь в качестве системы отсчета в типологических процедурах, касающихся парадигматического уровня. Вообще говоря, в роли системы отсчета могли бы выступить любые диалектные модели, входящие в диасистему языка. Обращение же именно к литературным вариантам фонологии мотивируется тем, что в данном случае безусловно соблюдается требование идентичности процедур сравнения. Кроме того, дополнительным доводом в пользу этого выбора является справедливое суждение о том, что «тенденции, присущие языковому целому, зачастую находят себе сгущенное выражение в литературном языке» [3].

И последнее предварительное замечание, касающееся записи фонологических единиц. Для целей типологического сравнения и обзора нам удобно будет представить вокалические инвентари литовских говоров в записи, логически обобщающей фонологическое содержание гласных. Поэтому система представления глас-

---

[1] См.: U. Weinreich. Is a structural dialektology possible? «Word», X, 2—3, 1954.

[2] Говоря о польской языковой территории, мы в данном случае имеем в виду то пространство за восточными пределами Польши, на котором в виде отдельных островов или более обширных и компактных зон сохраняется (чаще всего в условиях дву- или трехъязычия) польский язык (Виленщина, запад и северо-запад Белоруссии). Говоры эти, как уже говорилось, отнюдь не составляют восточного продолжения польского материкового массива диалектов, но соотносятся (в силу известных условий начала и развития польщизны в этом районе) скорее всего с польским литературным языком. Интересно было бы сравнить говор описанных нами мест с теми польскими говорами данного острова, которые существуют в условиях, приближающихся к польскому моноязычию (в частности, на Виленщине).

[3] См.: Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. — В кн.: R. Jakobson. Selected Writings, I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 183.

ных фонем, выдержанная в описательных главах и в известной степени ориентированная на фонетический план, будет здесь заменена иной, единообразно фиксирующей парадигматическую активность признака напряженности. Эта замена выглядит следующим образом:

ie, uo (Лаздуны, Девенишки) → ê, ô
i^e, u^o (Зетела) → î, û
ie, ua (Гервяты) → ê, â

СРАВНЕНИЕ ГОВОРОВ ОДНОГО ПУНКТА

Лаздуны

Для того чтобы сходство и различия фонологических систем, сосуществующих в условиях одного трехъязычного комплекса, были обозримы и отчетливы, определим максимальный фонемный инвентарь, учитывающий различительные возможности всех (белорусского, литовского и польского) говоров данного пункта (т. е. теоретико-множественную сумму фонемных инвентарей), и минимальный, ядерный инвентарь, состоящий из постоянных, повторяющихся в каждой системе единиц (теоретико-множественное произведение фонемных инвентарей). Этот диапазон различения и систематическое расположение говоров в нем служат типологическими признаками пункта.

Вокализм. Ядерный инвентарь лаздунских гласных состоит из 5 единиц: e, o, i, u, a. Он тождествен вокалической системе польского говора и тех белорусских идиолектов, которые ориентируются на литературный язык или смутно улавливаемые междиалектные нормы (в той или иной степени такая ориентация присуща всем идиолектам). Примечательно, что к этому типу вокализма тяготеет и литовский говор с его определенной склонностью к монофтонгизации дифтонгов.

Суммированный инвентарь состоит из 7 единиц: e, ê, o, ô, i, u, a. Он совпадает с белорусским и литовским традиционными типами вокалических систем (при том существенном между ними расхождении, что литовский различает напряженные в любых просодических условиях, белорусский же — только под ударением).

Консонантизм. Ядерный инвентарь согласных в Лаздунах составляет 32 единицы: r, l, l' n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g'.

Суммарный инвентарь включает в себя 39 единиц: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'.

В очерченном пространстве консонантные системы говоров располагаются следующим образом.

Переход от ядерного инвентаря [4] к литовскому осуществляется присоединением трех единиц: t', d', γ (последняя является сугубо маргинальным элементом системы, вкрадываясь главным образом лишь в заимствованную лексику; t', d' подвержены серьезным синтагматическим ограничениям, см. ниже замечания о дистрибуции).

Переход от ядра к польской системе происходит также посредством трех единиц: f, f', x.

Наиболее развернутый тип консонантизма, тяготеющий к суммарной системе, представляет белорусский говор. Он присоединяет к ядерному инвентарю 5 единиц: f, f', x, γ, γ' (или: польский инвентарь+γ, γ').

Общая фонологическая система. Итак, наибольшее число единиц (44 фонемы) различает белорусский говор, выступающий в Лаздунах в роли междиалектного средства общения. Он включает в себя польский фонемный инвентарь (40 единиц), ядерным по отношению к нему является и литовский инвентарь (42 единицы), если не считать специфически литовских t', d'.

Наблюдения над дистрибуцией фонем. Теперь обратимся к схожим явлениям и встречным произносительным тенденциям, объединяющим лаздунские говоры в плане их синтагматики.

В лаздунских говорах выделяются два типа организации вокалических схем слова: в литовском и польском говорах гласные в слове распределяются в принципе независимо от просодии, тогда как белорусский говор в безударных позициях редуцирует свой репертуар гласных. Однако примечательны следующие явления, ведущие к некоторому пересечению обеих схем: с одной стороны, отступления (частично морфологизованные) от нормы полного недиссимилятивного аканья—яканья, свойственные белорусскому говору, с другой же стороны — широко распространенное (особенно в быстрой разговорной речи) польское «акающее» произношение, а также неразличение *о*, *е* в безударном окончании и некоторые другие спорадические примеры «аканья» в литовском.

Сличение таблиц упорядоченных пар показывает, что все три говора выделяют одни и те же классы фонем по признаку различной их валентности: гласные (максимальная свобода комбинаторики), шумные (наиболее существенные дистрибутивные ограничения), сонорные (класс, промежуточный между первыми двумя).

Далее, лаздунские говоры обнаруживают довольно близкую структуру α- и β-полей (ср. таблицы α- и β-полей, а также коэффициенты α- и β-полноты белорусских, литовских и польских фонем).

Подытожим закономерности, определяющие структуру α- и β-полей.

---

[4] К тому же типологическому результату ведет и противоположный по направлению отсчет — редукция суммарного инвентаря.

Говоры Лаздун допускают лишь консонантные пары, однородные по звонкости (исключая сочетания с v, v' в β-позиции, при этом примечательно, что и польский говор не знает в этих сочетаниях прогрессивной ассимиляции по глухости, характерной для литературной польской орфоэпии).

Для лаздунских говоров характерна тенденция к унификации консонантных пар по палатальности, наиболее последовательно реализованная в литовском. Существенно заметить, что в белорусском и польском засвидетельствованы примеры, когда регрессивному выравниванию по палатальности подвергаются не однородные относительно этого признака сочетания, в принципе вполне допускаемые системой. С другой стороны, в литовскую речь вместе со славянскими заимствованиями проникли отклонения от нормальной для говора однородности согласных пар по признаку палатальности. Белорусский и польский говоры не знают сочетаний (t \/ d) & v', обычно перед v' звучит палатальная аффриката. В литовском ассибиляция t', d' закономерна при условии следования i \/ ie за v', но реально этому изменению подвержены в некоторых идиолектах и другие позиции.

Характерны явления унификации пар по компактности (ср. случаи типа бел. pačšýc', польск. počšévac', лит. ačšókc', issoʒ'íno и т. п.).

Белорусский и литовский говоры сближаются по следующему признаку: оба в равной степени не допускают v, v' в α-поле согласных. Надо заметить, что и в польском говоре сплошь и рядом наблюдается в этих условиях замена v,f > u̯ (kréu̯ny, litéu̯sk'i).

Переходя к сочетаниям вида CV, отметим общие для белорусского и литовского говора особенности α-поля фонемы e. В обоих говорах, в частности, запрещены последовательности ke, ge. Появление перед e непалатальных коррелятов других согласных (исключая шипящие) в обоих диалектах засвидетельствовано в заимствованиях (польских), а в литовском еще и в примерах диспалатализации. Отметим здесь встречную регулярную польскую палатализацию x перед e (márx'ef и т. п.).

α-поле фонемы i является позицией различения парных по палатальности фонем. Этот синтагматический признак характеризует все лаздунские говоры, в том числе и литовский — благодаря притоку славянских заимствований, а также примерам диспалатализации l'.

Особо коснемся синтагматического статуса t', d' в литовском. Он определяется существенными дистрибутивными ограничениями: невозможностью t', d' перед i, ie, а иногда и в других позициях («гипернормализмы дзуканья» по Ю. Сенкусу), спорадически проскальзывающей субституцией t', d'—k', g'. В совокупности эти ограничения ведут к малой встречаемости t', d', приближающейся в некоторых идиолектах к дефонологизации этих единиц.

Ситуация с комбинациями гласных (VV) в лаздунских говорах примерно одинаковая: допустимы тавтосиллабические сочетания

с i, u в β-позиции, гетеросиллабических последовательностей (чаще всего на стыке морфем) говоры склонны избегать, вводя эпентетические элементы, причем характерна в этой роли гортанная смычка (наряду с γ, v).

Во всех лаздунских говорах предпочтительной позицией для трехчленных консонантных созвучий является начало и середина слова, тогда как на конце слова группы CCC редки. Типичной особенностью строения этих сочетаний является присутствие сонанта, такова большая часть встретившихся нам примеров. При этом для начальных групп характерна последовательность STR (S — фрикативный, T — смычный, R — сонант), в конечных же сочетаниях сонант располагается первым, находясь (как и в случае начала слова) в контактной позиции с гласным. Наиболее разнообразны по своей структуре интервокальные группы согласных (в частности, включающие и последовательности типа RT (\/S) R).

В оформлении начала и конца слова лаздунские говоры также обнаруживают сходство: в каждом из них абсолютное начало слова служит позицией различения почти всего фонемного инвентаря, тогда как на конце слова выступает вдвое меньшее число единиц. При этом во всех говорах ограничения на конце слова касаются класса звонких согласных и палатальных периферийных. Вокалическое начало слова обнаруживает склонность к протезе (наиболее отчетливо это выражено в белорусском и литовском). Любопытно свободное варьирование v—γ, выступающих в роли протетического элемента.

Девенишки

Вокализм. Вокализм девенишкских говоров представляет в точности ту же картину, что и лаздунский.

Ядерный инвентарь (e, o, i, u, a) совпадает с системой гласных польского говора, части белорусских идиолектов, а также с тем типом вокалической системы, который намечает в литовском говоре тенденция к монофтонгизации дифтонгов.

Суммарный инвентарь (e, ê, o, ô, i, u, a) соответствует традиционному облику литовского и белорусского вокализма Девенишек.

Консонантизм. Ядерный инвентарь согласных девенишкских говоров состоит из 31 единицы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g'.

Суммарный инвентарь, как и в Лаздунах, составлен из 39 единиц: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'.

В этом диапазоне консонантные системы говоров размещены следующим образом. К ядерному инвентарю ближе всего литовский, присоединяющий к нему две единицы: t', d'. Переход от ядра к польской системе осуществляется прибавлением четырех

единиц: ʒ, f, f', x, а к белорусской — шести: ʒ, f, f', x, γ, γ' (или: польский+γ, γ').

Общая фонологическая система. Наиболее развернутый тип фонологической системы представляет белорусский говор — 44 фонемы. Польский (40 единиц) и литовский (40 единиц) фонемные инвентари являются ядерными по отношению к белорусскому (если не считать литовских t', d').

Наблюдения над дистрибуцией фонем. И в синтагматическом плане девенишкские говоры сближаются между собой в основном по тем же признакам, что и лаздунские. Различия же сводятся к частностям.

Что касается распределения гласных в слове, то в отличие от Лаздун мы не встретили в литовской речи Девенишек надежных примеров хотя бы спорадического неразличения *e*, *o* в безударной позиции, тогда как в польском говоре «акающее» произношение слышится часто. Белорусский говор систематически соблюдает определенные отступления от нормы полного аканья.

Тенденция к однородности согласных пар по значению признаков звонкости и палатальности действует здесь в общем так же, как в лаздунской ситуации. Укажем на бо́льшую последовательность выравнивания по палатальности, распространяющегося и на суффиксальные сочетания (žyžmóu̯s'k'i) в белорусском говоре.

В Девенишках отмечены те же, что и в Лаздунах, явления ассимиляции по компактности в согласных парах.

Далее, продолжая констатировать сходство с ситуацией в Лаздунах, укажем на невозможность появления v, v' перед согласными в литовском и белорусском (а факультативно и в польском) девенишкских говорах, на общие (объединяющие все три говора) особенности строения *α*-полей фонем e, i, на синтагматическую несвободу t', d' в литовском, граничащую с дефонологизацией.

Комбинации гласных (VV) в целом и в деталях представляют ту же картину, что и говоры лаздунского комплекса. Любопытна схожая судьба тавтосиллабического au̯ в белорусской и литовской речи: первый компонент этого сочетания в обоих говорах обычно лабиализуется, уподобляясь последующему (ср. бел. dou̯n'éi̯, лит. lå̂u̯kuosà (LV)).

Что касается остальных синтагматических характеристик, о которых шла речь в работе, — структуры и распределения трехфонемных консонантных созвучий, оформления начала и конца слова, — то они также однотипны в Девенишках и Лаздунах. Различие можно усмотреть, пожалуй, только в большей факультативности протетических согласных в девенишском литовском говоре по сравнению с лаздунским.

Вокализм. Ядерный инвентарь равен пяти единицам: e, o, i, u, a. Суммарный инвентарь — восьми: e, ê, o, ô, i, u, a, â. Переход от ядра к белорусской системе происходит присоединением ê, ô. Литовская система присоединяет к ядру ê, â. (Расподобление двух говоров, как мы видим, вносят напряженные: лит. â — бел. ô. Не с этим ли отсутствием параллелизма двух систем следует сопоставить отмеченную нами малую стабильность ô по сравнению с ê в белорусском говоре?).

Польский инвентарь совпадает с ядерным.

Консонантизм. Ядерный инвентарь включает 31 единицу: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g. Суммарный инвентарь — 39 единиц: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'.

Развертывание ядерного инвентаря идет по следующим линиям. Литовский инвентарь присоединяет к ядру три единицы: t', d', g'. Польский — четыре единицы: f, f', x', g'. Белорусский — пять единиц: f, f', x, γ, γ'.

Общая фонологическая система. Белорусский говор представляет наиболее развернутый тип фонологической системы — 43 фонемы. Литовский различает 41 единицу, польский — 40.

Наблюдения над дистрибуцией фонем. Тенденции в плане синтагматических характеристик, присущие гервятским говорам, аналогичны тем, которые мы констатировали для Лаздун и Девенишек.

Белорусские слова в известных условиях, отклоняясь от общего принципа распределения гласных, допускают безударные *e*, *o*. Две произносительные тенденции, отмеченные в польском говоре, — с одной стороны «аканье», а с другой — приближение безударных *e*, *o* соответственно к *i*, *u* — ведут к минимальному треугольнику в безударной позиции (*i*, *u*, *a*). В одном случае — в позиции безударного окончания — неразличение гласных среднего подъема (в пользу архифонемы *a*) отмечено для литовского говора.

Далее, гервятские говоры объединяют следующие черты синтагматики:

принцип однородности консонантных пар по признаку звонкости; тенденция (наиболее последовательно реализующаяся в литовском) к выравниванию согласных пар по значению признака палатальности; общие особенности функционирования компактности в группах согласных; белорусский и литовский говор Гервят в равной мере не допускают появления v, v' перед согласными (замена v > u̯ в этой позиции коснулась и польского говора); общие особенности строения *α*-поля фонемы *e*; общие особенности строения *α*-поля фонемы i; существенная синтагматическая ограниченность t', d' в литовском граничит с дефонологизацией этих

единиц (сопоставимой с отсутствием t', d' в белорусском и польском);

общие принципы комбинаций гласных (заметим, что литовский и белорусский говоры Гервят, подобно соответствующим лаздунским говорам, не знают девенишкского перехода au̯ > ou̯);

общие особенности строения и функционирования трехчленных консонантных созвучий;

однотипное оформление начала и конца слова.

Зетела

Вокализм. Ядерный зетельский инвентарь гласных: e, o, i, u, a — совпадает с вокалической системой польского говора, части белорусских идиолектов, а также с моделью литовского вокализма, несколько идеализированно учитывающей факультативную монофтонгизацию дифтонгов.

Суммарный инвентарь гласных состоит из семи единиц: e, o, i, î, u, û, a. Он тождествен литовской и белорусской вокалическим системам в их исконных вариантах.

Консонантизм. Картина зетельского консонантизма аналогична той, что мы наблюдали и в других пунктах. Ядерный инвентарь состоит из 31 единицы: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, x. Суммарный инвентарь — 39 единиц: r, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'.

Примечательно включение *x* в литовскую консонантную систему, так что переход от ядерного инвентаря к литовскому совершается путем присоединения четырех единиц: t', d', g', γ. Польский инвентарь превышает ядерный также на четыре единицы: ʒ, f, f', g', белорусский — на пять единиц: ʒ, f, f', γ, γ'.

Общая фонологическая система. Наибольшее число единиц различает фонологическая система белорусского говора — 43 фонемы. Литовский говор насчитывает 42 фонемы. Польский — 40.

Наблюдения над дистрибуцией фонем. В плане синтагматики зетельские говоры во многом схожи с уже описанными нами пунктами. Подытожим наши наблюдения в этой области, указывая всякий раз на отличительные черты Зетелы.

Вокалическая схема литовского и польского слова в Зетеле в принципе не зависит от просодии, тогда как в белорусском слове безударные позиции пользуются более ограниченным набором гласных, чем ударные. Однако в том и другом случае известны отклонения от принципиальной схемы, в какой-то степени сближающие эти противоположные начала. Так, в белорусском определенные безударные позиции допускают *e*, *o*, при этом к тем позициям, где и в других диалектах известны отклонения от нормы «полного» аканья, добавляется следующая: в некоторых идиолектах *e*, *o* появляются в первом предударном слоге на месте

гласных верхнего подъема i, u (огласовки типа: sošýc < sušýc, četác' < čytác' и т. п.). В польском говоре нередко слышится «акающее» произношение. В литовском говоре обращает на себя внимание явление, фонологически изоморфное аканью: в безударной позиции на месте гласных среднего подъема звучат иногда гласные i, u (kudě̃l, sidě'jåu (V)). При коренном материальном отличии (средний подъем замещается верхним, а не нижним) это произношение в конечном счете ведет к ограничению встречаемости e, o в безударных слогах.

Далее отмечены следующие синтагматические признаки, сближающие зетельские говоры:

однородность согласных групп по звонкости;

тенденция к выравниванию пар согласных по значению палатальности (заметим, что в белорусском говоре имеет место соотношение pûl's'k'i—pûlskaγa; для фонетического облика белорусского говора характерна палатальность геминированной аффрикаты в возвратном инфинитиве s'm'ajác'c'a);

общие правила функционирования компактности в группах согласных;

в белорусском и литовском говорах Зетелы перед согласными невозможны v, v' (замену v > u можно наблюдать и в польском);

общие особенности строения α-поля фонемы e;

общие особенности строения α-поля фонемы i; заметим, однако, что в литовском говоре Зетелы α-поле фонемы i (а также î) служит позицией различения t—t', d—d' в отличие не только от славянского окружения, но и от других литовских островов, неизменно тяготеющих к дзукскому диалектному поясу; спорадически ассибиляция t', d' все же наблюдается, известно и другое ограничение t', d' — взаимозаменяемость t'—k', d'—g'; общие правила комбинирования гласных; заметим, что в литовском сочетании au̯, ai̯ (в безударных слогах и при интонационном выделении второго компонента) подлежат выравниванию по значению признака компактности: låũkas, gerεĩ (V), в белорусском говоре безударные сочетания au̯ в некоторых идиолектах произносятся с лабиализацией первого компонента;

общие особенности строения и функционирования трехчленных консонантных созвучий;

однотипное оформление начала и конца слова; особенностью зетельского трехъязычного комплекса является соблюдение правила звонких сандхи: в белорусском, литовском и польском говорах Зетелы на конце слова, звучащего в составе синтагмы, звонкие сохраняются в виде звонких, а глухие озвончаются перед звонким, сонорным и вокалическим началом следующего слова (ср. бел. štúg aʒ'ináccac', лит., lígz udavái̯, польск. óbug n'égo и т. п.).

СРАВНЕНИЕ ГОВОРОВ ОДНОГО ЯЗЫКА

Белорусские говоры

Вокализм. При сопоставлении белорусских материалов по всем четырем обследованным пунктам выделяются два типа вокалических систем: тип Лаздуны—Девенишки—Гервяты: e, ê, o, ô, i, u, a; тип Зетела: e, o, i, î, u, û, a.

Очевидно, что максимальный вокалический инвентарь, учитывающий различительные возможности гласных для всей рассматриваемой группы белорусских говоров (теоретико-множественная сумма белорусских гласных фонем), состоит из девяти единиц: e, ê, o, ô, i, î, u, û, a.

В реальных же фонологических типах, как мы видим, действие признака напряженности ограничивается либо гласными среднего подъема, недиффузными (Лаздуны—Девенишки—Гервяты), либо гласными верхнего подъема, диффузными (Зетела), не затрагивая нижний подъем (компактный *a*). В результате такого распределения набор постоянных, повторяющихся во всех системах элементов (теоретико-множественное произведение) исчерпывается пятью единицами, характеризующимися отсутствием напряженности:

i	u
e	o
a	

Заметим, что этот же треугольник гласных получается также путем другой логической операции с белорусскими вокалическими системами — в результате пересечения традиционных, архаизирующих моделей (включающих оппозицию напряженности) с новыми (исключающими напряженность) вокалическими моделями (сосуществование тех и других отмечено в каждом из обследованных пунктов).

Существенно обратить внимание на то обстоятельство, что малый (пятичленный) треугольник, помимо логического, имеет в данном случае и реальное содержание; он представляет собой систему гласных, характерную для речи младшего и отчасти среднего поколения, и более того, нет сомнения, что в направлении этой системы в той или иной мере эволюционируют все без исключения идиолекты.

Сравним теперь наши данные с литературным языком. Вокалическая система белорусского литературного языка [5] не знает напряженных, различая пять единиц: e, o, i, u, a.

---

[5] Фонологическая система белорусского литературного языка описывается здесь в основном по следующим работам: Ф. М. Я н к о ў с к і. Беларускае літаратурнае вымаўленне. Мінск, 1966; А. І. П а д л у ж н ы. Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1969.

Приведем сводные таблицы, характеризующие статистическую структуру вокалических систем в описанных нами белорусских говорах и в литературном языке.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 65.

Таблица 65

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	1	1	1	1	1
Диффузность	0,86	0,86	0,86	0,86	0,80
Периферийность	0,86	0,86	0,86	0,86	0,80
Напряженность	0,57	0,57	0,57	0,57	—

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 66.

Таблица 66

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	0,17	0,17	0,17	0,17	0,25
Диффузность	0,50	0,50	0,50	2	1
Периферийность	1	1	1	1	1
Напряженность	1	1	1	1	—

Консонантизм. В Лаздунах и Девенишках мы наблюдали 37-фонемную систему согласных: r, l, l', n, n', m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', f, f', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g', x, γ, γ'. Консонантизм Гервят и Зетелы отличается от этой системы лишь отсутствием g' (g и g' зафиксированы здесь в дополнительном распределении). Различие это, разумеется, далеко не существенно, поскольку речь идет о маргинальном элементе системы (в Лаздунах и Девенишках противопоставление g—g' используется крайне редко, по сути дела, оно реализуется там главным образом в микротопонимах и топонимах литовского происхождения). Таким образом, консонантный фон в рассматриваемых говорах, за небольшим исключением, однообразен.

Сравним картину наших говоров с литературным языком.

Система согласных литературного языка состоит из 36 фонем, различаемых с помощью тех же восьми различительных признаков (табл. 67).

Отличие этой системы от консонантизма нашей группы говоров касается места, занимаемого в системе единицами s', z', c', ʒ': в литературном языке s', z', c', ʒ' характеризуются переднеязычной артикуляцией и относятся к классу некомпактных. g' отсутствует, как в Гервятах и Зетеле.

Таблица 67

Признак	r	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	d	c	c′	ʒ	ʒ′	s	s′	z	z′
Согласность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Периферийность	−	−	−	−	−	+	+	0	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
Назальность	−	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	+	+	0	0	0	0	0	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	+	−	−	+	+	−	−	+	+
Палатальность	0	−	+	−	+	−	+	0	0	0	−	+	−	+	−	+	−	+

Признак	p	p′	b	b′	f	f′	v	v′	š	ž	č	ǯ	k	k′	g	x	γ	γ′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	+	+	+	+	−	−	−	−	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	−	−	−	−	+	+	+	+	0	0	0	0	−	−	−	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	−	−	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	−	−	+	+	−	−	+	+	−	+	−	+	−	−	+	−	+	+
Палатальность	−	+	−	+	−	+	−	+	0	0	0	0	−	+	0	0	−	+

Приведем сводные таблицы статистических характеристик консонантных систем.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 68.

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 69.

Таблица 68

Признак	Лаздуны, Девенишки	Гервяты, Зетела	Литературный язык
Компактность	1	1	1
Периферийность	0,97	0,97	0,97
Назальность	0,13	0,14	0,14
Непрерывность	0,65	0,64	0,75
Яркость	0,32	0,33	0,28
Звонкость	0,78	0,78	0,78
Палатальность	0,76	0,72	0,72

Таблица 69

Признак	Лаздуны, Девенишки	Гервяты, Зетела	Литературный язык
Компактность	0,76	0,71	0,44
Периферийность	0,89	0,89	0,84
Назальность	0,67	0,67	0,67
Непрерывность	0,69	0,69	0,93
Яркость	1	1	1,50
Звонкость	1,07	1,07	1
Палатальность	1	1	1

Общая фонологическая система. Наиболее развернутой фонологической системой характеризуются Лаздуны и Девенишки — 44 фонемы. Гервятский и зетельский белорусские говоры различают 43 фонемы. Фонологическая система белорусского литературного языка (см. фонологическое «дерево») обладает наименьшим в этом ряду диапазоном различения (41 фонема).

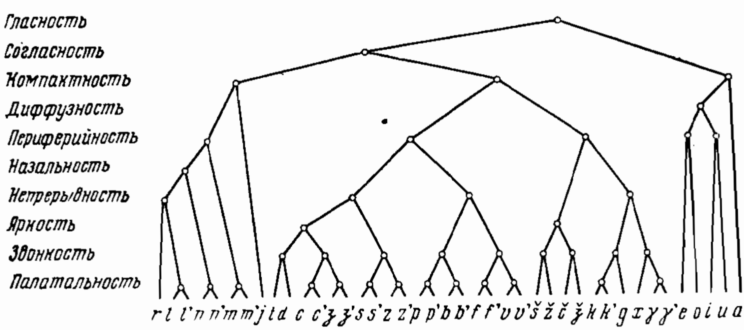

Рис. 11. Фонологическое «дерево» белорусского литературного языка

Приведем показатели, характеризующие статистическую структуру признаков, объединяющих модели вокализма и консонантизма.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 70.

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 71.

Таблица 70

Признак	Лаздуны	Девеницки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Гласность	1	1	1	1	1
Согласность	0,84	0,84	0,84	0,84	0,88

Таблица 71

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Гласность	0,19	0,19	0,17	0,17	0,14
Согласность	3,62	3,62	3,50	3.50	3,50

Наблюдения над дистрибуцией фонем. Исследованные нами белорусские говоры характеризуются следующими особенностями синтагматики.

Основополагающим правилом строения вокалической схемы слова является зависимость от просодических условий: если под ударением различается максимум гласных фонем (до 7 единиц), то безударные позиции безусловно исключают напряженность (2 единицы), а оставшийся пятифонемный набор гласных в принципе может редуцироваться до простейшего треугольника:

i u

a

Гласные среднего подъема *e*, *o* подлежат нейтрализации в пользу гласного нижнего подъема *a*.

Однако примечательно, что во всех пунктах более или менее последовательно реализуется система отступлений от схемы «полного» аканья, в результате которой гласные среднего подъема утверждаются в определенных безударных позициях (например, *o* отмечено в конечном открытом слоге в окончании род. п. ед. числа прилагательных муж. и ср. рода, *e* возможно в заударных слогах, а также в предударных, удаленных от просодического центра слова и т. д.). К тому же результату ведут зафиксированные нами в Зетеле огласовки (типа četác’, robáška), где в первом предударном слоге гласные верхнего подъема перекодируются в гласные среднего подъема.

Переходя к упорядоченным сочетаниям фонем, отметим, что все белорусские говоры соблюдают принцип единства консонантной группы по значению признака звонкости.

Далее, очевидна тенденция к выравниванию (регрессивному) согласной пары по значению палатальности. Замечено, что дей-

ствию этой тенденции подвергаются в ряде случаев те не однородные относительно палатальности сочетания, которые в принципе вполне допускаются системой. В частности, в каждом говоре отмечено факультативное произношение типа: v'idélcy, n'aŋka, ránšai̯ и т. п. В Зетеле и особенно в Девенишках выравниванию по палатальности подлежит суффиксальное сочетание sk (ср. зет. pũl's'ki—pũl'skaγa, дев. žyžmóu̯s'k'i—žyžmóu̯skaγa). Невозможность (t ∨ d) & v' влечет за собой ассибиляцию t', d'.

Характерны для всех пунктов однотипные унификации согласных пар по компактности.

v, v' невозможны перед согласными (от правила спорадически могут отступать в каждом говоре полонизмы: vladýslau̯ и т. п.).

Благодаря довольно значительному фонду заимствованной польской лексики α-поле фонемы *e* в описываемых говорах становится позицией различения согласных по палатальности (исключая k, g).

Говоры допускают тавтосиллабические последовательности гласных, при этом в Девенишках и (в меньшей степени) в Зетеле безударный дифтонг au произносится с лабиализацией первого компонента.

Гетеросиллабических встреч гласных описываемые говоры предпочитают избегать, характерен общий прием — введение эпентетической гортанной смычки.

Для трехчленных консонантных созвучий характерно присутствие сонанта, причем для начальных сочетаний типична структура STR, в конечных же сочетаниях сонант обычно контактирует с гласным, занимая первое место в последовательности. Наиболее разнообразны интервокальные тройные группы.

Начало слова является во всех говорах позицией различения почти всего фонемного инвентаря (исключая обычно лишь напряженные гласные). Вокалическое начало слова в большей или меньшей степени склонно к протезе. Характерно варьирование протетических элементов (v, γ, j), чередующееся и с отсутствием протезы, а также подвижность непротетического начального γ.

На конце слова выступает вдвое меньший инвентарь: все говоры исключают (если иметь в виду абсолютный исход) классы звонких согласных и палатальных периферийных, а также ô (∨ û). В Гервятах на конце слова нет ê. Особняком стоит зетельский говор с его регулярностью звонких сандхи.

Белорусские говоры информантов с литовским субстратом

Вокализм. В белорусской речи тех информантов, для которых родным и активно используемым с детства языком является литовский, фигурирует обычно та же система гласных, что и в исконном для пункта белорусском говоре. Соответственно

те же произносительные тенденции сопровождают функционирование напряженных.

Консонантизм. Отличительные особенности этой версии белорусского говора связаны с областью консонантизма. Они коренятся в сужении (по сравнению с исконным типом говора) сферы признака непрерывности. Основные приметы белорусского говора, наслоившегося на литовский субстрат, таковы: замена f, f' на p, p', замена x (x') на k (k'), замена γ, γ' на нуль звука или гортанную смычку (в интервокальном и антевокальном положении), а также на g, g' (чаще всего перед согласным). γ' в интервокальном положении может замещать j.

Заметим, что заменяя непрерывные компактные прерывными, двуязычные часто допускают неразличение чуждых им единиц по звонкости (ср. герв. kavarýc, gac'éla и т. п.).

Эти особенности характерны и для тех пунктов, в которых засвидетельствовано проникновение непрерывных компактных в фонологическую систему литовского говора (Лаздуны, Зетела). Ведь в таком случае x, γ остаются крайне маргинальными и подлежащими факультативной замене единицами.

Подытоживая сказанное, отметим, что система согласных, характеризующая белорусскую речь двуязычных с выраженным литовским субстратом, в описанных нами пунктах представляет собой пересечение исконного литовского и исконного белорусского консонантных инвентарей (31 фонема — Зетела, Гервяты, 32 фонемы — Лаздуны, Девенишки).

Общая фонологическая система. Общий фонемный инвентарь, характеризующий «вторичную» версию белорусского говора, является во всех случаях ядерным по отношению к литовскому и белорусскому исконным типам. Он равен 38 единицам в Гервятах и Зетеле (r, l, l' n, n' m, m', j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p', b, b', v, v', š, s', ž, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, e, ê, (\/ î), o, ô (\/ û), i, u, a) и 39 единицам в Девенишках и Лаздунах (добавляется g').

Наблюдения над дистрибуцией фонем. В этом плане отчетливо заметно следующее. В силу замены интервокальных γ, γ' нулем звука в белорусской речи двуязычных чаще, чем в исконном говоре, возможно зияние (если оно не устраняется гортанной смычкой).

Литовские говоры

Вокализм. Подразделение на типы описанных нами литовских вокалических систем выглядит следующим образом.

тип Лаздуны — Девенишки:	e, ê, o, ô, i, u, a
тип Зетела:	e, o, i, î, u, û, a
тип Гервяты:	e, ê, o, i, u, a, â

Из этого представления становится ясным, что совокупность гласных, различающихся во всем комплексе исследуемых говоров

(суммарный инвентарь) равна 10 единицам: e, ê, o, ô, i, î, u, û, a, â.

Таким образом, диапазон различительных возможностей вокализма в данном случае определен тем, что признак напряженности вступает в комбинацию со всеми без исключения гласными.

Однако в реальных фонологических системах действием напряженности охвачена в каждом случае лишь пара гласных. При этом усматриваются следующие принципы совместимости: в рамках одного типа напряженными могут быть либо гласные среднего подъема, недиффузные (Лаздуны—Девенишки), либо верхнего, т. е. диффузные (Зетела), либо пару напряженных составляют гласный среднего подъема, недиффузный, и гласный нижнего подъема, компактный (Гервяты).

Такого рода распределение приводит к тому, что общий, постоянный фон рассматриваемых вокалических типов (ядерный инвентарь гласных) сводится к пятичленному треугольнику, вообще исключающему напряженность:

i		u
e		o
	a	

Примечателен тот факт, что эта логическая система находит себе реальное соответствие. Она тождественна вокалической системе литовских идиолектов (представленных в каждом из наших пунктов) с более или менее ясно выраженной тенденцией к монофтонгизации дифтонгов (разумеется, при некоторой абсолютизации этой манеры произношения).

Сопоставим теперь полученную нами картину с данными литературного языка.

Вокалическая система литовского литературного языка [6] (при учете единиц сегментного уровня) представляет собой восьмичленный четырехугольник:

i	u
ie	uo
e	o
æ	a

Идентификация этих единиц осуществляется следующим образом:

[6] При установлении фонологической системы литовского литературного языка основными источниками были следующие работы: V. Vaitkevičiūtė. Lietuvių literatūrinės kalbos priebalsinių fonemų sudėtis. — LKK, I, 1965; Она же. Раздел «Fonetika». — «Lietuvių kalbos gramatika», t. I. Vilnius, 1965; J. Kazlauskas. Lietuvių literatūrinės kalbos diferencinių elementų sistema. «Kalbotyra», XIV. Vilnius, 1966.

Таблица 72

Признак	*e*	*ie*	*o*	*uo*	*i*	*u*	*æ*	*a*
Компактность	—	—	—	—	—	—	+	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	—	+
Напряженность	—	+	—	+	0	0	0	0

Отличие этой системы от вокализма наблюдаемых говоров коренится в следующем: литературный язык различает в классе компактных гласных периферийный и непериферийный элементы, тогда как для наших говоров это противопоставление нерелевантно. (Постулированная нами оппозиция æ — а для лаздунского и зетельского говоров является не более чем обозначением крайнего случая в диапазоне допустимых вариаций, ни в коей мере, однако, не типичного для говоров).

Приводим сводные таблицы статистических характеристик различительных признаков литовского вокализма.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 73.

Таблица 73

Признак	Лаздуны, Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	1	1	1	1
Диффузность	0,86	0,71	0,86	0,75
Периферийность	0,86	0,71	0,86	1
Напряженность	0,57	0,57	0,57	0,50

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 74.

Таблица 74

Признак	Лаздуны, Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	0,17	0,40	0,17	0,33
Диффузность	0,50	0,67	2	0,50
Периферийность	1	0,67	1	1
Напряженность	1	2	1	1

Консонантизм. Системы согласных литовских говоров чрезвычайно близки в типологическом отношении. В самом деле, если ядерный инвентарь литовских согласных включает 33 фонемы (**r**, l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, s, z, p, p', b, b', v,

Таблица 75

Признак	r	r′	l	l′	n	n′	m	m′	j	t	t′	d	d′	c	c′	ʒ	ʒ′	s	s′	z	z′	p	p′
Согласность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Периферийность	—	—	—	—	—	—	+	+	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Назальность	—	—	—	—	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	—	+	+	0	0	0	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—	—
Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—
Палатальность	—	+	—	+	—	+	—	+	0	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

Признак	b	b′	f	f′	v	v′	š	š′	ž	ž′	č	č′	ǯ	ǯ′	k	k′	g	g′	x	x′	γ	γ′
Согласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Компактность	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Периферийность	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
Назальность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Непрерывность	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+
Яркость	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0
Звонкость	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+
Палатальность	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

v', š, s', ź, z', č, c', ǯ, ʒ', k, k', g, g'), то суммарный инвентарь превосходит его лишь на три единицы: ʒ, x, γ — причем каждая из этих единиц занимает сугубо маргинальное положение в соответствующей системе.

Ядерный инвентарь совпадает с консонантной системой девенишкского говора. В говоре Гервят к этому инвентарю добавлено ʒ (34 фонемы). В лаздунском говоре представлено еще и γ (35 единиц). Зетельский говор присоединяет к ядерному инвентарю x, γ (35 единиц).

Сравним эту картину с тем, что мы наблюдаем в литовском литературном языке.

Различия велики: система согласных литовского литературного языка насчитывает 45 фонем: r, r', l, l', n, n', m, m', j, t, t', d, d', c, c', ʒ, ʒ', s, s', z, z', p, p', b, b', f, f', v, v', š, š', ž, ž', č, č', ǯ, ǯ', k, k', g, g', x, x', γ, γ'. Идентификация этих единиц достигается с помощью восьми признаков (табл. 75).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что точно такой же тип консонантизма (разумеется, если отвлечься от достаточно второстепенных в литературном языке f, f', x, x', γ, γ') реконструируется для Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы по транскрипциям П. Арумаа, отмечающим лишь спорадические случаи диспалатализации r' и шипящих. Эволюция этой системы в течение приблизительно четырех десятилетий, отделяющих нас от полевой работы П. Арумаа, столь значительна, что в настоящее время r' и палатальные шипящие чрезвычайно непоследовательно слышатся лишь в устах старейших хранителей литовского языка, младшее же поколение вовсе не знает этих звуков.

Приводим сводные таблицы статистических характеристик различительных признаков консонантизма.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 76.

Таблица 76

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	1	1	1	1	1
Периферийность	0,97	0,97	0,97	0,97	0,98
Назальность	0,14	0,15	0,15	0,14	0,13
Непрерывность	0,63	0,48	0,50	0,63	0,71
Яркость	0,40	0,39	0,41	0,37	0,35
Звонкость	0,68	0,67	0,76	0,69	0,80
Палатальность	0,80	0,85	0,82	0,80	0,97

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 77.

Общая фонологическая система. Если фонологическая система литературного языка насчитывает 53 фонемы (см. фонологическое

Таблица 77

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Компактность	0,67	0,65	0,62	0,62	0,61
Периферийность	0,61	0,60	0,57	0,57	0,69
Незальность	0,67	0,67	0,67	0,67	0,50
Непрерывность	0,47	0,60	0,54	0,54	0,78
Яркость	0,75	0,62	0,75	0,75	1
Звонкость	1	1	1	1	1
Палатальность	1	1	1	1	1

«дерево», рис. 12), то группа наших говоров, довольно близких между собой, представляет гораздо меньший диапазон различения. Наиболее развернутые фонологические системы — Лаздуны.

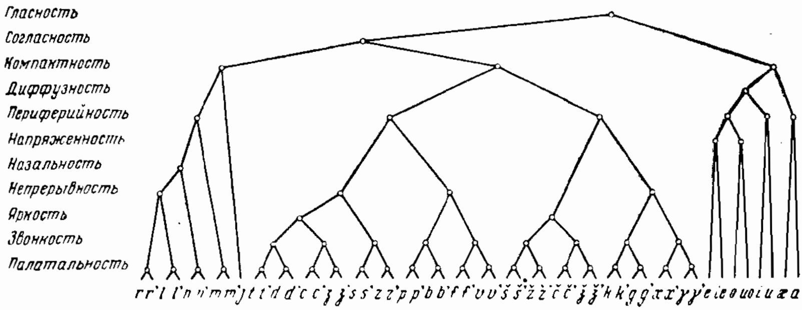

Рис. 12. Фонологическое «дерево» литовского литературного языка

Зетела — насчитывают 42 единицы, гервятский говор различает 41 единицу, девенишкский — 40.

Приводим статистические сведения, касающиеся структуры признаков, объединяющих модели вокализма и консонантизма.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 78.

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 79.

Таблица 78

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Гласность	1	1	1	1	1
Согласность	0,83	0,82	0,83	0,83	0,85

Таблица 79

Признак	Лаздуны	Девенишки	Гервяты	Зетела	Литературный язык
Гласность	0,20	0,21	0,21	0,20	0,18
Согласность	3,37	3,12	3,25	3,37	4

Наблюдения над дистрибуцией фонем. Литовские говоры Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы в синтагматическом плане характеризуются следующими чертами.

Если говорить о вокалической схеме слова, то основополагающим принципом остается не зависимое от просодии распределение гласных в слове. Это означает, что в описываемых говорах как ударные, так и безударные позиции могут различать один и тот же набор гласных (до 7 фонем).

Однако заслуживают внимания факты отступления от принципиальной схемы, так или иначе ведущие к ограничению встречаемости безударных гласных среднего подъема. Так, в Лаздунах и Девенишках безударное окончание является слабой позицией для различения *e*, *o*, на месте которых звучит обычно *a*. Спорадически проскальзывают (в частности, в лаздунском говоре) примеры несохранения *e*, *o* и в других безударных позициях (случаи типа: bral'ál'is, m'an'ál'is). В этом плане интересна и своеобразная особенность зетельской фонетики: *e*, *o* в безударных слогах здесь нередко могут заменяться на *i*, *u* (kuk'aĩ, sidě'jåu (V). При всем несходстве фонетического эффекта это явление можно интерпретировать как в известном смысле изоморфное аканью: фонологическим результатом в том и другом случае является элиминирование среднего подъема в условиях безударности.

Перечислим далее основные закономерности построения упорядоченных групп фонем в данной группе говоров.

Все говоры соблюдают правило единства консонантной группы с точки зрения признака звонкости.

Далее, всем без исключения говорам присуща тенденция к унификации (обычно регрессивного направления) пар согласных по признаку палатальности. Активный характер этой тенденции становится особенно зримым в нередких случаях соответствующего переозвучивания славянской заимствованной лексики типа svóʒba (<svá̄ʒ'ba), v'ḗʒma (<v'ḗʒ'ma и т. п.). Однако надо сказать, что в ряде случаев славянское распределение палатальности в заимствованиях уцелевает (ul'tójus, šél'ma и т. п.). За счет такого рода примеров и формируются списки нарушений общей тенденции.

Для литовских говоров характерны общие явления в плане оформления консонантных групп, однородных по компактности (ср. лазд. assakin·ėja (A), герв. ačšókc' и т. п.). v, v' не могут

находиться в α-поле согласных — в этом едины все рассматриваемые говоры.

Благодаря адаптированной славянской лексике, фонд которой весьма значителен в словарях Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы, α-поле фонемы *е* становится довольно освоенной позицией противопоставления ряда согласных по палатальности (безусловно исключая лишь k, g). Такого рода примеры, содержащие перед е непалатальные корреляты согласных, восходят обычно к польскому источнику (ср. métras, kornétas, pḗu̯nas и т. п.). Здесь же следует упомянуть и примеры диспалатализации l' (ср. łεdas, bałałe (S) и др.).

В силу тех же обстоятельств позицией различения палатальных и непалатальных является и α-поле фонемы i (ср. ný̃rkos, aỹmýs'l'ic', muzykóntas, kapýtas, budýŋkas и т. д., а также случаи диспалатализации типа išlýs'c', lýŋgvas и т. п.). В лаздунском, девенишкском, гервятском говорах в этой позиции (а также перед ie) невозможны t', d'. Совершенно особо ведет себя зетельский говор, не охваченный изофоной дзуканья: здесь перед i (и î) возможны как t, d, так и t', d' (ср. martýi̯ka, — t'îsá, aspadĩ·ne — di·nà (V)).

Еще одно наблюдение, касающееся как раз синтагматического статуса t', d' — элементов, присутствие которых является специфической чертой литовского консонантизма. Надо отметить, что функционирование этих единиц связано с существенными дистрибутивными ограничениями. Помимо упомянутого выше дзуканья (запрещающего, кстати сказать, еще и последовательности $(t \vee t' \vee d \vee d') \& v \& (i \vee ie)$), рассматриваемые говоры знают ассибиляцию t', d' и в других (не перед i, ie) антевокальных позициях (случаи типа ʒ'íʒ'alis, c'évas и т. п.), которые Ю. Сенкусом названы «гипернормальным дзуканьем»). Кроме того, во всех пунктах в большей или меньшей степени представлена субституция $t' > k'$, $d' > g'$. Заметим (отвлекаясь здесь от различных гипотез о корнях этого явления), что в обстановке наблюдаемых говоров такая манера произношения воспринимается как некоторый контраст по отношению к наметившейся экспансии ассибилируемых t', d'. Иначе говоря, сдвиг в заднеязычную зону выглядит как попытка говорящих избежать фрикативной рекурсии t', d', сохранив при произнесении этих звуков ту же высокую степень артикуляционной энергии палатальности.

В совокупности указанные ограничения ведут к сокращению встречаемости t', d', а в некоторых идиолектах колеблют и парадигматические устои этих единиц.

Тавтосиллабические сочетания гласных с i̯, u̯ в β-позиции широко приняты во всех говорах. Следует сказать об особом звучании au̯, ai̯ в Девенишках и Зетеле (а в меньшей степени — и в других пунктах): при условии безударности они подвергаются регрессивному выравниванию по значению признака компактности (ср. lå̃ũkas, gerεĩ (V) и т. п.).

Что касается гетеросиллабических последовательностей гласных, встречающихся на стыке морфем, то они обычно сопровождаются эпентетическим элементом, в роли которого для всех видов говоров характерна гортанная смычка.

Трехчленные последовательности согласных часто встречаются в середине слова, тогда как для начала и конца слова они малохарактерны во всех говорах. Для начальных сочетаний наиболее обычна структура STR, в конечных сочетаниях сонант непременно занимает первое место в последовательности, примыкая к гласной. Что касается интервокальных групп, то они допускают наибольшее разнообразие типов (смычный или длительный в окружении сонантов, сонант+функционирующая в языке пара согласных, свистящий или шипящий элемент в окружении смычных и др.).

Четырехфонемные сочетания согласных встречаются реже. Характерные типы: RTSR и RTST (или TSTR).

В начале слова в каждом говоре обычно бывает представлен почти весь инвентарь фонем (36—40 единиц). Вокалическое начало слова часто (в особенности если речь идет о напряженных гласных) предваряется протетическим согласным. В роли протетического элемента выступают (иногда свободно варьируясь) j, v, γ. Особенно характерны протезы для зетельской и лаздунской фонетики.

На конце слова во всех говорах различается вдвое меньшее по сравнению с начальной позицией число единиц. Универсальны следующие ограничения: запрещается класс звонких согласных и класс палатальных и периферийных. Запрет касается и некоторых других единиц (например, n’, t’ и др.).

Если иметь в виду фонетику синтагмы, то следует сказать об особом положении зетельского говора, в котором действует правило звонких сандхи (l’i.gz udava. (A), mœ̃z jåu (V)).

Польские говоры

Нам остается подытожить наблюдения, касающиеся польских говоров Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы. Задача упрощается тем, что все эти говоры представляют один тип фонологической системы. Это тождество, как уже говорилось, вполне предопределено и обусловлено аналогичными условиями появления и существования польщизны: в каждом из пунктов шло развитие одной и той же системы в одинаковых по существу социально-языковых ситуациях [7].

---

[7] Заметим кстати, что Т. Зданцевич находит множество черт, объединяющих исследованные им «материковые» польские говоры в районе Сейн (восточная Сувалкия) с говорами польских языковых островов Виленщины, что он также считает результатом «do pewnego stopnia analogicznych losów politycznych i procesów osadniczych tych ziem w przeszłości» (см.: T. Z d a n c e w i c z. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami, стр. 9).

Вокализм. Сравним картину наших говоров с польским литературным языком.

Система гласных польского литературного языка [8] различает 7 фонем, присоединяя к числу вокалических признаков назальность (см. табл. 80).

Таблица 80

Признак	*e*	*ę*	*o*	*ǫ*	*i*	*u*	*a*
Компактность	—	—	—	—	—	—	+
Диффузность	—	—	—	—	+	+	0
Периферийность	—	—	+	+	—	+	0
Назальность	—	+	—	+	0	0	0

В отличие от этой системы в наших говорах назальность гласных либо вовсе утрачивается, либо консонантизируется (в зависимости от позиции).

Сопоставим статистические характеристики различительных признаков вокализма.

Показатели мощности различительных признаков см. в табл. 81.

Показатели симметричности различительных признаков см. в табл. 82.

Таблица 81

Признак	Говор Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы	Литературный язык
Компактность	1	1
Диффузность	0,80	0,86
Периферийность	0,80	0,86
Назальность	—	0,57

Таблица 82

Признак	Говор Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы	Литературный язык
Компактность	0,25	0,17
Диффузность	1	0,50
Периферийность	1	1
Назальность	—	1

Консонантизм. В этом плане наши говоры не представляют отличия от литературного языка. В том и в другом случае консонантная система различает те же 35 фонем: r, ł, l’, n, n’, m, m’, j, t, d, c, ʒ, s, z, p, p’, b, b’, f, f’, v, v’, š, s’, ž, z’, č, c’, ǯ, ʒ’, k, k’, g, g’, x. Разницу можно усмотреть в фонетической реализации палатальных непериферийных компактных, которые в литературном языке являются среднеязычными (они обычно обозначаются ś, ź, ć, ʒ́) в отличие от «краепалатальных» наших говоров.

[8] При установлении фонологической системы польского языка использовались работы: T. Benni. Fonetyka opisowa języka polskiego. Wrocław, 1959; Z. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego. Warszawa, 1952; С. К. Шаумян. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958.

Общая фонологическая система. Фонологическая система польского литературного языка (см. фонологическое «дерево», рис. 13) насчитывает, таким образом, 42 единицы (в отличие от 40-фонемной системы говоров, наблюдаемых нами).

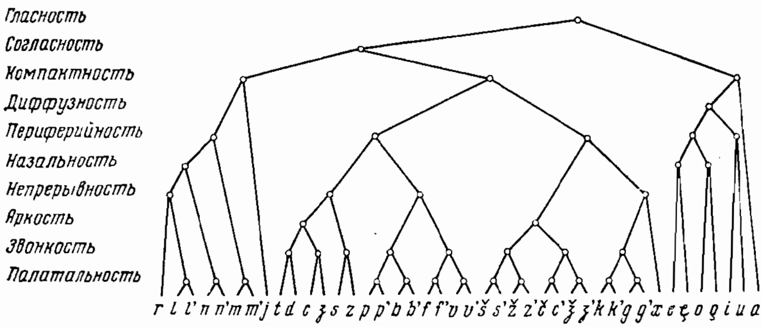

Рис. 13. Фонологическое «дерево» польского литературного языка

Показатели мощности признаков, объединяющих модели вокализма и консонантизма, см. в табл. 83.

Показатели симметричности см. в табл. 84.

Таблица 83

Признак	Говор Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы	Литературный язык
Гласность	1	1
Согласность	0,87	0,83

Таблица 84

Признак	Говор Лаздун, Девенишек, Гервят, Зетелы	Литературный язык
Гласность	0,14	0,20
Согласность	3,37	3,37

Наблюдения над дистрибуцией фонем. Однотипность описываемых говоров в синтагматическом плане освобождает нас от необходимости подробного обзора.

Укажем лишь на те различия, которые нам удалось наблюдать.

В польском говоре Гервят отмечена особая манера произношения безударных (первый предударный и заударные слоги) гласных *о*, *е*, выражающаяся в замене их на гласные верхнего подъема (puv'ézʼal, bénʼʒʼi).

Хотя это явление возникает, по-видимому, в силу гипернормального отталкивания от «акающего» произношения, проникшего в говор, по своим фонологическим результатам оно сопоставимо с аканьем, так как в конечном счете оно ведет к ограничению гласных среднего подъема в безударной позиции.

Особняком среди других стоит польский говор Зетелы с его регулярным соблюдением правила звонких сандхи (náz rozlónčy, klúǯ žucóny, jénzyg ópcy).

ТЕКСТЫ

Лаздуны. Белорусский говор*

n'ếkal'i u‿dévargax čalav'ếk nátta býu̯ zdaróvy, tak'í s'íl'ny. išóu̯ jốn z‿zamóš étyk durnýx, z‿m'aʒ'v'aʒ'óm spatkáu̯s'a, jak‿rás na‿s'enažác'i kal'a‿étyk klátkau̯. tó, káža, dól'au̯s'a, al'e‿paval'íu̯ m'aʒ'v'aʒ'á, abdól'au̯.

išlá u‿dévarg'i, já samá z‿dévargau̯ ródam. dyk‿étak sáma våu̯k'í kal'i‿zavýl'i! ót užé daxóʒ'ila s'udý pat‿pósal'i, u‿l'ếs'i kal'i‿zavýl'i våu̯k'í, étyja starýja γrúba, a‿maladýja c'én'eŋka. a‿takája s'l'izgatá bylá što‿n'i‿móžna byló is'c'í, pad‿v'asnú n'éjak abl'aʒ'an'ếu̯šy. nó'i s'l'ízgajucca, étyja vou̯k'í výjuc'. al'e‿já takája n'i‿bajaz'l'ívaja nátta bylá. pryšlá dadómu, svai̯mú č̦alav'ếku raskázvaju. dyk‿jón káža tréba byló v'arnúcca.

ót u‿nás γavarýl'i l'úʒ'i starýja što‿jak‿p'arún b'jé z'‿n'éba éta jốn b'jé č̦artá. kal'í káža iʒ'éš pól'am i‿l'ac'íc' mýš i‿γróm γrym'íc' to‿tréba z'n'ác' šápku i‿uc'akác' z‿étao m'éi̯sca bo‿éta tudý dás'c' p'arún u̯žó u‿tója m'éi̯sca. i‿kal'í káža l'ac'íc' kót i‿pal'ac'íc' éty kót na‿ʒ'érava, nú u̯žó u‿tója ʒ'érava p'arún dás'c'. éta čórt l'ac'íc' i‿p'erav'érn'acca tó u‿katá tó u‿mýš, móža i‿u‿sabáku p'erav'arnúcca, a‿p'arún b'jé u‿tója m'éi̯sca. l'úʒ'i žaγnál'is'a ad‿étao p'aruná.

býl'n'ik éta takója l'akárstva, janó ras'c'é u‿nás kal'a‿platóu̯ ʒ'ế mý n'i‿kapájam n'ikól'i, u‿γaradóx, kal'a‿budýŋku ras'c'é býl'n'ik. jón jós'c' at‿p'aruná. jaó n'ékal'i sab'irál'i, n'és'l'i da‿kas'c'óla, s'v'an'c'íl'i u‿čac'v'ếr za‿týʒ'an' p'erad‿ʒ'av'átn'ikam. i‿kal'í nadyxóʒ'ic' v'él'ka xmará, b'júc' p'arunế, jaó byvája raskúrvaja u‿xác'i, ót na‿prýp'aku u‿p'ếču kab‿dým pašóu̯‿by pa‿xác'i. i‿kóm'in pračýn'im, pús'c'im nav'érx.

jak‿xmará nadyšlá, γróm γrym'íc', maláŋka pál'ic', pat‿kám'an'am n'i‿saʒ'ís'a, n'i‿pad‿jélačku saʒ'ís'a, na‿čýstym pól'u stán', i‿u̯s'ó, c'ab'é n'i‿zab'jé. jak‿tốl'k'i maláŋka skryžújacca, ták i‿b'jé p'arún č̦artá, ʒ'ế čórt paxavájacca c'í pad‿ól'xu, c'í pad‿jélku, c'í pat‿kám'an'.

* Записано в 1973 г. от жителей дер. Посали Фильмены Авижич 48 лет и Иосифа Авижича 63 лет. Записи 1964 и 1968 гг. см. в «Балто-славянском сборнике» (М., 1972, стр. 104—115).

jak‿póu̯n'a dóbra saʒ'íc' što‿n'ébuc', s'ếjac'. malaʒ'ikóm dóbra s'ếjac'. užó sámai̯ tréc'ai̯ n'aʒ'él'ai̯ n'a‿s'ếi̯, ba‿n'i‿výras'c'a, al'íŋk'i n'i‿s's'akái̯ ba‿n'i‿atpús'c'ic'. v'atačkóm dóbra s'ếjac'. a‿užó jak‿slónca zaxap'l'ája m'ếs'aca, tadý užó n'i‿saʒ'í n'ičóo, bo‿n'i‿výras'c'a. výras'c'a, al'e‿slába. éta n'ếkal'i u̯s'ó starýja l'úʒ'i raskázuval'i. n'ếkal'i ót araxá s'éjal'i, čakájuc' kal'í éta s'n'éx výpaʒ'a, u‿ós'an'i katórao dn'á — u‿p'óntak c'i‿u‿sybótu, c'i‿u‿n'aʒ'él'u, tadá arốx s'éi̯, arốx búʒ'a stručýsty, xaróšy. étak n'ếkal'i us'ó starýja l'úʒ'i čás padb'irál'i, kal'í s'éjac', kal'í saʒ'íc'.

kazál'i, n'ếkal'i byl'í l'úʒ'i, tak'íja, jak‿káža, baatyrế, krếp'k'ija, s'íl'nyja, žébry m'él'i tak'íja na‿žyvac'é. jốn‿ža móx padn'ác' za‿uɣlá xátu. jak‿tói̯ sparýš l'ac'íc', baran'í bốx, bába u‿c'aškú vóz'm'a páskam c'i‿stúškai̯ av'v'ážacca. to‿sýn c'i‿dačká búʒ'a ž̥‿žébram'i na‿žyvac'é, jak‿u‿týx l'uʒ'éi̯, baatyróu̯ dåu̯n'éi̯šyx.

býu̯ aʒ'ín klapčák. služýu̯ jốn u‿vói̯sku. pryšóu̯ jốn z‿vói̯ska, zaxóʒ'ic' da‿kaz'ájina p'eranačavác'. n'i‿puskája kaz'ájin p'eranačavác'. u‿c'ib'é, ɣavóryc', nóvy dốm stajíc', čamú tý n'a‿pús'c'iš? káža, u‿tóm dóm'a n'ixtó načavác' n'i‿móža — n'e‿dajé spác'. nú, ɣavóryc', já p'eraspl'ú. jốn uz'áu̯, s'ếu̯, krésla pastáv'iu̯šy, načavác' búʒ'a. načúja jốn, pryl'atája čórt: što‿š tý zas'ếu̯šy tút kúryš? káža, ót, l'úl'ku zakurýu̯ i‿kurú, paká l'úl'k'i n'a‿výkuru z‿étul' n'a‿výdu. dái̯ já papróbuju. davái̯ jốn — kurýu̯, kurýu̯, póu̯nu xátu dýmu narab'íu̯. štó tý tút l'ótajaš, štó tý tút májaš? já máju tút zólata, pad‿étai̯ xátai̯. davái̯ mn'é us'ó zólata vynós', tadý já výstupl'u s‿xáty. jốn nas'íu̯, nas'íu̯, nan'ós zólata kúču v'él'kuju. tak‿ót éta jốn sparýš i‿nazyvájacca. c'ip'ér, ɣavóryc', jés'l'i výkuryš étu l'úl'ku, to‿já výstupl'u s‿xáty, jak‿n'i‿výkuryš to‿tý vystupái̯. kurýu̯, kurýu̯ n'iják n'i‿výkuryu̯, éta l'úl'ka samakúrka bylá. sastup'íu̯, pašóu̯. nazáu̯tra pryxóʒ'ic' kaʒ'ájin — póu̯na dýmu, jốn dúmau̯ što‿dóm ɣarýc'. vó, káža, štó u‿tvajói̯ xác'a byló, ɣl'án' skốl'k'i zólata, i‿éta tab'é u̯s'ó astau̯l'áju. a‿mn'é n'i‿náda saldátu zólata, naštó janó mn'é. jốn utraxtaváu̯ svajím'i ɣrašýma jamú za‿tója što‿jốn načaváu̯. i‿éta jốn ták sparyšá výɣnau̯ s‿xáty.

Лаздуны. Литовский говор

s'an'óu̯ búvo načn'íčos. núv'ai̯ma tvártan, prýsryša arkl'óp, važyn'éja s'édas'i un‿árkl'o po‿tvártu v'ísu nákc'i. arkl'ís ʒ'írbas'i blógas, káb gaspadórus jí n'a‿kárm'i, c'áp ánas blógas, blógas, mókras, šláp'as bústa arkl'ís. nú, réi̯k'a‿g'i itos načn'íčos varyn'éc'i. tadú s'v'ekšč^{u}ótu krei̯dú ítu tvártu jóu̯ kryžál'u státo v'isúr, un‿dúru, p'^{i}e‿luŋg'ál'i, v'isúr prystáto kryžál'u s'v'ekšč^{u}ótu krei̯dú, s'édas'i su‿s'v'ekšč^{u}ótu ún'd'an'u, árkl'i s'v'ekšč^{u}ója, nú ir‿n'ará tú načn'íču.

búvo man'íp bról'is, vaʒ'ínas'i s'c'apónas. ažnoréi̯ ánas žán'ic'is. nuv'ái̯ jančúnos, ém'a m'ixal'ínu. m'ixal'ína jám dáv'a pasógos. atái̯ ánas man'íp; juz'úk, juz'úk, jóu̯ áž žán'ijos. o‿kú tú raŋk'í? m'ixal'ínu iž‿jančúnu. a‿káp, sáko, m'argá? gražý, gražés'n'a aš‿táu̯. nú, sáko, maná gražý, a‿tavá v'él' gražés'n'a, to‿áš n'a‿žnáu̯ káp su‿júm útaryc'a.

búvo boc'áp trýs sunái̯. rai̯k'éi̯ j[i]ém žán'ic'is. ém'a strél'bas ruŋkós, strel'óc'. v'[i]énas istrél'ijo — póno dukt'é sugávo kúl'ku. k'ítas istrél'ijo — k'itá póno duk't'é kúl'ku sugávo. o‿trác'as istrél'ijo — ž[y]ebá sugávo kúl'ku. v[i]énas ap's'ižán'ijo, k'ítas aps'ižán'ijo, o‿trác'am réi̯k'a su‿žabó ap's'ižán'ic'. nú, ir‿kú jám v'íkt — žán'ijas i‿prapála. ap's'ižán'ija an'í v'is'í trýs sunéi̯, nú ir‿boc'ámp papráša s'v'ac'[u]ós. papráša s'v'ac'[u]ós, atvažáu̯ s'v'ac'[u]ós, v'[i]énas su‿sávu žmónu, k'ítas su‿sávu žmónu, o‿trác'as važ[u]ója v'iénas. pakláu̯s'a táp ž[y]ebáp: a‿káp mán važ[u]óc'? sáko, tú važ[u]ói̯ im‿póra arkl'ú, áš, sáko, tadú atvaž[u]ós'u. i‿vót sáko: a‿kúr tavá žmoná? sáko, zára atvaž[u]ós. éx, c'onái̯ rúkas, stúkas! kás, sáko, važ[u]ója? éta, káža, maná žmoná važ[u]ója, ž[y]ebá. atvažáu̯ ž[y]ebá, gražés'n'a an‿v'isás, i‿aš‿tú gražés'n'a i‿až ítu, nai̯gražés'n'a žmoná. s'adás'i án'i as‿stálo, davái̯ častavóc'. g'ára, válgo. kau̯lal'ús ruŋkójan kai̯ron kráu̯na, o‿v'ínu g'ára — léja itan ruŋkójan. pryzdéi̯ra ítos — ítos téi̯p ʒ'írba, kau̯lal'ús c'anái̯ kráu̯na, o‿v'ínus čý léja. nú, n'éko. išái̯ šókc' ítas kúr ž[y]ébu ém'i. išái̯ šókc', káp mókc'ara iš‿kai̯rós rúŋkos — áz'aras stojós, káp mókc'ara iš‿c'es'ós rúŋkos — alubê pašl'í. k'ítas išái̯ šókc', káp mókc'ara — v'is'ém dun'c'ús pavaléi̯. káp mókc'ara — v'isús abléjo. i‿trác'as téi̯p pác'a padára. gražý m'argutá, gražý žmoná. ánas nuskrýdo namó, ráda po‿prýp'aku ž[y]ebós skurú, p'áču patkúra ir‿sud'ág'ino. aná atvažáu̯: kúr maná skurá? n'erá. nú, kap‿n'erá to‿l'ík s'v'éi̯kas, ir‿nuv'ái̯ aná. ánas l'íko v'[i]énas, kú ʒ'írpc' jám v'[i]enám, ánas strél'bu ém'a ir‿éi̯ma jéškoc' žmonós. éi̯ma, ei̯ma ánas — b'éga k'íšk'is. k'íšk'is sáko: n'a‿strel'ói̯ man'í, áš táu̯ bús'u pámačy. in‿úp'as ún'c'is plóu̯ko[u]ja: n'a‿strel'ói̯ man'í, áš táu̯ bús'u pámačy. éi̯ma tol'áu̯ — lok'ís stóu̯. n'a‿strel'ói̯ man'í, búdu pámačy. atái̯ ánas p'irk'álan, p'irk'ála stói̯ in‿v'ištos kójos úp'an durým'i. kú ʒ'írpc'? sáko: p'irk'ála, káp stov'éi̯, t'ép stojís, ap's'ísuk'ai̯ in‿v'íštos kójos, stojós šy dúrym'i. ánas éi̯na p'irk'ón, séʒ' bóba s'anói̯. kúr tú ei̯m'í? ei̯mú, káža, žmonós jéškoc'. o‿kúr tú ras'í? ói̯, trúdna táu̯ rás'c'i žmonós, i‿n'e‿raščýtojos, trúdna dastóc'. vót, sáko, áš táu̯ kam[u]olái̯c'i parýk'in's'u. al'e‿káb dastóc' to‿áš n'a‿žnóu̯. stóu̯ úž[u]olas, in‿úž[u]alo skryn'ále, skryn'áles k'íšk'is, k'išk'ín ún'c'is, un'c'í póu̯tas, pou̯c'í ádata. ádatu gálu nugúryn's'i — tavá žmoná prytáu̯st. atái̯. stóu̯ [u]óžolas. kúr búv'i ítas lok'ís acskrýdo, davái̯ ítu [u]óžalu góryn'c', nugúryna ítu [u]óžalu. [u]óžalas p'e‿žám'i grúvo, skryn'ále razdóu̯že. davái̯ tú k'íšk'i kutlavóc', kutlavóc' — is‿k'íšk'ai̯s iššóko ún'c'is, ún'c'is iššóko i‿nuplúko. ót, sáko, káp manó prapála i‿prapála manó. tái̯ ún'c'is k'itá kúr noréi̯ stral'óc', iššóko da‿jái̯, júmp, davái̯ dóu̯šča, dóu̯ža,

dóu̯ža. iskrýdo póu̯tas. nú, kú‿g'i, prapála. kúr búv'i žuv'ís, aš‿tó póu̯c'a, átn'aša jám un‿b'áravo. ánas rázdau̯ža tú póu̯tu, dastói̯ ádatu, nugúryno v'iršú, ir‿žmoná pry‿jám stojós.

búvo kúpčus, tok'ís bavótas. ánas važyn'éja po‿s'v'^{i}étu, pag'ím'b'a žmoná jói̯ súnu. ítas p'irmói̯ ruŋká jám pasák'a... n'a‿sunús, n'a‿kat'é, n'ai̯‿šúva — kok'ú aná pag'ím'b'a táva žmoná súnu. tás praráša kórtu kad‿jú un'istóžytai̯. atvažáu̯ zbúi̯čos, jú aždóu̯šč noréjo. éi̯na, ís'v'ad'a jáu̯ m'áʒ'an jú dóu̯šča. pasaʒ'íno ic'éi̯ zbúi̯čos. kap‿tú n'a‿gryšý šl'ókai̯ in‿itós žám'as to‿m'ás g'ivu palái̯s'im. sáko, n'a‿gryšú, m'aʒ'í num'irs'ú, a‿n'a‿gryšú. g'eréi̯, án'i ém'a šun'íc'i áždou̯že, rubášku, span'ícu krau̯jám in'ʒ'írvo ir‿ítam p'irmói̯ rúŋkai̯, znóku kur‿án'i jú áždau̯ža. króu̯ ir‿šýrʒ'i pasák'a išým'c'. íšem'a šýrʒ'is šun'íc'a tóa, ir‿šýrʒ'i nún'aša jám paród'a. nu‿vót, jóu̯ jós n'ará. aná éja, éja m'aʒ'ú, tol'í púščan ažái̯, m'áʒ'an. paskúi̯ jóu̯ atái̯ kazá m'aʒ'inói̯. nu‿kú, aná buʒ'ály padára pac'í sáu̯, i‿tói̯ buʒ'álai̯ s'ad'éjo, ir‿ítu kázu p'an'éjo. nú, jáu̯ tás b'arnukái̯c'is padáu̯go, mók'a rašýc' jóu̯, ungl'ú im‿págal'o. ítas kúpčus ažnoréi̯ im‿pal'avón'as išéi̯c', pajéškoc' móža kázu aždáu̯šč, móža v'ílku aždóu̯šč. išái̯ su‿savom slúgom, po‿étu m'aʒ'u vái̯kščoja. šún'as ám'a ítu kázu, lója, acskrýdo par‿ítu bud'ály, šun'as atvare ítu kázu, i‿an'í paskún ítus šun'ís atája pas‿tú bud'ály. káz' g'ívas irá? sáko, dušá c'ón irá g'ivá. iséi̯k! sáko, n'a‿išei̯s'ú. o‿kól' tú n'a‿išéi̯s? áš, sáko, gryná, aʒ'ežá páslup'a, n'a‿túru kú is'is'ákc'. ánas nús's'ak'a sávu apran'íku, ándau̯ jói̯. aná ap's'ís'ag'a, išái̯ jóp. tóp sáma pónap, i‿b'arnukái̯c'is tok'ís grážus! kók'a tú jirá? tok'á ir‿tok'á, sáko. man'í noréi̯ aždáu̯šč n'aždáu̯ža, áš pasak'áu̯ nu‿tós žám'as n'a‿gryšú. ánas kórtu ém'a, pračytói̯ káp jám pryráša, t'éi̯p ir‿téi̯p, tok'ís távo súnus. o‿tás súnus — n'ér gražés'n'o! ém'a iš‿tós bud'áles jú, núv'aža namó, i‿kazá tói̯ atái̯.

búvo b'arnúkas. ém'a jáu̯n'isu m'argútu, sáu̯ žmónu. ánas su‿jói̯ g'iv'ána, pas'p'éi̯ rug'éi̯ p'jáu̯c'. o‿aná tók'is ul'tójus búvo, n'e‿noréi̯ p'jáu̯c', n'e‿noréi̯ n'éko ʒ'írpc'a. k'ítos móc'aras p'jáu̯na rug'ús, jóu̯ man'dl'ú státo. o‿aná... b'aržal'is k'ívajas'i, n'á‿nór p'jáu̯c', ir‿pab'aržal'ú s'adós ir‿v'érk'a. jóu̯ v'íryškas aps'ái̯ p'irk'ói̯ kap‿kártas, k'áu̯los pap'an'éi̯, kárv'as pag'írd'a, v'ísa. jóu̯ éi̯s méndl'u n'ašóc'. kó tú s'éʒ'i po‿b'aržal'ú? nu‿kú, sáko, b'aržál'is klón'ajas'i, man'ís nóra aždóu̯šča, áš, sáko, n'ai̯mú n^{u}ok‿tó b'aržál'o. éi̯ tý, sáko, dúrn'us, kó tú s'éʒ'i, actúp'itu n^{u}ok‿b'aržál'o ir‿p'jou̯tóu̯, atajáu̯ mandl'ísu pastac'ítu. v'éjo n'a‿bút, tadú ka‿b'aržál'is normál'nai̯ stov'ét... sáko, durná máno žmoná. ei̯s'ú s'v'étan pazdarýc' ar‿maná durná žmoná, ar‿dou̯g'ás ras'ú. padajáu̯ — bóba k'ápa b'l'ínos. bl'inái̯ in‿stálo, s'm'atóna s'v'irn'íp. kús'n'i ádlup'a, skrénda s'v'irnán dažýc' s'm'atóno. ánas zdéi̯ros'i, zdéi̯ros'i. nu‿kú, sáko, átn'aša s'm'atónu un‿stálo, s'édo, v'is'í pavál'g'a. éi̯m'a tol'áu̯, pazdarýc' káp tol'áu̯. bóba iš‿šúl'n'o ún'd'an'i s'áma s'^{i}etú, ir‿n'akáp n'ás's'ama. sáko, palóu̯k. ém'a v'^{i}édru, as'ém'a ún'd'an'a jói̯ v'^{i}édru. nú, sáko, durná, nu‿kú padarýs'u. éi̯ma ánas tol'áu̯, zdéi̯ros'i, bóba

v’íštu kúl’a, to‿sávu vai̯kú n’á‿p’an’a. éx tú, sáko, durná bóba. d^{u}ói̯ tú mán krúopu. pap’íla kr^{u}ópu. krópas v’ištá éma, v’is’c’alám’i éma kr^{u}ópas, ir‿v’ištá pajéla. n’a‿tói̯, sáko, maná źmoná durná, al’e‿in‿s’v’^{i}éto trýs razóu̯ tok’ás durnás. ir‿svajói̯ pras’c’íu̯.

saulála raudóna
vákaras n’a‿tól’a
léi̯kas mán gúl’c’a
dár m’^{i}égo n’a‿nóru

súŋku našlait’élai̯
ant‿s’v’éto g’iv’án’c’a
súŋku akm’an’él’u
in‿k’ál’o guléc’a

Девенишки. Белорусский говор

l’íž‿by čalav’ěk šta‿b‿γúm m’éu̯. pastajóm užé mý. pajéxal’i pa‿adnéi̯, xtó kal’í, výγas’c’il’is’a. u‿kaval’óx. pa‿us’íx l’asóx. gavaréc. avarec. tar’avái̯u. móža i‿téš štokól’v’ek pómn’ic’.

v’éras jél’i, l’eb’adú jél’i, ʒ’ác’al’nik jél’i. naumýs’n’a ’ólat rab’íl’i. praz‿’arȏt. kúry janý stral’ál’i. šm’ít býu̯ sa‿svajói̯ družýnai̯, p’áʒ’ dúš ʒ’ac’éi̯. us’ó pa’arȇla, u‿annéi̯ kašúl’i astal’ís’a, dým kurýu̯. jak‿pam’óršy to‿pamýušy, aʒ’éušy i‿u‿jámu lažýl’i. ul’ájuc’ rázam, s’p’avájuc’, avórac’. kurýnyja jaik’i. v’iná, vȏt’k’i, jajók, m’ása pakaštúja. nátto maladýx škóda. pam’is‿sabói̯ žan’íl’is’a. jést tak’íx slavóu̯. kap‿xac’á pa‿aktáru zaml’í dáušy. kaukózy. saukózy. malája zarapláta, tȏl’ki týja što pry‿s’v’ín’ak, pry‿karóvax zarabl’ájuc’. móža z‿druz’g’énik pán’i. b’al’éty janá p’erav’aráje. p’aršégo c’i‿dru’ó’a čyslá. to‿ʒ’éc’am pama’ája, to‿bratóm. karóuka jést, ’arȏt’ jést, rús’k’ija l’atúc’ s‿karab’inámi. ós’em tygód’n’au̯ vyl’ažála. z’aladaváušys’a. na‿umn’ísku. mn’é kastrul’í zrab’íl’i, na‿kastrul’óx xaʒ’íla. da‿proudý. u‿γabóz an’ál’i. n’a‿byló muščýznau̯, žénščyznau̯ an’ál’i. ras’cén’k’i malýja. γnói̯ trés’l’i. tút’ jakráz éta vainá. koun’érуk. zaslužóny, u‿m’adal’áx, s’ónšk’i čytáu̯. výžai̯ kal’^{i}éna spad’n’íca. jéžǯajuc’. šternás’c’e adóu̯. na‿vóbui̯ c’áška byló, lápc’i papl’óušy s‿karý, a‿kadak’í skuranýja. pómn’u máma, n’abóščyca, p’ac’óra ʒ’ac’éj m’éušy a‿šósta pam’óršy, c’ȏtka pryšlá i‿káža. tadý byló cúkru. kvásu naróbʼic’, ousá natoučé póstam, burakóu̯ n’iščýmnyx naváryc’. ba’áčšy býu̯. kúždy xóča rabótac’, téras kȏžny účycca— aʒ’ín tója, tréc’i tója, čvárty tója. čalav’ěk alódny jak‿z’v’^{i}ér. jak‿u‿stúdn’i vadú brála, tadý za‿mnói̯ šl’úbu brála. pryšóu̯ panók pal’aváušy. kȏn’ l’ac’íc’, ržé. bác’ka užó da‿dačk’í: tút ʒ’étk’i astán’s’a. pryšlá v’éʒ’ma rágana pryn’éslas’a čórna’a byčká i‿b’^{i}éla’a paras’učká. dái̯ mn’é stúpu pad‿alavú, dái̯ mn’é kám’an’ pad‿alavú. kab‿m’an’é pus’c’íl’i da‿xáty u‿ós’c’i. já ból’ai̯ pryv’azús’a m’ása. starýja kalbékajuc’, a‿maladýja tak‿pa‿próstu. . . vos’amnás’c’e. z’‿jím’i. já bylá kau^{x}óz’n’ica, pén’siji vyrabl’ála. slába v’íǯu b’adá v’él’kaja. pašlá služýc’ da‿xaʒ’ájina. púd róščy zarab’íla. pamaxčý n’amá kal’í. u‿kaval’óx jést starýx l’uʒ’éi̯, farbújuc’. špúl’k’i kup’íu̯, asnaváu̯, jedvábam padatkáu̯. n’i‿dbájaš, to‿i‿n’a‿um’éjaš pa‿žmúisku. pa‿étym žv’íru c’áška xaʒ’íc’. já n’iʒ’é n’i‿jéžǯaju, n’imá ʒ’é

jéžǯac’. k‿s’c’éŋk’i pastáv’ic’ n’ém’ac i‿u̯s’ó. l’ic’v’akóm γavóryc’ pa‿l’itéfsku. čúc’ ja’ó n’i‿zakandéb’il’i. dóbra što‿aʒ’ína jedenásta bylá, a‿kab‿aʒ’ína drúga bylá to‿janý‿b jaγó zab’íu̯šy byl’í. tak‿rók byló. janý pažyčál’i u‿jaγó, a‿pótym janý abáčyl’i u‿jaγó takája kasá jest. já bylá na‿rêccy. šal’ón’a l’atúc’ étyja mašýny. túl’is’s’a da‿plótu. p’júc’ jak‿vadú. u‿kan’cú žyv’é. što za‿ládny xlópčyk, jag‿búlka, jak‿mal’íŋka. magʒ’úk. xvaʒ’éji drážn’ac’. sou̯s’óm. tút janá raʒ’íu̯šys’a, tút xrys’c’íu̯šys’a, túl v’^{i}ék pražýu̯šy. adnýja druγ’ím dáu̯šy im’óny. u‿l’asóx. s’^{i}el’sav’^{i}ét. stó adóu̯ búʒ’a méc’ čalav’êk. užó syný starýja pas’iv’éu̯šy, nám pryvóz’il’i. s’ pilav’ínau̯ xl’ép. na‿ja’ó alasavál’i. já jamú zvarýla arbáty. al’é specyjál’ny býu̯. pryn’as’íc’a i‿samaγûŋk’i. ʒ’é mn’é kup’íc’ tak’íja pác’ark’i što‿módl’acca. annýmadná žyv’é. n’a‿ma’ú. spódn’aja maskvá. trý g’v’ástk’i. ap’ín’iju strác’il’i. tý m’an’é ʒ’ís’aka xóc’ ryštúi̯ a‿pa‿s’m’érc’i xoc’‿r^{y}éš. kou̯kózy. já gvarantúju što‿byló‿p l’^{i}épš. sótk’i mn’éi̯šyja. ʒ’v’ê ʒ’au̯čáty pryjéxal’i. ʒ’ekól’v’ača. γróšy papryv’éz’l’is’a, damý tút pastau̯l’ál’i. trý adý bylá zav’arbaváu̯šys’a. dr^{u}ómny dóžǯyk iʒ’é. zapr^{u}óx kan’á. u̯s’ó pl’^{i}éčy adv’ačájuc’. sk^{u}ól’ka mý s’p’óm — mý u‿trý časá užé γatóvy, ustáu̯šy. z‿rýŋka pryšóu̯šy paγl’aǯú ják c’i‿pai̯dú c’i‿n’é. suxója zbóžǯa to‿v’az’óm. n’a‿nátto. trýccac’ kap’^{i}ejak’ k’íl’a. jést kúbačka tám. pazátakrok, mús’i trý adý tómu. maŋgarýna. da‿dómu n’asúcca. mús’iž dác’ l’ítar vôtk’i. pogotóv’a pryjažǯája. nákšy, náčaj. m’éla jáblykau̯ nasúšanyx. k’ip’átak zavarú.

fartúk vypl’atány. l’l’ány. na‿kal’ény palóžys’s’a i‿vyrabl’ájaš. da‿ručn’ikóu̯ zróbl’anyja tak’íja karúny. ščé snavác’ n’i‿maγlá, tak‿pastáu̯l’us’a kalódačku i‿dastajú. jak‿mý užó tkáu̯šy tak‿mý znájam. as’m’arýk. raššástau̯. s’pavála jak‿kúryca na‿b’adú. tak’íja gárcy, bal’šý gár’n’ec. já mnóγa bylá navarýu̯šy čarn’ícy, truskáfk’i. jéxala sváʒ’ba i‿av’v’arnúlas’a kám’an’am. bl’iskóncyja, jak‿žybul’í bl’iščóncyja. dou̯n’éi̯ to‿óx, lac’él’i γl’aʒ’éc’. šal’c’ín’s’k’i káman’. zakajánnyja l’itóu̯cy. gvaltóm. n’íc’i psujúcca. ʒ’^{i}évačka m^{i}élas’a pryjéxac’ z’‿v’íl’n’usa. pákul’n’ica. tkan’ína. rudúšk’i, maxav’ik’í, ap’éŋk’i, moxamóry. advárac’ u‿tróx vódax i‿tadý smážac’ u‿tlúšču, z’ímnai̯ vadói̯ n’iják n’i‿móžna zal’ivác’. dažǯú n’imá i‿grybóu̯ n’imá. ʒ’arav’áŋk’i. čómbar, p’eracaʒ’íc’ i‿p’íc’. cyntúryja ad‿žyvatá. vas’íl’ka ad‿rabakóu̯. žyvakóst tóža xaróšy, karén’i zamóčujuc’. slón’ca vyc’áγvaja us’ó. zak’ip’an’íl vadý, kak‿arbátu móžna p’íc’. kryváu̯n’ik. éta’a xlópca bylá ukus’íu̯šy z’m’ajá, prósta ščarn’éu̯šy býu̯. γáʒ’ina. žal’^{i}éznaja z’m’ajá. ad‿uróku zamou̯l’ájuc’, at‿šal’ónai̯ sabák’i vyp’ísujuc’ kártačk’i. adb’íjas’e éxo. majé rúk’i paspuxáu̯šy, mús’ic’ ramátus mn’é. póu̯nu butél’ačku byl’í dáu̯šy. u‿každai̯ xác’a matarás. dúšša tadý bylá. dróžǯy sýpac’. kakói̯ čórt výšalšy, čartê. us’al’ák karóu̯ panazyváu̯šy: paz’^{i}émka, margá, čarná, mal’ína, k’eršá, čornaúška, kúksa, b’elag’v’ázda, lysá, axm’istrýn’a, var^{u}óna, mal’úta. u‿nás éta’o n’amá dyk‿i‿n’i‿prazváu̯šy. daréktar býu̯ skazáu̯šy vós’an’ju, što týl’ka adnú karóvu trymác’. patráf’ic’.

da‿prou̯dý stály čalav’^{i}ék. mac’úc’k’ija báby, kaval’óu̯s’k’ija. krakún’s’k’ija. žyžmóu̯s’k’ija. pŕy‿búl’b’i bábau̯ šmát. paras’ó. addác’ kamú dlúžny. matócyk pradáu̯. n’ék’i prént. bes’‿s’v’atlá. tút byl’í pryv’óššy jíx. nék’s’c’i janý u‿jajé n’i‿dabyvájuc’. c’i‿na‿rán’n’u mšú c’i‿na‿póz’n’u. jíx byk’í výv’oššy. u‿svatóx. vót’k’i naγnáu̯šy. piraγóu̯ nap’^{u}ókšy, móža p’íva narab’íu̯šy. mal’éŋka bylá.

iʒ’é l’éf. padjéu̯ tói̯ l’éu̯. z’n’úxaja. záu̯tra c’i pazáu̯tra. dryžýc’ z’am’l’á. gustý ustý l’^{i}és. paróžna xáta. rês’c’a m’ané. čatýry kum’p’ak’í u‿čatýry kutý. γryb’át’n’aja kós’c’. baγáctva. žabrúja. maxl’úja. dám gár’n’ac mučýcy. sam’l’éla žóŋka. zóu̯tra c’i‿pazóu̯tra. pryn’ós gárn’ac nasýpau̯šy z’‿vérxam muk’í. djábal. dvá γók’i výkalau̯. γačéi̯ n’i‿znác’ štó byló. já ammyl’ús’a. jiʒ’é jón, jiʒ’é. túju kám’an’ jak‿parúšyu̯ kanc’é v’ósk’i. n’i‿byló ačéi̯. já u̯žó óčy máju. parváu̯ na‿kus’kí jaγó. tý búʒ’aš karóu̯ka, a‿tý kón’ikam búʒ’aš. dái̯ zatknú órla. janá stúšku uz’alá za‿šýi̯ku i‿v’aʒ’écca. jón alódn’aŋk’i. pazvála ʒ’au̯čátk’i ʒ’v’e. n’asú za‿raškám’i s’ancá, póu̯nyja cýcačk’i malačká. nakúu̯ jazýk c’én’aŋka. z’jéu̯ taγó kaz’l’an’ó. kóstačk’i pamalóla u‿žarnáx. tý majé ʒ’éc’i pažór. zažmúryu̯s’a i‿rašščéryu̯s’a. lán’i sajíl’i γéta ʒ’ic’ó. uz’áu̯ dubél’tku. vyxóʒ’ic’ jaγó žóŋka ólaja. as’c’íncam is’c’í pótym na‿púšč. mou̯čý i‿madl’ís’a. u‿k’ašén’u. pav’ačêral’i, pasnúl’i. l’ôx pat‿paróx p’il’navác’. iʒ’é ščác’ na‿dv^{u}ór. l’atóm i‿l’atóm na‿daróγu, i‿u‿s’v’íran, a‿užó bac’k’í pryjéxau̯šy. bác’ka pašóu̯ pa‿k’elbásy. vótk’i músic’ ʒ’és’ac’ lítrau̯ pryv’óššys’a.

plákala pa‿jím. na‿súkn’u mácce. xrézb’iny. máma xryščónaja. a^{u}ón’čyk. n’abóščyk. karšún jaγó v’édaja. altóbus. mói̯ čalav’ék i‿p’él’a i‿us’ó. krúp-krúp-krúp. púl’-púl’-púl’. práv’al’n’a. ^{u}óka bal’íc’. pras‿skrýŋku. já stác’ alavói̯ ab‿brúk i‿zab’ílas’a. a‿ukas’íc’ xtó ukós’ic’ karóu̯c’e, a‿paras’óŋku? kap‿ran’éi̯ pryšóu̯šy, já‿p nabalbatáu̯šy, bylá‿p póu̯na xáta i‿bái̯k’i byl’í‿p bájau̯šy. já u‿l’és bylá pašóu̯šy, parnatá, z’aml’á výsaxšy. pôl’s’k’ija. kab‿bylá začyn’íu̯šy júšku to‿byló‿p c’ópla. pál’im l’ámpu. škló péŋkšy čúʒ’ žyvója. n’amá karasýnu u‿nás. stanóu̯n’ik da‿brusn’íčn’ika padóbny. parušén’ac iznóu̯ da‿rab’íŋk’i padóbny. rúkac’ — listk’ê ták dlúg’aŋ’k’e. bóža s’c’eražý razróššys’a. ad‿móčy jáγ’adn’ik, jón tak’í razasláu̯šys’a, a‿téras n’e‿nadydú, xaǯú i‿n’e‿nadydú. ba’ún. dramúšk’i dl’a‿ʒ’ac’éi̯ jak‿n’a‿s’p’ác’. durnap’ján. čyrtapalóx. apsói̯n’ik jak‿apsójiš ʒ’ic’á. janá nabráu̯šy cély vórak, nasušýu̯šy narubáu̯šy sak’érai̯, k’ip’atkú zal’jé i‿p’jé. γóčy čyrvónyja. z‿γúl’icy. janý rána výγnau̯šys’a karóu̯. γéta juryndá.

janá bylá pajéxau̯šy, al’e‿néšta zam’ašála. apazduvaja. u‿γóčy. jón l’óxšy, vórak m’éu̯šy pad‿γalavú i‿l’ažýc’. nazáu̯tra ustál’i, n’amá tóγa čalav’éka, ustáu̯šy, pašóu̯šy užó n’éʒ’a dróva rub’íc’. záu̯tra kol’éi̯ka pás’v’ic’ i‿pazáu̯tra. z‿grabl’íma. kabýla ž‿žarabukóm malým. barán adzdarav’éu̯. l’isafétam. spatagraf’íraval’i. ʒ’au̯čýna na‿v’íl’n’a pav’óššys’a dýmku pam’arán’cavuju. panažái̯. panažají. s’ómuxa, z’al’óne s’v’óntk’i. pažýču krósny. na‿rêčku pan’as’éš,

na‿rêccy pamýjaš. m'áxk'ija. kalašá pórtkau̯. órša'o sórtu frénʒl'i. célaja l'éc'ai̯ka n'i‿začyn'áje s'v'in'í, s'v'in'á xóʒ'ic' ʒ'é janá zdúmau̯šy, pa‿aradóx. já bylá‿p l'óxšy i‿paspáu̯šy. ščýry bóršč. z'‿ʒ'av'én'išak pryšóu̯šy p'êč patpal'íla. pastarnáka to‿jak‿mórxvy l'istý. xrén, króp. ščau̯jó. stáraŋka janá. janá u‿ryn'ʒ'únax bylá pam'óršy. panaráv'ilas'a. γl'aʒ'óm l'ac'óm paγl'aʒ'éc' éta'o k'iná. p'axatói̯ z‿améryk'i v'arnúlas'a. bul'ón acstýx. jak‿jaščé malódaja bylá pl'úš u‿módu býu̯ výšau̯šy, to‿kapústy bylá u‿rót n'i‿uz'áu̯šy n'i‿pakaštaváu̯šy, adváγ'i n'imá jés'c'i. vý zasn'ic'ó i‿pas'p'ic'ó tróxa, janý pasnúl'i, pótym pračxnúl'is'a jak‿n'i‿xvaréu̯šy, zapytác' γádrasu, úl'icy, dómu. naprou̯l'én'a. zdaróvaja jak‿rýba. janá i‿ʒ'éc'i pryučýu̯šy p'íc'. býu̯ tak'í gasudár z'm'éi̯. jón ad'jadáu̯ l'úʒ'i. z'jém. šmát cyγanóu̯ pryjéxala. s'm'érc'. armón'ik. éta‿š já vášy ʒ'ác'ka, vó us'é majé ʒ'éc'i, s'óstry — jakája družýna. šas'c'óra kón'ai̯. xtó γrája, xtó ul'ája — jón ʒ'ikóu̯, valóu̯ narézau̯šy — čakája. já pai̯dú u‿skúry valóvai̯ vadý pryn'asú. dubý maladýja v'áža, av'ázuja v'étkami. a‿naštó tý pav'azáu̯šy l'ês? prykac'íu̯ p'íva, viná u‿bócce, zára búʒ'a častavác'. kúfal' v'él'k'i praγlynúu̯. já dám pa‿m'aškú káždamu zólata. zab'iráu̯ γéty us'é s'v'ín'a, karóvy. pa‿us'éi̯ bái̯ce.

raskažú ap‿xlapcá. jišóu̯ b'êdny xlóp'ac, saml'éu̯, paval'íu̯s'a prac'i‿gasudára. stanóu̯s'a u̯‿m'an'e na‿rabótu. zgóda. s'êm adóu̯ býu̯. jón na‿gasudára káža: já búdu adyxóʒ'ic', adydú já. pašóu̯ u‿s'v'ét, s'êu̯ na‿kan'ú xaróšym. pajéxau̯ da‿vai̯ný. s'am'iγalóu̯naja vai̯ná. n'ixtó na‿ja'ó n'i‿móx strél'ic'. pad'avarýu̯. na‿výs'p'e pad‿jáblynu sxavál'i. jón býu̯ ták sxaváu̯šy što n'i‿v'íʒ'al'i tóγa p'ars'c'óŋka. íʒ'iš, jak'í jón. l'aγlá janá spác' i‿prys'n'íla són, što‿jón paxavány na‿výs'p'e kal'a‿jáblyny. i‿tréba avarýʒ' da‿jáblyny jói̯. a‿rádyja abója'. kôn' pryl'ac'éu̯, zairžéu̯. praz‿baradú c'akló i‿u‿γúby n'i‿papála. za‿ʒ'v'arám'i ukája z'ác'. bražǯác'.

l'ás'c'a i‿s'p'íc'a. týl'ko dla‿as'c'éi̯ xaváu̯. jiván jivánav'ič. jišóu̯, jišóu̯, vou̯ká spatykája. já tab'é naráǯu kudý isc'í. baradá aš u‿padlóz'e uróššy. znái̯ʒ'aš u‿ʒ'érav'i val'íska. janá u‿jai̯kú. kónčyla svajé čáryk'i. kap‿jajé papás'c n'i‿p'janói̯, jés'l'i na‿jajé c'v'arózu papás'c'.

já avarýc' mús'i n'i‿búdu maxčý jajé. avóračy n'i‿ma'ú, s'p'avác' tréba. jak‿s'p'avájučy, tak'‿aná ukládnaja takája, a‿avóračy tak'‿n'é. ʒ'ou̯čýna majá, napói̯ mn'é kan'á, s'áʒ'am dy‿i‿pajéʒ'am da ma'ó dvará. a‿f‿tvajím dvaré čyrvóna kal'ína i‿tája n'i‿c'v'ilá. kal'ína majá čóm tý n'i‿c'v'ilá. bo‿marózy byl'í m'an'é zmaraz'íl'i. c'íxo!

z‿brúčk'i papaxóʒ'il'i u‿jáγady. v'él'á axtáruu̯ pasaʒ'íl'i acsáǯuvac' tréba. sýn u‿γárm'iju slúžyc'. vadá na‿m'éi̯scu. pa‿zagárku čás da‿xáty is'c'í, karóv'icu dajíc'. katóra pryšóu̯šy malaʒ'íca z‿druγói̯ starany to‿janá náčai̯ γavóryc'. ós'am l'êt prabýu̯šy. balatá apsušýl'i, a‿tak'íja rai̯stá byl'í, što‿móžna spác' pas'aréʒ'in'e. ús'i v'al'ís'a. nac'áγvala dažǯú. p'érš byl'í pat‿caróm. tadý puól'šča. kap‿xaʒ'íu̯šy na‿pól'a c'i‿na‿férmu to‿výrab'iu̯‿by výxady. pa‿s'v'atlú ustajéš.

majá cybúl'a pažóu̯kla, pasóxla. nášy dúran' apsaʒ'íu̯ buračk'í bóbam. Kal'a‿stúdn'i l'júc' bas‿pšérvy. tréba pálkau̯ dl'a‿pasól'i. ták p'erasóxšy z'aml'á što‿n'ečuvána, n'ev'idána. rás pryn'as'écca m'ašók, dvá pryn'as'écca. pa‿l'uʒ'áγ dóšč, a‿tút n'éi̯kaja naslán'a. u‿balatáx žurav'ínou̯ nátta byló, a‿téras étyja balatá výc'oŋgau̯šy výsušyu̯šy, nú i‿súxa. ʒ'ís' xaʒ'íla p'janája, zapálkau̯ papras'íla. pam'arló ʒ'ic'aŋkó. pai̯šl'í u‿nóčy, búl'by nakapál'is'a, napáryl'is'a jadúc'. aróx. tám búʒ'a s'ónšk'i γl'aʒ'éc', a‿s'udý pryv'az'écca, tút kol'eženstvo, vótka. jak‿múxa za'uʒ'íc' kal'a‿úxa to‿dóžʒ búʒ'a. ták γrym'éla, ták bl'iskav'íca ták p'aruný žáryl'i! jak'í šatán l'ac'íc! madl'íc'as'a, žagnái̯c'as'a, avarýc'a pác'ary, a‿samýja n'a‿znájam štó rab'íc'. ʒ'é‿š já dal'atú, kal'i‿dóšč žáryc'. p'êkla. já‿p užó u‿z'am-l'í bylá‿p z'g'n'íu̯šy. dóšč s'c'íx. byl'í krósny, pós'c'ilk'i tkál'i, i‿b'êlýja i‿rabýja nastól'n'ik'i. ós'am panažajóu̯. čvaran'ít. u‿umn'é ʒ'v'êr aččyn'íu̯šy, mói̯ čalav'ék pašóu̯šy. jón spatagrafúja. krou̯šá vysóka, kal'a‿rêčk'i. jak‿z'aml'á výžai̯ to‿kážuc' krou̯šá. tám xvói̯n'ik ʒ'e‿malý xvói̯n'ičak, a‿jak‿v'él'k'i to‿l'ês. ustý dóšč. pas'l'a‿nóčy ustála to‿práu̯da dóžʒyk adysóu̯šy. jag‿γrybnó, to‿n'a‿xl'abnó. aʒ'ín l'ic'v'ín u‿amtaγés býu̯. jak‿u‿γós'an'i to‿γrumátk'i, surav'éšk'i, z'al'an'áŋk'i, rudúšk'i. stramák tréba výn'ac' já mús'i zaγnáu̯šy. jaʒ'óm z‿arácai̯ búl'bai̯. s'p'avakóm l'ép'ai̯ jés'c'i dajúc'. l'ês n'a‿róu̯ny i‿l'úʒ'i n'a‿róu̯nyja. z'ólkau̯ usák'ix jést.

v'iŋkšúja pána i‿pán'i na‿pól'u kapám'i, a‿u‿γumn'é tarpám'i, a‿u‿s'v'írn'a zas'akám'i, na‿aspadará padvórku valý bušújuc', stó týs'acy rubl'éi̯ čújuc', druγ'íja paný ʒ'v'é, trý týs'ačy, a‿nášy pán ʒ'ês'ac'.

* * * * *

kudý c'ac'órva
kudý l'ac'éla
tút c'ab'é lav'íc' búduc'
tút c'ab'é lav'íc' búd...
kudý ʒ'au̯čýna
kudý jexála
tút c'ab'é γlum'íc' búduc'
tút c'ab'é γlum'íc' búd...

n'av'adómyja tút darónžan'k'i
ják tý tút xaʒ'íc' búʒ'iš
ják tý tút xaʒ'íc' búʒ'...
n'aznakómyja tút sus'édun'k'i
s‿kím ty avarýʒ' búʒ'iš
s‿k'ím tý avarýʒ' búʒ'...
já darónžun'k'i us'é raz'v'édaju
tút xaʒ'íc' búdu
a‿s‿sus'édam'i raspaznájus'a
tút avarýc' búdu

kab‿n'e‿stajála c'ómnai̯ nóčun'k'i
pad‿aknóm
kab‿n'a‿uc'arála drômnyx s'l'ózun'kau̯
rukavóm.

* * * * *

pašlá u‿sadóčak já i‿prysnúla
pryjéxau̯ mói̯ m'íly já‿i n'a‿čúla

ustán' m'íla ustán' prabuʒ'ís'a
jéduc' da‿nás ós'c'i γrumadóju
xóčuc' razlučýc'i nás s‿tabóju

n’exái̯ razlučájuc’ n’e‿bajús’a
v’il’énskai̯ gubérn’ii stanau̯l’úsa

ašm’án’ska’o ujézdu ažan’úsa
vaz’mú sab’é žóŋku maladúju
jak‿u‿sáʒ’a v’íšn’u čyrvonúju

jak‿u‿sáʒ’a v’íšn’a čyrvan’éja
tadý majá žóŋka v’es’al’éja
jak‿u‿sáʒ’a v’íšn’a pacsyxája
tadý majá žóŋka um’irája.

Девенишки. Белорусский говор двуязычных

na‿v’ačarkók klópcy z’b’irájucca da‿jík. u‿žarnák. ʒ’arav’ik’í časál’i, padab’jé padéšvu bl’ákai̯ i‿abuvájacca tým’i ʒ’arav’akám’i. gráz’n’a byló, mátka kóʒ’ic’ u‿dýmu. uʒ’v’ók, utrók. parákv’ija nášaja. gác’i b’ėlyja pat‿spódam, a‿nav’arkú šarakóvyja, b’ėlaja kašúl’a i‿pójasam patp’erazáu̯šy. músʼiž dác’ n’éštakól’v’ača. výčča jakói̯ pák’al’n’icy, éta l’ón, samý l’ón, s‿pákul’au rób’ac’ γrúpšaja. v’ėʒ’ma jést, malakó adb’irája, anúčai̯ rasú z’b’irája. tak’íja rapúg’i byl’í, mátka zlóv’ic’ i‿u‿kóm’in pav’éšaja, z’‿jajé malakó c’ačé, grubája, alavá v’al’íkaja, v’érk šurpáty. l’ézuc’ u‿kl’éu̯, ssúc’ karóvy étyja rapúg’i. kôl’k’i družýnau̯ jést, stôl’k’i l’isap’étau̯ májuc’. ʒ’arav’ánnyja sók’i na‿dvá zubé i‿arál’i étym’i sókam’i. káždy m’éu̯ kaz’ai̯stvó, um’ancó takója, stadóla. z‿mólas’c’i kústačk’i týl’ko da‿kas’c’óla, a‿ták mátka zrób’ic’ jakúju pólku i‿nas’í. pars’uká adúje. u‿étyk lapc’ók kac’él’i žýc’. adnýja bóty na‿trý v’ósk’i. u‿arščók. dou̯n’éi̯ smáčna nátta kapústa bylá. pa‿skvárace adrézal’i i‿jaʒ’óm. i‿dou̯n’éi̯ n’i‿byló rou̯n’éi̯. dou̯n’éi̯ l’úʒ’i bajál’is’a i‿stydú, i‿avórkau̯. ʒ’ic’ó janá tója u‿rukák n’as’écca. kan’á ub’aré, samýja ub’arúcca, brazguné načép’ac’, ʒ’éu̯ka kavájacca, súkn’a áš pa‿z’aml’í, vél’an, v’áŋk’i, u‿vél’an’i. kansamól. u‿afrél’u pl’itú palažýla na‿kam’én’ak. u‿annóm kuc’é žyv’é, u‿druγ’ím paras’úk. prónt praxóʒ’iu̯ m’astéčkam. u‿annú stadólu pakl’íkau̯šy, zamknúu̯šy i‿pažgáu̯šy us’ík. u annó umnó. mý jíx bajóms’a. vói̯ny us’al’ák’ija prakóʒ’il’i. cým’ant tak’í kalódny. múk’i l’ézuc’. sála skúsnaja, nav’arkú jalčéja, kump’ak’í na‿slóncu súšac’ i‿sýtyja jéduc’. kurčáty tréba výpus’c’ic’. altóbuzam jéʒ’a. prac’sad’ác’al’. kal’i‿pryl’ac’éu̯, jón kal’i‿nas’éu̯s’a, kulakám’i zamákavajacca. a‿janá na‿m’an’é m’argája n’i‿avarý! c’i‿jón p’janý, c’i‿jón raznérv’icca. výrab’i mn’é pén’s’iju, já samá pai̯dú pa‿karóšamu. b’arý koc’‿krul’óvu. já n’a‿ atkóǯus’a, bo‿já skôl’k’i adóu̯ na‿étai̯ rabóc’e, ap’icyjántkai̯ bylá, padlógu mýla, f’iráŋk’i. k’v’íg’i. mája i‿kl’éba i‿rubl’á. straká slabája bylá. étaju strakú z’n’ésla. čužúju prácu zgnajíc’. janý m’an’é vy’an’ájuc’, vyp’ikájuc’ praz’‿ʒ’véry. výsakla jak‿ššépa. janá γúmnaja. výmyjacca do‿golégo. kurčátkau̯ pry’adavála. já ták starálas’a étai̯ kátk’i, ʒ’ic’á n’áněyla. iʒ’íc’a na‿čtéry v’átry na‿p’áty šúm! s’p’avájuc’ sál’my z‿dou̯n’éi̯šyx s’ónškau̯. ks’ónc raz’v’ítavajacca z‿étym mórtlym. pašóu̯ da‿tas’c’á. synavája žylá pry‿mn’é. z‿arý kám’an. dryžú kak‿as’iná. l’istópat. u‿škapú kasc’úna n’amá. s’am’éi̯naja žýz’n’a. ja’ó apsójic’. an’áu̯s’a za‿jói̯ s’‿s’ak’érai̯.

búu̯ ʒ’édas ir‿bóba, ir‿núm’ire bóba. búvo ʒ’av’ín’i bról’i ir‿ʒ’ašýmta sasúle. ir‿nujói̯ vai̯nón v’is’é. móčaka tái̯ m’arg’álai̯ sáko: éi̯k nuspróu̯sk. aná nuv’ái̯ próu̯s’c’is. o‿móčaka v’éʒma-rágana nuv’ái̯ paskúi̯ ir‿pastúm’a po‿c’íltu. p’irmuc’ín’is bról’is. cýltai̯ dund^{u}ója, vand^{u}ói̯ l’ul’^{u}ója, máno brolál’is iš‿vai̯nós jója. parjós ir‿n’a‿rás man’í. paskucýn’is bról’is jói̯. gúl’k! ušétkas. kášys. kášykas. górcus. s’k’étas. jégl’is. ponái̯c’ karolái̯c’, p’jáu̯k bařon’él’i! nuv’ájo vogáu̯c’, pars’ín’aša vógu dáu̯k. úžalas. iš‿tó úžala padára skrýpku, alasnós střun’áles. p’árnakvoc’. s’v’irs’n’á. móčaka sáko v’ás’c’ miškán. nuvažávo trýs kúpčai̯. nus’p’jóv’a tú úzalu ir‿padára skrýpku. án’is prad’éjo gróc’, to‿skrýpka n’a‿grója a‿jém’a v’árkc’. pamažú mažú máno tatúl’a, pamažú mažú máno radn’áu̯s’as, man’í sasúle pap’jóv’a, šal’í k’al’ál’o pakavójo, j^{u}ódu kvartukú pryklójo, iš‿mán stog’ál’o skrypk’ále, iš‿mán kas’ál’u alasnós strun’áles, iš‿mán raŋk’ál’u smyčk’áles. n’akái̯ pačytós. vav’arúškos. maxav’íkai̯. kaz’l’ékai̯. rúdam’is’ai̯. barav’íkai̯. surav’ȇškos, ap’éŋkos. šmaršk’ái̯. musóm’irei̯. óʒ’ina, g’alažýn’e ^{u}óʒ’ina. rou̯dóna ^{u}óʒ’ina.

réi̯k’a tói̯ t’el’ičái̯c’i p’jáu̯c’. bús šal’n’ís. áu̯go ^{u}ob’al’ús s’idábr’inai̯. ou̯kštai̯. kaz’úl’^{u}osna. turéi̯ ožýs. óžy, óžy, ar‿jéd’i ar‿g’éri? n’éko n’e‿jédou̯ n’e‿g’érou̯ — álkana. táka bús meŋká. kú és’u, suv’és’u, kú dúrs’u pradúrs’u. búvo gai̯ʒ’ís ir‿kác’inas’. lapúc’e atái̯. kac’inól’a brol’úkas, máno nún’aše lapút’e. ac’s’ínaša. gai̯d’í p’jóu̯s’c’. pašóu̯ p’irmucýn’is v’ílkas š^{u}ókc’. bon’d’ály n’ad’íd’aly. bobúl’a bobúl’a d^{u}ók mán band’áles paragáu̯c’. nuv’ái̯ m’áʒ’an. paséi̯ ʒ’^{i}édas áv’ižus. ái̯na k’íšk’is av’ižósna. atái̯ m’ašká av’iž^{u}ósna. dáu̯ jám bl’usk’ále, skarále. póru višt’álu báltu parn’ašu. áš n’a‿žnóu̯.

v’alan’él’is. s’k’^{i}étas. muštúvai̯. pakójos. ryxšt’áles. bl’axon’él’is’. rum’áŋkos.

mójui̯ l’inús s’éja. ráu̯na rukp’júc’ai̯ ir‿k^{u}ól’a rukp’júc’ai̯, kap‿l’etái̯ l’íja, tai̯‿tadú gúl’ k’áturas n’aʒ’él’os, o‿káp pádoi̯ to‿sapc’ín’as nad’él’as. tadú páraŋka sáu̯sas ir‿rýša kul^{u}ósna, o‿tadú jóu̯ v’áža p’irc’ín ʒ’ov’ín’c, o‿iz’ʒ’ov’ín’i m’ína, o‿išm’in’í klásto. paklas’c’i šuk^{u}ója graban’ái̯s, pašukáv’i dáro iš‿pakul’u k^{u}od’al’ús, o‿l’inús p’ína kasón tok’ón, p’irmá páv’arp’a pákulos, o‿iš‿pakulú áu̯ʒ’a pakloc’as, o‿iš l’inú dr^{u}ób’i, sk^{u}óc’arc’is ir‿ručn’ikos. jáu̯ ir v’ísa. dřób’a bál’c’inc’. ná, ir‿v’ísa bús.

paatmašy raŋkás! γéi̯k tú k‿čórtu su‿sávu dáržu! xr^{γ}énas. krápai̯. ščyréi̯ l’etúv’iškai̯. n’éko n’a‿vórtas žmógus. nus’ip’írkc’ n’a‿nus’ip’írks’i. ánas n’a‿móka rašýc’, n’a‿móka pračytóc’. trúpuc’i n’a‿c’áp s’anóv’iška kalbá. tarnavóu̯, kárv’as gan’óu̯. aktárus mažés’n’is kab‿ʒ’es’en’c’ina. ʒ’av’in’^{u}ól’ika m’átu. áš n’a‿palučóju pén’s’ijos. túry k’ašán’u p’in’igú, gál’ima mok’ín’c’is. aná razúmna, móka ir‿l’áŋk’iškai̯ ir‿l’etúv’iškai̯ ir pa‿b’alarús’išku ir‿káp nóry. súŋku vai̯káma mok’in’c’is, al’e‿pótym bús g’eréi̯. kúm tol’óu̯ túm razumn’óu̯. dár róvaro n’a‿rag’éjo. m’áʒ’as. n’a‿žnójam tú truskáu̯ku.

n'éko n'a‿žnóu̯ kap'‿p'alé. v^{u}ógos. vogáu̯c'. réi̯k'a paguléc', pas'aʒ'éc'. dóu̯k p'in'igú móžna pravažyn'éc'. varšáu̯ska náčai̯. pras'c'áu̯s'a g'er'óu̯s'a. važávo pra‿varšavu. in‿pójazdo. l'etóu̯s réi̯k'a, n'a‿žnóu̯ ar‿bús ar‿n'a‿bús. brúŋgus, p'ar‿bruŋgóka. lúŋgas. laŋgái̯. n'éra lúŋgo. mašýno's n'a‿brúŋg'i. skrágžd'es skréi̯do. kárv'es jóu̯ nam'é. mús'i ir‿s'an'í g'iv'án'c'. n'erá žus'^{i}es. éi̯c' réi̯k'a d^{u}óc' žús'ai̯ jés'c'. sugóvou̯ žus'i. réi̯k'a nuv'éi̯c' d^{u}óc' žus'ímu jés'c'. dav'óu̯ vál'g'ic' žus'^{i}ém, ažudúrejo gálva su‿žus'im'í. s'émb'artas nóru kó nus'p'írkc'.

Девенишки. Польский говор

áx bóže‿š múi̯ bóža
áx bóža múi̯ jéšče
spúi̯ža na‿slonéčka
c'i‿vysóka jéšče.

vysóka dal'éko
jak‿l'ís'c'i na‿kl'ón'a
xtó mn'é požalúje
f‿téi̯ dal'ék'ei̯ strón'e.

vysóko dal'éko
jak‿l'ís'c'i na‿dém'b'a
požalúi̯ jas'éŋku
móža tvója bénde.

na‿téi̯ strón'e vódy
kompálas'a vróna
a‿jas'én'ka mýs'l'al
že‿tó jégo žóna.

ón potxóʒ'i bl'ísko
i‿sklán'il‿s'e n'ísko
vróna zakšyčála
grá-grá, pol'ec'ála.

* * * * *

výšlam na‿drožéčka
znal'ázlam curéčka
i‿n'a‿m'álam
čým spóv'ic'.

žúcaj jásu
žúcaj košul'éŋka

já spov'íja
mal'éŋka curén'ka

sama púi̯da do‿mámy.
pšýšla já do‿mámy
zavolála: máma, máma
ótvuž ʒ'v'í.

máma fstála
ʒ'v'íčk'i otvožýla
sérca ž‿žál'u
ž‿žal'u rožžal'íla

a‿có cúrka zrob'íla.

a‿n'i‿vý mn'é b'íc'a
a‿n'i‿vý mn'é lái̯c'a
já tú ú‿vas n'i‿bénda
týl'ko jédna nóčka pšenocúje

samá púi̯de do‿jás'a.
pšýšla já do‿jás'a
zavolála: jás'u
a‿có l'úʒ'i gadájon.

z'l'é kas'éŋka
z'l'é l'úʒ'i gadájon
a‿mn'é c'éb'e
brác' n'e‿dozval'ájon

ál'e jínna ráʒo brác'.
výšla já na‿dróga
vecxnénla do‿bóga
ax‿bóže‿š múi̯

bóže múi̯ jedýny
n'e‿opúščai̯ téi̯ mlódei̯ ʒ'efčýny

i‿téi̯ málei̯ curéčk’i.
žéby n’e‿curéčka
býla‿p pon’anéčka
jak‿tá rúža červóna.
a‿já téras táka vybl’ad’n’ána
jak‿tá rúža u‿v’išn’óvym sadéčku
s‿ktúrei̯ l’ís’c’i opádl’i.

* * * * *

ožén’‿s’a ožén’‿s’a
póznaš có za‿žóna
za‿rók čy za‿drúɣ’i
opús’c’iš ram’óna.

jag‿býl n’ežanáty
čvórka kón’i l’átal
a‿ják‿s’en’ ožén’il
čápkai̯ bóty látal.

* * * * *

v’eŋkšúje pána i‿pán’i na‿pól’u kopám’i, v‿gumn’é torpám’i, u s’v’írn’e zas’akám’i, na‿pána i‿pán’i ʒ’eʒ’íncu vól’ik’i bušúja, stó tys’éncy čújo, xtó týs’onc, xtó dvá, a‿nášy pán i‿s‿pán’i stó tys’éncy.

jág‿ža‿š počóntak? do‿glóvy n’e‿pšýdon. bén’ʒ’eš čšýmac’ tégo baran’čýka do‿sámei̯ s’m’érc’i. pójil, kárm’il. póšet na‿pol’ován’a. rastruxána v’eʒ’ma pšyšlá. z’‿gl’íny cýck’i m’ála, óna z’‿gl’íny z’l’ep’ífsy té cýck’i. čšéba krójic’ barán’čyka. n’éx vyplúca gárla. s’óstra žýva v‿bécce. kšán. zábral žóna, króva. trý dn’í jak‿umáršy. zrób’il z’l’é — na‿kol’ány do‿kónta. býu̯ vúi̯tam. z’‿v’éšku vói̯na. kóty jédl’i, mýšy jédl’i. bárʒo fái̯na arbáta z’‿m’áty. z’ímna m’áta. puxóva m’áta. do‿k’élbas. jím vystárčy fsystk’égo. nénʒa zab’íja člov’éka. có xcéš, tó róp, n’éma déžǯu. po‿strónax íʒ’e déšč. já f‿svójim kóntku skren’c’ílam‿s’én’ i‿pol’ežála. svója košúl’a záfše c’epl’éi̯ša jak‿cúʒa. báʒ’al‿s’e po‿s’v’éc’e, vz’ól v‿nócy i‿zaménčyl. jégo za‿vútke vypen’ʒ’íl’i stónt. táka pšyjémna, uslúžna, záfše pol’éc’i, pšyn’és’e fšýstko. rozéi̯c’‿s’a, xtó c’éb’e čšýmal. s’m’érc’ i‿žóna od‿bóga sonʒóno. pasýp žýta žm’éŋku. s‿kapkázu šét cály rók. fšýstk’e s’p’ón. púz’n’ei̯ na‿turécku vói̯nu zabrál’i. pov’eškúvn’e. stál’i na‿kol’éi̯ku.

Гервяты. Белорусский говор

z‿dau̯n’éi̯šyx pradau̯n’éi̯šyx asudaróu̯ káska. byl’í asudár ž‿žóŋkai̯. m’él’i dvója, sýna i‿dačkú. éty sýn n’iɣd’é n’i‿nai̯šóu̯ sab’é ʒ’éu̯k’i žanícca, tól’k’i kab‿na‿s’astrý. s’astrá tája papras’íla kab‿jajé sxavál’i, jajé zamuraval’i, bylá janá pau̯tará ɣóda u‿ɣétym dóm’e. brát ažan’íu̯s’a, m’él’i janý rab’óŋka, výšl’i rás na‿spácyr i‿kal’a‿tóɣa múru išl’í, a‿s’astrá uz’alá i‿výšla s‿tóɣa múru. tadý ɣétaja žóŋka báxc! éta ʒ’ic’á i‿zab’íla ab‿múr. rašýu̯ éty brát što‿užó jajé zab’íc’. janá

prós'ic' taγó čalav'êka: γadrêš mn'é rúk'i i‿pus'c'í u‿s'v'êt. zai̯šlá janá u‿druγója asudárstva, a‿támtoi̯ cár têš na‿vai̯n'é býu̯. tadý éty sýn káža: mamús'a koxána, có‿to za‿ptáx jáp'k'i psujé? búdu p'il'n'avác', nóč m'és'ačnaja bylá, gazétu jón az'áu̯, čytáje. zlav'íu̯ jajé i‿v'aʒ'éc' da‿palácu, da‿pakóju̯. ažan'íu̯s'a z'‿jói̯, pabýu̯ kól'k'i čásu, vai̯ná výbuxnula, a‿janá jaščé ʒ'ic'ác'i n'i‿bylá m'éu̯šy. a‿pótym raʒ'íl'is'a ʒ'éc'i nátta užó dóbryja. a‿jón tak'í rády, vasóly. a‿u‿tóm asudárs'c'v'i žóŋka paštal'jónau̯ p'erai̯mála. pašýla tadý mátka na‿šýju ʒ'v'é tórby, usaʒ'íla étyja ʒ'éc'i i‿pai̯šlá u‿s'v'êt janá daróγai̯. išlá, išlá, zaxac'élas'a jói̯ p'íc', nax'il'ílas'a p'íc', a‿ʒ'ic'á báxc' i‿výval'ilas'a i‿paplyló, janá naγnúlas'a, i‿druγója pal'ac'éla. iʒ'éc' as'c'íncam starycók. janá raskazála štó z'‿jóju palučýu̯šys'á. zaxaʒ'í u‿dóm, us'ó tám búʒ'a, i‿jáda i‿slúγ'i. takája lán'a n'i‿karóva u‿jíx bylá, ták i‿pražyu̯l'ál'is'a. kónčylas'a vai̯ná, sýn v'arnúu̯s'a. jón tadý nazáu̯tra s‿týx nérvau̯ sxap'íu̯ strél'bu i‿na‿pal'aván'a. užó s'c'amn'éla, tadý jón iʒ'éc' na‿aγón' na‿γéty bl'ásk, prós'icca u‿jíx na‿nóč. žóŋka jaγó adrázu paznála, a‿jón n'é. l'éγ'l'i spác', a‿són jaγó n'i‿b'aréc'. jón máxc', spus'c'íu̯ rukú, mátka káža: γéta váš tátus'. nazáu̯tra pryjéxala sváʒ'ba. ják xtó prydúmaja ták i‿načau̯p'é, ták i‿naγavóra i‿nas'p'avája. tó‿ž γétak vó prys'p'éu̯vajuc'. a‿ʒ'é ván'a paǯgáu̯?

m'éu̯ bác'ka trý syný. nú i‿um'iráu̯. prac'‿s'm'érc'ai̯ skl'íkau̯ jíx i‿tadý znáčy jím dáu̯ takúju umóvu, ják janý kab‿rab'íl'i bo‿užó pa‿jaγó s'm'érc'i. vót skazáu̯: bóža do‿pómoš nikómu n'i‿kažýc'a, i‿bl'íska l'ésu n'i‿γarýc'a i‿štó m'és'ac v‿nóvyx bótax xaʒ'íc'a. aʒ'ín tól'ka zrazum'éu̯, a‿druγ'íja n'i‿zrazum'él'i. znáčy jag‿bl'íska l'ésu n'i‿γarýc'a, tak‿jón palav'ínu pól'a pak'ínuu̯ n'i‿zaγaráu̯šy, a‿katóry ac's'akáu̯ i‿γaráu̯, ac's'akáu̯ i‿γaráu̯, tak‿tói̯ ún skól'ka naγaráu̯. a‿katóry bóža do‿pómoš n'i‿kazáu̯, tói̯ rána na‿pól'a vyxóʒ'iu̯, jamú užó l'úʒ'i kazál'i, a‿jón n'ikómu n'i‿kazáu̯. a‿γéta što‿nóvyja bóty dag‿éta znáčy lápc'i.

jak‿býu̯ p'atušók i‿katók, i žyl'í janý abódva, i‿m'él'i xátku. katók pai̯šóu̯ u‿žýr, a‿p'atuškú pasýpau̯ γaróxu. prykazáu̯ kab‿n'ikóγa n'i‿puskáu̯s'a. pryšóu̯ ž‿žýru katók, p'eranačavál'i. l'isá pryslúxalas'a i‿pajóc': da‿u‿l'isún'k'i, da‿u‿l'isún'k'i nóvy dvőr, nóvy dvőr, trý dačúšk'i, čvárty p'atušók. tói̯ az'áu̯ i‿aččyn'íu̯. tadý l'isá uz'alá jaγó za‿xryb'jót i‿pap'érla. tadý búʒ'a p'atušók s'p'avác: katóg bratók, m'an'é l'isá n'as'é za‿vysók'ija γóry, za‿γlybók'ija dóly. učúu̯ katók, pryl'ac'éu̯, adabráu̯. a l'isá znóu̯ s'p'avála. znóu̯ jón aččyn'íu̯, l'isá jaγó pan'ésla, s'p'aklá, z'jéla. vót i‿pa‿us'ói̯ bái̯cy.

ubráu̯s'a za‿čarc'uká, pryšóu̯ da‿báby, kážyc': addavái̯ γróšy.

bylá v'êʒ'ma, byl'í u‿jajé ʒ'v'é dačk'í i‿s'irótka. s'irótka m'éla karóu̯ku, pas'é jajé ab'n'áu̯šy. z'l'atúc ptástva us'ó, n'ítk'i raspl'útaja. lažý mn'é, káža, na‿róγ'i. janá az'alá týja k'íšačk'i, p'erab'irája, nai̯šlá zalatý p'ars'c'ón'ik. pašlá, pan'aslás'a svai̯γó xlópčyka u‿láz'n'u, n'i‿sasmatréla, upála u‿rakú. ván'ka mói̯ sýŋka, da‿tý pa‿móry xóʒ'iš, rýbačku lóv'iš, prybl'ížys'a da‿b'érašku, já tab'é

kášk'i navaryýu̯šy pryn'aslá. a‿ván'ka: majá máma c'éŋka γavóryc', a‿tý γrúba. janá pašlá da‿kaval'á i‿búʒ'a pras'íc' kaval'á jói̯ jazýk kap c'éŋk'i zrab'íu̯.

p'atušók s'aʒ'íc' na‿varótax i‿p'ajóc': dá u‿l'is'íny, da‿u‿l'is'íny na‿uv'és' dvôr trý dačk'í, čvárty bác'ka, éta mói̯, éta mói̯. a‿mátka p'ačé b'l'incý. tadý búʒ'a dačúška pras'ícca: máma, pus'c'í m'an'é paγl'aʒ'éc' xtó ták p'ajé. iʒ'í dačká paγl'aʒ'í, al'e‿tól'ka jés'c'i pryxaʒ'í. ói̯ mámačka já skóra prydú. janá pai̯šlá. p'atušók nabráu̯ kamuškóu̯ u‿vóračku, jag‿brós'iu̯ jíx u‿lép i‿zab'íu̯. tól'k'i kóstačk'i astal'ís'a. tadý p'atušók γétyja kóstačk'i zlažýu̯ i‿s'êu̯, abrátna p'ajóc étuju p'és'n'u. nú,mátka čakála čakála étai̯ dačk'í, búʒ'a γavaryć' na‿druγúju dačkú: iʒ'í pašukái̯ paslúxai̯ xtó tám p'ajóc'. éta dačká tól'k'i výstav'ila ólavu, p'atušok k'ínuu̯ étyja kóstačk'i i‿zab'íu̯ druγúju. avóra, jak‿já p'ajáu̯, stôl'k'i zab'íu̯. tréi̯c'aja búʒ'a kazác': máma, ʒ'v'é dačk'í slúxajuc', a‿já dóma s'aʒú. iʒ'í dačká i‿skažý ták, što‿máma vás zab'jé, ták dlúgo vás n'imá. nú, pab'éγla tája dačká. pryb'êγla tól'ka da‿varót, i‿tréi̯c'u zab'íu̯, abrátna s'aʒ'íc'. máma i‿s‿tátam čakál'i čakál'i, n'imá étyx tróγ dóčkau̯, táta avóryc' štó takója, užó ab'êt, a‿nášyx dóčkau̯ n'imá. az'áu̯ pálku i‿éta u̯žó búʒ'a dóčk'i γnác' z‿dómu. tól'k'i daxóʒ'a, jag‿brós'icca u‿ai̯cá éty p'atušók i‿zab'íu̯ ai̯cá. i‿p'ajóc': ščé zab'arú i‿mátku. čakála mátka, čakála, s'l'az'm'í abl'ilás'a. pai̯dú já jíx šukác'. az'alá takúju pálku. a‿jón jag‿brós'iu̯s'a u‿γétuju mátku i‿zab'íu̯ mátku. vót i‿pa‿us'ói̯ bái̯cy.

v'arnús'a maladája já s'in'ai̯ z'az'úl'ai̯, pal'atú, pab'aγú u‿bác'uxny sát. jag‿dačúu̯s'a mói̯ bác'uxna što‿já pryl'ac'éla strél'iu̯ m'êryu̯ u‿s'ín'u z'az'úl'u. l'ac'éla já praz‿dvóryk, vaʒ'ícu p'ilá, ba‿já u‿svai̯γó bác'uxny u‿γos'c'ikax n'i‿bylá. l'ac'éla praz'‿l'asók, γalátk'i jéla, ba‿já u‿svai̯γó bác'uxny čés'c'i n'i‿m'éla. l'ac'éu̯ γaról c'eras‿móra, padái̯, móra, p'íc'i. trúdna, núdna s'irótan'cy na‿s'v'éc'i. žýc'i. dáu̯ bóγ nóšk'i, dáu̯ bóγ rúčk'i, dáu̯ bóx s'ín'i óčk'i, pracúi̯, γarúi̯, s'irótun'ka, áž da‿c'ómnai̯ nóčk'i.

a‿tý kóc'a markóc'a, ʒ'étk'i spác'a xóča. ap's'ík, katók, ni burčy, a‿vý, ʒ'étk'i, s'p'í, mau̯čý. išóu̯ katók praz'‿l'asók, našóu̯ čyrvóny pajasók, a‿n'ikómu n'i‿pradáu̯, tól'ka majím ʒ'étkam dárma dáu̯.

svác'ačk'i, prašú vás, p'eral'ac'éla nášaja lástavačka da‿vás, janá us'ó rab'íc' um'éja, tól'k'i pras'ícca u‿γós'c'ik'i n'a‿s'm'éja. kal'í búʒ'a nášai̯ matúl'i aʒ'íc'i, búʒ'a čás'c'aŋka u‿γós'c'ik'i xaʒ'íc'i. n'axái̯ janá s'én'i vým'ac'a, a‿na‿vúl'icu s'm'as'c'á n'a‿n'as'é, bo‿nášyja kúry paršývyja raz'ʒ'arúc' a‿sus'étk'i braxl'ívyja raz'n'asúc'. n'axái̯ vášyx kuréi̯ paršúk paʒ'aré, a‿sus'étkau̯ s'm'érc' pab'aré.

da‿užó‿š tája daróžun'ka čambróm zaraslá, čambróm zaraslá, p'askóm zan'aslá, čyrvónaja kal'ínun'ka na‿bók zav'islá. xóʒ' zarašús'a, xóʒ' zamačus'a, pai̯dú pai̯dú da‿ródnai̯ matúl'i, tám výsušus'a. matúl'a majá, ródnaja majá, čamú m'an'é za‿órku n'adólačku n'a‿zapýtajiš? majó ʒ'ic'atka, ják mn'é pytác'i, kal'í u‿m'an'é za‿b'êl'an'k'im stól'ikam z'ác'i s'aʒ'ác'i? ʒ'ic'átka majó, ródnaja majó. jak‿pói̯ʒ'am u s'v'atl'íčan'ku búʒ'im pytác'i.

kab‿búu̯ ʒ'iédas su‿bóbu, ir‿turéjo án'is gai̯ʒ'ál'i ir‿v'išc'ályе. ís's'un'c'a m'áʒ'an, ráda m'aʒ'í lázdu. gai̯ʒ'ís ušlýndavo lazdós, o‿v'is'c'ályе stov'é po‿laz'ʒ'alý. v'išc'ályе sáko: gai̯ʒ'ál'i, s'v'éc' mán rešuc'él'i. sáko gai̯ʒ'ís: túry kvartuk'él'i. kap‿s'v'éʒ'a gai̯ʒ'ís rešuc'-él'i, prósta v'išc'álei̯ ak'ályn, ir‿íždau̯že ak'ály. v'išc'ályе: k'ár, k'ár! gréi̯ta núleik'a par‿bóbu. bóba átlei̯k'a su‿pušyn'í, ʒ'iédas su‿kočárgu. gai̯ʒ'ál'i, gai̯ʒ'ál'i, kám v'išc'ályеi̯ ak'ály íždau̯že? — e‿kól' mán lázdas k'ál'n'as patráu̯k'a? — é‿kol' mús óškos abgráu̯že? — óškos óškos, kám jús abgráu̯že lázdu? — ekól' mús p'iem'anái̯ n'a‿gán'a? p'iem'anái̯ p'iem'anái̯ e ‿kól' n'a‿gán'a tú óšku — e‿kól' múm bóba kuk'aláic'is n'a‿pak'ép'a? bóp, bóp, kám kuk'aláic'is n'a‿pak-ép'a? — e‿kól' k'áu̯la raščýnu raz'v'érc'ai̯? — e‿kól mán v'ílkas par-šál'i nun'éše? — v'il'k'é v'il'k'é kám tú paršál'i nun'éšei̯?

kab‿búu̯ v'ílkas s'ánas, n'a‿t'éip s'ánas kab‿žýlas, ák'is plác'os, áu̯s'is stác'os, dún'c'is kap‿vargónai̯. kap‿šóko v'ílkas p'ar‿tvóru, aškl'úvo voʒ'agá aš‿tvorós, papróv'is'u pásaku iš praʒ'ós...

pryéjo c'íltu, ána kláu̯s'a, sáko: kás íra? sáko: vó c'á íto c'íltas'a važyn'éja žmón'es, vái̯kštoja, važyn'éja. užéjo aná un'‿c'ílto tai̯‿tás c'íltas ačšóko už‿ʒ'v'é métru.

ráišk'a búvo c'áip. án'is raspalažýl'is', naktújuc', p'árnaktuoja. n'ikók'o žmogáu̯s. n'éko n'e‿jau̯l'ájeca túos'a namuós'a. rytói̯ nuv'-ájo ic'í un‿pal'avón'o. réi̯k'a padlógas mázgoc'. áš važuós'u l'ínu gal'čúnuosan. áš ir‿šun'ʒ'a išvažuoc'ak, kad‿búc'ak s'v'ai̯ká. aná šún'ʒ'a žáda važúoc'. ánas búvo tók'is spakáinas. ažéi̯k'a p'irk'ón. rassakái̯ mán p'e‿sávo g'iv'án'imu. músu jau̯núoji brúŋg'i, až‿ítos p'in'igós n'a‿addúos'im. tadú važúoja v'énčyn. nuv'éz'a sávo pódu-kre m'áʒ'in. ái̯k šýc'a, paaman'ís'im. dárbas bái̯ktas, am'á namó. ar‿ai̯s'í kléc'in? káp áš b'íjóu̯ čédo! pažúr un‿ʒ'egórau̯s — k'el'-intá aʒ'iná? ítas aparatúkas péu̯n'a brúŋgus? ánas móka kárv'e lái̯ʒ'ic'. mán réi̯k'a p'áčus kurýn'c', áš šún'ʒ'a n'a‿kurýnau̯ p'áčau̯s. pasakai̯ bái̯ku iš‿pačétku. áš táu̯ v'ísu práu̯du kl'águ.

stýčn'us. l'útas. mórčus. k'v'étn'us. mójus. čérfcus. l'ípcus. s'érp-n'us. vžés'n'us. paz'ʒ'érn'ikas. l'istapódas. grúdn'us. žv'érys. žuv'ís. žvaigz'ʒ'é.

kab‿buváu̯ mážas, dár mok'ináu̯s, ažém par‿d'éd'i. pabái̯g'is mok'íklu naródnuju. par‿d'éd'i mán n'a‿pac'íko, n'a‿spadabójo, blóga búva. išvažaváu̯ áš v'íl'n'on. c'inái̯ pastójau̯ par‿žyd'él'i, mok'ín'c'is an‿dv'ajú m'átu mók'ic'is. pabuváu̯. pažuréu̯, žyd'él'i tó dárbas. mán n'a‿spadabóu̯jo. áš prad'éjau̯ m'ís'l'ic'a kat‿par‿g'-arás'n'u mái̯stru mán pastóc'a. vái̯kščojau̯ ir‿turéjau̯ n'aʒ'él'os ʒ'v'í ʒ'iénas šv'íntas, žýd'išku v'iénu subátu ir‿sávo n'aʒ'éi̯l'u. tei̯‿ʒ'v'í ʒ'íenas áš is'ibastáu̯ po‿v'ísu m'iéstu. ai̯nú v'iénu kártu áš p'ar‿úl'iču, dom'in'ikóu̯nu úl'iča. praai̯dáu̯, žúru, kók'i gražús pavalkái̯, balnái̯, uzdéčkos káro. mán, mán n'at‿dušá sudrab'éjo. nú, ai̯s'ú. un'ai̯dáu̯ áš, e‿c'inái̯ jáu̯ n'a‿žyd'él'is, al'e‿pal'ékas. un'ai̯dáu̯, ánas

stóv’e až‿bufétu, v’ísakas gražú, áš sakáu̯ c’ái̯p. pas’v’ái̯k’inau̯ jí: n’éγ bén’ʒ’e poxval’óny jézus xrýstus! ánas mán acsák’a. ánas mán’i kláu̯s’a: kó nóry, vai̯k’á? sakáu̯, nóru mók’ic’is. blog’áu̯s’a, sako, e‿kúr tú dár? sakáu̯ par‿žyd’él’i. á, tai̯‿sáko, žynái̯‿ká, škadá távo čéi̯su marnúi̯c’a. nó, al’e‿áš dár n’ai̯mú mok’inú, jim’s’ú dár pavásary. al’e‿áš parašýs’u kurc’ály su‿pónu krusáv’ičum, m’ás kl’ag’éjom’e ir‿ánas sáko kat‿jám patrábuas mok’in’ís. ánas paráša mán kurt’ály, nuv’ajáu̯ áš, ir‿tám rúŋku pabučaváu̯, ánas mán pryém’a. žyd’él’is mán n’i‿duódama n’i‿páspartu, n’i‿pátalu. ánas tujáu̯s ašt’elefonávo pol’ícyjon’ kap‿ rag’í tujáu̯s atájo, nuv’ájo su‿garadavó. prad’éjo mók’ic’is’, is’s’imokáu̯. nú ir‿pabái̯g’au̯ d’v’ajís m’atús, prad’éjau̯ jáu̯ mok’éc’a, a’lé kap‿prad’éjau̯ jáu̯ mok’éc’a tai̯‿búvo blog’áu̯ n’át kap‿mók’ic’is, labái̯ mažai mok’éjo, ʒ’ev’ín’as ʒ’ášyms kop’éi̯k un‿ʒ’ienós. al’é rai̯k’éjo ir‿sav’í, ir‿pavál’g’ic’a ir‿bótas i‿sav’í pasúmʒ’ic’a, atvažaváu̯. tadú nuvažaváu̯ dváran, par‿tók’i pónu krukáu̯sku, rymʒ’únos, ánas mán mok’éjo ʒ’ev’ín’as ʒ’ášyms kop’éi̯ku, al’e‿rai̯k’éjo labái̯ uŋks’c’í k’ál’c’is, vásaru dar‿sáu̯la n’a‿t’ak’éjos, i‿sáu̯la lái̯ʒ’un’c’, jáu̯ dárbos vál’ʒ’ic’ p’ar‿súŋku búvo. m’ás su‿dráu̯go nuvažávam rygón, nuvažávom rygón, n’aʒ’éil’u ʒ’v’íl’iktoi̯ aʒ’ínoi̯ atvažávom, e‿jáu̯ pal’ʒ’ien’ik’e pop’iét nuv’ajáu̯ dárban, radáu̯ dárbu. nú, áš c’inái̯ krúc’éjau̯, g’arái̯ búvo, ánas mán nus’ivaʒ’íno kambarýn, nus’ivaʒ’ína kambarýn ánas mán, graf’ínčyko pastátu, čark’ály tai̯ duóda p’in’igái̯s, a‿c’i‿pús’a rúbl’u, a‿c’i‿rúbl’a, c’inái̯ aš‿kók’is dárbas. atai̯ʒ’au̯ áš tuŋk’áu̯ par‿jí, káp jó pavard’é áš ažm’iršau̯. tadú áš ažajáu̯ par‿jí, n’a‿s’p’ejo m’ás n’éko, un’ái̯do kók’is su‿k’ap’al’ušú, un’ái̯do i‿prád’ada jám krátu darýc’a. e‿júmp rádo lái̯šku k’išán’ija kaškók’u, n’a‿žnáu̯. nú, i‿mús abudú páem’a sysknója aʒ’ʒ’al’én’n’a. mús c’inái̯ pralaik’a kók’a čésu, dakláu̯ʒ’ʒ’a, n’éko n’a‿pad’éjo. búvo súdas, un‿súdo prysúd’a p’e‿k’al’ém m’átam s’íb’irun, e‿mán ʒ’v’ejís m’atús l’išén’n’a práf. n’ékur dau̯g’áu̯ n’a‿gal’i ap’s’istóc’ kap‿trýz ʒ’ienás. nú, po‿tám súduo mán išdáv’a dakúmentus k’itús jáu̯, dáv’e kanavói̯no jáu̯, kanavói̯nas jáu̯ un‿ tranvájos pasou̯ʒ’íno, až‿rygós ážv’aže, sáko dár ái̯k kúr nóu̯ry. áš ai̯nú, ai̯nú áš, c’ámsta jáu̯, ažai̯dáu̯ aš, o‿c’inái̯ latýšai̯, ažai̯jáu̯ áš, naktúi̯c’ prašyc’is. nú, áš jáu̯ jám látv’iškai̯: labvákar, kúŋks! labvákar. áš já kláu̯s’a: a‿n’é vár kúŋg’is p’e‿júms nákv’in’i dábut? jisái̯ mán sáko: vár dábut. nú, g’arái̯. pryém’a ánas man’á, prad’éjo m’ás kl’ag’éc’ su‿júo, jisái̯ mán un‿v’ačáros pasou̯ʒ’íno, v’ačárojam, kúr ai̯n’í, kúr káp. káp kláu̯s’a, áš jám apsakáu̯ v’ísaku. apsakáu̯ v’ísaku, jisái̯ man’í pas’igai̯léjo. sáko, žynái̯, n’iékas n’a‿žynús, pabús’i par‿mán póra savai̯c’ú. e‿tá, sáko, kap‿rýmorus tai̯‿c’á mán pastrájis’i pak’íŋktus. g’arái̯, sakáu̯. nú, áš tujáu̯s kap‿rag’í iš‿kók’u drátu c’inái̯ pazdar’áu̯, c’inái̯ šái̯ tái̯. práu̯da!‿ mús’i p’i‿ʒ’v’í n’aʒ’él’as prabuváu̯ áš par‿jí. ánas mán ʒ’ášymt rúbl’u dáv’a. ir‿ai̯nú tol’áu̯. daai̯dáu̯ áš m’itávon. žúru, mabyl’izácja, vai̯ná prazd’éjo. ai̯nú tol’áu̯, praai̯dáu̯ jóu̯ gron’íču latýšu, jóu̯ l’etuv’ú gran’íča. daai̯dáu̯ áš ján’išk’is m’es’c’ál’is. k’ermóšus.

ažai̯dáu̯ áš k’ermóšun. ái̯na paskúm strážn’ikas. ái̯na strážn’ikas,
sáko: nú, slúšai̯, maladói̯ čalav’ék, stó‿to vás šl’ápa f‿pol’ícyju
t’án’it’. pašl’í k‿prýstavu. ái̯nam. un’ái̯nam par‿prýstavu, prýstavas
séʒ’i u‿stal’úku su‿kók’u šl’akt’ál’u ar‿pon’ál’u, c’ík kurv’ále jó
búvo g’ará. váša blagaród’ija, kakói̯‿ta padazrýt’alnyi̯ čylav’ék
maladói̯. dakúm’anty. jisái̯ žúry, pažuréu̯ un‿mán’ ir‿sáko: mala-
dói̯ čylav’ék, kák éta ták s‿vám’i slučýu̯šys’a? sakáu̯, kák vý gava-
rýc’a maladói̯ i‿ʒ’ai̯s’v’íc’na já maladói. o‿aš‿kú mán suʒ’íjo áš
n’a‿žnóu̯, ʒ’v’ajís m’atús dáv’e mán. jisái̯ sáko: áš táu̯, sáko, v’érju,
itái̯ gál’i búc’ práu̯da. e‿žynái̯, sáko, kú? dabár, sáko, gál’ima
patai̯s’íc’a. e‿káp? vá, sáko áš táu̯ parašýś’u kú tú sakái̯, o‿áš
v’ísaku surašýs’u, ir‿važúok adgál rygón ir‿ái̯k itón pac’ón sysknón
aʒ’ʒ’al’én’on, pol’ícyjon, nú, ir‿stók’is savanóu̯ru, dabravól’cum. áš
c’éi̯p ir‿padaráu̯. nuvažáu̯ rygón, nuv’ajáu̯ pol’ícyjon ir‿padáre
p’erasút. i‿mán aprau̯dál’i, i‿tadú dabravól’cum. dóktor’us pažuréjo,
pamierávo’, nú, ir‿gad’ón! trýz ʒ’ienós dáv’a lái̯s’v’es, galéjau̯ nak-
túi̯c v’éžbuc’in, un‿tranvájo važyn’éc’a. al’é nuv’ejáu̯ tón kvatéron
kúr máno v’is’í dai̯ktái̯ l’íko, tái̯ c’inái n’éko n’e‿radáu̯, n’ei̯ gas-
padór’au̯s, n’éko ... nú, prón’c’e áš buváu̯ s’v’az’istú, c’el’efon’istú
buváu̯. v’ienu kárt buváu̯ un‿ʒ’ažúrstvos nakc’ú. ai̯nú, radáu̯ l’ín’iju,
búva bataréi̯ka c’ík kap‿pas’v’ac’íc’ trúpuc’i. n’iémčus kap‿sužuréjo,
kap‿prad’éjo šáu̯ʒ’ic’a, p’irmá šónan tadú k’itan šónan. tadú n’eda-
l’ót, pótym p’eral’ót, tadú kap‿dáu̯ gázu i‿snarédo ... tadú mán
rádo, átv’aže par‿dóktoru, ambulatóryjon, dóktor’us mán atpróv’ijo
šau̯l’úosan.

búvo dú bról’ai̯, b’iédnas ir‿bavótas. bavótas n’a‿turejo vai̯kú,
b’iédnas turéjo dú súnus. tai̯‿b’iédnas c’ík turéjo sun’al’ús, ei̯‿ba-
vótas mai̯šu p’in’igú. a‿b’iédnas jáu̯ nuv’ájo ščés’c’as v’ai̯z’ʒ’éc’
m’áʒ’an ... žúry, acskrýdo pau̯kšt’ále áu̯ks’in’e. ánas paem’a v’it’-
ály ir‿áždau̯že pau̯kšt’ále tú. žúry kat‿labái̯ gražý, ac’s’ín’aše namón,
pasák’a v’is’iém kat‿labái̯ grážu pau̯kščýc’a ážmuša. sužynójo ba-
votýrus ir atái̯jo, sáko, pardúok mán pau̯kščýc’i, áš táu̯ p’in’igú
dúos’u. nú, ir‿pasák’a sávo žmonai̯, sáko, išk’áp mán ítu páu̯kšt’i,
kat‿áš atai̯s’ú s’n’édoc’ kat‿mán bút páu̯kšt’a gatavá. ir‿átlei̯ka
b’iédno dú sunái̯ pažuréc’ tós pau̯kščýt’es. žúry, k’apa p’áčui̯ kap‿
án’i stov’éjo par‿p’áču, pstrýk—iššóko šyrd’ále. atéi̯na gaspadór’us,
sédas’i s’n’édoc’a, sáko, kúr pau̯kšt’es šyrʒ’ís? žmoná sáko katn’a‿
búvo šyrʒ’íes. sáko, turéjo bút šyrʒ’ís, b’at‿kúr aná dár prapúola?
žúry kad‿gúl’i áu̯kso kruv’ále, po‿v’iénu ir‿pó‿k’itu. ir‿v’iénu
ʒ’iénu ir‿k’ítu ir‿trác’u. táta sáko itái̯ kás n’a‿g’arái̯ pazdáre.
nuv’ái̯ paz‿bavotýrus’ sáko káz darýc’a, áu̯ksas kasnákc’ po‿máno
vai̯kái̯s. razbavótau̯ labái̯ ... sáko v’ášk m’áʒ’an, n’ag’arý dai̯ktái̯.
táta núv’ez’e jós m’áʒ’in, pasák’a vai̯kái̯, dau̯g’áu̯ n’a‿gr’išk’it par‿
máno. jús jáu̯ c’á sáu̯ mái̯sto v’ai̯z’ʒ’ék’it. vákaras án’is jáu̯ v’ar-
kul’áu̯ja, ái̯na l’as’n’ičas’ai̯, sáko: kú dárot, vai̯k’ál’ai̯? sáko, táta
íšv’aže ir‿líep’a kat‿n’a‿gr’iš namó. nú, ái̯nam par‿mán. áš jús,
sáko, išau̯g’in’s’u. nú, nuv’ájo par‿tú l’as’n’íčui̯, ir‿pabúvo án’is

l'ik‿aštuan'ól'ika m'átu. v'ís au̯kso kruv'ále po‿v'iénu ir‿pó‿k'itu,
l'ik‿aštuan'ól'ika n'átu. prabavótojo l'as'n'íčus ir‿jós g'arái̯ pryrýŋko.
e‿jáu̯ án'is suláu̯k'a aštuan'ól'ikos m'atus, sáko, ʒ'ékui̯ ku‿mús
užáu̯klajai̯. m'ás éi̯s'im sávo dúonos v'ai̯z'ʒ'éc. nú, rái̯šk'a, sáko,
n'a‿v'ískas dár, áž dár júm nup'irks'u strél'bos ir‿kat‿turétut'a sávo
s'p'ecyjal'íb'e. išprabúi̯c' kátaras g'er'áu̯, prycélu g'áru. skránda
g'árv'u púlkas, sáko jái̯gu p'írmuju aššáu̯s'i, ir‿p'írmuju ir‿paskuc'-
ín'i, tai̯‿galés'i éi̯c' sávo duónos v'ai̯z'ʒ'éc'. nu, ir‿skránda púlkas
g'árv'u, nušóv'a p'irmuju ir paskuc'ín'i. tadú jáu̯ k'ítam rai̯k'éjau̯
išprabúi̯c' sávo jáu̯ strel'ba. ir‿k'ítam skránda púlkas ... nú ir‿
paslái̯da jáu̯ án'is jáu̯ s'v'iétan. sáko, kú sus'ic'íks'im tai̯ šáu̯s'im
bo‿jáu̯ vál'g'it nórym.

g'iv'áno jáu̯na póra, susláu̯k'a dukrýt'és. m'íre móma jós. ap'-
s'ižán'ijo totá, v'éʒmu páem'a, móčaku. susláu̯k'a móčaka sávo
dukt'eres. sávo l'úb'i jáu̯ o‿jáu tós pódukres n'ák'in'c'a. išvaryn'éja
jú kárv'es gan'íc'a ir‿dáu̯k kod'al'ú dáv'a jáu̯ v'árpc'a, basá, aps'-
ipl'íšus, v'árk'a, kú‿g'i áž dabár darýs'u, káp áš suv'árps'u tós
kod'al'ús kat‿c'áp dáu̯k. karv'ále sáko: kúr n'a‿v'árkc'i, móčaka
c'ég dáu̯g dáv'a kod'al'ú, káp áš suv'árps'u? sáko n'a‿v'árk, g'ás
mán un‿rag'ál'u, áš táu̯ bús'u g'ará pamačn'ik'éle. pad'éjo jái̯ un‿
ragú tuós kod'al'ús karv'ále, núlei̯k'a tol'áu̯, ážmuk'e, iš‿v'isú šonu
suskrýdo pau̯kst'álas, súv'arp'a, sumatójo, išáu̯d'a, pabál'ino, átv'-
aže i‿trob'álen. sáko, jáu̯ n'ašy v'éʒmai̯, móčakaj. aná c'áp ir‿ k'itu
ʒ'ienú suv'árp'a ir‿išáu̯ʒ'a. trác'u jáu̯ ʒ'iénu sávo jáu̯ v'áda dúkt'-
aru išvár'a, sáko, v'árps'im g'i. suv'árps'im, ʒ'íd'ela ʒ'iená. aná
jáu̯ jéško, jéško kol' užm'íks. ažm'ígo ʒ'v'é ák'is, a‿trec'á na‿ažm'-
igo. v'éʒmos dukt'é ir‿rag'éjo kú jáu̯ aná pad'éjo un‿ragú karv'-
álai̯ kuod'al'ús, i‿karv'ála núlai̯k'a, sušáu̯k dáu̯k pau̯kšt'ál'u, súv'-
arp'a ir išáu̯d'a ir‿átn'aš gátavu jáu̯ móčakai̯. sáko, n'a‿aná v'árp'a,
al'é‿jái̯ kárv'a pad'éjo, jái̯ kárv'a nún'aše, páu̯kšt'es v'ísaku pa-
dár'a ir‿átn'až gátavu namó. nú, móčaka sáko: g'arái̯ pap'jáu̯s'im
kárv'i ir‿n'a‿bús kám jái̯ pad'ét'i. tadú ir‿jú ižbús'im is'‿s'v'éto.
aná jáu̯ nuv'ájo pún'in, sáko; karv'ála karv'ála, máno m'elója, táu̯
p'jáu̯s, kás mán pad'és? karv'ála sáko; n'a‿v'árk, m'arg'ála, ai̯k,
sáko, namó, mán pap'jáu̯s ... rás'i, sáko, áu̯kso žyed'ál'i ir‿s'i-
dábro obual'él'i. s'idábro obual'él'i pasou̯ʒ'in's'i kum'p'í daržál'u,
ir‿išáu̯ks obuol'ís ... e‿bús v'íno šul'n'ál'is. nú, prajéd'a karál'au̯s
sunús. p'ar v'ísu s'v'iétu n'iékur n'a‿rag'éjo tók'o obuol'ú gražú
kap‿c'á. papraša kat‿jám nurékšt, tái̯ v'éʒma n'a‿palái̯d'a itós jáu̯
s'irátos, b'at‿išpróv'ijo sávo dúkt'ary jáu̯ v'éʒmos dukt'é pryéi̯na,
n'i‿v'énu obuol'ú n'e‿gal'i pas'ékt, papráša v'íno kupk'al'úku,
i‿v'ínas nubégo apac'ón. sáko duók'it tú kas‿irá gaspadór'us itós
obuolái̯c'is. nú, ir‿turéjo aná jáu̯ išlái̯s apl'íšus'i, básu, juódu. išái̯na,
labái̯ jám pazdabójos, labái̯ gražý, ánas jú páem'a až‿raŋkos ir‿pa-
sou̯ʒ'íno un‿sávo árkl'o, apkló sávo plóščum ir‿sávo karal'ís't'en nus'v'-
aža. pag'iv'áno ána s‿kók'us m'atus, susláu̯k'a sunáu̯s. jáu̯ v'éʒma
rúp'a káp ižbúc' is'‿s'v'eto? sáko: tú‿g'i t'évas' paprašý‿g'i dukt'-

érs s’v’ac’úosan. sáko. g’arái̯. atvažávo án’is jáu̯ k’ieman. karýetoi̯. ... žúry, sáko, n’a‿máno žmoná, máno žmoná‿g’i búvo gražý, tás vái̯kas n’á‿ima krút’in’es jós. v’arkul’ója. ánas buvo rúsas, o‿jó žmona búvo l’ietuvái̯t’e, ánas‿g’i rús’iškai̯ ir‿šáu̯k’as: krýs’a rýs’a, ʒ’ic’á pláča, jés’c’i xóča ... a‿janá acsáko: b’aγú, b’aγú, n’i‿pab’aγú, vadá óčk’i zal’ivája, p’asók nóšk’i pab’ivája. prypláu̯k’a un‿kránto, tadú v’él apklójo sávo plóščum, bo‿búvo jáu̯ grýnas kúnas, pars’ív’aš namó, nua‿tós nupl’éša v’isús rubús, apv’ílko jú. nú, ir pryrýše par‿smál’in’es kum’áles vód’agu tú v’éʒmu i‿paláid’a lau̯kósan, a‿pác’ sávo tátu ir‿sávo žmonu aps’isedo karéton ir‿nuvažávo sávo karal’ís’t’en. nuv’ájo ir‿obual’ís dráu̯g’a su‿jái̯s, nuv’ájo ir‿šul’n’al’is i‿g’iv’áno c’án lai̯m’íŋgai̯. e‿kái̯b dabár žyemu s’n’íegas, tai̯‿báltos s’n’agúalas un’‿s’n’íego šal’c’i, tai̯ g’i v’éʒmos káu̯lai raskrac’ita. v’ískas.

par‿brolál’i, par‿c’ikrúji, áš n’a garc’ atajáu̯, pakl’ag’éc’ atajáu̯. tás brolál’is, tás c’ikrás’ai̯, tái̯ ánas mán nug’ird’é. po‿v’iš’n’ále, po‿žal’úaji tai̯ ánas mán pagul’d’é. tú v’iš’n’ála, tú žal’úaja, tai̯ n’a‿kl’ísk unt‿man’í. tú v’ejál’is, tú šurkštús’ai̯ tái̯ n’a‿púsk unt‿man’í. tú l’ietúl’is, tú drabnús’ai̯ tái̯ n’a‿l’ík unt‿man’í.

o‿áš m’argužéla, v’iečná s’irat’éla, n’a‿túru t’ev’ál’o, a‿n’e‿moc’in’éles. c’ík túru sas’ály kai̯‿g’ír’os g’agúly. išéi̯k sasála, paklau̯s’ik iš‿kúr v’éjas púča...

Герняты. Польский говор

býlo znáčy pánstvo. m’al tén asudár cúrka i‿sýna. i‿sýn znáčy upodóbal‿s’e bárʒo týl’ko do‿téi̯ s’óstry žeby‿z’‿jón žén’ic’. nú, a‿óna n’e‿x’c’ála za‿jégo jís’c’, za‿bráta, a‿ón znáčy n’e‿žén’i‿s’e, roʒ’ícy júš jégo, i‿ói̯c’ec i‿mátka pozvul’ájo žeby‿ón žén’il‿s’e, a‿ón týl’ko žeby‿s‿s’óstro. tak‿óna ftédy popros’íla roʒ’ícuf žeby‿ón’i jéi̯ sxovál’i ʒ’ekól’ak, žeby‿juš‿jón jéi̯ n’e‿v’íʒ’al. nú, ón’i vz’él’i, zamurovál’i f‿ták’im dóm’e, a‿juš‿jeʒén’e tám nos’íl’i davál’i znáčy požyv’én’a. nú i‿óna pšebýla mús’i ják’i rók tám, i‿ftédy ón znál’as sób’e júž drúga i‿ožén’il‿s’e. mús’i v’éncei̯ jak‿rók óna pšebýla. jak‿ón ožén’il‿s’e, nú i‿m’él’i ón’i vrás v’adóma za‿ják’is’ čás, sýn u‿jéi̯ naróʒ’il‿s’e. tak‿óna júš s’éʒ’i f‿tým múžy zamurována, al’e‿jéi̯ xc’ála‿s’e zobáčyc’ ják’i‿š tám u‿bráta sýn, tó‿ž juž‿brát, v’adóma. jak‿ón’i pšexoʒ’íl’i s‿tým ʒ’éck’em, tám‿juš z‿vósk’em ták’im jexál’i, tak‿óna v’z’éla výšla s‿tégo múru i‿zobačýla. jak‿óna výšla tak‿tá znáčy žóna za‿tégo svégo ʒ’ec’áka, vz’éla jak‿xvyc’íla za‿múr i‿zab’íla. že‿znáčy to‿tvója nažečóna jákas’ s’éʒ’i v‿múru. tak‿óna i‿zab’íla svóje ʒ’écko. ftédy kázal júš tén brát žeby‿jéi̯ záb’ic’, juš‿tá tvója s’óstra ... nú, i‿póslal júš ón tám jak’égos’ tám člov’éka. tak‿tén člóv’ek vz’úl, otkrójil jéi̯ réncy i‿pukázal jému že juš óna zab’íta znáčy. a‿tén člóv’ek jéi̯ réncy otkrójil nú i‿pús’c’il f‿s’v’át. póšla óna, šédla, šédla, tám du‿jak’égos’ pán’stva du‿jednégo, du‿drug’égo. púz’n’ei̯ óna juž‿zášla do‿tak’égo

pánstva že‿juš‿jéi̯ tám podobála‿s’e bárʒo. fšýstko jédno óna n’iʒ’é n’e‿žýje, al’e‿týl’ko jak‿óna tám žýla juš‿n’é‿v’em tégo. nú, pótym óna, tó býlo v‿l’éc’e, tak‿óna do‿sădu, bárʒo sád ládny býl. pšyxóʒ’i óna do‿tégo sádu, v’adóma b’ez‿róŋk, tak‿óna pšyc’ís’n’i tégo jápka, ugrýz’e i‿znóu̯ tám jednégo ugrýz’i. a‿tégo juš‿pána asudára též býl sýn, ói̯c’ac na‿vói̯n’e býl, vói̯na bylá, a sýn v‿dómu býl i‿z‿mátko. tak‿ón pšyxóʒ’i: mamús’a koxána, có tó za‿ptáx ták’i že‿ták jápk’i popsúta? nú, júš pói̯ʒ’e jón p’il’nóvac’ jégo, tégo ptáxa. a‿táka nóǯ býla m’es’ónčna, s’v’átla. tak‿ón sób’e s’ónt na‿kšés’l’i, s’éʒ’i i‿páčšy júš xtó tám pšýi̯ʒ’i du‿tégu sádu. pšyxóʒ’i tá‿juš b’ez‿róŋk. tak‿ón jag‿zobáčyl, ták próst jému tám‿juš zas’v’ac’ílas’a, ták‿juš ón jéi̯ upodóbal bárʒo. ón ftédy za‿jéi̯ i‿pšyprováʒ’al do‿mátk’i svójei̯: mamús’a, zóbač jak’égo já ptáxa zlóv’il, ótu tén ptáx nám jáp’k’i psúl u‿sáʒ’e. nú, i‿tadý júš ón prós’i‿s’e že‿mamús’a, já bénde z’‿n’ó žén’ic’‿s’e. nú, mamús’a, v’idóma, có‿š mamús’a, ál’e‿ž v’íʒ’iš‿žeš, múv’i, óna‿ž b’ez‿róŋk, jág‿ža tý bén’ʒ’eš žýč? nú, ón múv’i, fšýstka jédna, vystárčy dl’á‿n’ei̯ fšystk’égo, na‿pšyslúga dl’á‿n’ei̯ vystárčy. nú i‿znáčy ón ožén’il‿s’e z’‿n’ó. póbyl tám ják’ix k’íl’ko m’es’ẽ́ncy, vybuxnéla vói̯na, i‿zabrál’i jégo na‿vói̯ne, i‿ói̯c’ec na‿vói̯n’e, i‿jégo zabrál’i na‿vói̯ne. zabrál’i na‿vói̯na, a‿ón zostáv’il tá žóna svója i‿tá ʒ’écko. n’é, ʒ’écka jéšče n’e‿býla. tédy juš‿óna za‿ják’is’ čás m’éla ʒ’éc’i, i‿dvá xlopčýk’i, zaráz dvá xlopčýk’i óna m’ála. sáma óna p’ís’muf n’e‿p’isála, mátka‿juš nap’isála do‿jégo do‿sýna, že‿óna m’ála dvá xlopčýk’i bárʒo ládna. nú, ón ták’i zadovol’óny, že‿jému mátka p’íše. ftédy jéden l’íst pšýšet, drúg’i l’íst pšýset, juš‿óna p’íše fšýstko dóbže, dóbže. púz’n’ei̯’ a‿tá‿juš co‿zab’íla svégo ʒ’écka, dáv’n’ei̯‿že‿š n’íc n’e‿býlo, n’i‿poc’óŋguf, n’íc, l’úʒ’i týl’ko býl’i pšynos’íl’i p’ís’my. tak‿óna tégo člov’éka, tégo počtal’jóna potpros’íla, žeby‿zán’os do’‿n’ei̯ l’íst, ón jak‿týl’ko zan’és’e tén l’íst, tak‿óna zab’éžy, a‿tám nap’íše ják’i sób’e xcéš i‿ftédy‿juš jému podáje. tak‿ón púz’n’ei̯ p’íše do‿mátk’i: mamús’a koxána, có tó býlo? mamús’a p’isála že‿ták’e dóbre ʒ’éc’i, a‿téras p’íše že‿ták’e n’epodóbna. i‿pov’éʒ’al ón ták žéby‿juš zbýc’ jíx s‿tégu s’v’átu, i‿týγ ʒ’éc’i i‿tá žóŋka. tak‿óna vz’éla mátk’i potpros’íla žeby‿óna jéi̯ pošýla táka tórba pšes‿pl’écy, bo‿óna róŋk n’é‿ma. tédy óna fsaʒ’íla jednégo ʒ’écka do‿jédnei̯. drug’égo do‿drúg’ei, nu‿i pósla f‿s’v’át. íʒ’e, íʒ’e óna drógo, zaxc’ála‿s’e jéi̯ p’íc’ vódy, a‿tám žéka bárʒo v’él’ka býla. óna pšex’il’íla‿s’e do‿téi̯ žék’i p’íc’ vóda. xláps! tén xlópčyk jédan i‿vyvál’il‿s’e s‿téi̯ tórby i‿júš poplýnol po‿vóʒ’e. óna xvýtac juš‿jégo ... i‿drug’égo júš pus’c’íla. pus’c’íla óna jégo do‿vódy, a‿tám jak‿rás gos’c’íncam člóv’ek íʒ’e stáry, a‿móže tó pám‿buk, xtó‿š tó v’é, ták’i starúšek. óna múv’i: ái̯, rátui̯, pán’e, ʒ’éc’i‿juš móje zatop’íl’i‿s’e, já róŋk n’é‿mam, có já bénde rób’ic’? tak‿ón tédy múv’a: jíc’ lóf! jíc’ lóf! máš réncy’, máš réncy’. páč^{s}y óna že‿óna má réncy. tak‿óna xvyc’íla‿s’e i‿dostála té ʒ’éc’i, jednégo i‿drug’égo. jak‿óna má réncy, tak‿óna i‿dostála té ʒ’éc’i. ftédy‿juš óna ʒ’en’kúje tému člov’éku. tén člóv’ek pov’éʒ’al

ták: nú, a‿ʒ'é' íʒ'es? téras jíc' úm do‿tamtégo l'ásu, tám tób'e bén'ʒ'e m'eškán'a, bén'ʒ'e dóm, bén'ʒ'e fšýstko, tám bén'ʒ'e pšyslúga, bén'ʒ'i króva, ml'éka bén'ʒ'i dl'a‿týɣ ʒ'éc'i, fšystk'égo có tyl'ko čšéba, fšýstko bén'ʒ'i. nú, óna i‿póšla do‿tégo dómu. pšyxóʒ'i, pšyslúga tám, i‿ml'éko, fšýstko zrob'íl'i, požontkúje, nú, có týl'ko xcéš. nú ják'is' čás pobýlo‿s'e tám, móže rók, móže dvá, pšyjéžʒa tén i‿mónš, juž‿vrúc'il z‿vói̯ny. vrúc'il mónš, mátka júš práv'i, že‿ ták'e ládne ʒ'éc'i býl'i, xlopčýk'i, i‿ná‿co tý ták pov'éʒ'al? ón múv'i že‿ták mn'é p'isál'i, có já v'ém? nú, tak‿ón ftédy s‿téi̯ goroncós'c'i, s‿týx nérvuf za‿ščél'be i‿póšet na‿pol'ován'e. póšet ón na‿pol'ován'e, pol'úje ón pol'úji, xóʒ'i po‿l'és'i. i‿s'c'amn'éla‿ juš, c'émno zrob'íla‿s'e. pótym ón pšyxóʒ'i i‿v'idác' v‿l'és'e ták'i dóm ládny, i‿óg'en' tám jést, s'v'átlo. nú, tak‿ón zášet i‿prós'i‿s'e ná‿noc. žeby‿jému pšenocóvac'. a‿žóna tá jégo poznála, a‿ón jéi̯ n'e‿póznal, zá‿to že‿óna réncy má. óna fšýstko jédna jéšče n'íc n'e‿múv'i jému. póz'n'ei̯ óna jému pos'c'al'íla‿juš pós'c'el', dála kolácje, fšýstko. ón z'ját i‿polóžyl‿s'e, fšýstko jédno jégo són n'e‿b'éžy, tak‿ón vz'ól i‿réŋka pús'c'il jédna spot‿kóldry. óna múv'a: bol'éslaf, jíc' podýi̯m tátku réŋka bo‿jému xlódno. tak‿tén xlópčyk juš‿podl'éc'al, bác'ku pocsúnol réŋka pot‿kóldre. nú, óna i‿znóu̯‿juš m'íl'čy, n'íc n'e‿múv'i. ón pol'éžal tróx'i, ftédy báxc'! znóu̯ réŋka spús'c'il spot‿kóldry. ftédy múv'i juž‿drúg'i: i‿já púi̯da tátku podéi̯me réŋka. pódjol réŋka. ftédy tén bác'ka pódjol‿s'e, múv'i: ják'i já jéstem bác'ka dl'á‿n'ix? tak‿óna ftédy múv'i: tó‿š tvóje ʒ'éc'i, a‿já tvója žóna. tag‿že‿š‿tý róŋk n'e‿m'ála, a‿čému téras máš réncy? dál pám‿buk že‿mám réncy, a‿ʒ'éc'i tvója. i‿žóna tvója. tak‿ón n'iják n'e‿pšyznáje jéi̯. óna múv'i: zóbač, tó‿š sýgnat tvúi̯, óna jému pokazúji. tó‿š jak‿ón'i žen'íl'i‿s'e, tak‿óna n'e‿m'ála na‿ čým nós'ic', n'e‿m'ála réncuf a‿pótym jak‿júš réncy býl'i, tak‿óna naložýla. ón popáčšyl — jégo, ón ftédy juš‿jak‿ póznal že‿tó jégo žóna, ták‿juš ón'i m'ilovál'i‿s'e, ták júš tám spotykál'i‿s'e. púz'n'ei̯‿juš pšebýla tá nóc, tak‿ón pojéxal najútro préntko do‿svégo juš‿pánstva i‿pšyjéxal s‿ták'ím'i kón'm'i tám, z‿ubrán'em tám, nú tó ks'ónška, tó na‿ks'óŋšcy býlo. júš tám i‿sváʒ'ba i‿l'úʒ'i. ái̯ ják tám spotykál'i jíx, n'ev'idómo có. ó, to‿ júš kónčyla téras.

zav'ónzac' vén'z'al. vónsy, vonsáty. dežʒýsty ʒ'én', káždeu ʒ'én' déšč. c'óŋgnon'c' svóji žéčy. kšák'i paréčak čárnyk, červónyk i‿b'álух doščén'tn'e výpal'il'i‿s'en.

kal'ína, mal'ína, na‿c'én múv'on l'úʒ'e že‿tý‿s'en ružúješ. n'e‿ ružována, n'e‿já farbována, já u‿svégo tatún'k'i p'éŋkn'e ugodována. a‿f‿téi̯ strón'e vódy stóji xlóp'ec mlódy, n'é‿v'em có‿bym dála žeby‿jégo m'ála. pos'c'ílam já s'ródy, pos'c'ílam já p'óntk'i, žebym‿gó dostála na‿z'el'óne s'v'óntk'i.

služýl jás' u‿paná za‿v'el'k'égo dvožaná. ji‿vyslúžyl ʒ'evečk'én na‿jim'én'a zos'ečk'én. jédnei̯ nóčk'i n'e‿pšespál, krúl' na‿vói̯nen zavolál. jás' na‿vói̯n'e mašerúja, zós'a v‿dómu júš xorúja. jás'

na‿vóin̯’e ščel’ájé, zós’a v‿dómu konajé. jás’ na‿vóin̯’e vútk’en p’íje, zós’a v‿dómu júš n’e‿žýje. pšyjixál jás’ pod‿bramén, výi̯ʒ’i žóna koxaná. a‿n’e‿výšla zós’ečk’en, výšla jéi̯na s’óstrečk’en. výšla cála v‿žalob’é, júš tvá zós’a s’p’í v‿grob’é. výšla cála v‿z’-el’en’í, júš tvá zós’a s’p’í v‿z’em’í. ói̯, zos’éčko rúžy k’v’át, žáb’-ež‿m’i na‿támten s’v’át.

n’e‿žalúi̯, pán’e, sýra b’alégo, dáu̯ pám‿buk sýna ladnégo. n’e‿žalúi̯, pán’e másla lyžéčk’i, dáu̯ pám‿buk ládne curéčk’i. n’e‿žalúi̯, pán’e, kón’a strygánta, posýlai̯, pán’e, po‿muzykánte.

Гервяты. Образцы письменной речи

Labą diena Tamara!

Pirmuciausia Tamara noru padzekawoc až pasvejkinimu su asztuontum morczum. Ir taipac paswejkinc Jus su moteru szwinti. Linkim kuo geriausia ažbaigc darbų, krutec szczeslywai, gerosˇ swejkatos Tawo szejmynelai. Tamara asz kap gaunu Tawo laiszkeli tai kad ir nežy-nia kiek tureciak darbo visaku swajdau ir kuom graiciausia skaitau. Kap perskaitau tai dasižynau kap gyweni ir kad jau baigi savo darbų. Paraszysiu trupuci apie sau. Mes gyvenam po sanam, abudu krutam da wis norym padeċ Stasiukuo mosz kadu papuls un kalejkos un kaparatyuno sawo namo. Tania rasze kad jau mosz ir greita. Tamara noru pasgirc kad jau turu porały unuku, ir pas Joneli yra sunelis, gime reszczynio styczniaus, raszo kad padabnas ungi i su melynom akiałem, mum su Kaziu łabai norys pažurec graiciau. Krykszczynos norejo daryc gały liuto ale mes paraszem łaiszku kad daryt po Welykom. Ku daugiau paraszyc? Jau graita pavasarys ir pas mus kałchozy daug darbų, da daug linu minc e jau raikia ruoszczys laukan iszeydzyc, bulbias sekłai atrynkdzyc truszas iszweždzyc, sekłu tai jau prygaminom. Asz tai niałabai noru pawasaro ir wasaros bo łabai daug darbu, žiemu choc su linais daug darbo ale nakcis ilga tai daugiau acilsi. Laiszku jau baigsiu raszyc da noru paraszyc baiku. Siunciam ukłonous nuo musu ir mano tos sasaries ku Jus Tamara pažystat.

BAIKA.

Kap buvo dziedas su bobu ir anis buvo łabai biedni, nieko neturejo. Boba sako dzieduo: aik žabravoc, duos kas duonos kusneli ir pac pawalgysi ir man atneszy. Dziedas teip ir padare. Atnesze duonos ir pupu sauju. Boba eme wienu pupu ir pasodzino pałowe, par juos nebuvo padłogo. Boba tu pupu pałede ir pupa graita padzigo ir łabai graita augo ir iszaugo ligiai su łovu, boba sako dziedai: prapłesz łovu bo pupa unsipirdo łowon. Dziedas prapłesze łowu ir pupa auga. Iszaugo pupa lek staliawonniai, boba ir wel reki dziedai: prapłesz staliawonniu. Dziedas praplesze staliawonniu. Pupa iszaugo lek dun-gsciuo, dziedas prapłesze ir dungsci. Pupa wis auga. Iszaugo pupa leg dunguo ir boba sako dziedai łanc dungun. Dziedas nułyndo dungun

par, dziewas tu sani apdowanuojo wisuom ir tas sanis su bobu buwo bawoci, wisako turejo. Tadu kiemi žmonis eme jiem zawiduic, sako łysim ir mes ir eme wisi łysc, łyndo łyndo lek pusei pupos dałyndo ir nułuzo. nugruwo cie žmonis, kas runku iszsisuke, kas koju nusłauže, kas liežuwi atsikundo, tuo baiga ir pabaige. Nežnau Tamara ar ituo baika atnesz kokiu polzu ar nija, man da mažai boba prowijo un piaczaus. Kad bus polza tai kap turesi Tamara kadu minutu swabadno czeso tai paraszai pora žodziu. Liek swejka Tamara, szczyrei buciuoju.

Brangi Tamara, labą dieną.

Laiszkelį ir vel gawau nuo Jūsų. Až laiszkelį nuo širdzies dzekawoju. Aš į po kiek kart iš rodascies čytojau, mysliju sau ir aš trupuci galiu žmonėm padec. Žynai Tamara visu česu myslijau kas parašyc bo kap tan laiški prašėt kad parašyciak kokiu baikų tai man buwo lingviau, e cia tep ir nežnau. Trupuci parašysiu pė savo kalchozu. Par mus jau buvo mecinis atčotas. Pratsedatelius liko tas pac, labai geras žmogus, su žmonem gražai apseido. Žemi unnovazijo, dzidesnis uražejus . . . Sanesni žmonis nuviajo un pensijos. Kałchozy daug yra karviu, laido karvias aparatais.

Seodnia była spatkauszysia Jan'uka Vałejku, tak ja jamu kazała što Tamara była prysłauszy mnie pismo i kažu pra was pytałasia. Tak jon kazau peradai ad miane szczyry ukłon.

Užo kancaica mesiac liuty. Skora prydzia wiasna, pryletuc ptuszki z cioplych staron. Pimpi u bałotnich sanažaciach buduc wic gniozdy . . .

Dar trupuci parašysiu apie sau. Mes buvom par tatu keturios dukterys ir vienas sunus. Aš buvau paci vyriausia. Man tata nogeriausia liubijo. Aš kap pasiugejau tai padediau tatai pe gaspadorstvų. akejau, drapakujau. Mano tata labai nenorejo kad aš ajsciak par jaunimų, anas norejo kad as buciak «tracij orku». Man buvo aštuonioliką metų ir atvažavo mano Kazys svotuosan. Tata nenorejo adduodzic da mani, ale moma sako aik. Aš ir nuveja. Prauda mano žmogus buvo geras, mani škadujo. Tadu aš par juos pabuvau cik vienus metus. Tady zabrau miane i zmužam dziadulia. Ja udziaduli jak na drugij swiet naradzilasia. My dziaduli skadawali i usie charaszo žyli Tak užo skora gady praleceli uzo i sorak piaty god. Na etym i kanczaju swaje pisanni. Ja dumaju ciapier peunia niczoa dobrao ni napisała dla Was. Peradajom szczyry ukłon dla Waszaj usiei semmi.

Labą dieną Tamara.

Aš Jūsų laiškelį ir atkrytku gavau až kuri zekavoju. Aš da pernai myslijau kad sumyslistia parašyc mum laiškelį. Dar noru parašyc apie savo gyvenimų. Mes gyvenam po šenam. Aš jaucinas nedrennai, svejka. Krutu kołchozij. Mano žmogus teip pacia sau atjauždo nedrennai. Da vis kruta koniuchu. Jonas buvo atvažavis un kanikulu,

akzaminus nudave un peciorku cik viena čecviorka, jau un kecvirto kurso. Stasius služyja vajski net Murmanskoj oblascij, maroku. Mauo pussasare Julia tai pacia pe Jus Tamara cekovija, jos svejkata sloba. Žmones jau par mus gyvena bavociau. Januk Vałeiki z Gerwiat užo chatu pastaviu. Na etym budu i kanczac pismo bo wy tuko z jago nasmeiciosia. Tut peunia budzia mnoga aszybkau.

KAZKA.

Jak byu backa i matka i mieli jany daczku. Tady matka pamiarla, backa ažaniusia. Maczacha wielmi jaje nenawidziła i skazała backu wezci u les i astawic. Backa nadto szkadawau daczki ale nichacieu praciwica žonce. Pawioz u les i pastawiu jej chatku z usialiakao łomu, i da ugła prywiazau palenca i wieniczak. Pasadziu dziauczynku u chatce i skazau ja budu droucy sieczy, a sam pajechau da chaty. Dziauczynka siadzieła da zmierkania a jak stała zmierkac jana pac- zała bajacca. Wieniczak szasc a palenca brasc kaža moj tatulia droucy siacze. Praczyniła jana dzwiercy a tut taty jak nibyuszy. Tadu mėrgiokaite pradejo głasu rėkc kas mėdzi kas lauki kas atais par man naktiały naktuic. Iškur emes vilkas ir sako aš par tau staisiu naktiały naktuic. Tadu mėrgiokaita unłyndo pacelin kumpelin ir draba iš stroko. Vilkas pradejo par jų stukencis ir klagec. Merga mergička rusa plaukė atcidarai nebija as tau nieko nedarysiu. Pamyslijo mėr- giokaite ir atsidare. Vilkas žengia per slynsci kojos nepakialia ir šaukia mergiokaiti sako perkėl man koju, mėrgiokaite perkėlė vienų, kitų, tracių, kecvirtų. Vilkas sako da gi perkėl ir vuodegu. Tadu vilkas ir vel klausia par mėrgiokaiti ė kur tu man paguldzisi ku paklosi po šonų, ana jam paklojo rėdų cėglų ir rėdų akmenų. Vilkas atsigulė ir miega ė mergiokaite bijo. Un rytojaus vilkas da guli ir jau myslija pė valgymų. Bo buvo labai įšalkis. Ungi mergiokaiti pradejo amanyc, ė ku tu man duosi valgyc sako mergiokaitė kad nieko neturiu. Vilkas sako pažur manon ausin visako rasi, kap pažurėjo mergiokaitė vilko ausin ko ti ana nėrado visako ko cik nori. Ažmaiše blinus pradėjo kepc blinus ė vilkas cik laižos kad graiciu blynų praryc. Mergiokaitė tep pacia buvo kitra paci pryvalgė, tadu pradejo penėc vilku, ir sako ana jam kap aš tau nešiu blynų tai tu buk aššimerkis ir iššižoja. Tadu mėrgiokaitė prydėgino pate- lniu net raudona ė vilkuo liepe iššižoc ir assimerkc, kap šustele jam gerklėn tai vilkas ir gaišo ė mergiokaitė visu bavoctvų iš ausies issirynko ir apsirynko gražiais rūbais ir visako pryvalge, per kiek česo ištekejo ir gražiai bavotai gyveno. Nu mano baika ir pabaigė. Na etym i kanczaju pisac. Prymicia ad nas szczyry ukłon dla waszai usiej semmi.

Labas vakaras Tamara!

Laiszkeli nuo Jūsų gavau da prieš pirmu spalio, labai apsidziaugiau kad mani neužmiršot. Su atsakymu trupuci ažsiturejau bo par mus łabai daug darbu. Šiemet pár mus buvo łabai šłapja vasara tai visi darbai sustysė un rūdenio. Dar kałchozy linus keliam, rūgius kuliam sajam ir jau pradejom kasc bulbes.
Jonas jau apsiženijo su tokiu stūdėntki kap ir anas, abudu bus doktoriai. Jono žmona vadzinas Valia, aukšto rosto čarnėva. Stasius jau pusy praslužyjo vaiski da liko pusė. Pavasary buvo atvažavis un dzvejų menascių un otpusko. Nu jau ir baigsiu rašyc bo labai noru miego. Kitu kartu moš daugiau parašysiu. Siunciam žemiausius uklonus. Linkejimas nuo mano sasaries Julios.

Šundzia nedelia ir itai mano dziena łaišku. Rašau Tamara jum łaišku ir moš daug ko nepatrabno pryryšiau. Moš Jūs iž mani išjuokscia. Ryt dziena moteriu ir noru Jus pasveikinc su švinti. Svejkinu Tamara ir linkiu viso geriausio, daug ščescies ir geriausios svejkatos, gerai ažbaigc savo darba, ir buc vis ščeslyvai.

Tuo ir baigiu rašyc bo da turu parašyc trys laiškus. Moš da norestia kad ku parašyciak tai parašykit ė aš parašysiu cik ir vel parašaitia mašdaug per ku, tai man geriau rašyc.

Kochano Tamaro!

W pierwszych słowach mojego listu powiadamiam ze Wasz list otrzymałem za ktury serdecznie dziękuję. Bardzo jestem zadowoliona że i tę list dobry. Mąž muwił že napewno Tamara z tego listu wyśmieje. A tak samo dziękuję za widoczek Moskwy. Ja patrzę na niego i myślię sobie czy przydzie sie mnie kiedy w nim pobyc. Na pewno nie. Ja śmieje się do męža. Može kiedy nasz Janek wyuczy się za doktora, a juž i doktory liatają. Wtedy nas jak rodziców može zawołają do Moskwy. My žyjemy po staremu. Dzięki bogu jestesmy zdrowi. Codzień chodzia na prace. U nas bardzo dužo śniegu i dziś piętnascie mrozów, ale juž w połódniu z strzech kapie, juž kury naczynają jajka nieść. A ciapier napiszu pra lion. Lion u nas naibolei starajaca sejac z paczatku maja. Piatawo maja eta u kalendary josc imienni pastaulena tak jak ras piatawo maja Moniki, takaja primaviska na moniki lion vieliki, a osmawo Stanisława na Stanisława lion jak ława. A rwiom lion u kancy lipca i až da pławiny sierpnia. Tady jago abbiwajim maszynai, tady scielim, padnimajim cerez czatyry, piac tydniau. Tady stawim u suszyłki i mniom, a kali wymnim tady trepim. Trepim na takich stajaczkoch z daski i trapaczka draulìannaja padobnaja da szabli i biom jej da tul pokul ne wybim kastry. Tady zwinewaja pawiaža u puczki i adwozim na stancyju. Wot skolka z jim raboty. Awios trocha raniej sejuc. Žniwo u nas najbolej u sierpni. Samaja ciažkaja para raboty, liudzi naibolei wyliwaja potu.

Teraz napisze po waszai prośbie parę piosenek. One juz stare bo mnie jeszcze moja babcia nauczyła.

Zaspiewai słowiku w zielionym gajiku. Ja do cię przyjadę na wronym koniku. Wrony konik bierze na nim siadło lezy. Ni gadai dziewczyno skim się nie należy. ja bede gadała skim sobie zachciała. jeszcze z tobą chłopcze rączek nie związała. Rączek nie zwjazała a ni w szliubie stała.

Piwszy wôteczka pôjdzim spac, albo z Jaśeńkiem w karty grac. Grali my w karty w kozyri, młodego Jasia zabili. Ustań Jaseńko nie leży, siadai na konia i bierzy. Jechał Jaseńko try mili až da czyrwonai kaliny. Kalina malina gdzież jagôdki podzieła. Jagôdki ptaszki z dziąbali, małoicy dziewczynek pobrali.

BAIKA.

Jak byu backa i matka i mieli jany try daczki i adnao syna. Adzin raz backa kaža da dziaciei. Schadzicia dzietki u les pa jagady. Braciatka spliou siastryczkam koszyczki i paszli usie u les. Backa skazau katoraja najskarej nabere jagadau taja najskarej wydzia zamuž. Samaja najmienszaja najpiersz nabrała. Tady starszaja zazłavałasia na etuju mienszuju, aziała adazwałasia u głybiniu lesu, zarezała i u murawielnik usunuła. Z tej siastryczki jagady wysypała u swoj koszyczak i idzie radaja da chaty. Spatykaja backi daczku z jagadami i gledzia nima naimenszaj daczuszki. Backa kaža a gdzie wy padzieli samuju mienszuju. Starszaja daczka i kaža jana niegdzie zabłudziła. Paszou backa szukac i stau zwac. Jak byli byli dai try daczuszki i adzin synoczak. I taja daczuszka paczula ołas swaiwo taty. Stala z murawelniku adzywacca. Pryszła da taty i stała raskazywac szto jaje siastra była zarezauszy. Pryszla taja daczka z backam da chaty, tady backa za karu aziau za noji i pawieszau da belki i pastawiu boczku skazau naplakac sliozau pounuju. Toi mergioke nepryvėrkė. Tadu pakinkė porų arklių ir pryryšė až kasu par vuodegu ir varė arkli iš visos sylos po brukų tai cik kraujai pyrskojos ir visus kaulalius raszvaidė. Tai dar kiek yra un dangaus žvaigždelio tai itai jos kaulaliai.

Dzien dobry daragaja Tamara!

Szczyra dziakuju za pismo i adkrytku. Welmi radawałasia pismom szto nas Tamara nie zabywajisz. My s Kaziukom nadto liubim czytac Washyje pismy. My žyjom pa staramu, dziakui bogu pakul szto abodwa zdarowyja, pracujim. Ciaper u kałchoze mnoga raboty, ale my usie baby najbolei kalia lionu. Ciaper wiažym, parwau trachtar, abbiwaim i scelim. Z paczatku etao mesiaca iznou pryježdžali litwiny iznou prychadzili da miane kab paspewałap pesni, ja jim spewala litouskija pesni a potym i z mužam polskija. Im u nas nato panarawilasia. Jedynastao lipca u nas byu weliki bal — mnie zyszło 50 gadou. Byli adobwa syny, Janka žonka nebyła zatoja szto jaszcze małyi

Andrej — bajałasia kab ne prastyg. Staska z žonkai i doczkai i cioszczai. Była mama, siostry, radnyja i susedy. Mnie ety dzien astausia u pamieci. Daryli kwetki i padarki, jak usie pasieli za stol i nalili perszyja czarki Janak z swajei aławy złažyu wierszyk i razkazau ja płakała i usie gosci.

Зетела. Белорусский говор

byl'í dau̯n'íi̯šyja čásy, pa‿s'amnáccaʒ' l'ít žan'íl'is'a xlópcy nášy, a‿mn'í dváccac' p'áʒ' l'ít, n'i‿žúŋk'i, n'i‿ʒ'ac'éi̯ n'ít, čúu̯ ja at‿svai̯γó bráta, šta‿u‿annûm s'al'í jés'c' ʒ'íu̯ka baγáta, na‿jim'á kac'arýna na‿prûz'v'išča γramabóva, ba‿janá dačká staršynóva. ababráu̯ já vûl'ny čás, s'íu̯, padúmau̯ rás, namýu̯s'a i‿učasáu̯s'a, xaróšym pójasam patp'irazáu̯s'a, skláu̯ bóty s‿patkaukám'i, γanav'ícy s'‿k'išaŋkám'i, zlažýu̯ túju s'v'ítu šta‿bylá ul'ítku šýta i‿pajíxau u‿akal'ícu ʒ'í mn'í svátal'i ʒ'av'ícu. tám xlópcy stajál'i, jají xátu pakazál'i, zajíxau̯ c'ixóŋka, pad‿akóŋka, γl'ánuu̯ vačýma, xtó‿ta stajíc' s'‿pl'ačýma. jag‿já bl'ížai̯ prystup'íu̯s'a aš‿sám mócna zaʒ'iv'íu̯s'a, γalavá u̯s'á u‿stuškáγ.i‿u‿kv'itkáx, zalatýja kûl'čyk'i u‿vuškáx, nûška n'iv'al'íčka da‿pánskaγo čarav'íčka, a‿xústačka s c'v'atkám'i, nazád zav'ázana raškám'i, výi̯sl'i sváty, pav'al'í náz da‿xáty, sámy stál'i v'as'c'í rý^{e}čy, a‿já stajú kal'á p'íčy, trasús'a, na‿jajé γl'ánuʒ' bajús'a, stalý^e pazas'c'ilál'i, γarýlk'i papastau̯l'ál'i nás s‿kac'arýŋkaju pasaǯál'i. mý z' jóju dóu̯γa šaptál'i i‿drúg drúγa abn'imál'i, jag‿nám tûl'ki ab'jas'n'íl'i, mý ap‿túm ʒ'íla kaučýl'i. ʒ'ác'ka, pajaγǯái̯ma da‿xáty. ʒ'ác'ka avóryc', čým‿ža‿š náž búʒ'a pasáγ baγáty. dám p'iʒ'is'ád rubl'ám'i, ʒ'ís'ac' štúg av'ačkám'i, karóvu, dvá valýe, kážacca pásáγ n'a‿l'íšn'a malý. ʒ'ác'ka up'íu̯s'a i‿da‿c'ûtk'i abrac'íu̯s'a: štó bûl'š avarýc', ščé búʒ'a i‿c'ûtka karóvaju darýc'. c'ûtka káža: dám karóvu i‿kuréi̯ trója, dl'a‿váz búʒ'a l'uʒ'éi̯ dvója, a‿us'ó ščás'c'a u‿kubl'í^e, búʒ'ac'a l'ičýʒ' rubl'i^e. prapadái̯ tý s‿tak'ím baγástvam, n'i‿žan'ús'a já s‿tak'ím γástvam, lúččai̯ túju uz'ác' šta‿l'ubl'ú, čaγó n'a‿stán'a ta‿kupl'ú, majó ščás'c'a n'a‿zav'ídna, raskazáʒ' l'uʒ'ám stýdna, ta‿s'aʒ'íš, ta‿kryčýš, nígdy udómu n'a‿uʒ'aržýš. n'adal'óka býu̯ maladý akónam, janá da‿jaγó l'ítala v'ačóram, jag'‿já tûl'k'i u‿daróγu, ta‿janá káža ʒ'ákui̯ bóγu, jag'‿já tûl'k'i dav'ídau̯s'a nazád v'arnúu̯s'a. kan'á pastanav'íu̯šy, u‿xátu uskačyu̯šy, parváu̯ jaγó zá‿lab i‿za‿nóγu, da‿i‿bráznuu̯ ap‿padlógu. b'as‿taγó n'a‿abyi̯šlóš'a, al'e‿pa‿mn'í dóbra z'v'azlós'a, bylá tám správa n'a‿mála, us'á v'óska panab'aγála, pryjíxau̯ prýstau̯ is‿prykázam, i‿z'v'azál'i náz abója rázam, jag‿nás tûl'k'i z'v'azál'i, i‿da‿pasrý^{e}dn'ika adaslál'i, pasry^{e}dn'ik up'íu̯s'a, na‿náz γl'ánuu̯ i zas'm'ajáu̯s'a, n'adóu̯γa nás suʒ'íl'i, tréc'aγo dn'á pus'c'íl'i, prapadái̯ tý s‿svajóju krasatóju, ba‿já prapáu̯ za‿tabóju, za‿tója já prapáu̯ šta‿xaróšai̯ šukáu̯.

pasaʒ'íl'i za‿stûl. m'ût p'ilá a‿u‿róc'i n'a‿byló, pa‿baraʒ'î c'akló. s'ýŋku vas'íl'ku, čy‿pa‿móry pláu̯vajaš, čy‿rýbačku láu̯vajaš? iʒ'í da‿m'an'î ab'îdac'i, pryn'aslá kášk'i z‿más'lačkam, a‿rýbun'k'i s'‿p'érčykam. v'îʒ'ma, v'aʒ'múγa, v'aʒ'múžyna. dón'ka, dóŋka al'óŋka, aččyn'í! pryplýu̯ da‿jajé, l'ûγ na‿lapátu. l'aγlá na‿lapátu. zal'íz na‿túi̯‿on' dúp. u‿žal'íznuju stúpu. ʒ'í janá búʒ'i akázvacca? uz'alá s'ak'íru. kaval', kap‿tý mn'î naγastrýu̯ s'ak'íru. s'ačé ta‿u‿kal'ína, ta‿u‿pal'ína, ta‿u‿dúp, ta‿u‿kám'an. γús'k'i, γús'k'i l'ab'aʒ'í s'k'ín'c'as'a pa‿p'arcú, ta‿já z‿vám'i pal'ačú, na‿bác'kava nadvûrja, na‿mác'aryna zastûl'ja. k'ínul'i ús'i pa‿p'arcú. l'éc'iʒ' druγ'í pólk γus'éi̯, tája stáda. s‿tým'i γús'kam'i pal'éc'au̯. aný byl'í jatrau̯k'î.

ščé annú raskažú. paršúg ʒ'ík'i rýu̯ sát. xtó dap'ilnúja štó tám psujé. na‿druγúju nûč s'aʒ'íu̯, s'aʒ'iu̯. s'íu̯, jag‿drýml'a. s'v'ín'a ʒ'ík'ija idúc'. zab'íu̯ tóγa paršuká ʒ'íkaγo. bác'ku zlyγál'i. žan'é u‿pól'a karóvy. ʒ'îd, já zrýžu v'îrbačku. paʒ'm'é u‿v'érbačku: zaγrái̯ zaγrái̯, pastušéŋka, brád m'an'î ub'íu̯, dá‿i̯ za‿tóγa paršučénku što‿u‿sádu rýu̯. jág'‿aná γrája jin'c'arésna! zaγrái̯ brác'ai̯ka. atkasnúl'i at‿svai̯γó xaʒ'ai̯stvá. jûn jíγ zav'ûγ, ʒ'î raslá v'érbačka. vadá γajúšča i k'ipúšča. jûn ažýu̯.

bóndy p'akúc, s'‿p'askú l'íp'ac'. xrascê sprau̯l'ál'i, z'l'íp'aʒ' bóranu xlópcam, a‿ʒ'au̯čátam s'arpók, k'ijóčak p'akúc', kapústy γalau̯kám'i u‿caγán napxnúc'. brúška, nac'ínu s'akóc', as'an'íny sprau̯l'ál'i jak‿kartafl'î pakapájuʒ' uréžuʒ' baraná, parés'atka smážac'. aspadýn'a dastán'a γaršk'î, pác'ary γavóryc'. ʒ'îd býu̯, múi̯ práʒ'at. dažýnk'i rab'íl'i, zažýnk'i. aspadará vyžynájuc', stáv'im u‿pókuc'i, baγaslav'áʒ' jaγó. jag‿γrym'íc, c'i‿stral'áje, ta‿γavórac' s'‿p'aruná b'jé. γarúc' traxtarám'i, túi̯ s'anakûs, sanažác'. zbadác' króu̯, sérca. púntam'i plóxa ʒ'îlajacca. zdarûu̯ja slabója. ččéš trápk'i, z‿mal'aŋkós'c'i. daččyný u̯núk'i. ʒ'ín' paččóm, mnóγa výččam. já vám dau̯nó xac'îla avarýc'. brád rabótau̯. zapál'icca. s'v'ît. γúl'ica. búʒ'aš jés'c'a. znarûk pal'íl'i. b'adn'éi̯šyja.

pam'arlá bába, tréba žan'íc'is'a. pajîʒ'a u̯ l'ís. zapáryla k'ípn'am. a‿pótym ptášačka l'éc'iʒ' i‿prósta na‿vûs s'íla. s'v'íran. na‿akónca s'íla. na‿štó γéta na‿vóz'ar s'v'íran, na‿štó‿ta u̯ s'v'írn'i lûška, na‿što‿ta u‿lûscy ʒ'íu̯ka, na‿štó éta na‿pal'ícy bóxan xl'íba? mau̯čéc'. jak‿xúxnuu̯ u‿vuškó. tag‿aná stála avarýc'. trója kón'ai̯ u‿žal'íznuju bóranu zapróx, i‿patpal'íu̯ salómu i rastrûs. jag marúz v'él'k'i, jajî kóstačk'i bliščác'.

ʒ'arav'énsk'ija. kalub'íl'. z'am'án'in. trýccaʒ' l'ít. aktár z'aml'í. žóu̯c'. na‿grýfu l'ažáu̯, γrýfa pála na‿l'óxk'ija. n'íšta n'íkaja z' ím jést, dvóγ um'árl'i. pav'íšala b'al'jó. pab'íγl'i pa‿kan'á. s'‿p'arépalaxu. vólavam vyl'ivájuc'. n'ikómu n'i‿žýču svai̯γó žýc'a. s'am'óx s'óstrau̯. prýʒ'acca astác'c'a.

z'am'án'e na‿jác'v'az' γavórac'. na‿kurp'ašý karáv'ik'i, a na‿zas'écca kacmanŷ. xtó na‿krasatú, a‿xtó na‿ba'ástva. s'l'apája.

čórna karóv'ica. pû̂l'sk'im'i búkvam'i. dóžʒyk. dóšč pádaja. c'múγla
l'icó stán'a jag‿zapárycca. zdécca us'í. b'az'm'ín. jác'v'asskaja da-
róγa. gai̯ʒyklánskaja daróγa. zaγarál'i túju darû̂šku. patýlta pa‿
próstu. jalóv'ica. s'aló. s'm'íšna káska. n'i‿γódnaγo slóva n'i‿za-
p'isál'i pû̂l'skaγo? karóčšy v'ík. ʒ'í‿ž butal'ók nabrála? c'amn'íi̯šy.
na‿júrja. z'‿γ'itál'iji. pabúʒ'im u‿kas'c'él'i, prýʒ'am s‿kas'c'ólu.
u‿svû̂i̯ bû̂k pai̯šlá. u‿z'éc'al'i báčyla. ʒ'í naγrýc? l'éxča avarýc?
c'v'íl xarašó. m'ódu kag‿γraz'í byló. kakói̯‿to apantány. ámburγ'a
býu̯. rál'ja. v'él'm'i byló l'ítaz' jáblykau̯. ʒ'í l'íbž byló? u‿pû̂l'ščy.
ʒ'v'óx. púi̯ʒ'ac'a v'éčaram. janá um'íja. jag‿i‿c'ap'ér. pal'íz i‿s'-
s'akáu̯, zval'íu̯s'a na‿stréxu a‿s‿strax'i na‿z'íml'u. jû̂n pal'íz is'-
s'akác'. u‿γul'éi̯n'iku jést p'ivón'i. up'arót saʒ'íl'i arγ'ín'i. bakasý
jés'c', žyvúʒ' u‿vaʒ'í babrý. jáγady, jag‿γû̂t dóbry. xólat, marû̂s.
u‿čû̂m jû̂n pryjíxau̯. ʒ'éc'i γučýc'. žúŋka, mû̂st. ʒ'v'í ʒ'íu̯k'i.
s'n'íx. dau̯n'íi̯šyja kadrýl'i. us'ák'ija p'ís'n'i. jaγólui̯ ('reo.ıor').
um'íja, al'e‿n'i‿γavóryc' pa‿l'itóu̯s'k'i. na‿γúl'icy. salóma natrú-
šana. zan'as'í u‿s'n'íγ γéta. xaʒú na‿γamaráx. s'ímʒ'is'ad l'ít. krén.
jag‿zav'in'écca. z‿l'ít výšla. búʒ'am smatrýc'. s'p'avál'i, γúl'ica
raz'l'aγálas'a. púi̯ʒ'am da‿jác'v'az'a. v'ilav'éc kal'úščy. jílka, jíl'-
n'ik, xvúi̯n'ik. jag na γarýšn'ik kážuc'? arab'ína. k'éslyja šta‿kóšaʒ'
móžna. puc'ín'n'ik. čaramšýna, b'ílym c'v'ítam paxúščaja. u‿ʒ'ída
tréba pytác'c'a. abý l'û̂x, ta‿us'ó s'p'íc'. v'és' čáz na‿xaʒ'ái̯s'c'v'i.

kala‿ódry c'i‿ʒ'í paγ'íp. jû̂n γaré. paz'ómk'i, son'ícy, bros'n'ícy,
b'elaγalóv'ik'i. ʒ'í‿ž jû̂n ʒ'íu̯s'a? zvóŋkaja dréva. γurk'é, jag v'él'-
k'ija mákau̯k'i. karóvy γan'íla. káždaja sab'í p'ačé bandačk'í^{e}. u‿su-
s'ís'c'v'i. ʒ'ác'al'. v'asná, mái̯ m'ís'ac. b'ídna žyl'í. janá m'énšaja.
s'íu̯ i‿davái̯ četác' u‿túi̯ kn'íscy. rán'aŋka. u‿γarý l'étajuʒ' i‿m'ir-
γ'éčuʒ' jag‿barán'čyk'i. na‿us'ú nû̂č. kazú lav'íl'i, v'él'kaja kuu̯-
pán'ija. pai̯šl'í samaγû̂ŋk'i šokác'. paskústva, s'aʒ'í dl'a‿jaγó, čakái̯.
króxvy zalažýl'i, tadý búduʒ' láty klás'c'i. na‿v'ésnu. jíla z'‿v'í-
čara. kû̂t. janá šúc'iʒ' i‿já. pav'ín'an pryjíxac' skóra. pa‿pol's'k'i.
pa‿prú^{o}stu. šč^{y}étk'i šta‿kanópl'i časác'. skû̂lk'i γû̂t. vúz'aŋka. jag‿-
načála v'óska γarýc'. γarýc' kómnata a‿vû̂kna péŋkajuʒ' u‿xác'i.
jáŋka, prymág astáu̯s'a. γaré u‿póg'ir pag'iránsk'i čalav'ík. móčyu̯
l'oʒ'éi̯. pab'íl'i vú^{o}kna. vyjaγʒáu̯ u‿m'ac'íš. us'á ʒ'átlava stajíc'.
mlén, da‿ml'iná. v'ín'ija takája b'ílaja na‿drévax, jag‿ʒ'érava
abv'ín'ija. asudárstva pastrójila. katal'ikí^{e}. da‿n'ízu xalû̂dnaja byló.
γarščéčn'ik. navóžvajuʒ' γl'íny u‿skl'íp. s'n'ídan'n'a. c'érla. céγla.
dvá razý púi̯la zvarýla. raz'v'érn'am p'íč i‿p'erastrójim. žmúi̯ʒ'ak'é
sakóčuc'. p'aras'adl'íl'i. narû̂sn'a. štó‿š tám za‿c'énžar? robáška.
pal'áʒ'iš ják tab'í náda búʒ'i. jíʒ' rán'ša. jáŋka, dái̯ nû̂š. pa'ava-
rým. dváccac p'jáʒ' l'ít. n'i‿marnúi̯ tý svajíγ l'ít. n'ikudá n'a‿
xaʒú. s'v'ížy vajaŋkóm. ta‿γavarú, ta‿vyprau̯l'áju. pa‿l'itéu̯s'k'i
skažú. xû̂r. pamýju, paprácu, s'ádu bái̯ku raskažú. práv'al'na.
u‿cac'v'ír. jéγʒ'iu̯ na‿róvary. jag‿mág ras'c'é. s‿flakóm. pará
uxóʒvacca. valaškóvy, xaróšy na‿súkn'u. z'b'arú m'íx. b'aγái̯!
u‿šupl'áccy, šupl'átka. zlažéc'es'a. v'arbl'úʒaja kóu̯dra. búʒ'am

s'm'aják'a. z annéji xáty. brón'c'a z'‿v'aŋkám'i. šúla, prás'n'icy v'azúc'. vól'γa. al'a‿ód axóta! búʒ'a p'eradavác'. trý kap'î́ik'i. us'î́ s'l'ívy vým'arz'i'i. jáblyna. n'al'úckaja z'imá. š‿čaγó? préntka fárby byló. γarýxava parc'anája fárba bylá. u‿mají. ul'éz'až' i‿núγ n'a‿výc'aγnu. n'iʒ'v'î́γau̯s'a. gónta rŷ́zac'. trái̯c'a žû́ŋka. málaja ʒ'au̯čá. zdóxl'aŋka. ab'éʒ'v'i u‿z'v'an'î́. k'épska. γn'il'ak'é v'azúc'. jág žýʒ' baz‿dúmkau̯? s'l'î́dam pa‿týx san'áx. p'iran'áu̯. z'‿l'ónam. nátta. γán'c'a. kartófl'u rŷ́zac' kốn'm'i. anná kau̯pán'a. druγája z'm'î́na. aγranúmča kazála. b'azzúbaja. na‿annûm ap'aklás'. tl'î́i̯ adná. l'és'c'i na‿túju tóp'el'. pac'c'erab'íc'. adm'íᵉrzla. u‿γarû́t. pry‿nám n'a‿búʒ'a četác! γal'é! tab'î́ xoʒ'‿vađý padadúc' v'adró. af'arúi̯ma aʒ'ín ʒ'î́n'. ʒ'v'éry. raz'b'arés's'a. són'a s‿xv'íl'aju, ful'ména. iʒ'í pa‿c'itrác'ku. šlépac' pa‿balóc'i. n'émy. pryv'az'l'í s'î́na. babl'û́u̯ščyna, zápaška, zas'écca, nórcav'ičy (norčav'ičy), naγaródav'ičy, us'î́ v'ósk'i. m'î́s'aʒ bylá. γádras pak'ín'c'a. ʒ'ac'éi̯ n'î́t. l'ačýc'c'a búʒ'a. jû́n dav'û́γ da‿dóxtara. γarû́x ras'c'é. aknó. vaknó. γaknó. óz'ira. óz'ara. γóz'ara. vóz'ara. dáu̯ mn'î́ u‿γóka. ólas. γólas. vólaz zvóŋk'i. γús'i. vús'i. γútarka. vútarka. ʒ'î́u̯ka slavóu̯ nab'arécca. b'il'î́t. jî́xala táŋk. pa‿zavúxu šmarγanúla. frónd išóu̯. altóbus. z'al'ónyja čarv'ak'í. pal'anýja mýšy. s'p'íŋk'i čórnyja. krúᵒt. rapúxa v'él'kaja. u‿kalkóz'i. kl'î́u̯. kvaróba. vús. γús. γástva. pak'ínula b'aréz'iŋku. kapytế papryčépl'avau̯, výsv'an'c'ic' xátu. sa'apščý. da‿ks'anʒá. pad‿lúžak. c'urmá. cau̯k'é sukála. rýᵉčka. n'i‿v'íǯu dóbra. kuʒ'al'í prál'i. b'î́lyja túfl'i lóžyʒ', vál'. súkn'u. preslál'i, razdrašýc'a pal'aʒ'éc'. krévny z‿nám'i. šl'úp. bal'sán dramn'î́i̯šy. vúγ'il'. tréba abyxóʒ'i'c'c'a. ščas'l'ívai̯ núčy vám. c'apl'átá. lástau̯k'i pláu̯vajuc' pa‿za‿z'aml'í, búʒ'a slóta, slóc'ic', s'inakû́s, kn'íγaja kn'íγa.

ói̯ dau̯nó dau̯nó já u‿mátk'i bylá, da‿užó tája daróžun'ka čabróm zaraslá. čabróm zaraslá, l'ístam zapalá, červónaju kal'ínaju pazav'isála. já čabór parvú, l'istók pab'arú, červónuju kal'ínušku nabók zax'el'ú. xoʒ'‿já ur̆ašús'a, xoʒ'‿já umačús'a, tak'í u‿svají ródnaji mátk'i p'arasošús'a.

svajá mátka n'i‿čužája, svajé syŋk'í pabuǯája, a‿n'av'î́stk'i n'a‿buʒ'íla, da‿n'av'î́stka samá u̯stála, da‿u‿búᵒr vól'ik'i paγnála da‿i‿s'il'n'éŋka zaplakála. pašóu̯ γólas pa‿dubróv'i, da‿učúu̯ m'il'an'k'i u‿kamóry, c'i‿z'az'úl'a zakavála, c'i‿m'ilája zaplakála. zakladái̯c'a bî́ly kón'i da‿i‿pajî́ʒ'am u‿čýsta pól'a, jíʒ'am pól'a i‿druγója, a‿na tréc'a kúᵒn' stupája, zái̯čyg daróγu p'erab'aγája, p'arab'î́γ zái̯čyg daróγu, zlamáu̯ kón'ig l'î́vu nóγu, a‿m'ílan'k'i právu rúku. pašlá mác'i da‿p'iu̯n'ícy uz'alá m'ódu ʒ'v'î́ škl'an'ícy, a‿tréc'u čem'arýcy. píi̯c'a, syŋk'é m'û́t salû́tk'i, a‿n'av'ístka čém'ar γû́rk'i.

g'aréį gúl'c'i pas‿f'iráŋka. m'iᵉgók. p'ákuų váro loųkán. žod'is, žód'ai, dóųg žoʒú. kúr d'íg'al'is kóšyks? ʒ'amónas tú. kúr ladyśká? b'az'm'în̂as. zbónas. lópšys. lušk'ál'is, mac'ítkas lúžačkas. caγónas. pud'in'ís. t'árlyᵉ. laxón'ija. kaná γaįs'it? z'ít'alon γaįsú. daįnavón. 'narčúᵒsna. kur̃p'éšusna. pag'irûsna. vûgos, vûgosna. žuraųl'ínuᵒsna γéįs'im. rošutáį γáųga. rošut'ín'is, jíl'n'ikas. xvaįn'íkas. arab'ína. xvajá. ágla. apušé. aŋks'l'ínas. b'aržýnas. l'ipá. kl'ónas. d'átlas. bábras. kun'ícos.

adl'îγá, s‿kap'ačuų nul'íjos'a, d'íd'ali'is v'éjas. kāršt'is, ižʒúvo v'ísa jóų. av'ižaį. kv'ičáį. l'ináį. grýkas. kupústos. avúrkaį. agûnas. gaįd'ís. núlek'a stóda zás'u. jélav'iča. paršúks. k'óųla. žyl'v'îc'is, žyl'v'ic'él'is. agun'él'iz γáųga. γúsaį, úsaį, vúsaį. indýkas. šn'ak'és'im. g'ím'i zas'áčos. žám'es n̥'a‿turéjoų. škálon váįščojoų. pábrykoį g'elažýn'eį buvóų. man'á aryštavóį. sana krýᵉpas'c'is. v'isa v'ina. n'a‿móžna pažnót. ataįsu baz'n'íčon. ap's'iγaįd'in'éd réįk'a. n'ámanas. m'áz norėjom. an‿γul'ón'os váįščoja. maná jatruųká. an‿muzýku γéįs'im. γúl'iča. v'as'áįl'a. žγéįk pas‿mús. γéįg namóp. γéįk p'irk'ón. váįščoį an‿v'as'is. dv'í v'ás'iᵉs stóv'ı̃ rázam. m'áʒ'as. m'aʒyn'is plúγas. ždarýg durýs. aįsú prýmn'a žrak'ít. žyᵉmá nuv'áį, pavásarys γéįt. n'erá ván'd'in'o p'irk'óį. γéįk atn'ášk. γéįd ván'd'in'u. n'a‿s'ad'ég ván'd'an'i. γúp'e. ážaras. veįkas, gražus soųnús. važúja žan'íkas namó. túry ručn'íka ar‿padórka. jûsta ir‿dûna. v'în̂á dukt'é. γalupká. spadn'iča. mac'intúl'i kazá. dóųg búl'bu, γobuᵒl'ú. týltas. pótyltas. pótylta. as'al'išča. gaįʒyklúᵒnaį. t'isá, n'e‿t'iᴵsá. nuk‿strykoz an‿žám'es. s'v'iᵉstas, p'íᵉnas, súrys. garséc'ikas. trýs kárd apáįt. žýv'is. p'árnaįk. s'nígas. ánas γáro. jimsú su‿sajim. bocys. γéįt sáko l'îtús. tumónas ap's'il'áįdo. tók'is dúrnas kac‿strél'is. v'în̂as čésas. n'íkur n'îko. t'íᴵxo, n'íkz n'a‿γútaryna, γútaryk, kó t'il'í?
óį s'an'éįk s'an'éįk momút'aįb buvóų, do‿žáųgo maná k'alál'i žal'áį žolal'éį. žolá paroųksú, dár nux'il'iᴵsu, tak'í savéįp rodneįp momúk'eįp pars'iʒóv'isu. momút'e maná, soųl'út'e maná, soᵘd'ík soᵘd'ík sav'í s'v'iᵉčúkaį už‿bálto stálo. čeᴵstavóg man'á, momút'a, saldú m'iᵉd'al'ú. preg‿jóm'i m'edóųs, preg‿man'ím p'ína. čeᴵstavók, čeᴵstavóg man'á, momút'e, áš tajím v'în̂á.

savá momá n'e‿s'v'iᵉt'íma, sav'í veįkéį pabud'íno. o‿martýįkoz n'e‿bud'íno. o‿martýįka pat'í s'ik'ále, barýn joųčukúz nuváre, žeįl'isl'ív'itkaį užv'árko. nuv'áį γálasas po‿dubrávoį, žg'irg'éį m'ílitkas kamároį. ar‿g'agúže uškukávo, ar‿maná m'íl'itka užv'árk'a. n'e‿g'agúže uškukávo, tavá m'íl'itka užv'árk'a. óį k'iŋk'íįk'id bal't'í arkl'áį, do‿važúᵒs'im čyᴵstan loųkán. jójam k'ál'a jójam k'íta, o‿an‿tráčo arkl'áįs m'ína, nugúryno arkl'ís kója, o‿m'íl'itkas t'éᴵs'aį réŋka. nuv'áį móma pas' p'iųn'íča, jém'e m'edóųz dv'í škl'an'íčos, o‿tračá čem'arýᴵčos. g'árk'it sunéį m'adús saldús, o‿martýįka čém'aryᴵ kartús.

próša pán'i, dl'a‿čégo pán'i púz'na xoʒ'íla? jág jíʒ'a ták i‿púįʒ'i truskáųk'i.

s'óndaį s'óndaį, m'íla koxána, n'íʒ n'e‿pomóža tvója plakán'a. jéšče já s‿tóbon n'i‿s'ondála, jéšče ja mátce n'i‿ʒ'enkovála. óį, ʒ'enkújen tób'i, mátka, že‿xoʒ'íla u‿c'éb'a glátka, a‿téraz n'i‿bén-dan. stójon kón'i, stójon vróne, júž dávno založóny, s'óndaį, po-jéʒ'am. jéšče já s‿tóbon n'i‿s'ondála, jéšče óįcu n'i‿ʒ'enkovála. óį, ʒ'enkújen tób'e óįče, že‿xoʒ'íla cóʒ'en' v‿zlóc'e, a‿téraz n'i‿bénda. jéšče já s'óščše n'i‿ʒ'eŋkovála. n'éx‿c'en' blagosláv'i.

xóʒ'il dó‿mn'e cála v'ósna, ón zobáčyl jág já rósla, xóʒ'il dó‿mn'e cála l'áta, ón zobáčyl jág bogáta. xóʒ'il dó‿mn'e cála jés'an', ón zobáčyl jág já jéstem. xóʒ'il dó‿mn'e cála z'íma, ón zabáčyl ják já žýla.

áx, l'úby, có‿ž zasmucóny, napévno, l'úby, požúc'iʒ' máš. a‿já‿c'i, l'úba, póv'em naprávda, že‿já ʒ'ís' s‿tóbon ostátn'i rás. na‿mým vasél'u s'ón kaval'íry, vyb'éraį sób'e kturégo kcéš. m'á-laz' býc' k'édy mójon žonéčkon, a‿téras próša družýčkon býc'. na‿tvým vasél'u já býʒ' n'i‿móga, bo‿bénde plákac' pšes‿cály čás, a‿gdý já, l'úby, spóįža na‿c'éb'e, to‿sérca ž‿žál'u zam'éra vrás. pšýšla do‿dómu, súkn'a vložýla, i u‿b'ály vél'on strují-lam‿s'en', a‿pótym póšla do‿kos'c'óla i‿pšed‿oltážem modl'ílam‿s'en'. márša zaγrál'i, já uslyšálam, napévno jéʒ'a koxány múį, póšla, stanénla já óbug‿n'ego i‿zavolálam: áx, l'úby múį. k's'ónʒ ná‿to páčšy, mlodégo pýta, já n'é‿v'em có‿s'en' má s‿tóbon stác'. v'íʒe pšy‿tób'i ʒ'v'í pánny stójon i‿n'é‿v'em s‿ktúron c'í s'l'úba dác'. a‿mlody ná‿to n'íʒ n'i‿pov'áda, ón s'x'íl'il glóva da‿p'éršaį lúbaį i‿z'n'ón zakónčyl vaśel'ny s'l'úp,

v‿z'al'ónym gajíku skovrnéčeg núc'i, pam'éntaį, ʒ'efčýna, pan'énstvo n'i‿vrúc'i. n'i‿vrúc'i, n'i‿vrúc'i i‿vrúc'iʒ' n'i‿móža, dvá sérca zlončóne, kl'úʒ žucóny v‿móže. pšypác'‿s'en' ʒ'efčýna, pšy‿kos'c'él'i v'éžy, a‿júš tvúį v'anúšek čtérma kón'm'i v'ózon. n'axáį v'ózon, v'ózon bo‿ón bárʒa c'éšk'i perlám'i zlotým'i, az-dóbo pan'énsko. pšypác'‿s'en', ʒ'efčýna, pšy‿kos'c'él'i gánek, a‿júš tvúį naįm'íl'šy zaplác'il za‿v'ánek. zaplác'il, zaplác'il i‿pšy-lóžyl réŋka, ažéby n'i‿býla do‿s'm'érc'i pan'éŋka. pšýšlam do‿kos'-c'óla, stanénla pšed‿ʒ'v'ám'i, s'v'éce zapal'óny, zal'ála‿s'en' l'zám'i. ks'ónʒ nám réncy z'v'ónža pšed‿v'él'k'im oltážem, n'íkt nás n'i‿rozlónčy xóʒ'‿by na‿cmentážu. pšežégnaį, matúl'a, právon réŋkon ná‿kšyš, bo‿juž ostátn'i ráz na‿múį v'ánek páčšyš. ma-túl'a žegnála, žalós'n'a plakála, cúruz' majá, cúrus', čégo doča-kálam. dočakálam smútku, v'el'k'égo frasúŋku, a‿bóža múį bóža, ktú‿ž‿m'i dá ratúŋku?

СОДЕРЖАНИЕ

Т. М. Судник

ДИАЛЕКТЫ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства
Н. Барская

Художник
В. П. Покусаев

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Сдано в набор 5/VII 1974 г.
Подписано к печати
11/XII 1974 г.
Формат 60×90 1/16.
Усл. л. 15,5.
Уч.-изд. л. 15,1.
Тираж 1300 экз.
Тип. зак. 1319.
Бумага № 2.
Цена 91 коп.

Издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

1-я типография
издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34,
9 линия д. 12

91 коп.

ДИАЛЕКТЫ ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»